

СОЧИНЕНІЯ

Л. А. МЕЯ.

Томъ третій.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изданіе графа Г. А. Кушелева-Безбородко.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

На невскомъ проспектѣ, на углу Владимірской д. № 45.

1863.

Одобрено Ценсурою. С. Петербургъ, 5 марта 1863 г.

СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

АНАКРЕОНЪ.

—

ВСТУПЛЕНИЕ.

Значеніе древней Эллады въ исторіи человѣческаго развитія такъ велико и неоспоримо, что всякое доказательство будетъ только повтореніемъ мыслей, высказанныхъ умственными дѣятелями всѣхъ вѣковъ и народовъ — преемниковъ неувядающей эллинской славы. Чѣмъ была Эллада для римскаго міра — видно изъ словъ Цицерона въ его рѣчи за Л. Флакка: «оттуда» говоритъ онъ, «ведутъ свое начало образованность, науки, религія, искусства, законы; отсюда распространились они по лицу всей земли». Преемственникъ Эллады, Римъ, оправдалъ слова Цицерона и, въ свою очередь, завѣщалъ дорогое родовое наслѣдіе грядущему міру. И не раздробилось оно, и осталось завѣтнымъ... Но римскій витія невольно заблуждался. Не могъ онъ провидѣть великихъ судебъ человѣчества; не могъ понять, что созерцаемый имъ образъ истины — туманный призракъ, еще незаренный предвѣчнымъ свѣтомъ. Падая ницъ передъ немолчными звуками эллинской рѣчи, онъ и не подозрѣвалъ, что въ забытомъ уголку всесвѣтной державы, по бѣднымъ городамъ и весямъ Іудей, уже нѣсколько вѣковъ гремятъ другіе боговдохновенные глаголы...

А между тѣмъ струны Псалтири, славившей Единаго, не разъ потрясали Элладу невѣдомой, неисповѣдимой гармоніей, между тѣмъ отзвуки ихъ слышались и въ гимнахъ Орфея, и въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ сокровенныхъ языческихъ таинствъ. Передадимъ нѣсколько мыслей французскаго издателя *греческихъ лириковъ* Эрнеста Фальконнэ:

«Представителями древней поэзіи были преимущественно два народа: евреи и греки. Они раздѣлили между собой всѣ основы и начала вдохновенія: одному народу досталась въ удѣлъ внѣшняя природа—съ ея безконечными чарами, съ ея гармоническимъ строемъ, съ ея обольстительными таинствами, природа, восторженно-прочувствованная и творчески олицетворенная; другому народу—символы божества, наслѣдіе первобытныхъ преданій, принятыхъ и хранимыхъ благоговѣнно, разумное толкованіе несовершенствъ и прирожденнаго безсилія человѣческаго духа. Двѣ стороны мысли представляются этими двумя народами и въ хартіи ихъ вписана вся древность: вѣковѣчные образцы, они связуютъ неразрывной цѣпью ветхій міръ съ временами текущими, и послѣднее звено этой цѣпи — Римъ. Греческая и еврейская поэзіи образуютъ въ совокупности благолѣпное единство человѣческой мысли и чувства; образуютъ двойную скрижаль, отмѣченную перстомъ Творца и тлѣнными перстами человека». Не останавливаясь на оцѣнкѣ раздѣла г. Фальконнэ, повторимъ еще разъ нашу мысль: пророческіе глаголы Ветхаго Завѣта нерѣдко достигали до языческаго міра и привносили въ него благотворныя, предуготовительныя понятія о вѣчной, единой, всесильной истинѣ. Не будемъ приводить въ примѣръ и въ доказательство новѣйшихъ (сравнительно) проявленій эллинской духовной дѣятельности, не упомянемъ объ ученіи Платона и его послѣдователей, не упомянемъ даже о переводѣ св. книгъ Ветхаго Завѣта 70-ю толковни-

ками, обратимся къ праотцу греческихъ пѣвцовъ—къ Орфею. Вотъ отрывокъ одного изъ его гимновъ:

«Онъ (Богъ) явился въ откровеніи единожды—единому потомку халдейскаго племени. Сей мужъ зналъ теченіе солнца и круговое вращеніе, свершаемое этимъ свѣтиломъ, неуклонно отъ оси, вокругъ земнаго шара. Зналъ онъ также пути, по нимъ же свѣтило сіе направляетъ вокругъ волнъ бѣгуновъ своихъ, быстрыхъ, какъ вѣтеръ.

«Неколебимый, Онъ возсѣдитъ въ горнихъ неба, на златомъ престолѣ, и земля катится подъ ногами Его. Десницею касается Онъ крайнихъ предѣловъ моря; ярость Его сотрясаетъ горы въ основаніяхъ ихъ—и не могутъ снести бремени гнѣва Его. Онъ вездѣсущъ, хотя и въ небесахъ обитель Его, и все совершается имъ на землѣ, ибо Онъ—начало, середина и конецъ всѣхъ вещей... Но что изрекъ я? Не подобаетъ произносить имени Его.» При единой мысли о Немъ содрогаюсь всѣмъ тѣломъ: ибо Онъ, возсѣдѣющій горѣ, управляетъ всѣмъ—дѣлу».

Кто не узнаетъ въ халдейскомъ мужѣ Моисея? кто не услышитъ въ послѣдующихъ немногихъ словахъ вещей Псалтири царя-пѣснопѣвца?

Однако жь отдаленное вліяніе еврейскихъ пѣснопѣвній, также какъ и мионы, занесенные изъ глубины Востока, нисколько не исключаютъ самобытности греческой поэзіи, своеобразной, какъ и вся эллинская образованность.

Въ словесности, глубже чѣмъ гдѣ-нибудь, врѣзывается отличительная черта каждаго народа: сгладится эта основная черта—и всякая словесность потеряетъ свою самобытность и выразительность. Поэзія грековъ въ высшей степени народна: какъ ихъ общедоступная философія, основанная на простыхъ нравственныхъ началахъ, какъ ихъ полиоензмъ, боготворящій челоуѣка и челоуѣческія страсти въ

образах неподражаемой красоты, как их государственная и гражданская община, как их мягкое *плавучее* зодчество, как их цѣломудренно-сладоострастное ваяніе—греческая поэзія принадлежала однимъ грекамъ. Всмотримся въ выразительныя черты этой богини, несверженной съ подножія самимъ всеокрушающимъ временемъ.

Прежде всего мы увидимъ, что жизнь созерцательная, духовная, рѣзко отдѣляется въ греческой поэзіи отъ жизни дѣйствительной. Идея вѣчности, доступная нѣкоторымъ философамъ, связующая, въ разныя эпохи, немногіе свѣтлые умы, стояла уединенно отъ всякой другой общественной идеи и была бесплоднымъ предметомъ одинокихъ созерцаній. Олицетвореніе — эта основа греческой поэзіи — исключало всякое стремленіе къ міру духовному, идеальному. Загробная жизнь, хотя и не жизнь духа, отрѣшеннаго отъ плоти, проявляется иногда въ эллинскихъ понятіяхъ, но въ смутныхъ представленіяхъ области тѣней, въ азіатскомъ вѣрованіи о переселеніи душъ: вѣчность и безсмертіе души были для грековъ понятіями ложными, неважущимися съ ихъ религиозными вѣрованіями, понятіями недопустимыми. Ученіе о безсмертіи души не только было отрицаемо, какъ бредъ, но и преслѣдовалось неумолимо, напримѣръ—въ лицѣ Сократа, погибшаго за великую истину.

Отсюда ясно, что греческая поэзія не подчиняется никакой единой и основной мысли, проистекаетъ изъ чистыхъ случайностей и вся предается выраженію и формѣ: она порождена отдѣльными событіями и вдохновеніемъ отдѣльныхъ лицъ. «У грековъ» говоритъ Фальконнэ, «поэма слѣдуетъ за поэмою и между ними нѣтъ никакой связи». Одною изъ причинъ этого своеобразнаго явленія Фальконнэ основательно полагаетъ неопредѣленность и шаткость эллинскихъ вѣрованій. Доводы его слѣдующіе:

«Въ язычествѣ были двѣ религіи: одна — тайная, облачавшая мысль, сокрытую въ образѣ, посвящавшая въ свои догматы знаменательными элевзинскими таинствами и прорицаніями дельфійскаго оракула; другая—общественная, народная, боготворившая всѣ человѣческія склонности, добродѣтели и пороки, населявшая Олимпъ божествами страстными, раздражительными, слабыми, влюбленными или спокойными — словомъ, религія, принуждавшая небо отражать въ себѣ вѣрный образъ земли. Эта-то послѣдняя религія, вспомоществуемая климатомъ, врожденною восторженностью грековъ и невѣжествомъ, видѣвшимъ въ каждомъ физическомъ явленіи или проявленіе, или забаву божества,—эта-то религія и отразилась вся въ произведеніяхъ греческихъ поэтовъ. По временамъ слышатся отголоски азіатскаго просвѣщенія, преданія отдаленной древности смутно выказываются въ твореніяхъ первыхъ пѣвцовъ, но вскорѣ и тѣ и другіе сглаживаются и заглушаются роскошною растительностью образовъ, избыткомъ изящныхъ формъ; вскорѣ чело-вѣческій разумъ принимаетъ естественное направленіе — и греческая образованность становится самобытною, привлекательною, независимою отъ чужеземнаго вліянія. Правда, вначалѣ греки, по собственному ихъ свидѣтельству, заимствовали у финикіянъ письмо, у египтянъ и нѣкоторыхъ азійскихъ народовъ—первыя основанія зодчества и математики, заимствовали у нихъ же множество философскихъ идей, а также переняли необходимыя въ жизни искусства и ремесла; правда и то, что у всѣхъ этихъ народовъ есть общіе баснословные герои, есть преданія, едва-ли не тождественныя и доказывающія народную родственность; но все это — легкіе, разсѣянные слѣды, стертые временемъ, быть можетъ, и народною гордостью грековъ... Притомъ же, если греки учились чему-либо и заимствовали кое-что у чу-

жеземцевъ, все-таки эллинская дѣятельность быстро была примѣнена къ улучшенію и къ усовершенствованію заимствованнаго. Разумные подражатели — греки, усвоили себѣ чужеземную блестящую виѣшность, но изъ разнородныхъ, разбросанныхъ частей сплотили стройное цѣлое и положили на него такую печать личности, что, при первомъ взглядѣ, никто не удивится существенности ихъ завоеваній, а напротивъ, всякій увлечется любовью къ ихъ образованности, по-видимому, безраздѣльно принадлежащей имъ однимъ...»

Итакъ, коренныя черты греческой поэзіи — независимость отъ одной обязательной идеи и неподчиненность чуждому вліянію. Та же неподчиненность видна и въ отношеніяхъ греческой поэзіи къ началамъ государственнымъ. Самая любовь къ отчизнѣ не составляетъ для нея необходимаго условія, а въ извѣстное время опредѣляется извѣстною мѣстностью и событіями: и въ этомъ видѣнъ произволь недѣлимаго, произволь художника. Отъ того-то въ греческой поэзіи владычествуетъ полная свобода творчества: принимая всевозможныя идеи, оно облакаетъ ихъ во всевозможные образы и олицетворяетъ виѣшнюю природу — по преимуществу. Въ послѣднемъ отношеніи греческая поэзія подчиняется одному общему и неизмѣнному закону — закону формы, закону пластической красоты. И дѣйствительно, образы греческой поэзіи осязаемы; они какъ-будто отлиты изъ серебряныхъ звуковъ мелодическаго языка, заключеннаго въ изящнѣйшія формы размѣровъ. Этой осязаемою образностью эллинское искусство увѣковѣчило свою славу, и побѣднымъ покореніемъ формы объясняется тайна его совершенства и первенства. Яркими, невянущими красками изобразило оно сильнѣйшія страсти человѣка, создало несокрушимые типы и завѣщало ихъ вѣкамъ и народамъ. Опредѣляя характеръ греческой словесности, Фалькопнэ заключаетъ такъ:

«Она довольно-краснорѣчива въ устахъ Тиртея и Демосоена, чтобъ вооружить народы и создать побѣдителей; довольно-широка, чтобы со струнъ Гомера принять въ себя двѣ лучшія поэмы древности; довольно-граціозна, чтобы имя Анакреона осталось образцовымъ; довольно-смѣла и порывиста, чтобы воспѣть съ Пиндаромъ побѣды людей и славу боговъ, наконецъ, если она холодна и строга въ философіи Аристотеля, если она подводитъ подъ мѣру и дробить на разряды человѣческую природу, если составляетъ ей какой-то каталогъ, за то съ Платономъ она становится прорщательницею будущаго: вдохновенная пророчица, она возвѣщаетъ Солнце истины, грядущее съ Востока».

Указавъ на нѣкоторыя отличительныя черты греческой словесности, мы не будемъ объяснять причипь огромнаго ея вліянія на умственное образованіе и литературы другихъ позднѣйшихъ народовъ, а прослѣдимъ вкратцѣ историческое ея развитіе. Греческая словесность развивалась вмѣстѣ съ государственнымъ и гражданскимъ устройствомъ эллинскихъ общинъ. Поэтому исторія ея, какъ и исторія Эллады, заключаетъ въ себѣ три эпохи, рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой.

Первую эпоху можно назвать *пеласгическою*, по имени первобытныхъ обитателей Эллады. Всѣ древніе географы и историки согласно утверждаютъ, что эллинамъ предшествовали *пеласги*, дикій народъ, образовавшій впоследствии государство благоустроенное и оеократическое. Изъ новѣйшихъ изысканій о *пеласгическихъ* постройкахъ (Пети-Раделя), изысканій, пролившихъ болѣе ясный свѣтъ на эту отдаленную эпоху, видно, что первобытное общественное устройство Эллады походило на общественное устройство египтянъ и этрусковъ. Священныя ученія пеласговъ глубоко вкоренились въ эллинскую почву и долго оставались на ней подъ покровомъ таинствъ. Слава этихъ таинствъ и

уваженіе къ нимъ, сопряженныя со страхомъ, были такъ велики, что избранные хранители заповѣдной тайны передавали ее не иначе, какъ со всеми обрядами посвященія. Символическая религія пеласговъ имѣла своихъ пѣвцовъ, отчасти замѣнившихъ для насъ бытописателей этого омраченнаго вѣками времени. Первымъ пѣвцомъ и представителемъ жреческой эпохи былъ Орфей — и мы уже назвали его праотцемъ эллинской поэзіи. Бэконъ (*De augmentis*) говоритъ: «Миѳы — это легкое дыханіе отдаленной древности, залетѣвшее въ свирѣли грековъ». Эпоха жреческая смѣняется эпохою воинственной, *героической*. Эта вторая эпоха вся пересказана намъ рапсодами, начиная Гомеромъ и кончая Гезіодомъ. «Но» замѣчаетъ постоянный нашъ пособникъ Фалькониэ, «въ твореніяхъ Гезіода находится дидактическая поэма «Труды и Дни», уже предвозвѣщающая переломъ въ этомъ обществѣ: вещественныя потребности, развитыя войною и хищничествомъ, требуютъ удовлетворенія; роскошь становится необходимою; изысканность въ жизни смѣняетъ прежніе грубые вкусы; великія героическія семьи исчезаютъ, тѣснимыя торговлей: ея уснѣхи подводятъ аристократію подъ общій уровень и возрастаютъ вмѣстѣ съ многочисленными городами, вновь отстроенными въ этой существенно-приморской странѣ. Единственнымъ наслѣдіемъ героическихъ временъ остаются преданія поэзіи; политическое первенство героизма исчезаетъ. Тогда-то зарождается умственное развитіе, вполнѣ свободное и независимое: его не тяготитъ никакое вліяніе; оно не стѣснено узкою, но блестящею рамою теократіи Востока; оно уединено отъ всякой политической цѣли; у него нѣтъ другаго двигателя, кромѣ естественныхъ побужденій разума. Наука и искусство, философія и поэзія существуютъ только для самихъ себя: онѣ суть, потому что—суть. Независимыя отъ государства и

жрецовъ, онѣ образуютъ отдѣльную власть—власть сложную, дѣятельную, могущественную, неповинующуюся никакой идеѣ».

Въ теченіе этой третьей эпохи нѣкоторыя главнѣйшія событія послужатъ намъ для объясненія пзмѣненій, происшедшихъ въ греческой поэзіи. Эти событія неразрывны съ народною славою и съ исторіей Греціи; но ихъ надобно понять для того, чтобы вѣрно оцѣнить. Первымъ событіемъ была персидская война, вызвавшая грековъ на борьбу за родные очаги съ державою колоссальною, но нестройною по самому своему составу. Эта война, по вещественнымъ выгодамъ, а еще болѣе по нравственнымъ послѣдствіямъ, была благотворна для грековъ. Между ними, на-время, водворилось единство: опасность собрала ихъ вмѣстѣ и тѣсно сблизила. Возвышеннымъ порывомъ одушевилась поэзія и воспѣла народное торжество; обаяніе побѣды двинуло впередъ науку и искусство. Никогда еще греческая народность не была такъ сильна и жизненна: она покорила себѣ, на нѣкоторое время, творчество и сдѣлалась предметомъ пѣснопѣній.

Вторымъ событіемъ были завоеванія Александра. Герои влачить вслѣдъ за собой, вмѣстѣ съ греческими войсками, греческую образованность... Онѣ опрокидываетъ на азіійской почвѣ—понятія, учрежденія и людей; сливаетъ во едино двѣ природы, сблизжаетъ два міра, соединяетъ Европу съ Азіей. Онѣ смѣшиваетъ народы одни съ другими, переставляетъ государственныя грани, обращаетъ царства въ области, разрушаетъ—и образуетъ хаосъ, съ тѣмъ, чтобы бросить въ него плодотворныя сѣмена греческой мысли. Это лучшее время Греціи, время ея первенства, время, когда ея образованность развивалась торговлею, философійю, словесностью, бессмертными созданіями человѣческаго ума; это время заключаетъ въ себѣ краткій промежутокъ трехъ вѣковъ, протекшихъ отъ Солона до Александра. Солонъ

болѣ всего благопріятствовалъ свободѣ мысли; могущественное его покровительство осуществило эту свободу и вызвало, одно за другимъ, изящныя произведенія. Съ Солона начинается слава Аѳинъ, сдѣлавшихся средоточіемъ греческой образованности; до него у грековъ были воинственныя и патріотическія пѣсни, были поэмы, воспѣвавшія радость, любовь или гнѣвъ; до него существовали книги Гомера, но не были соединены вмѣстѣ: Солонъ ихъ спасъ отъ забвенія и отъ устныхъ искаженій, и упрочилъ за «Илліадой» безсмертіе, записавъ ея звуки въ письмена. Послѣ Солона лирическая поэзія начинаетъ напѣвать самыя нѣжныя свои пѣсни; поэзія драматическая выходитъ изъ пеленокъ и благороднымъ стилемъ изображаетъ благородныя страсти; поэты дидактическіе и поэты-правоучители проводятъ въ своихъ стихахъ остроумныя и глубокія мысли: поэзія призывается на помощь философіи. Философы іонической школы Фалеса излагаютъ свое ученіе въ изреченіяхъ простыхъ, но обдуманыхъ и часто облеченныхъ въ живописные образы. Это былъ золотой вѣкъ греческой поэзіи, но вѣкъ короткій: онъ копчился съ Александромъ. Демосѳенъ былъ послѣднимъ писателемъ, имѣвшимъ вліяніе на своихъ соотечественниковъ: онъ еще могъ пробудить ихъ энергію, заставилъ ихъ взяться за оружіе, началъ борьбу за независимость и — заплатилъ жизнью. Съ этихъ поръ греки остались народомъ остроумнымъ и образованнымъ; неуловимая гармонія языка и изящество приемовъ, обратившееся въ пословицу, пребыли исключительнымъ ихъ достояніемъ; въ Египтѣ, при Птолемеяхъ, греки сдѣлались даже ученѣе, чѣмъ были подъ прекраснымъ небомъ Эллады; но идея-вдохновительница, придавшая силу и восторгъ ихъ пѣснямъ — уже исчезла: греки перестали быть націей.

П Ъ С Н И
АНАКРЕОНА ТЕОССКАГО.

П Ъ С Н Я I.

КЪ ЛИРЪ.

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадма пѣть охота,
А бѣрбитонъ струнами
Звучить мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я, и лиру,
И подвиги Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру;
А лира, въ новомъ строѣ,
Эрота славить вновь.
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ одну любовь.

ПѢСНЯ П.

ЖЕНЩИНАМЪ.

Одарила природа
Твердымъ рогомъ — быковъ,
Ковей — звонкимъ копытомъ,
Зайцевъ — ногъ быстротою,
Страшной пастію — львовъ,
Рыбъ — способностью плавать,
Птицъ — полѣтомъ воздушнымъ,
Силой духа — мужчпнъ,
А для жёнъ не остался
Изъ даровъ ни одинъ.
Что жь дала имъ природа?
Вмѣсто брѣней и копій —
Красоту даровала,
Чтобы женщина ею
И огонь, и желѣзо
Всепобѣдно сражала.

пѣсня ш.

ЭРОТЬ.

Средь полуночнаго часа,
Какъ Медвѣдица вращалась
Подъ рукою Волопаса
И людскія поколѣнья
Въ снѣ спокойномъ отдыхали
Отъ трудовъ и утомленья,
Подошелъ Эротъ украдкой
И внезапно въ дверь мнѣ стукнулъ.
— Кто, спросилъ я, такъ стучится
И тревожить сонъ мой сладкой? —
А Эротъ: «Открой мнѣ двери
«И не бойся: я ребенокъ —
«Весь промокъ и заблудился...
«Ночь безмѣсячна: въ потемкахъ
«Я съ пути—съ дороги сбился».
При такихъ словахъ, пришельца
Жаль мнѣ стало не на шутку.
Зажигаю я лампаду,
Отворяю дверь — и вижу
Окрыленного малютку,
Съ легкимъ лукомъ и колчаномъ.
Къ очагу его подвелъ я

И въ рукахъ своихъ ручонки
У дитяти согрѣваю,
И изъ мокрыхъ кудрей влагу
Дождевую выжимаю.
Но едва онъ обогрѣлся:
«Поглядимъ теперь, промолвилъ,
«Цѣлы ль лукъ мой съ тетивою,
«Не испорчены ль ненастьемъ
«И водою дождевою?»
Натянувши лукъ свой, въ печень
Онъ пронзилъ меня стрѣлою,
Словно оводъ острымъ жаломъ.
Тутъ онъ вспрыгнулъ съ громкимъ смѣхомъ,
Тутъ онъ крикнулъ мнѣ: «Хозяинъ,
«Веселися! я доволенъ:
«Лукъ мой мѣтокъ и исправенъ;
«Ты же сердцемъ крѣпко боленъ».

ПЪСНЯ IV.

САМОМУ СЕБѢ.

Возлежа на листьѣ нѣжной
Миртъ и лотосовъ зеленыхъ,
Я желаю пить прилежно,
Пить подольше, но съ опаской.
Самъ Эроть мнѣ кравчимъ служить
И, папирусной подвязкой
Подтянувъ хитонъ на плечи,
Влагой хмѣльной угощаетъ.
Колесомъ отъ колесницы,
Вкругъ самой-себя вращаясь,
Жизнь людская убѣгаетъ,
А въ могилѣ смертнѣй кости
Горстью пепла оставляетъ...
Для чего жь кадить на камень?
Лить на землю возлѣянья?
Лучше мнѣ, Эроть, при жизни
Воскури благоуханья —
Увѣчай меня цвѣтами,
Приведи мою гетэру:
Прежде нежели вмѣшаюсь
Въ хороводы съ мертвецами,
Я хочу прогнать заботы.

пѣсня γ.

КЪ РОЗѢ.

Розу нѣжную эротовъ
Съ Діонисомъ сочетаемъ:
Красолиственной розой
Наша чѣла увѣчаемъ
И нальемъ съ веселымъ смѣхомъ
Въ чаши пектаръ винограда.
Роза — лучшій цвѣтъ весенній,
Небожителей услада!
Мягкокудрый сынъ Киприды
Розой голову вѣнчаетъ,
Какъ съ харитами онъ въ пляскѣ
Хороводной пролетаетъ.
Дайте жъ мнѣ вѣнокъ и лиру —
И подъ Вакховой божицей
Закружусь я въ быстрой пляскѣ
Съ полногрудю дѣвицей.

пѣсня VI.

ПІРЬ.

Благовонныхъ розъ вѣнками
Увѣнчавши чѣла наши,
Мы съ веселою улыбкой
Пьемъ вино изъ полной чаши.
Подъ напѣвы барбитона,
Легконогія дѣвицы
Передъ нами пляшутъ съ тирсомъ
Изъ кудрявой повиллицы.
Ароматными устами,
Въ звукахъ пѣсни сладкогласной,
Ритму пляски и пектиды *)
Вторить юноша прекрасный.
А усердный Кѳмусъ **) пѣнить
Даръ Ліэя въ нашихъ чарахъ,
И на праздникъ бога пиршествъ,
Такъ любезнаго для старыхъ,
Поспѣшаютъ веселиться,
Привлеченные пектидой,
И Эроть золотокудрый,
И Ліэй съ молодой Кипридой.

*) Особого рода инструментъ, въ родѣ люти.

**) Богъ пиршествъ.

ПѢСНЯ VII.

КЪ ЭРОТУ.

—

Не шутя меня ударивъ
Гиацинтовой лозою,
Приказаль Эротъ мнѣ бѣгать
Неотступно за собою.
Между терній, чрезъ потоки,
Я помчался за Эротомъ
По кустамъ и по стремнинамъ.
Обливаясь крупнымъ потомъ,
Я усталъ; ослабло тѣло —
И едва дыханье жизни
Изъ ноздрей не улетѣло.
Но концами нѣжныхъ крыльевъ
Освѣживши лобъ мой блѣдный,
Мнѣ Эротъ тогда промолвилъ:
«Ты любить не въ силахъ, бѣдный!»

ПѢСНЯ VIII.

СОНЪ.

На коврахъ пурпурныхъ ночью
Спалъ я, Вахкомъ упоенный.
Снилось мнѣ, что къ юнымъ дѣвамъ
Я стоюю окрылённой
Подбѣгаю порѣзвиться,
А толпа красавцевъ стройныхъ,
Нѣжныхъ отроковъ — мнѣ
Вѣчно-юнаго Лія —
Мнѣ, за дѣвъ, стрѣлой насмѣши
Сердце страстное пронзаетъ.
За насмѣшку я съ угрозой
Поцѣлуя къ нимъ стремлюся;
Но внезапно, вмѣстѣ съ грѣзой,
Образъ ихъ изъ глазъ умчался:
Одинокій и печальный,
Я опять заснуть старался.

ПѢСНЯ IX.

КЪ ГОЛУБКЪ.

— Откуда ты, голубка,
Откуда ты летишь?
Зачѣмъ, моя голубка,
Росой благоуханій
По воздуху кропишь?
О чемъ твоя забота? —

« Анакреонъ—пѣвецъ
Послалъ меня къ Вавиллу,
Къ ребенку—властелину —
Къ тирану всѣхъ сердець.
Меня сама Киприда
За пѣсню продала:
Тенерь Анакреону
Служу я и — какъ видишь —
Письмо его несла,
А онъ мнѣ общался,
Какъ только я вернуся,
Свободу даровать.
Но — пусть даетъ свободу —
Я въ рабствѣ остаюся:
Что пользы мнѣ летать
По хълмамъ, по долинамъ.

Садиться на деревьяхъ
И кое-гдѣ клевать
Посѣвы полевые?
Изъ рукъ Анакреона
Я хлѣбъ теперь клюю
И вмѣстѣ съ нимъ изъ чаши
Одно вино я пью.
Напившись, я порхаю
И трепетнымъ крыломъ
Любовно припадаю
Я къ сердцу господина,
А ночью тихимъ сномъ
Покоюся на лирѣ.
Ты знаешь все — повѣрь!
Прости же, чужеземецъ!
Ворѣны я болтливей
Была съ тобой теперь».

ПѢСНЯ X.

КЪ ВОСКОВОМУ ЭРОТУ.

Разъ юноша какой-то
Отлитаго изъ воска
Эрота продавалъ.
— Чтó просишь за работу? —
Спросилъ я, подошедши,
А онъ мнѣ отвѣчалъ
Дорическою рѣчью:
«Купи за сколько хочешь;
Но долженъ ты узнать,
Что я не восколивецъ,
А только не желаю
Съ Эротомъ алчнымъ спать».)
— Отдай же мнѣ за драхму
Соложника-красавца,
А ты, Эротъ, во мнѣ
Зажги любовный пламень,
Иль будешь самъ тотчасъ же
Растопленъ на огнѣ.

ПѢСНЯ XI.

САМОМУ СЕБѢ.

Мнѣ говорятъ дѣвицы:
«Ты старъ, Анакреонъ!
На — зеркало: ты видишь —
Волосъ ужь не осталось
И лобъ твой обнажонъ».

— Есть волосы, или нѣтъ ихъ —
Не знаю; знаю только,
Что старцу и пѣвцу
Тѣмъ болѣе приличны
Веселье и забавы,
Чѣмъ ближе онъ къ концу. —

пѣсня XII.

КОСАТКЪ.

Скажи, чего ты хочешь,
Косатка-щебетунья?
Какому наказанью
Предать тебя скорѣй?
Остричь тебѣ косички,
Языкъ у рѣзвой птички
Отрѣзать, какъ Терей?
Зачѣмъ разсвѣтной пѣсней,
Болтливая пѣвунья,
Умчала ты Ваилла —
И съ грѣзою моею?

пѣсня XIII.

САМОМУ СЕБѢ.

Разсказываютъ, будто
Женоподобный Аттисъ
Кричалъ и звалъ въ слезахъ
Красавицу—Кибебу,
Безумствуя въ горахъ.
Кричитъ въ безумьѣ всякой,
Кто вѣчную пьетъ воду
На опыхъ берегахъ,
Гдѣ жертвуютъ Клардѣсы,
Въ честь Феба-лавроносца,
Священному ключу.
А я, умѣщенъ миррой,
И возліявъ Лію,
Съ гетѣрою моею
Безумствовать хочу.

пѣсня XIV.

КЪ ЭРОТУ.

—
Любить, любить хочу я!
Любить Эротъ мнѣ самъ
Совѣтоваль, но только
Тогда я былъ упрямъ
И бога не послушалъ —
А онъ взялъ лукъ тугой
Съ колчаномъ золочёнымъ
И звалъ меня на бой.
Покрылъ себѣ я плечи
Бронею, какъ Ахиллъ,
Щитомъ вооружился
И дротики схватилъ —
И вышелъ... Онъ стрѣляетъ —
А я — скорѣй бѣжать...
Разсыпавши всѣ стрѣлы,
Онъ сталъ негодовать —
И вдругъ стрѣлою острой
Самъ въ грудь мою влетѣлъ,
Пронзилъ глубоко сердце —
Пронзилъ и одолѣлъ.
Теперь какая польза
Мнѣ въ копьяхъ и щитахъ? —
Борьба уже напрасна,
Когда нашъ врагъ въ стѣнахъ.

ПѢСНЯ XV.

САМОМУ СЕБѢ.

—

Пускай богатства Креза
Безчисленно-велики,
Мнѣ золота не надо
Сардисскаго владыки:
Мнѣ зависть недоступна —
Нѣтъ силы и охоты
Завидовать владыкамъ...
Мнѣ только и заботы,
Какъ бороду опрыскать
Летучими духами;
Какъ голову украсить
Пахучими цвѣтами;
Какъ день провести текущій
Съ веселыми друзьями —
А завтра?... кто же знаетъ,
Что́ завтра будетъ съ нами?
Воспользуйся днемъ яснымъ:
Пей, въ кости развлекайся,
Но возліяй Лію,
Не то — остерегайся:
Придетъ болѣзнь невольна
И скажетъ: «пить — довольно!»

ПѢСНЯ XVI.

САМОМУ СЕБѢ.

Ты — пѣснь войнѣ оиванцевъ,
Онъ — пѣснь фригiанъ бою,
А я слагаю пѣсню
Побѣдѣ надо мною:
Не всадникомъ, не пѣшимъ,
Не въ морѣ кораблями —
Сраженъ я новымъ войскомъ,
Стрѣляющимъ — очами.

ПѢСНЯ XVIII.

КЪ СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШѢ.

Серебряникъ искусный,
Гефэстъ, ты не чекань
Мнѣ брони и доспѣховъ:
Мнѣ чуждо слово — брань.
Гораздо лучше чашу,
Вмѣстительнѣй и глубже —
Какъ можешь, мнѣ отлей;
Но звѣздъ и колесницы
Съ печальнымъ Оріономъ
Не дѣлай ты на ней.
(Что въ звѣздахъ Волопаса,
Въ созвѣздіи Плеядъ?)
Обвей вокругъ всей чаши
На вѣтвяхъ лозъ кудрявыхъ
Румяный виноградъ;
Представь подъ сѣнью гроздій —
Всѣхъ золотомъ литымъ —
Красавца-Діониса
И рѣзваго Эрота
Съ Ваэилломъ молодымъ.

ПѢСНЯ XVIII.

НА ТОТЪ ЖЕ ПРЕДМЕТЪ.

Художникъ несравненный!
Серебряную чашу
Ты въ честь весны мнѣ сплавь.
На ней, на первомъ мѣстѣ,
Цвѣтущій образъ Оры
Въ вѣнкѣ пзъ розъ представь,
И такъ металлъ отдѣлай,
Чтобъ сладокъ былъ напитокъ.
Прошу, не представляй
На чашѣ ни обрядовъ,
Ни горестныхъ событій,
А лучше изваяй
На ней мнѣ чадо Діа, —
И пусть красавецъ—Эвій
Съ Кипридой молодой
Поютъ на брачномъ пирѣ
И славятъ Гименея
Предъ юною четой.
Изобрази на чашѣ
Эротовъ безоружныхъ,
Смѣющихся харить;
Пусть виноградъ косматый

Кистями спѣлыхъ гроздій
Вокругъ нея висить;
Пусть рѣзвятся красавцы
Подъ сѣнію его,
А посреди ихъ вылей,
Мнѣ Феба самого.

ПѢСНЯ XIX.

ДОЛЖНО ПИТЬ.

Пьетъ земля сырая;
Землю пьютъ деревья;
Воздухъ пьютъ моря;
Изъ морей пьетъ солнце;
Пьетъ изъ солнца мѣсяцъ:
Что жь со мною спорить,
Если пить хочу я,
Милые друзья?

ПѢСНЯ XX.

ДѢВУШКЪ *).

Дочь Танта́ла камнемъ на брегъ фригійцевъ стояла
И птичкою-ласточкой дочь Пандіона порхала.

А я бы желалъ твоимъ зеркаломъ быть,
Затѣмъ, чтобъ очей ты съ меня не сводила,
Желалъ бы собою хитонъ замѣнить,
Затѣмъ, чтобъ меня на себѣ ты носила.
Иль воду, чтобъ тѣло красавицы мыть;

*) Стихотвореніе это переведено Меемъ два раза. Вотъ первый переводъ, сдѣланный имъ гораздо раньше:

Было время, дочь Танта́ла
На побережьи фригійскомъ
Глыбой каменной стояла;
Дочь Пандіона когда-то
Птицей-ласточкой летала.
Я же зеркаломъ безсмѣннымъ
У тебя стоять желаю,
Чтобы ты въ меня глядѣлась,
Или сдѣлаться хитономъ,
Чтобы ты въ меня одѣлась.
Я желаю или въ воду,
Или въ мирру превратиться,
Чтобъ на дѣвственное тѣло
Ароматами пролиться,
Лечь повязкою на перси,

Желалъ бы елеемъ на стройные члены пролиться,
Повязкой на персяхъ твоихъ трепетать,
Жемчужною нитью вокругъ твоей шеи обвиться,
Иль даже въ сандалю твою обратиться,
Чтобъ ты меня ножкой могла пошпирать.

Или жемчугомъ на шею,
Или сдѣлаться сандалей,
Чтобы ты меня топтала
Легкой ножкою своею.

ПѢСНЯ XXI.

САМОМУ СЕБѢ.

Дайте мнѣ вина, дѣвицы!
Жаръ томитъ меня съ денницы:
Поскорѣй припастъ мнѣ дайте
Къ Вакху жадными устами
И главу мою вѣнчайте
Вѣчно-юнаго цвѣтами;
А иной вѣнокъ мгновенно
На челѣ моемъ спалится,
Оттого, что неизмѣнно
Жаръ любви во мнѣ таится.

пѣсня ххп.

ВАШИЛЛУ.

Ляжемъ здѣсь, Вашиллъ, подь тѣнью,
Подь густыми деревьями:
Посмотри, какъ съ нѣжныхъ вѣтокъ
Листья свѣсилась кудрями!
Ключь журчитъ и убѣждаетъ
Насладиться мягкимъ ложемъ:
Какъ такой пріютъ прохладный
Миновать съ тобой мы можемъ?

ПѢСНЯ XXIII.

КЪ ЗОЛОТУ.

Будь, золото, способно
Продлить мнѣ жизнь немного—
О, какъ тогда бы, Плутусъ,
Берёгъ его я строго,
Чтобъ смерть, принявши выкупъ,
Рѣшилась удалиться;
Но смертному отъ смерти
Ничѣмъ не откупиться!
Къ чему жъ вздыхать напрасно
И слезы лить безмѣрно?
Къ чему копить богатство,
Когда умрешь навѣрно?
Не лучше ль пить съ друзьями,
Съ Ліземъ благосклоннымъ,
И жертвы жечь Кипридѣ
На ложѣ благовонномъ?

ПѢСНЯ XXIV.

САМОМУ СЕБѢ.

Такъ-какъ я, рожденный смертнымъ,
Трѣпу жизни пробѣгаю,
Знаю путь, пройденный мною,
А грядущаго не знаю —
Отойдите прочь заботы!
Что мы общаго имѣемъ?
Прежде, чѣмъ конца дождуся,
Посмѣюсь и порѣзвлюся
Въ хороводахъ я съ Ліземъ.

ПѢСНЯ XXV.

САМОМУ СЕБѢ.

Когда я пью, всегда
Заботы усыпляю.
И что же мнѣ тогда
До слезъ и до труда
И до заботъ? Я знаю —
Придется умирать,
Хотя и нѣтъ охоты.
Зачѣмъ же направлять
Всю жизнь стезей заботы?
Не подусту виномъ
Лѣй насъ награждаетъ:
Когда его мы пьемъ,
Забота засыпаетъ.

ПѢСНЯ XXVI.

САМОМУ СЕБѢ.

Только видеть Вакхъ желанный
Въ грудь мою — заснуть заботы,
Креза стану я богаче
И согласно воспѣваю
И любовь и красоту.
Темнымъ плющемъ увѣнчанный,
Полонъ нѣги и дремоты,
Я клонюсь на одръ горячій
И въ мечтаньяхъ попираю
Всю земную суету.
Вы стремитесь къ битвѣ ярой —
Ополчайтесь! мнѣ-то что же?
Не разстанусь я съ виномъ.
Подойди, мой отрокъ, съ чарой:
Лучше пьянымъ лечь на ложе,
Чѣмъ бездушнымъ мертвецомъ.

ПѢСНЯ XXVII.

ВАКХУ.

Сынъ Зевеса, избавитель
Всѣхъ, заботой удрученныхъ,
Вакхъ—Ліэй едва коснется
Чувствъ моихъ воспламененныхъ,
Вдохновенный имъ, я въ пляску
Упошуся въ упоеньѣ.
Не одни дары Ліэя
Мнѣ приносятъ наслажденье:
Милы мнѣ попеременно
Афродиты нѣжной ласки,
Звуки лиры, звуки пѣсень,
И всегда любезна пляска.

ПѢСНЯ ХХУШ.

КЪ ГЕТЭРЪ.

Славный Рѣдоса художникъ!
Стиль возьми, оставь треножникъ,
Растопи свой воскъ цвѣтной,
Обсуди чертежъ и мѣру —
И красавицу-гетэру,
Разлученную со мною,
Напиши, Эрота ради,
Какъ я буду говорить.
Прежде долженъ начертить
Ты волосъ густыя пряди:
Дай имъ мягкость, черный лоскъ,
Дай имъ, если властенъ воскъ,
Запахъ мирры благовонной.
Надъ ланитой округленной
Подними чело у ней,
Чтобъ оно изъ-подъ кудрей,
Какъ слоновья кость, бѣлѣло.
Проведи ей брови смѣло:
Берегись склонить ихъ нпцъ —
Кончи тонко, горделиво.
Изучи погибъ стыдливо
Кверху-всклннутыхъ рѣсницъ.

Напиши огнемъ ей взгляды:
Пусть блеститъ въ глазахъ у ней,
Сквозь лазурь очей Паллады,
Влага страстная очей
Въчно-юной Афродиты.
Пусть, въ румянцѣ молодомъ,
Свѣжесть розы съ молокомъ
На прозрачныя ланиты
Будетъ нѣжно пролѣта;
Пусть манять ея уста
Убѣжденіемъ призывнымъ
Къ поцѣлюямъ непрерывнымъ.
Округли потомъ у ней
Перси, мрамора бѣлѣй,
Стилемъ смѣлымъ и окрѣплымъ.
Пусть и воскъ къ себѣ манитъ
Рѣзвый рой младыхъ Харитъ!
Такъ накинъ пурпурный пеплумъ,
Чтобы тѣла бѣлизна
Кде-гдѣ была видна
Сквозь раздвинутыя складки,
Вызывая на догадки
И о тайнахъ красоты...
Стой... довольно... кончи въ мѣру:
Вижу я мою гетэру!
Скоро, воскъ, промолвишь ты.

ПѢСНЯ ХХІХ.

ВАОНДУ.

Стиль возьми, художникъ, снова
И Ваепла молодова
Напиши, какъ научу:
Волоса его на воскъ
Начерти въ блестящемъ лоскѣ
И разсыпь ихъ по плечу;
Сдѣлай черными ихъ снизу,
Сверху солнцемъ озлативъ,
И пускай падеть на ризу
Прихотливый ихъ извивъ,
Своевольно, безъ успій.
Пусть темный драконныхъ крылій
Брови сходятся вѣнцомъ
Надъ возвышеннымъ челомъ,
Какъ роса поутру, свѣжимъ.
Очи гордыя разнѣжимъ
Чистотою думъ молодыхъ —
И суровый взглядъ Арея
Взоромъ кроткимъ Кноэрея
Пусть оспариваетъ въ нихъ,
Пусть надеждою и страхомъ
Взоръ красавца насъ манитъ.

Тише! стили нѣжнымъ взмахомъ
Наведи на пухъ ланитъ
Вешней розы цвѣтъ и глянецъ,
И стыдливости румянецъ.
Какъ уста напишешь ты —
Я не знаю?... Чтобъ пылали
И лобзанья призывали
Убѣжденьемъ красоты.
Сдѣлай такъ, чтобъ воскъ бездушный
Мнѣ Ваѳилла оживилъ,
И художнику послушный,
Даже молча говорилъ!
Пусть погибомъ шею нѣжной
Спорить съ шейю бѣлоснѣжной
Адонисовой — Ваѳиллъ.
Грудь заимствуй у Гермеса,
Руки также у него,
Только бедра ни у кого,
Кромѣ пасынка Зевеса,
Полидевка самого.
Торсъ... Описывать ли ноги?...
Нѣтъ, ты лучше знаешь самъ.
Сколько жъ хочешь ты? О, боги!
За него я все отдамъ.
Вотъ — Ваѳиллу подражанье —
Аполлона пзваянье:
Ты въ Самось его возьми,
А вернешься, ради неба,
Самого красавца-Феба
Ты съ Ваѳилла мнѣ сними.

ПѢСНЯ XXX

ЭРОТЪ.

—

Разъ музы на Эрота
Тихонько возложили
Вѣнковъ пахучихъ узы
И Красотѣ вручили.
Напрасно Киперея
Съ собою выкупъ носить
И всюду ищетъ сына,
И сыну воли просить.
Хоть дай ему свободу,
Отъ Красоты онъ болѣ
Не отойдетъ ни шагу:
Привыкъ служить въ неволѣ.

пѣсня xxxii *).

ЛЮБОВНИЦАМЪ.

—

Всѣ листья на деревьяхъ
Ты вѣрнымъ счетомъ знаешь,
И на морѣ широкомъ
Всѣ волны сосчитаешь —
Сочти жъ моихъ любовницъ!
Въ Аѳинахъ, для начатка,
Ты запиши мнѣ двадцать
И полтора десятка.
Потомъ считай въ Коринѣхъ
По цѣлымъ легионамъ:
Уступить вся Еллада
Въ красѣ коринѣскимъ жѣнамъ.
Теперь сочти въ Лезбосѣ,
Въ Іоніи, въ Родосѣ
И въ Каріи... пожалуй —
Двѣ тысячи... немного...
Что скажешь? Отмѣчай же:
Далеко до итога!

*) Пѣсни xxxii не оказалось въ рукописи переводчика. Утраченъ ли переводъ, или стихотвореніе вовсе небыло переведено поэтомъ — не извѣстно.

Ни сирскимъ и канотскимъ
Не свель еще я счета...
Да въ Критѣ всеобщномъ,
По городамъ Эрота,
Гдѣ таинства уставилъ
Любви законодавецъ,
Сочти, въ добавокъ къ прежнимъ,
Души моей красавицъ,
Но какъ ихъ сосчитаешь —
Спрошу тебя заранѣ —
За Кадиксомъ, за Индомъ,
И въ дальней Бактріанѣ?

пѣсня XXXIII.

КОСАТКА.

—
Что годъ, весной, косатка,
Ты гнѣздышко свиваешь,
А на зиму — плъ къ Нилу,
Иль въ Мѣмфисъ улетаешь.
Въ моемъ же сердцѣ вѣчно
Любовь гнѣздо свиваетъ
И выводокъ Эротовъ
Роститъ и размножаетъ.
Одинъ — вотъ оперился
И крылья на-готовѣ;
Другой еще въ скорлупѣ,
А третій ужъ въ наклѣвѣ.
Всегда я слышу крики
Птенцовъ невозмужалыхъ,
Птенцовъ съ разверзтымъ клювомъ...
Большіе кормятъ малыхъ;
А выростетъ малютка —
И самъ птенцовъ выводитъ.
Какъ быть мнѣ съ ними? разумъ
Уловки не находить,
Затѣмъ и не находить,
Что тѣхъ Эротовъ милыхъ
Спугнуть съ гнѣзда роднаго
Мнѣ жалко — я не въ силахъ.

ПѢСНЯ XXXIV.

ДѢВУШКѢ.

—
Не бѣги меня, при взглядѣ
На сѣдые волоса,
И — затѣмъ, что вешней розой
Расцвѣла твоя краса —
Не отвергни и не прѣзри
Пламя страсти въ старикѣ:
Полюбуйся, какъ пристали
Къ розамъ лиліи въ вѣнкѣ *).

*) Помѣщаемъ здѣсь первый переводъ того же стихотворенія.

Не бѣли моихъ волосъ,
Убѣленныхъ сѣдиною,
И — затѣмъ, кто ярче розъ
Расцвѣли своей весною —
Не отвергни въ старикѣ
Пламень страсти: не сама ли
Ты видала, какъ въ вѣнкѣ
Къ розамъ лиліи пристали?

ПѢСНЯ XXXV.

ЕВРОПА.

Вотъ этотъ быкъ, мой отрокъ,
Мнѣ Зевсомъ показался:
Съ красавицей Сидона
Онъ мимо насъ промчался.
Какъ на хребтѣ онъ дѣву
И бережетъ, и нѣжитъ;
Взгляни, какъ волны моря
Копытами онъ рѣжетъ!
Не можетъ быкъ изъ стада
Такъ переплыть пучины,
Какъ онъ переплываетъ:
То можетъ Зевсъ единый.

ПѢСНЯ XXXVI.

БЕЗЗАБОТНОСТЬ.

Не учи меня законамъ
Скучныхъ риторовъ твоихъ:
Что мнѣ въ словѣ бесполезномъ
И въ софизмахъ ихъ пустыхъ?
Научи меня ты лучше
Сладкій сокъ Лівя пить
И съ Кипридой златокудрой
Игры рѣзвья дѣлить.
Погляди, какъ эти кудри
Увѣнчала сѣдина...
Усыни мой разумъ, отрокъ,
Дай воды, неси вина!
Скоро, скоро покрывало
На меня набросишь ты...
А у смертнаго, за гробомъ,
И желанья отняты.

пѣсня XXXVII.

ВЕСНѢ.

Посмотри — весна вернулась —
Сыщлютъ розами хариты;
Посмотри — на тихомъ морѣ
Волны дрѣмою повиты;
Посмотри — ныряють утки,
Журавлей летить станица;
Посмотри — Титана-Солнца
Въ полномъ блескѣ колесница.
Тучи тихо уцльвають,
Унося ненастья пѣру;
На поляхъ труды людскіе
Говорятъ привѣтно взору;
Гея нѣжные посѣвы
На груди своей лелѣть;
Почка мѣслины пробилась
Сквозь кору и зеленѣть;
Лозы пламеннаго Вакха
Кроетъ лѣства молодая,
И плодовъ румяныхъ завязь
Расцвѣла, благоухая.

ПѢСНЯ XXXVIII.

САМОМУ СЕБѢ.

Я старъ, но съ молодыми
Я выпью больше всѣхъ,
И тирсомъ хороводнымъ
Мнѣ служить винный мѣхъ,
А партексовый стебель
Пуškai беретъ другой.
Кто хочетъ состязаться —
Являйтесь на бой!
Скорѣе, отрокъ, въ чашу
Вина мнѣ наливаи;
Но сладостный напитокъ
Водою размѣшай.
Я старъ, но съ молодыми
Умѣю поплясать,
Умѣю въ рѣзвой пляскѣ
Силу подражать.

ПѢСНЯ XXXIX.

САМОМУ СЕБѢ.

—

Когда вино я пью —
Мой духъ объять весельемъ,
И музамъ благосклоннымъ
Я тихій гимнъ пою.

Когда вино я пью —
Разносить буйный вѣтеръ
По морю и заботы
И всю печаль мою.

Когда вино я пью —
Меня самъ Эвій нянчить,
И льютъ цвѣты на воздухъ
Душистую струю.

Когда вино я пью —
Жизнь мирную я славлю
И на чело искусно
Вѣнокъ цвѣточный вью.

Когда вино я пью —
Опрысканный духами,
Въ объятяхъ юной дѣвы.
Киприду я пою.

Когда вино я пью —
Подъ пѣсни молодежи,

На дно потаровъ пирныхъ
Топлю я мысль мою.
Когда вино я пью —
Его законнымъ благомъ
Считаю: вѣдь придется
Окончить жизнь свою.

пѣсня XL.

ЭРОТЪ.

—

Эротъ, не разглядѣвши
Пчелы на листьяхъ розы,
Былъ въ палець ей ужалень.
Онъ крикнулъ; градомъ слёзы;
И къ юной Киперей
Понесся онъ, рыдая.
«Пропаль я, умираю!
Пропаль, моя родная!
Укушенъ я крылатой
И маленькой змѣею...
Ты знаешь: земледѣльцы
Зовутъ ее пчелою?»
Въ отвѣтъ ему богиня
Съ улыбкою невольной:
— О, сынъ мой! если пчелка
Умѣетъ жалить больно,
Суди жь, какъ тотъ страдаетъ,
Кого стрѣла Эрота
Безжалостно пронзаетъ! —

ПѢСНЯ XII.

ПІРЬ.

Будемъ пить вино въ весельѣ;
Будемъ пѣть про Вакха въ одахъ —
Про наставника и въ пляскахъ
И въ игривыхъ хоровахъ,
Про товарища Эроса,
Про любимца Афродиты,
Про вино вина и пьянства
И отца одной хариты.
Онъ появится — забота
Неотвязная смолкаетъ
И само лихое горе
Въ опьяненъ засыпаетъ.
Если отроки мнѣ чашу
Съ сладкимъ нектаромъ подносятъ —
И печаль и безпокойство
Вѣтры бурные разносятъ.
Такъ возьмемъ же въ руки чаши,
Чтобъ заботы засыпали.
Что за прибыль намъ быть жертвой
Добровольною печали?

Что мы знаем о грядущем?
Смертныхъ жпзвъ въ рукахъ безвѣстныхъ. .
Лучше жь, выпивъ, порѣзвпсья
Въ сонмѣ дѣвушекъ прелестныхъ!
Пусть заботится, кто хочетъ
Отъ заботъ себя избавить:
Будемъ пить вино въ весельѣ,
Будемъ Вакха пѣслей славить.

ПѢСНЯ XII.

САМОМУ СЕБѢ.

—

Я люблю живые хоры
Друга игорь, Діониса,
Я люблю играть на лирѣ,
Если мой состольникъ молодъ
И соперникъ Адониса.
Но всего люблю я больше —
Легкой вязью гіацинтовъ
Бѣлоснѣжныхъ увѣнчаться
И, рѣзвяся, въ хороводы
Юныхъ дѣвственницъ вмѣшаться.
Чуждъ я зависти грызущей,
Стрѣлъ злословья убѣгаю,
И на прршествѣ развратномъ
Ссоры пьяныхъ презираю.
Въ хороводахъ дѣвъ цвѣтущихъ
Я пляшу подъ голосъ лирной,
И несу тихонько бремя
Жизни сладостной и мирной.

ПѢСНЯ XLIII.

КУЗНЕЧИКУ.

—

Какъ блаженъ ты, мой кузничикъ!
На высокихъ на деревьяхъ
Ты, какъ царь, поешь на волѣ,
Вышивъ свѣтлую росинку.
Все твое, чѣмъ въ чистомъ полѣ
Обновляется природа,
Что приносить время года.
Ты — любимецъ земледѣльцевъ,
Ты безвреденъ — и за это
Почитаемъ ты отъ смертныхъ,
Провозвѣстникъ сладкій лѣта.
Ты любезенъ нѣжнымъ музамъ;
Фебъ тебя не меньше любитъ,
Одаряя звонкимъ пѣньемъ.
Старость дней твоихъ не губить:
И мудрецъ, и пѣснолюбецъ,
Безболѣзненъ и безкровенъ,
Ты почти съ богами ровенъ.

ПѢСНЯ XLIV.

СОНЪ.

Мнѣ снилось: бѣжалъ я и крылья
Видѣсь у меня за спиною,
А сынъ Афродиты за мною
Гнался — и настѣлъ наконецъ,
Настѣлъ онъ меня безъ уснлья,
Хотя и закованы были
Прекрасныя ноги въ свинець.
Что значить мое сновидѣнье?
Не то ли, что — волей Эроса —
Не разъ попадалъ я въ тенѣта,
Сплетенныя мнѣ красотой,
И всякой разъ, въ тоже мгновенье
Спасался отъ всѣхъ я красавиць,
Но буду опутанъ одной?

ПѢСНЯ XLV.

СТРѢЛЫ ЭРОТА.

—

Въ горнахъ Лёмноса Эроту
Мужъ Кшириды пзъ желѣза
Стрѣлы мѣткія коваль;
Острія ихъ Кшоерея
Сладкимъ медомъ обливала,
А Эроть ихъ въ желчь мокалъ.
Разъ Арей съ кровавой брани
Возвращался, потрясая
Неподѣмное копье.
Онъ презрѣлъ Эрота стрѣлы,
А Эроть: «И эта стрѣлка
Тяжела: возьми ее!»
Взялъ Арей стрѣлу Эрота —
И Кширида улыбнулась...
Застоналъ тогда Арей:
— Тяжела!... возьми — не надо! —
Но Эроть ему съ улыбкой
Отвѣчалъ: «останься съ ней!»

ПѢСНЯ XLVI

ЛЮБОВЬ.

Безотрадно — не любить,
Безотрадно — полюбить,
Безотраднѣе — любовью
Отвергаемыми быть.
Все Эроть ногами топчетъ —
Знатность, мудрость и добро,
И глядятъ съ почтеньемъ люди
На одно лишь серебро.
Проклять будетъ тотъ, кто первый
Серебро боготворилъ:
За него — не стало братьевъ;
За него — родной не шпль;
За него — убійство, войны,
И — ужаснѣе всего —
Мы, влюбленные, повсюду
Погибаемъ за него.

ПѢСНЯ XLVII.

СТАРЦУ.

Мнѣ милъ и старецъ въ пляскѣ,
И юноша—плясунъ;
Но если старецъ пляшетъ —
Въ немъ волосы лишь стары,
А мыслями онъ юнъ.

ПѢСНЯ XLVШ.

ПИРЪ.

Дайте лиру мнѣ Гомера
Безъ воинственной струны:
Я не чествую войны.
Изъ обряднаго потира
Я желаю мѣрпо пить
И водой напитокъ сладкій,
По закону, разводить.
Я напьюся въ честь Ліэя,
Запляшу и запою,
Но разсудкомъ я умѣрю
Пѣсню буйную мою.

ПѢСНЯ XLIX.

КЪ КАРТИНѢ.

Къ пѣснямъ музы благородной
Преклони свой слухъ, художникъ:
Напиши рукой свободной
Городà, пріютъ веселью,
И облюбуешь вѣнчанокъ,
Съ раздвоенною свирѣлью,
Жаромъ Вакха распаленныхъ,
Напиши мнѣ, если можешь,
На воскѹ уставъ влюбленныхъ.

пѣсня I.

ДЮНИСУ.

Возвратился богъ желанный,
Придающій молодежи
Рвенье пылкое въ трудахъ,
Ловкость въ пляскѣ хороводной
И веселье на шрахахъ.
Возвратился онъ и смертнымъ
Вновь принесъ съ собой напитокъ —
Исцѣленье отъ заботъ;
Но вино еще въ темницѣ,
И его лоза густая,
Какъ тюремщикъ, стережетъ.
А когда мы срѣжемъ лозы,
Сколько къ намъ польетъ здоровья,
Сколько въ насъ прибудетъ силъ!
Что за радость, что за свѣжесть —
И въ душѣ у насъ, и въ тѣлѣ —
Вакхъ подъ осень пробудилъ!

ПѢСНЯ LI.

НА ДИСКѢ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ АФРОДИТЫ.

Чей рѣзецъ на этомъ дискѣ
Такъ искусно и отважно
Прѣлвилъ море, поднялъ волны
Надъ хребтомъ равнины влажной?
Кто, къ богамъ вознесшись духомъ,
Начерталъ средь волнъ смятенныхъ
Нѣжно-бѣлую Киприду,
Первородную блаженныхъ?
Начерталъ ее нагою,
Но красы младаго лона
Скрылъ прозрачною волною?
Какъ въ затишь гальціона
На зыбяхъ морскихъ качаясь,
Афродита разсѣкаетъ
Тѣломъ пѣнистую воду,
И широко отступаетъ
Передъ ней волна морская,
Выше персей округленныхъ,
Ниже шеп отбѣгая.

Плавно движется Киприда,
Меж пурпурныхъ струй бѣля,
Какъ бѣлбеть межъ фіалокъ
Серебристая ллея.
Вотъ, смѣясь людскому страху,
Смѣло мчатся вслѣдъ богинѣ
Гимэротъ съ Эротомъ рѣзвымъ
На порывистомъ дельфинѣ.
Стапъ рыбъ широкоплѣсыхъ
Станъ богини стройно-гибкой,
Подъ водою рѣзвась, щегочуть,
Чтобъ плыла она съ улыбкой.

ПѢСНЯ III.

СБОРЪ ВИНОГРАДА.

Стройностанныя дѣвлицы
Идутъ съ юношами рядомъ,
На плечахъ неся кошницы
Съ темноцвѣтнымъ виноградомъ,
И на гнѣты чередою
Сыплютъ гроздій дождь пахучій;
Мужи сильною рукою
Извлекаютъ сокъ кипучій
Изъ темницы виноградной,
Прославляя въ громкихъ хорахъ
Вакха пѣснею обрядной
И любуясь, какъ въ амфорахъ
Бродитъ новый даръ Лія.
Въ опьяненъ не умѣя
Сладить съ дряхлыми ногами,
Пляшетъ старецъ, потрясая
Убѣленнымъ кудрями.
А красавица младая

Подъ тѣнистыми вѣтвями
Спитъ, покоя въ дрѣмъ сладкой
Нѣжно-дѣвственное тѣло.
Пылкій юноша украдкой
Надъ красавицею смѣло
Сѣти страсти разставляетъ —
И Эротъ ее склоняетъ
Позабыть про Гименя...
Но, словами не умѣя
Убѣдить, малютка рѣзвый
Ей насиліемъ грозитъся...
Такъ-то съ юностью нетрезвой
Вахъ безчинно веселится.

ПѢСНЯ III.

РОЗЪ.

Съ цвѣтоносною весной
Я пою цвѣтовъ царицу,
Розу, смертныхъ чаровницу:
Пой, красавица, со мной!
Роза, ты — отрада взору,
Ты — дыханіе боговъ,
Ты — уборъ харитамъ, въ пору
И Эрота, и цвѣтовъ,
Ты — цгрушка для Киприды,
Ты — во храмахъ, и тебя,
Больше всѣхъ цвѣтовъ любя,
Воспѣваютъ піэриды.
Межъ шиповъ люблю срывать
Я твой вѣнчикъ благовонный
И рукою уязвленной
И ласкать, и согрѣвать.

Ты — соперница денницы,
Ты родишь восторгъ въ пѣвцахъ —
И гремитъ хвала царицы
Многоцвѣтной плетевницы
На вакхическихъ играхъ.
Что безъ розъ благоуханныхъ,
Что бы было, говорю?
Нимфъ Кивеллы *розоданныхъ*,
Розоперстную зорю,
Розоцвѣтныя лгчнты
Льбокудрой Афродиты
Мы не пѣли бы тогда.
Запахъ розъ болѣзнь лихую
Прогоняетъ навсегда;
Розы насыть роковую
На могилахъ сторожатъ;
Розы старости не знаютъ,
И, завянувъ, сохраняютъ
Вѣчно — юный ароматъ;
Розамъ тщетны Паркъ угрозы...
Воспоемъ рожденье розы!

Въ то мгновеніе, какъ ты,
Мать любви и красоты,
Молодая Киберя,
Родилась изъ волнъ Неря,
Вся осыпая кругомъ
Пѣны влажнымъ жемчугомъ;
Въ то мгновенье, какъ Аѳидъ,
Броненосицъ — богиня,
Грозной дочери небесъ,
Даль рожденіе Зевесъ,

Розы цвѣтъ многооттѣнный
Нѣдра темныя земли
Благотворно изнесли.
Боги розѣ несравненной
Дали пламенный отливъ,
Въ алый нектаръ омочивъ —
И поднялся, пламенѣя
Сквозь колючіе листы,
Вѣковѣчный цвѣтъ Ліэя,
Въ полномъ блескѣ красоты.

ПѢСНЯ LIV.

САМОМУ СЕБѢ.

Въ хорѣ юношей веселыхъ
Я юнью духомъ самъ
И всегда унестся въ пляску
Я готовъ, на зло годамъ.
Подожди меня, Кибеба,
Дай цвѣтовъ мнѣ для вѣнка...
Дальше ты, сѣдая старость!
Молодъ я еще, пока
Въ пляскѣ съ рѣзвой молодежью
Пролетаю жизни путь.
Принесите поскорѣе
Мнѣ осенній плодъ Лізя,
Принесите кто-нибудь,
И свидѣтелями будьте,
Какъ умѣетъ старецъ пить
И безумствовать пристойно,
И забавно говорить.

ПѢСНЯ LV.

ВЛЮБЛЕННЫМЪ.

Конянь тавро на бѣдрахъ
Желѣзомъ выжигаютъ;
Пароанъ при первомъ взглядѣ
По ихъ тїарамъ знаютъ.
А я, взглянувъ, влюбленныхъ
Узнать умѣю разомъ:
У нихъ на сердцѣ мѣтка,
Чуть видимая глазомъ.

ПѢСНЯ LXI.

СТАРСТЬ.

На вискахъ сѣдѣть волосъ;
Побѣлѣла голова;
Юность рѣзвая умчалась;
Зубы держатся едва.
Не на долго сладкой жизни
Я причастнымъ остаюсь
И дрожу при этой мысли:
Такъ я тартара боюсь!
Страшенъ тайный склепъ Плутона,
Страшенъ путь подземный въ адъ:
Кто пойдетъ по немъ однажды,
Не вернется ужъ назадъ.

ПѢСНЯ LVII.

УМѢРЕННОСТЬ.

Отрокъ, дай большую чашу —
Вдоволь пить хочу изъ ней —
Но воды кіаѳовъ десять,
А вина лишь пять налей:
Чтобы принялъ благосклонно
Возліянье Бассарей.

(Черезъ нѣсколько времени.)

Что жь ты? лей вино скорѣе!
Мы съумѣемъ избѣжать,
Ссоръ и пьяныхъ криковъ скиѳовъ,
И за полной чашей станемъ
Гимнъ согласный напѣвать.

ПѢСНЯ LVIII.

ЭРОТУ.

Славию нѣжнаго Эроса:
Онъ сильнѣе всѣхъ боговъ;
Онъ царитъ въ вѣнцѣ, сплетенномъ
Изъ безчисленныхъ цвѣтовъ;
Смертныхъ мощный укротитель,
Онъ самихъ боговъ властитель.

ПѢСНЯ СХ.

АРТЕМИДЪ.

Преклоняю я колѣна,
Артемиду, предъ тобой,
Русой дочерью Зевеса,
Ланестрѣльною богиней,
Звѣровластницею лѣсной!
Снизойди на оный берегъ,
Гдѣ крутить волну Леей,
Взоромъ ласковымъ обрадуй
Городъ страждущихъ мужей:
Ты найдешь достойныхъ гражданъ —
Не свирѣпыхъ дикарей.

ПѢСНЯ LX.

ОРАКІЙСКОЙ КОБЫЛИЦѢ.

Кобылица-оракійнка,
Что такъ косо ты глядишь?
Для чего, какъ отъ невѣжды,
Отъ меня ты прочь бѣжишь?
Знай: легко тебѣ накинну
Я узду и удила,
Чтобъ меня по гишподрому
Ты послушно пронесла.
Ты теперь на паствѣ злачной
Скачешь — вольная, пока
Не нашлось тебѣ, дикаркѣ,
Заклятого ѣздока.

НАДПИСИ, ЭПИТАФИИ, ЭПИТАЛАМЫ И ОТРЫВКИ.

I.

Съ ланью грудною, извивисторогую мать потерявшей
Въ темномъ лѣсу, боязливо-дрожащая дѣвушка схожа.

II.

Если бы мнѣ умереть!... я другого исхода не знаю.

III.

Отрокъ, вина и воды и вѣнковъ благовонныхъ скорѣе:
Я не могу состязаться съ Эротомъ безъ влаги Лія.

IV.

Свѣжую зелень петрушки въ душистый вѣнокъ заплетая,
Мы посвятимъ Діонису сегодняшний радостный праздникъ.

V.

Отрокъ, красавецъ мой дѣвственноокии!
Я къ тебѣ сердцемъ стремлюся, а ты, непонятный,
Словно незнаецъ, что держишь бразды моей воли въ ручѣнкахъ.

VI.

Правда, для юношей мило мои задумчивыя рѣчи:
Пѣть я умѣю — умѣю и вымолвить красное слово.

VII.

Страшнымъ ударомъ меня поразишь ты, Эротъ беспощадный!
Словно кузнецъ своимъ молотомъ, въ сердце ударилъ и бросилъ
Въ бурный потокъ, разбушѣванный зимнимъ ненастьемъ.

VIII.

Я пообѣдалъ кускомъ штрѣона и трапезу трезво
Кончилъ умѣреннымъ кадомъ вина молодова.
Страстные звуки пектиды дрожать подь рукой моей снова;
Снова забылся я съ дѣвою пылкой и рѣзвой.

IX.

Рогъ Амальеенъ мнѣ вовсе ненуженъ,
И полтора ста лѣтъ царствовать я нежелаю въ Тартессѣ...

X.

Мѣсяцъ Посѣйдона вновь возвратился:
Тучи дождями чреваты, и воютъ жестокия бури...

XI.

Полно, подобно волнамъ, лепетать съ Гастродорой шумливой,
Жадно упившись виномъ, возлианнымъ домашнему Зевсу...

XII.

Страннопріимный хозяинъ! я жажду: позволь мнѣ питься.

XIII.

Чашу глубокую пью за твое я здоровье,
Бѣлымъ перомъ осѣпнвшій себя шлемоносецъ Ерхіонъ!...

XIV.

Пляшутъ изящно онѣ, лѣпокудрыя дщери Зевеса...

XV.

По три вѣнка на пирующихъ было:
По два изъ розъ, а одинъ изъ листовъ навкратита...

XVI.

Десять ужъ мѣсяцевъ носить вѣнокъ изъ витѣкса
Вѣчно веселый Мегістъ, и вкушаетъ вседневно
Меду подобный по сладости сокъ винограда...

XVII.

Что ты бѣжишь отъ меня, какъ на крыльяхъ, натерши духами
Тоція перси, пустыя, какъ дудки пастушьей свирѣли?..

XVIII.

О, Левкастида! я двадцатиструнною лпрой владѣю;
Ты же владѣешь цвѣтущею юностью, дѣва!

XIX.

Это конь, всѣхъ печалей вину, полюбилъ онъ...

XX.

Быстро парю я на крыльяхъ къ вершинамъ Олимпа...
Въ этомъ вивовенѣ Эроть: полюбилъ я красавицу страстно,
Но горделивая дѣва не хочетъ рѣзвиться со мною.

XXI.

КЪ АРТЕМОНУ.

Этотъ Артёмонъ... какъ нѣжится онъ въ колесницѣ!
Сколько заботъ Еврипилѣ, красавицѣ русой приносить!...

.
Нѣкогда онъ въ колпакѣ красовался пастушьемъ,
Нѣкогда въ уши вдѣваль деревянные серьги,
Чресла себѣ опоясываль лѣскутомъ кожи бычачьей,
Содранной гдѣ-то съ щита обветшалаго... Этотъ Артёмонъ,
Да, этотъ гнусный любезникъ теперь посѣщаетъ
Только пирѣжнн, да пстыхъ развратниковъ: съ помощью ихней
Можетъ влачить онъ презрѣнную жизнь беззаботно.
Сколько колодокъ ему надѣвали на шею,
Сколько разъ, спицу ременнымъ блчемъ взбороздивши,
Бороду всю и пригѣршни волосъ вырывали!
Нынѣче достойное чадо Киней не можетъ
Выхзть изъ-дому иначе, какъ въ колесницѣ,
Съ цѣпью — изъ чистаго золота слитой — на шеѣ,
Зонтомъ изъ кости слоновой прикрытый, какъ жѣны.

XXII.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ЭРОТУ.

Мощный Эротъ, повелитель вселенной!
Нимфъ синеекихъ и розолаптной Киприды
Въ пляскахъ по горнымъ вершинамъ любимѣй участникъ!
Я предъ тобой преклоняю колѣна:
Будь благосклоненъ къ усердной молитвѣ —
Дай достожджный совѣтъ Клеобулу,
Чтобъ не отвергъ моей страсти красавецъ.

XXIII.

МОЛОДОЙ ЛЕЗБИЯНКѢ.

Богъ своенравный, Эротъ златокудрый,
Бросивъ румяное яблоко мнѣ, на груу вызываетъ
Съ юною дѣвою Лѣзбоса, острова, славнаго градомъ;
Но, справедливо меня упрекнувъ сѣдиною,
Сердце свое отдаетъ лезбиянка другому.

XXIV.

Вязями лотосовъ перси они украшаютъ...

XXV.

Полный потѣръ въ три кіава поднявши, рабыня
Намъ наливаетъ напитокъ, сладчайшему меду подобный...

XXVI.

Такъ ей и слышатся чьи-то привѣтныя рѣчи....

XXVII.

Жажду всегда я съ тобой сладострастья:
Такъ всѣ приемы твои благородны...

XXVIII.

Города нашего свѣжій вѣнокъ, ты завянулъ сегодня!...

XXIX.

Вкусными яствами были столы пзобильно покрыты...

XXX.

Нѣтъ, не хочу съ этихъ поръ посѣщать я еракіянки этой...

XXXI.

Вѣситъ всегда на вѣсахъ у себя оны богатства Тантала...

XXXII.

Ты, боязливая птица, кукушка...

XXXIII.

Ловкимъ изгибомъ руки приготовась къ коттабу. .

XXXIV.

Въ печь раскаленную руку засунуть...

XXXV.

Что за любезная юная дѣва,
Разумъ тебѣ помутивъ, увлекла за собой въ хороводы,
Въ ладъ геміонъ, поль звукъ плясоваго напѣва?

XXXVI.

Милая сердцу пѣвица, косатка...

XXXVII.

Сынъ Арстѣоклеса, между друзей моихъ юныхъ храбрѣйшій!
Горько я плачу' надъ ранней твоею могиллой:
Въ лѣтахъ цвѣтущихъ ты умеръ, но смертью отмстилъ за от-
чизну
И даровалъ ей свободу...

XXXVIII.

Вотъ изваянье коня: Филодасъ, уроженецъ Коринеа,
Стѣпнообширнаго града, воздвигъ его сыну Сатурна,
Въ память и силу бѣгуна, и его быстроты необгонной.

XXXIX.

Эту туніку Праксидька шила, но ткань выбирала
Ей Дизеріда: пріязнь между ними взаимна...

XI.

Богъ сребролукій, моленью усердному виявши,
Будь благосклоненъ къ Навкрàтису, сыну Эсхила,
Будь благосклоненъ къ нему, и желанья исполни!

XII.

ПАМЯТНИКЪ.

Первый меня Каллистелесь воздвигнулъ;
Слили ему изваяніе; нынѣ потомки
Всѣ — и ему, и потомкамъ его благодарны.

XIII.

Даръ этотъ въ жертву богамъ Прапагòръ, сынъ Ликей, повѣсилъ.
Анаксагоромъ художникъ работы затѣйливой звàлся.

XIII.

Памятникъ этотъ, побѣду сердечную имъ знаменуя,
Сынъ Арейфила, Меланеъ, воздвигаетъ въ честь сына Семелы,
Любящей страстныя жертвы — вѣнки изъ цвѣтовъ — героини.

XIV.

Щагъ этотъ крѣпкій въ священной дубровѣ Аѣсны повѣшенъ
Въ память того, что Пифона прикрылъ онъ въ губительной стѣтѣ.

XV.

Въ честь твою, Вакхъ, украшеніемъ города дивнымъ,
Памятникъ выстроилъ сынъ Эхекрата и вождь ѳессалійскій.

XLVI.

Вѣстникъ боговъ, къ Тимопаксу пребудь благосклоненъ!
Гермесу, мощному богу, меня онъ воздвигнулъ
Лучшей прикрасою чудныхъ сѣней. По его же желанью,
Доступъ ему я доставлю въ гимназій гражданъ-чужеземцевъ.

XLVII.

Въ память всѣхъ жертвъ, принесенныхъ тебѣ Тлеіасомъ,
Ясные дни низпошли ему, Маіи сынъ благосердый!
Пусть проживетъ онъ въ семьѣ Эвонимовъ правдивой,
Пусть ему выпадетъ жребій счастливой!

XLVIII.

Въ этой гробницѣ покоится прахъ Тимократа,
Мужа, безстрашнаго въ битвахъ: щадя презираемыхъ трусовъ,
Къ храбрымъ суровый Арей беспощаденъ.

XLIX.

Вся собралася Абдера оплакать костѣрь Агатона,
Рано сраженнаго смертью. Еще ни однажды
Богъ кровожадный Арей, посреди ужасающей сѣчи,
Болѣе храбраго юноши-воина въ область аида
Не низводилъ, ясный свѣтъ отъ очей его скрывши.

L.

Также тебя, Клеонѳриды, желанье увидѣть отчизну
Жизни лишило подъ чернымъ дыханіемъ зимняго Нота :
На морѣ буря тебя задержала — и пѣнныя волны
Скрыли въ пучинѣ тебя и твою расцвѣтавшую юность.

LI.

МЕНАДЫ.

Съ тирсомъ идетъ Геликѡнія, рядомъ Ксантиспа,
Слѣдомъ ихъ — Главка. Съ горы онѣ сходятъ поспѣшно,
Въ жертву неся Діонисеу и плющъ, и румяные грозды,
И откормлённаго тучно въ минувшую зиму козленка.

LII.

Милъ мнѣ не тотъ, кто, за полною чашей Ліэя,
Рѣчи заводитъ о ссорахъ и битвахъ плачевныхъ:
Милъ мнѣ лишь тотъ, кто, дары благодатные музъ и Киприды
Всѣ съедппивъ, веселится любезно.

LIII.

МИРОНУ.

Дальше коровъ отведи, волопасъ, чтобъ теллицу Мирона
Съ стадомъ своимъ не угнать, какъ живую.

LIV.

Нѣтъ, не изъ мѣди отлита теллица Мирона:
Старость ее закалпала и сдѣлала мѣдной; Миронъ же
Въ шутку намъ выдалъ её за свое изваянье.

LV.

ЭПИТАЛАМА.

Небожительницъ царица,
Молодая Киперея,
И Эроть, владыка смертныхъ,
Сопрестольникъ Гименея,

Гименея, жпзнедавца,
Васъ теперь я воспѣваю,
Вамъ — Эроту съ Гименеемъ
И съ царицею Пафосской —
Пѣснь хвалебную слагаю!
Погляди же на супругу
Юный мужъ! но, для начатка,
Осторожнѣй будь, охотникъ:
Не вспорхнула бь куропатка.
О, избранныкъ Киперен,
Сочетавшійся съ Мириллой,
О, Стратоклесъ! полюбуйся
На красы подружки милой.
Посмотри — какіе кудри!
Какъ свѣжа твоя Мирилла,
Стройнотѣлая — что лозы!
Роза межъ цвѣтовъ царица,
А Мирилла межъ красавиць
Таже царственная роза.
Пусть осветитъ ваше ложе
Ясный Фебъ горячимъ взглядомъ,
Пусть у васъ растетъ высоко
Кипарисъ надъ вертоградомъ.

LVI.

Видѣль я въ хорѣ Спмала съ прекрасной пектидой...

LVII.

Ръзвый Эроть, на мою носѣдѣвшую бороду глянувъ,
Крылья златыя расправилъ и быстро умчался...

ЗАМѢТКИ

ОБЪ АНАКРЕОНѢ.

За шесть вѣковъ до Р. Х., весь югозападъ Азіи и прилежащія страны Африки и Европы становятся позорищемъ великихъ переворотовъ: на развалинахъ древнихъ азійскихъ государствъ возникаетъ колоссальная монархія персовъ—отъ истоковъ Инда до средиземнаго моря, отъ кавказскихъ горъ до верховьевъ Нила. Вавилонъ, Мемфисъ и Тиръ сливаются въ едино; воинственныя орды Кира и его преемниковъ проникаютъ и въ ливійскія пустыни, и въ скиескія кочевья; малоазійскія колоніи грековъ входятъ въ одну изъ персидскихъ сатрапій; ветхая, но мгновенно помолодѣвшая Азія угрожаетъ юной Европѣ.

Но въ то же время, предвѣстникомъ близкой и могучей борьбы съ востокомъ, начинается сильное внутреннее движеніе въ Элладѣ. Нѣкоторыя греческія общины, какъ бы ища спасенія въ единствѣ, подчиняются власти отдѣльныхъ лицъ; другія сознаютъ непрочность своего гражданскаго устройства и требуютъ кореннаго преобразованія общества. Во главѣ послѣднихъ стоятъ Аѣины, а въ скоромъ времени становятся во главѣ всей Эллады. Виновникомъ ихъ могущества былъ Солонъ.

Солонъ родился въ 592 г. до Р. Х. въ г. Саламинѣ. Отецъ его, потомокъ Кодра, отличался необыкновенной благотворительностію, разстроившей все, его состояніе. Желаніе поправить дѣла

заставило молодого Солона посвятить себя торговлѣ. Съ этою цѣлю онъ предпринялъ отдаленныя и продолжительныя путешествія: объѣхалъ Архипелагъ и Малую Азію, достигалъ предѣловъ Индіи, нѣсколько разъ посѣщалъ Египетъ. Значительное образованіе и природная наблюдательность помогли Солону обогатить умъ разнородными и положительными знаніями. Болѣе всего старался онъ изучать систему правленія различныхъ государствъ, — и сдѣлался разумнымъ, свѣдущимъ политикомъ. Философія и поэзія сблизили его съ умнѣйшими людьми того времени, и ихъ-то вліянію обязанъ онъ окончательнымъ образованіемъ своего ума и сердца. Друзьями и наставниками его были: Фалесъ, Питтакъ, Біасъ, Клеобулъ, Мизонъ, Хилонъ и Анахарсисъ. Здѣсь не мѣсто разбирать значеніе Солона, какъ философа и поэта, и потому мы скажемъ нѣсколько о его законодательной дѣятельности. Прибывъ въ Аены около 569 г. до Р. Х., Солонъ началъ излагать свои теоріи и осуществлять ихъ на дѣлѣ, при исправленіи возлагаемыхъ на него общественныхъ должностей. Возведенный наслѣдокъ въ санъ архонта, онъ отказался отъ предложеннаго ему царскаго вѣнца и учредилъ въ Аенахъ демократическое правленіе, умѣренное вмѣшательствомъ аристократіи. Основую народнаго управленія было равенство гражданъ, обезпеченное мудрыми законами. Уничтоживъ безчеловѣчныя, кровавыя узаконенія Дракона, Солонъ составилъ новый сводъ узаконеній, краткихъ, но правосудныхъ, болѣе согласныхъ съ нравами аеинянъ. Прежде всего озаботился онъ скрѣпить семейныя узы святостью брака, однако же не могъ достигнуть полнаго успѣха: уступая современнымъ обычаямъ, онъ былъ вынужденъ допустить разводъ, хотя и на строгихъ условіяхъ. Саны жреца и судьи получили въ узаконеніяхъ Солона великое значеніе, сообразное съ величиною сопряженныхъ съ ними обязанностей. «Да будетъ изгнанъ изъ суда, изъ народнаго собранія и изъ храма», говоритъ Солонъ, «да будетъ подверженъ строжайшей карѣ всякой тотъ, кто, заклеянный позоромъ разврата, дерзнетъ исполнять священныя должности законодателя и судіи; да будетъ немедленно преданъ казни судія, представшій народу въ нетрезвомъ видѣ.» Вообще узаконенія Солона основаны на глубокомъ знаніи челоѣческаго сердца и на разумномъ пониманіи обязанностей челоѣка въ отношеніи къ религіи, къ обществу и къ семейству. Они составляютъ краткій сводъ естественныхъ законовъ и писаны стихами, чтобы народу было легче

ихъ запомнить. Самъ Солонъ отзывается о нихъ такъ: «Я не написалъ образцовыхъ законовъ, но моимъ законамъ скорѣе всего подчинятся аоиняне». Солонъ ошибался. Когда онъ, опасаясь искушеній власти, добровольно обрекъ себя на изгнаніе и возвратился въ Аѳины, по истеченіи десяти лѣтъ странствованія, аоинская община уже была въ рукахъ Пизистрата.

Родственникъ Солона по матери, умный, смѣлый, краснорѣчивый и великодушный, Пизистратъ, въ отсутствіе законодателя, окружилъ себя толпою горячихъ приверженцевъ, недовольныхъ новыми узаконеніями, и, во имя общаго равенства, овладѣлъ браздами правленія.

Солонъ попытался начать борьбу съ властелиномъ Аѳинъ, но тщетно. Въ своемъ стихотвореніи «Бѣдствія аѳинянъ» онъ поражаетъ аѳинскихъ гражданъ укорами:

«Аѳины, градъ Минервы, никогда не погибнетъ велѣніемъ Рока: его разрушатъ собственные граждане.

«О, народъ, о безсмысленные вожди, ненасытные въ желаніяхъ, неспособные мирно наслаждаться земными благами! виновница вашихъ бѣдствій — ваша же несправедливость. Не уважая неприкосновенныхъ правъ собственности, не уважая общественныхъ сокровищницъ, не заботясь о соблюденіи священныхъ законовъ правосудія, каждый изъ васъ спѣшитъ овладѣть государственнымъ достояніемъ.

«А между тѣмъ правосудіе молча считаетъ минувшія событія, взвѣшиваетъ текуція — и близокъ часъ, покарющей преступника.

«Общественное бѣдствіе проникаетъ и въ частные дома; *красивые портики и льдилья двери* ему не преграда: восходитъ оно на самыя высокія кровли и тамъ отыскиваетъ своихъ жертвъ также легко, какъ будто онѣ укрылись не на кровлѣ, а на ложѣ.

«Аѳиняне, не приписывайте вашего бѣдствія богамъ: оно порождено вашимъ *развратомъ*: вы сами придали силу *гневу* вашимъ *рукамъ*. *Утискиватели* ваши *подползли лукаво*, какъ *лисица*, а вы — вы безумцы и трусы: вы *увлекаетесь пустыми витійствомъ и красными словами*. Въ дѣлахъ важныхъ вы никогда не руководствуетесь разумомъ.

«Разрушительную силу несутъ съ собой воспламененныя тучи и звучный градъ; стремительнымъ громомъ разражается вспыхнувшая молнія; вѣтеръ поднимаетъ на морѣ грозную бурю —

и часто великія государства погибають отъ великихъ людей; часто неразумныя народы мгновенно преклоняются подъ яремъ хищниковъ. Я далъ моими законами ровную власть всѣмъ гражданамъ; ни у кого ничего я не отнялъ, никому ничего не далъ лишняго; я повелѣлъ самымъ богатымъ и самымъ могущественнымъ не наносить вреда и ущерба слабѣйшимъ; великихъ и малыхъ прикрылъ я двойнымъ щитомъ, и обѣ половины его были равно крѣпки, и одни не получили болѣе, чѣмъ другіе. Моими совѣтами прѣзрѣли — и нынѣ несутъ заслуженную кару».

Но укоры Солона были уже безсилны, и онъ самъ указалъ причины своего безсилія: *красивыя портики, мѣдныя двери, послабленіе разврату, лисье лукаство, красныя слова* — вотъ въ чемъ заключается тайна владычества Пизистрата. Онъ обратилъ Аѳины въ разсадникъ искусствъ, поэзіи и наукъ; онъ украсилъ городъ величественными произведеніями ваянія и зодчества; онъ не преслѣдовалъ общественныхъ нравовъ и роскоши строгостью законовъ; онъ подчинялъ себѣ народъ *краснымъ словомъ*. Понятно, что аѳиняне предпочли его Солону. Мудрый законодатель, удалившись на всегда изъ Аѳинъ, кончилъ жизнь въ изгнаніи, — и легкомысленные граждане позабыли о великомъ мужѣ, нѣкогда восклицавшемъ передъ народнымъ собраніемъ: «Есть Богъ, есть верховный Владыка! Никто изъ смертныхъ не равенъ Ему могуществомъ. Мы можемъ имѣть только темное понятіе о Его божественности. Падемъ же съ мольбою передъ всемогущимъ Господомъ, да пролѣтъ Онъ нѣсколько лучей своей славы на наши законы и да благословитъ ихъ счастливымъ успѣхомъ!»

Власть Пизистрата была прочна: она перешла, какъ законное наслѣдіе, къ его сыну, Гиппарху.

Однородныя и одновременныя съ Пизистратомъ явленія представляютъ Питтакъ Митиленскій, Тимондасъ Эвбейскій и Поликратъ, тиранъ Самосскій.

Мы намѣренно остановились на Солонѣ и Пизистратѣ, чтобы дать хотя поверхностное понятіе о томъ времени, когда въ первый разъ зазвучала лира Анакреона: ея строй вторитъ строю общественному.

Передадимъ теперь нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о теосскомъ пѣвцѣ.

Основываясь на свидѣтельствѣ другихъ писателей и на изысканіяхъ схоластиковъ, можно съ достовѣрностью опредѣлить годъ и мѣсто рожденія Анакреона: онъ родился въ 532 году до Р. Х. въ іонійскомъ городѣ Теосѣ ¹⁾. Анакреонъ, вмѣстѣ съ Солономъ и Пизистратомъ, считается однимъ изъ потомковъ царя Кодра ²⁾: его мать, по имени Эеція, и мать Пизистрата были двоюродными сестрами. Имя его отца достовѣрно не извѣстно: у схоластиковъ встрѣчаются три имени — Эвмелъ, Аристокритъ и Парѳеній; греческій писатель Свидастъ называетъ его — и кажется съ большимъ вѣроятіемъ — Скионномъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о юности Анакреона; знаемъ только, что онъ былъ современникомъ знаменитыхъ мужей Эллады: Солона, Пизистрата, Пифагора, Гиппарха, Поликрата Самосскаго и — слѣдовательно — современникомъ Кира, Креза, Камбиза, Амазиса. О Крезѣ, какъ о царствующемъ владыкѣ сардовъ, упоминаетъ самъ Анакреонъ въ XV-й пѣснѣ, но называетъ Креза родовымъ именемъ его дѣда, Гига. Гражданская дѣятельность Анакреона также не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ, несмотря на удостовѣреніе Геродота, что Поликратъ Самосскій не рѣдко совѣтовался съ Анакреономъ въ государственныхъ дѣлахъ. Первую половину своей жизни Анакреонъ провелъ, повидимому, внѣ своей отчизны, при дворахъ Поликрата, Гиппарха и въ странствованіяхъ по разнымъ городамъ Эллинскаго материка и острововъ. Въ Теосѣ возвратился онъ уже на 45-мъ году, но вскорѣ принужденъ былъ снова оставить родной городъ и удалиться, вмѣстѣ съ многими изъ своихъ согражданъ, во фракійскій городъ Абдеру. Одинъ изъ біографовъ Анакреона, Бодоній, говоритъ, что причиною переселенія теосцевъ во Фракію было возмущеніе, произведенное въ Теосѣ Гистіэемъ. Трудно предположить, чтобы Анакреонъ былъ участникомъ въ этомъ возмущеніи, но пребываніе его въ Абдерѣ, кромѣ показаній нѣсколькихъ писателей, подтверждается имъ самимъ въ эпитафіи Агатону. Вѣроятно, не политическія убѣжденія, а болѣе мирныя привязанности увлекли Анакреона вслѣдъ за его соотечественниками. Это предположеніе подтверж-

¹⁾ Евсевій — объ Анакреонѣ.

²⁾ Бакстеръ. Анакреонъ.

дается свидѣтельствомъ того же Бодонія, что Анакреону нравился климатъ Абдеры и нравы еракіійцевъ, страстныхъ любителей поэзіи.

Анакреонъ умеръ на восемьдесятъ пятомъ году, и, вѣроятно, въ Абдерѣ. Валерій Максимъ, Плиніи и Эней Сильвій согласно утверждаютъ, что онъ подавился сѣмечкомъ изюма, единственной его пищи въ послѣдніе дни жизни.

Судя по отзывамъ Платона и Юліана, Анакреонъ былъ красивъ и статенъ. «*Не только красотами тѣла, но и добродѣтелями ты сходенъ съ своими предками со стороны отца, съ Дропидомъ, съ Анакреономъ*», говоритъ Сократъ Хармиду ¹⁾. «Мнѣ снилось, что Анакреонъ глядитъ на меня и зоветъ къ себѣ. Я бросаюсь къ теосскому пѣвцу, цѣлую его и прижимаю къ сердцу. Онъ былъ уже старъ, но еще сохранилъ *свѣжую красоту*. Очи его горѣли сладострастіемъ» ²⁾. Молодые силы не покидали Анакреона до преклонной старости, и онъ самъ говоритъ: «Я старъ, но пью больше молодыхъ, и когда нужно водить хороводы, беру вмѣсто скипетра винный мѣхъ. Кто хочетъ выйдти со мной на единоборство? Выходите и сражайтесь» ³⁾. «Дайте мнѣ ктонибудь этой влаги, что струится изъ рукъ осени, подруги Вакха; и будьте свидѣтелями *силы* старика, умѣющаго говорить, умѣющаго пить и безумствовать пристойно» ⁴⁾. «У пляшущаго старика стары только волосы: духъ его юнъ» ⁵⁾. Природныя данныя были развиты въ Анакреонѣ многостороннимъ образованіемъ. Сошлемся на мнѣніе переводчика Анакреона, Денне-Барона (Denne-Baron):

«Теосскій пѣвецъ умѣетъ перемѣнять лиру, умѣетъ держать въ рукѣ и барбитонъ, и пектиду. Хореграфъ, онъ знакомъ со всѣми ритмами пляски, и самъ сочиняетъ новые; астрономъ, онъ показываетъ намъ въ полночь созвѣздіе Медвѣдицы, вращающейся подъ рукой Волопаса; живописецъ, онъ изображаетъ намъ Ваонлла и свою гетэру такими живыми красками, что позже имъ могли бы позавидовать Зевксисъ и Апеллесъ; въ пѣснѣ «Къ любовницамъ», онъ, какъ новый аргонавтъ, огибаетъ берега

¹⁾ Платонъ—въ «Разговорѣ объ умѣренности».

²⁾ Антологія. Пѣсня Юліана къ Анакреону.

³⁾ Пѣсня XXXVIII.

⁴⁾ Пѣсня III.

⁵⁾ Пѣсня XLVII.

и островъ Средиземнаго моря; на его записныя дощечки заносятся поочередно — Аѳины, Коринѳъ, Лесбось, Іонія, Родось, Карія, Критъ, Кадиксъ, Сирія, Канона, и далѣе—Бактріана, Индія; безукоризненный грамматикъ, онъ блистаетъ своимъ слогомъ, чистымъ, какъ его сердце, яснымъ, какъ его жизнь. Затѣмъ Анакреону принадлежитъ по праву имя мудреца, данное ему самимъ божественнымъ Платономъ въ «Филебѣ», имя вполне заслуженное безпримѣрнымъ безкорыстіемъ поэта. Стобей, опираясь на свидѣтельство Аристотеля, рассказываетъ, что Пизистратъ почтилъ своего пѣвца и друга денежнымъ подаркомъ въ 5 талантовъ ¹⁾; Анакреонъ отослалъ назадъ эту сумму, сказавъ, что «деньги приносятъ ему много заботъ ²⁾». Не мудрецъ ли онъ, этотъ простой, но величественный старецъ, предпочитавшій всему золоту Креза свою милую голубку, свою подругу и вѣстницу. Не мудрецъ ли онъ, оставившій «Гомеру убійственную струну лиры» и воспѣвшій провозвѣстника лѣта, мирнаго, безобиднаго кузнечика? Не мудрецъ ли тотъ, кто самъ сознается въ слабости своего духа и вноситъ это признаніе въ свои сочиненія? «Мало времени остается мнѣ въ этой жизни», говоритъ поэтъ: «при этой мысли, я часто содрогаюсь: такъ я боюсь тартара! подземный путь къ нему—ужасенъ». Сожалѣя о чарующихъ прелестяхъ жизни, Анакреонъ напоминаетъ намъ этотъ слезный стихъ пѣвца Энея:

Et dulus moriens reminiscitur Argos.

«Да! жизнь сладостна всѣмъ — и герою, и пѣвцу. И были люди, дерзнувшіе называть теосскаго старца хвастливымъ философомъ, не хотѣвшимъ даже прислушиваться къ докучному плеску волнъ Ахерона!»

Послѣднія слова направлены на нѣкоторыхъ порицателей Анакреона, признающихъ въ немъ *только* сладострастнаго поэта, торопливо наслаждавшагося матеріальными благами кратковременной жизни: нравственнаго смысла его пѣсенъ эти порицатели не признаютъ. Но порицанія ихъ—вопіющая несправедливость. Анакреонъ благоговѣлъ передъ веселымъ Ліземъ и передъ красавицей Афродитой, благоговѣлъ, какъ язычникъ, передъ своими божествами, однако же воздерживался и отъ постоянныхъ возліаній, и отъ неумѣренныхъ жертвъ.

¹⁾ Около семи съ половиною тысячъ рублей серебромъ.

²⁾ Кажется, этотъ подарокъ былъ поводомъ къ XXIII пѣснѣ.

Красоты природы, возвращеніе весны, аромать розы, хоро- водная пляска харить, сладкія рѣчи богини Убѣжденія неменѣе любезны страстному теосцу, и имъ посвящаетъ онъ цѣлые ча- сы вдохновенія.

«Овидій, говоря объ Анакреонѣ», продолжаетъ Денне-Баронъ, употребляетъ выраженіе: *vinosus senex*, выраженіе, непристойно переведенное невѣждами словомъ — *пьяница*. Не потому ли, что Павзаній упоминаетъ объ изваяніи, изображавшемъ по- эта въ положеніи человѣка поющаго и шатающагося? Но какой же бездарный рѣзецъ могъ бы придать Анакреону сте- пенную осанку эфора или градоправителя? Когда Анакреонъ пьетъ, — поклонникъ харить, онъ пьетъ не изъ грубаго ковша сварливаго скиаа, а изъ чаши, имъ самимъ заказанной худож- нику, изъ серебряной чаши съ золотыми изображеніями вино- граднаго сбора и невинныхъ игорѣ красавцевъ-отроковъ. На- ливая чашу, Анакреонъ никогда не забываетъ восчествовать боговъ: рѣзкая противоположность съ современными эпикурей- цами, чернящими въ богохуливыхъ пѣсняхъ вѣру своихъ отцовъ.

«Но что сказать о пылкой привязанности поэта къ красавцу Клеобулу, къ вѣжному Мемсту, къ юному Ваэиллу, этому идеалу всѣхъ совершенствъ? Мы можемъ сказать вотъ что: однѣ цѣломудренныя музы — одѣ въ всей Греціи — покрасѣли и опу- стили покрывала, когда на Олимпѣ, за трапезою Зевса, юный виночерпій Ганимедъ смѣнилъ дѣвственную Гебу».

Въ Греческой антологіи сохранились двѣ надгробныя надписи Анакреону; обѣ принадлежатъ неизвѣстнымъ поэтамъ.

Первая гласитъ:

«Я часто пѣлъ и теперъ повтѣряю мою пѣсню изъ гробницы: пейте, пока ваше тѣло не обратится въ прахъ».

Вторая:

«Анакреонъ много пилъ и умеръ, но умеръ посреди наслаж- деній: ты хотя и не пьешь, но тѣмъ не менѣе сойдешь въ область аида».

Обѣ эти надписи ровно ничего не доказываютъ ни *за*, ни *про- тивъ* нравственности Анакреона, однако же приводятся въ доказа- тельство сильной его склонности къ вину.

Гораздо уважительнѣе для насъ слова Платона, называю- щаго Анакреона *мудрымъ* и *добродѣтельнымъ*; гораздо болѣе говорить въ пользу Анакреона уваженіе къ нему Пизистрата, Гиппарха и Поликрата, а также искренняя дружба Пиеагора,

этого строгаго, воздержнаго мыслителя и образцоваго гражданина.

Впрочемъ многочисленныя защитники Анакреона, и древніе, и новѣйшіе, горячо стоятъ за своего любимца, и одинъ изъ нихъ, Эліанъ Сладкорѣчивый ¹⁾ восклицаетъ: «Да не дерзнетъ никто оскорблять память теосскаго пѣвца, называя его невоздержнымъ.» Іосифъ Патригнанъ до того увлекается похвалами Анакреону, что преступаетъ всякіе предѣлы: по словамъ Бодонія, онъ относитъ нѣкоторыя пѣсни іонійскаго пѣвца къ Предвѣчному Младенцу.

Что касается современниковъ Анакреона, любовь ихъ къ пѣснямъ теосца доходила до восторга, до страсти.

«Съ того дня, какъ Анакреонъ» (мы приводимъ слова Деппе-Барона) «пропѣлъ свой удивительный гимнъ Венерѣ-Анадіоменѣ, матери Эрота, выходящей изъ волнъ, съ того дня не было на моряхъ Греціи ни одной лодки, гдѣ бы не звучали пѣсни іонійскаго старца. Вскорѣ эхо скаль и острововъ перенесло эти пѣсни на материкъ. Уже Поликрать, въ своемъ самосскомъ дворцѣ, сдѣлалъ блистательный пріемъ поэту, и Анакреонъ, по свидѣтельству Геродота, вскорѣ до того сблизился съ властелиномъ Самоса, что возсѣдалъ съ нимъ рядомъ во время пріема вѣстника, посланнаго сардисскимъ сатрапомъ Ороэте-сомъ. Позже, чтобы очаровать жадныхъ до новостей аеинянъ, еще незнакомыхъ съ мастерскими произведеніями Эхила, Эврипида, Софокла, Аристофана и Критина, аеинянъ, еще не испытавшихъ ощущеній страха, сожалѣнія и неудержимаго смѣха, Пизистратъ приказалъ оснастить пятидесяти-весельную галеру, съ позолоченными мачтами: галера была отправлена за Анакреономъ и привезла его въ Аеины. Платонъ рассказываетъ это событіе въ своемъ *Гиппархѣ*. Анакреонъ, стоя на кормѣ, въ вѣнкѣ изъ розъ, съ бородой, опрысканной духами, съ чашей въ рукѣ, не олицетворялъ ли собой бога наслажденій, совершающаго священныя возліянія Эгейскому морю — этой вѣтренной Нерендѣ, одѣтой Байрономъ въ длинную, волнистую ризу изъ сафира и золота ²⁾»?

¹⁾ Ист. Эліана. т. IV, кн. IX.

²⁾ Again his waves in milder tints unfold.
Their long array of psaphire and of gold.
(*The Corsair*. Cant. III).

Теосцы воздвигли въ честь Анакреона статую. Въ Афинахъ статуя Анакреона, описанная Павзаніемъ, была поставлена въ акрополѣ, близъ святилища Афины, рядомъ съ изваяніемъ, изображавшимъ Перикла.

Оеокритъ написалъ къ теосской статуѣ стихотвореніе, передаваемое нами въ близкомъ переводѣ:

Пристально въ статую эту взглядишь, чужеземецъ,
И, возвратясь домой къ себѣ, молви: «я видѣлъ въ Теосѣ
Анакреона, пѣвца несравненнаго древности славной». —
Если прибавишь: «и лучшаго юности друга» —
Въ этихъ немногихъ словахъ ты очертишь безсмертнаго мужа.

Сочиненія Анакреона дошли до насъ далеко не вполнѣ: по достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ сочинилъ двѣ поэмы: «Улиссъ и Пенелопа» и «Сонъ», нѣсколько элегій, ямбовъ, гимновъ, и множество пѣсень; но намъ сохранились только 60 пѣсень и до 60 отрывковъ.

Въ первый разъ текстъ Анакреона былъ изданъ въ 1554 году, въ Парижѣ, Гейнрихомъ Стефаномъ, съ присовокупленіемъ латинскаго перевода издателя. Съ этого времени, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, появилось весьма значительное число изданій Анакреона, съ прозаическими и стихотворными переводами, преимущественно на языкахъ—Французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Одна французская словесность считаетъ до 130 изданій.

Отчественная словесность имѣетъ два почти-полныхъ перевода Анакреоновыхъ пѣсень.

Первый переводъ принадлежитъ неизвѣстному автору, скрывшему свое имя подъ нѣсколькими звѣздочками ¹⁾.

Этотъ переводъ, съ текстомъ на лицо, появился въ Петербургѣ въ 1794 году ²⁾, и печатанъ въ типографіи корпуса чу-

¹⁾ Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что упоминаемый переводъ сдѣланъ покойнымъ литераторомъ Кутузовымъ.

²⁾ Мы не знаемъ, были ли другія изданія.

жестранныхъ единовѣрцевъ. Въ немъ заключается 61 пѣсня (считая Эпиталаму Стратоклему и Мириллѣ) и 15 отрывковъ. Вотъ — что говоритъ самъ авторъ о своемъ переводѣ:

«Анакреонъ переведенъ на русской языкъ съ греческаго, котораго я не знаю; по лѣтъ пять-шесть назадъ не труднѣе бы мнѣ можетъ быть было выучиться языку, нежели перевести вмѣсто одной книги по крайней мѣрѣ десять съ разныхъ языковъ, а сіе вотъ какимъ образомъ:

«Человѣкъ добровольной и греческой языкъ хорошо знающій ¹⁾, взялъ на себя трудъ подписать мнѣ каждое слово въ подлинникѣ такимъ образомъ:

(Приводится въ примѣрѣ 1-я пѣсня «къ Лирѣ» съ подсловнымъ русскимъ переводомъ подлинника.)

«Подъ руководствомъ снисходительнаго, въ знаніи греческаго языка несравненнаго, просвѣщеннаго и почтеннаго мужа, взялъ я на себя педантическія вериги—не выпустить ни какой рѣчи, и перевести оныя въ стихахъ греческой-же мѣры, не теряя сколько возможно плавности и свободы, красоту Анакреоновыхъ мыслей возвышающихъ, и для сего долженъ былъ при всякомъ почти стихѣ справляться въ морѣ здѣсь приложенныхъ переводчиковъ, свидѣтельствующихъ достоинство автора, изъ числа которыхъ слѣдоваль я болѣе тѣмъ, кои отмѣчены звѣздочками ²⁾. Для осужденія меня прошу (тѣхъ, кои греческаго языка не знаютъ) сличить переводъ мой съ другими, и наказать за то, гдѣ я отдалился отъ смыслу подлинника».

Переводу безыменнаго автора предпослано нѣсколько біографическихкихъ свѣдѣній объ Анакреонѣ, а на каждую пѣсню, при концѣ книги, сдѣланы миеологическія и филологическія примѣчанія, съ ссылками на разные авторитеты, и съ присовокупленіемъ подражаній

¹⁾ Изъ примѣчаній оказывается, что авторъ говоритъ о митрополитѣ Евгеніи.

²⁾ Звѣздочки отмѣчены переводы: *Гейприха Стефана* (лат. текстъ, Парижъ, 1534 г.), *Анны Дасье* (фр. т. Парижъ, 1681 г.), *Бернарда Лонженіера* (фр. т. 1682 г.), *Антонія ла-Фоса* (фр. т. Парижъ, 1706 г.), *Гакона* (фр. т. Парижъ, 1713 г.), *Муттонета де Клерфона* (фр. т. Парижъ, 1779 г.), *Фишера* (нѣм. текстъ, безъ означенія года и мѣста изданія), *Бакстера* (англ. текстъ, Лондонъ, 1695 г.), *Дона Стефана Манула де-Вельгаса* (исп. текстъ, Мадридъ, 1774 г.), *Иосифа Спалетти* (итальянскій текстъ, современный русскому переводу).

Ломоносова и Державина. Переводчикъ старался строго держаться подлинника и исполнилъ свой трудъ возможно-добросовѣстно; но языкъ перевода, разумѣется, уже очень устарѣлъ и къ сожалѣнію не передаетъ даже тѣни анакреоновскаго стиха. Мѣстами встрѣчаются произвольныя вставки; мѣстами смыслъ подлинника или понять превратно, или искаженъ. Впрочемъ, это уже вина не переводчика, а его руководителей. О вѣрной передачѣ греческаго размѣра мы даже и не упоминаемъ, какъ о попыткѣ, рѣшительно невозможной *даже на русскомъ языкѣ*.

Второй переводъ анакреоновыхъ пѣсень сдѣланъ переводчикомъ греческихъ классиковъ, *И. Мартыновымъ*. Выписываемъ изъ его предисловія къ изданію Анакреона въ 1829 году:

«Пользуясь временемъ, болѣе прежняго свободнымъ отъ занятій по службѣ, я, между прочимъ, выправилъ и переводы свои съ греческаго языка, въ разныя времена напечатанные, въ намѣреніи издать оныя вновь.

Къ таковымъ переводамъ принадлежитъ и *Анакреонъ*.

«Первое изданіе моего перевода вышло въ 1801 году. Съ того времени я могъ приобрѣсть больше познанія въ греческомъ и въ своемъ языкѣ, больше вкуса и опытности. Стоитъ только сравнить первое изданіе съ настоящимъ, чтобъ увидѣть, правду ли говорю. Почти ни одного стихотворенія не осталось безъ поправокъ, болѣе либо менѣе значительныхъ.

«И такъ втораго изданія моего перевода первое преимущество предъ прежнимъ состоитъ въ большей точности выраженія мыслей и чувствъ моего поэта. Стопосложеніе оставлено прежнее; ибо оно нѣкоторымъ образомъ подражаетъ Анакреону, исключая смѣшенія мужескихъ и женскихъ окончаній каждаго стиха, что нѣсколько облегчило мой трудъ въ соблюденіи точности перевода.

«Второе достоинство состоитъ въ напечатаніи противъ перевода подлинника. Излишнимъ считаю распространяться о пользѣ таковаго соединенія того и другаго.

«Третье — въ томъ, что во второмъ изданіи почти на каждое стихотвореніе сдѣланы филологическія примѣчанія. Ихъ написалъ я, а отчасти заимствовалъ изъ иностранныхъ переводчиковъ Анакреона, для того, чтобы читателямъ доставить вмѣстѣ и пріятное и полезное занятіе. Во многихъ мѣстахъ привелъ я мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ поэтовъ отнюдь не для тщеславной выставки своей учености, но для показанія, кто именно и въ чемъ подражалъ Анакреону, и при томъ въ надеждѣ, что

любителямъ поэзіи не противно будетъ видѣть прекрасные отрывки, изъ коихъ многіе и не очень извѣстны. Я предполагалъ, что мой переводъ можетъ попасться во всякія руки.

«Наконецъ, во второмъ изданіи помѣстилъ я переводы и подражанія Анакреону, сдѣланныя знаменитыми нашими лириками—Ломоносовымъ и Державинымъ. Самъ хотѣлъ я услужить наипаче молодымъ нашимъ писателямъ; они изъ сихъ примѣровъ могутъ видѣть, какъ переводятъ и подражаютъ великіе поэты, въ чемъ они подошли къ образцу своему, и въ чемъ ниже его».

Трудъ Мартынова—трудъ ученый и самобытный; смыслъ подлинника вообще понять и вѣрно передать переводчикомъ; примѣчанія обличаютъ большую начитанность и близкое знакомство съ древними авторами; но Мартыновъ не владѣетъ ни стихомъ, ни языкомъ. Переводъ его изобилуетъ тяжелыми оборотами рѣчи, странными перестановками словъ и нѣсколько тривіальными выраженіями.

Всѣ эти недостатки конечно порождены желаніемъ переводчика подойти какъ можно ближе къ подлиннику и передать его нѣжность и простоту; но благому намѣренію помѣшало отсутствіе поэтическаго такта. Оба упомянутые нами перевода, несмотря на разстояніе тридцати пяти лѣтъ, читаются съ одинаковымъ трудомъ. Кстати здѣсь замѣтить, что между тѣмъ и другимъ переводомъ есть какое-то родство: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ по два — по три стиха неизвѣстнаго переводчика цѣликомъ перенесены въ переводъ Мартынова. Иногда можно даже подумать, что неизвѣстный авторъ и Мартыновъ тождественны и что первый переводъ Мартынова появился не въ 1801, а въ 1794 году.

Нѣкоторыя пѣсни Анакреона были переведены — или близко, или въ отдаленномъ подражаніи—Ломоносовымъ, Державинымъ, Виноградовымъ ¹⁾, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Майковымъ, Фетомъ и др.

Теперь намъ остается объяснить появленіе новаго предлагаемаго нами перевода Анакреоновыхъ пѣсенъ; но предварительно мы желали бы сколько нибудь познакомить нашихъ читателей съ современнымъ возрѣніемъ на поэтическое значеніе теос-

¹⁾ Малоизвѣстный переводъ 1790-хъ годовъ.

скаго пѣвца. Съ этою цѣлью мы прежде всего сошлемся на авторитетъ одного изъ лучшихъ новѣйшихъ переводчиковъ Анакреона — Денне-Барона. Въ предисловіи къ своему переводу онъ говоритъ:

«Что касается полнаго анализа поэтическаго генія Анакреона, эту обязанность приняли на себя и исполнили прежде насъ многіе проницательные цѣнители и ученые критики. Съ своей стороны, мы просимъ только дозволенія упомянуть о томъ умственномъ восторгѣ и изумленіи, съ какими мы встрѣчаемъ у этого, по видимому, небрежнаго поэта, у этого вѣтренаго поклонника мимолетныхъ наслажденій безпримѣрно - смѣлые образы, чуждые всѣмъ остальнымъ лирикамъ.

«Таковы, на примѣръ: — *Львалъ* (даровала природа) *вертеть зубовъ* ¹⁾.

«Жизнь *убѣгаетъ и катится, какъ колесо колесницы* ²⁾.

Глубококолонная дѣвица ³⁾.

«Новое войско (женщины), бросающее стрѣлы — очамъ ⁴⁾.

«Источникъ, струящій *убѣжденіе* ⁵⁾.

«Кудри луговъ, колеблемыя дыханіемъ зефира ⁶⁾.

«Не правда ли, въ этихъ краткихъ рѣченіяхъ выраженія летятъ на встрѣчу мыслямъ поэта? Надобно сознаться, что цвѣты, рассыпаемые Анакреономъ, похожи на розу въ брачной пѣснѣ *Өетидѣ* ⁷⁾: ихъ могутъ срывать невредимыми только нѣжные персты юной дѣвы. И такъ, безукоризненный переводъ Анакреона былъ бы невозможенъ для самаго Лафонтена, для этого високаго образца простоты. У іонійскаго пѣвца стихи, размѣръ, эпитеты, даже частицы рѣчи — все какъ будто восклицаетъ переводчику: *Noli me tangere!* (Петронъ меня!) Тѣмъ не менѣе нѣсколько-сносный переводъ теосскаго пѣвца долженъ принести пользу читателямъ, незнакомымъ съ эллинскимъ языкомъ. Для людей порядочныхъ, въ 60 пѣсенкахъ Анакреона вмѣщается цѣлая теорія философіи наслажденій. Эта философія не представляетъ никакихъ затрудненій; она не преисполнена словопре-

¹⁾ Пѣсня II-я.

²⁾ Пѣсня IV-я.

³⁾ Пѣсня V-я.

⁴⁾ Пѣсня XVI-я.

⁵⁾ Пѣсня XXII-я.

⁶⁾ Пѣсня LVII-я.

⁷⁾ Катуллъ. Эпиталама *Өетидѣ* и *Пелею*.

ніями; нѣтъ въ ней ни жесткости, ни излишней утонченности, нѣтъ въ ней ничего неуловимаго; основной ея аксіомой можетъ послужить слѣдующій стихъ:

Bacchus guérit de tout, excepté du remords! ¹⁾.

. Въ похвалахъ Денне-Барона нѣтъ ничего преувеличеннаго. Форма Анакреоновыхъ пѣсень безукоризненна и въ отношеніи къ языку и въ отношеніи къ мелодіи стиха: приблизиться къ ея изящной простотѣ крайне трудно, если не невозможно. Лучшие переводчики, даровитѣйшіе поэты не могли вполне передать красоту своего подлинника. Благодаря римѣ, пѣсни Анакреона, въ переводахъ на новѣйшіе языки, могутъ быть звучнѣе, но мелодическій, по временамъ своенравный ихъ размѣръ недостижимъ, а плавная музыка обработаннаго Элинскаго языка не передается. Вотъ первая причина неодолимости подлинника. Вторая причина — самое содержаніе Анакреоновыхъ пѣсень. При первомъ взглядѣ, оно кажется очень однообразнымъ: вино, любовь и роза — три основныя и неизмѣнныя темы теосскаго пѣвца; все остальное — вариации. Мудрено ли, что послѣ столькихъ вѣковъ, породившихъ столько подражателей, эти нѣкогда свѣжія темы обратились въ общее мѣсто? Мудрено ли, что даже вариации на эти темы могли выходить иногда ярче подъ искусными перстами позднѣйшихъ лириковъ? Но чтò изъ этого слѣдуетъ? Неужели высокая истина, доступная нѣкогда единому гению, перестаетъ быть высокой истиной, обратившись въ общее достояніе? Неужели школьникъ, затвердившій таблицу умноженія, можетъ бросить тѣнь на лучезарное имя Пифагора? Конечно — нѣтъ. А между тѣмъ первообразы Анакреона, въ теченіе времени, потеряли свое значеніе и въ цѣломъ, и въ частностяхъ: многія лучшія его пѣсни кажутся намъ давно затверженными строками, давно опошленными афоризмами. Но попытаемся остановиться на 6-мъ столѣтіи до Р. Х., какъ на послѣднемъ моментѣ человѣческаго развитія, попытаемся забыть послѣдующіе вѣка — и тогда мы поймемъ Анакреона. Во первыхъ, мы поймемъ величіе духа язычника, закованнаго въ тѣсныя узы мнѳовъ, чуждаго понятій вѣчности и безсмертія, но чуждаго и жажды власти, и корысти, и зависти, и разрушительныхъ инстинктовъ, поймемъ, что этаго слѣпотствовавшаго человѣка руководило священное чувство любви. Во вторыхъ, мы поймемъ

¹⁾ Вакхъ избавляетъ отъ всего, кромѣ угрызений совѣсти.

однообразіе основныхъ его темъ, обоготворенныхъ религіей и присущихъ всякому его современнику, какъ выраженіе современныхъ вѣрованій.

Въ третьихъ, мы поймемъ красоты подробностей и самой мелкой отдѣлки каждой его пѣсни, вторившей тогдашнимъ убѣжденіямъ, понятіямъ, нравамъ и обычаямъ. Допустивъ, что выраженіе сочувственныхъ эллинскому обществу понятій достигаетъ у Анакреона высшей степени изящества, мы поймемъ наконецъ его поэтический геній и согласимся, что образцовый переводъ Анакреоновыхъ пѣсенъ невозможенъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, мало-мальски литературный переводъ ихъ необходимъ для каждой словесности.

Послѣднее убѣжденіе было поводомъ къ новому, предлагаемому здѣсь переводу Анакреоновыхъ пѣсенъ. Кромѣ того онъ вызванъ устарѣlostью и неполнотою первыхъ переводовъ Анакреона на русскій языкъ: съ одной стороны, въ настоящій переводъ вошли до сорока отрывковъ, еще неизвѣстныхъ въ отечественной словесности; съ другой стороны переводчикъ старался достигъ большей (сравнительно) стройности формы и благозвучія стиха.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что «Пѣсни Анакреона Теоскаго» переведены съ греческаго; что переводъ сличенъ съ переводами иностранными и уложенъ, за весьма немногими исключеніями, въ размѣръ, близкій къ подлинному.

Благосклонное вниманіе просвѣщенныхъ читателей будетъ лучшимъ вознагражденіемъ переводчика за его посильный трудъ.

Пѣсни Анакреона, предлагаемыя въ нашемъ переводѣ, принадлежатъ къ самой цвѣтущей эпохѣ Эллады.

ОБОКРИТЬ.

I.

РЫБАКИ.

ИДИЛЛІЯ.

Любезный Діофантъ! повѣрь, одна нужда
Искусствомъ двигала отъ вѣка
И преклоняла челоуѣка
Подъ бремя тяжкое труда.

Работникъ отдыха отраднaго не знаетъ;
Ему въ ночи не спится отъ заботъ:
Едва сомкнетъ глаза — пужда его толкаетъ;
И онъ, испуганный, отъ ложа возстаетъ.

Въ убогой хижинѣ, подъ тростниковой кровлей
Въ стѣнахъ, сплетенныхъ изъ листьвы,
Лежали на одрахъ изъ высохшей травы
Два старыхъ рыбака, измученные ловлей.
Валялися вокругъ уснувшихъ рыбаковъ
Орудія тяжелыхъ ихъ трудовъ:
Лѣсы и удочки, и неводъ, и корзины,
И сѣти мокрые въ зеленыхъ нитяхъ тины,

И верши, гнутыя изъ прутьевъ шняка,
И козій мѣхъ; надвинутая ловко,
Стояла на каткахъ ихъ лодка; а цыновка,
Одежды ихъ и два старинныхъ колпака
Имъ изголовіемъ служили.
Въ орудьяхъ ловли — все богатство рыбаковъ:
Ни утвари, ни пса... Они удачный ловъ
Своимъ верховнымъ благомъ чтили
И бѣдность имъ была любезнѣе всего.
Сосѣда не было у нихъ ни одного;
За то со всѣхъ сторонъ ихъ море окружало
И въ хижину волной гремячею плескало.
Едва ли полнебесъ промчался бѣгуны
Селенной блестящей колесницы,
Когда у рыбаковъ раскрылся рѣсницы
И съ вѣждъ слетѣли сны.
Пробуждены заботою подѣнной,
Они ведутъ нехитрый разговоръ,
Подсказанный природой благосклонной.

Асфаліонъ.

Другъ, мы съ тобою слышали съ давнихъ поръ,
Что лѣтомъ день длиннѣй, а ночь всегда короче,
Что Зевсъ возвелъ на нихъ всемплоствы очи...
Обманывали насъ — ты что ни говори:
Я видѣлъ сотни словъ, а нѣтъ еще зори...
Иль заблуждаюсь я? Иль что же значить это?

Ольписъ.

Асфаліонъ! ненужно укорять
Непрозвольную пору любви и лѣта...
И какъ не хочешь ты понять?

Ночь для тебя длинна, затѣмъ лишь, что заботой
Всѣ ночи у тебя, мой другъ, удлинены.

Асфаліонъ.

Умѣешь ли отгадывать ты сны?

Сегодняшній я расскажу съ охотой.

У насъ съ тобою общій ловъ —

И сны должны быть общими, пріятель!

Ты смысломъ одаренъ, а здравый смыслъ для сновъ —

Прямой истолкователь.

Притомъ же намъ досугъ: забившись въ постель,

Безъ дѣла и безъ сна лежимъ мы, а досель

Еще небесная лампада не погасла:

По-крайней-мѣрѣ тамъ всегда довольно масла.

Ольдисъ.

Ну, что же? расскажи подробности твой сонъ!

Асфаліонъ.

Вчера, трудомъ обычнымъ утомлѣнъ,

Я послѣ ужина заснулъ, совсѣмъ усталый.

Ты помнишь, мы съ тобой поуживали мало

И поздно. Снилось мнѣ: я на скалѣ сижу

И взоровъ съ полавка упорно не свожу.

Вдругъ рыба грузная приманку ухватила...

Собака снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку...

Моя не вдругъ сдалась желѣзному крючку:

Хотя всю воду кровь холодная багрила,

Но гнула уда, и я съ большимъ трудомъ

Добычу тяжкую удерживалъ крючкомъ.

Водя ее въ кругахъ: «укусишь, такъ больнѣ
Тебя я укушу!» со зла я говорилъ...

Побилася она и замерла. Вольнѣ

Я натянулъ лѣсу — и бой оконченъ былъ.

И что же увидалъ я? рыбу золотую —

Да, рыбу, всю изъ золота литую!

Какъ испугался я! Быть можетъ, мною взять

Любимецъ самого Нептуна, или кладъ

Лазурноокой Амфитриты?

И съ удочки я снялъ ее слегка,

Чтобъ не были нечаянно отбиты

Пылинки золота зазубриной крючка.

И бережно, съ обычную сноровкой,

Добычу на берегъ я вытащилъ веревкой.

Потомъ я поклялся — про море позабыть

И съ золотомъ моимъ на сушѣ царски жить;

Но въ то жь мгновенье пробудился.

Другъ, разувѣрь меня... Я клялся, я божился..

Ольписъ.

Асфаліонъ, себя напрасно не тревожь —

Ни клятвы не давай, ни золотой ты рыбы

Не изловилъ: твой сонъ — обманъ и ложь.

Вставай — и на берегъ, на каменные глыбы,

Спѣши скорѣе: тамъ закинешь въ море сѣть

За рыбами — не мнимыми — живыми;

Но бойся: съ голода ты можешь умереть

Съ твоими снами золотыми.

II.

ОБЪТЪ.

О, пастырь рѣзвыхъ козь! когда ты этой весью
Пройдешь къ дубовому густому перелѣсью,
Ты тамъ, на цоколь треножномъ, межъ дубовъ,
Увидишь статую хранителя садовъ,
Внимательнаго къ зву всевластной Афродиты:
И деревянный торсъ, обдѣланный едва,
И хмѣлемъ вьющимся вѣнчанная глава
Кой-гдѣ еще корой смоковницы покрыты...

Подъ изваяніемъ вокругъ обведена
Рукою жреческой священная ограда,
А мимо, съ высей скалъ, проносится ручей —
Подъ сѣнью лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей,
Подъ кипарисами и листвою винограда.
Кочующихъ дроздовъ весеннія семьи
Вкругъ изваянія давно уже заплели
И златокрылые ночные соловьи
Выводятъ въ честь его серебряныя трели.

Остановися тамъ и къ богу воззови
И възвѣсти, что я, съ покорностью ребенка,
Молю, чтобъ онъ меня избавилъ отъ любви,
И въ жертву приношу отборнаго козлёнка.
А если отъ меня отклонить онъ бѣду —
На жертвенникъ его три жертвы я кладу:
И лучшаго козла, и лучшую телицу,
И агнца лучшаго, сосущаго ягницу,
Въ очварнѣ скрытаго до жертвеннаго дня.
О, еслибъ только богъ помпловалъ меня!

1856.

III.

АМАРИЛЛИНА.

Передъ пещерою моею Амариллины
 Я буду пѣть, пока съ утеса на утесъ
 Товарищъ за меня на горныя вершины

Погопитъ рѣзвыхъ козъ.

Мой добрый другъ, Титиръ! постереги мнѣ стадо,
 Пока его жарà къ ручью не согнала;
 Но помни, что тебѣ остерегаться надо

Вотъ этого ливійскаго козла:

Онъ силенъ и сердитъ, и можетъ ранить рогомъ.

Амариллина, отчего

Тебѣ не състь передъ порогомъ

И не позвать къ себѣ того,

Кто только тѣмъ передъ тобой повиненъ,

Что упоенъ всей чарой красоты?

О, нимфа милая! ужель находишь ты,

Что носъ коротокъ мой и подбородокъ длиненъ?..

Погубишь ты меня, сведешь меня съ ума!..
Вотъ десять яблоковъ, любви моей задатокъ —
Всѣ съ дерева, что ты назначила сама:
Я завтра принесу тебѣ другой десятокъ.
Но сжался надъ моею любовью и тоской.
Зачѣмъ я не могу быть легкою пчелой!
Влетѣлъ бы я къ тебѣ и въ одрѣ забллся чистый,
Подъ папоротникъ тотъ и плющъ широколистый,
Гдѣ члены нѣжные покоишь ты во снѣ.

Теперь, Эроть, извѣстень ты и мнѣ:

Ты — богъ безжалостный — и полный ярой злости —

И лъвицею вскармленный въ лѣсахъ...

Ты жжешь мнѣ кровь и пепелишь мнѣ кости...

Красавица, съ улыбкою въ очахъ,

Но съ сердцемъ, вылитымъ изъ мѣди неподатной,

Ты, чернобровая, лобзаньемъ очаруй

Меня въ объятіяхъ: волшебень поцѣлуй

У нимфы на груди, какъ волны, перекатной.

Но нѣтъ, мнѣ разорвать приходится вънокъ,

Моей рукой тебѣ сплетѣнный

Изъ темнаго плюща съ петрушкой благовонной...

Что дѣлать мнѣ?.. что предпринять я могъ?..

Ты для меня глуха... мнѣ даже нѣтъ надежды...

Осталось одно: совлечь съ себя одежды

И въ волны кинуться съ скалистыхъ береговъ,

Гдѣ Олимпсъ-рыболовъ манить къ себѣ притравой

Прожорливыхъ тунцовъ.

А если гибели избѣгну я — забавой

Мое отчаянье послужить для тебя.

Я ненависть твою извѣдалъ, полюбя:

Любовь, ты. — вѣщая наука!

Надъ маковымъ листкомъ недавно я гадалъ;

Но тщетно я его рукою прижималъ:

Подъ нею лопнулъ онъ безъ звука.

Гадальщица на вѣрномъ рѣшетѣ,

Агрея старая, ты истину сказала,

Когда, бродя въ поляхъ, въ полночной темнотѣ,

На трепетный вопросъ мнѣ грустно отвѣчала:

«Ты полюбилъ безстрастную, пастухъ!»

А между-тѣмъ для ней, моей Амариллины,

Я берегу козу: ея волнистый пухъ

Сверкаетъ серебромъ, какъ ллія должны,

И двое маленькихъ козлятъ

Ея сосцы упругіе доятъ.

Эритакида, дочь Мермнона,

Темнокудрявая, какъ волны Ахерона,

Просила подарить козу еще вчера:

Я завтра же пошлю подарокъ ей съ утра —

Затѣмъ, что ты смѣешься надо мною.

О, боги! дрогнулъ правый глазъ —

То знакъ свиданія! Сажуся подъ сосною

И начинаю пѣть. Красавица, хоть разъ

На бѣднаго пѣвца ты взглянешь не сердито!

Нѣтъ, сердце у тебя едва ль изъ мѣди слито!

(Поетъ:)

«Царевой юною плѣнень,

«Проворный Гиппомень на попрщце вступаетъ,

«И — яблоки въ рукахъ — въ аренѣ мчится онъ,

«И первый цѣли достигаетъ.

«При видѣ золотыхъ плодовъ въ его рукахъ,

«Страсть къ побѣдителю зажглась въ твоихъ очахъ,

«О Аталанта! Мать Альфезибѣн мудрой,

«Супругой Біаса ты сдѣлалась тогда,

« Когда на Илосъ съ Отриса стада
« Согналь Мелампъ, гадатель чернокудрый...
« И не тогда ль плѣнилъ Киприду Адонсъ,
« Когда на высахъ горъ стада его паслесь?
« Но не могла любовника Киприда
« Оспорить на груди безсмертной у апа...
« О, какъ завиденъ мнѣ тотъ непробудный сонъ,
« Что очи у тебя смежилъ, Эндиміонъ:
« Счастливецъ Язіонъ! съ богинею прелестной
« Ты то узналь, что смертнымъ неизвѣстно! »

Я стражду... голова моя горитъ въ огнѣ...
А ты и знать не хочешь обо мнѣ.
Довольно пѣть. Но знай, о нимфа молодая,
Я лягу здѣсь — и пусть волковъ голодныхъ стая
Меня въ куски скорѣе разорветъ —
И будетъ смерть мнѣ сладостнѣй, чѣмъ мѣдь.

1856.

IV.

ДѢТСТВО АЛКИДА.

ИДИЛЛІЯ.

На ночь Алкмена, омывши и грудью вскормя лебединой
Чадь своихъ милыхъ — Алкида, которому только десятый
Мѣсяць пошелъ, и Фикла, юнѣйшаго ночью единой —
Спать ихъ на мѣдномъ щитѣ уложила: доспѣхъ тотъ богатый
Былъ Амфитріономъ снятъ съ Птерелая, какъ памятникъ боя,
Боя, гдѣ палъ Птерелай отъ могучей десницы героя.
Нѣжно Алкмена своихъ сыновей цѣловала,
Нѣжныя рѣчи тому и другому вѣщала:

«Спите, младенцы, души моей радость, чета дорогая,
Спите спокойно, спокойно по утру раскройте рѣсницы!
Пусть эта ночь переносится, вашего сна не смущая,
Пусть озаритъ васъ весельемъ и счастьемъ сіянье денницы!»
Молвила; щитъ мѣднокованный тихо качаетъ —
И невидимкою соиъ на младенцевъ слетаетъ.

Темная ночь перешла половину небесной дороги;

Вья Медвѣдцы плавно подѣ мощнымъ плечомъ Волопаса
Стала клониться къ закату: тогда-то къ Алкменѣ въ чертоги
Неумолимая Гера, во мракѣ полночнаго часа,
Местью дыша, низпослала на гибель младенца Алкида
Пару лазурно-чешуйчатыхъ змѣевъ, ужаснаго вида.

Крадутся вровень съ землею чудовища въ мракѣ полночи,
Длинные кольца свои развиваютъ и движутся рядомъ;
Искрятся ярко зловѣщимъ огнемъ кровожадныя очи;
Страшныя пасти раскрыты и чернымъ опѣнились ядомъ.
Близятся змѣи, ползуть и острятъ ядовитое жало...
Но ничего не скрывается въ мѣрѣ отъ взоровъ Зевеса:
Вдругъ пробудилися чада Алкмены и мрака завѣса
Спала съ чертоговъ и все въ нихъ внезапно, какъ днемъ,
просіяло.

Первый примѣтилъ Ификлъ, на округлыхъ загибахъ щитовыхъ,
Этихъ чудовищныхъ змѣевъ, предать его смерти готовыхъ.
Страшные зубы завидѣвъ, онъ крикнулъ въ испугѣ, ногами
Сбросилъ съ себя одѣяло-руно и спастися пытается.
Но ужъ младенецъ Алкидъ ни испуга, ни страха не знаетъ:
Змѣевъ схватилъ онъ и крѣпко имъ дѣтскими стиснулъ руками
Горло, налитое ядомъ, богамъ ненавистнымъ безъ мѣры.
Тщетно чудовища въ кольцахъ опутать Алкида хотѣли:
Имъ не подѣ силу младенецъ, задержанный местію Геры
Въ часъ народенья и слезъ незнававшей съ самой колыбели.
Вскорѣ чудовища, силы утративъ въ борьбѣ бесполезной,
Длинные кольца развили — и рвутся изъ петли желѣзной...

Въ это мгновеніе Алкмена, заслышавъ въ безмолвіи ночи
Крики Ификла, открыла дремотой смежѣнныя очи:
«Встань, Амфитріонъ! отъ ужаса дыбомъ вздымается волосъ...

Встань необутый. Ты слышишь ли нашего младшаго голосъ ?
Видишь ли свѣтъ этотъ странный, во мракѣ чертоги
Намъ до зари осіявшій? Какую напастию боги,
О, мой супругъ дорогой, угрожаютъ во гнѣвъ мнѣ, бѣдной?»

Прянулъ въ волненьи съ одра Амфитріонъ и мечъ свой побѣд-
ный

Снялъ съ одного изъ столповъ, въ изголовьѣ кедроваго ложа:
Новую тканую пѣревязь лѣвой рукою хватаетъ,
Правою — мечъ изъ искусно-точѣныхъ ножѣвъ извлекаетъ.
Вдругъ прекратилось сіяніе, мракъ полуночный умножа.
Голосомъ громкимъ зоветъ Амфитріонъ невольниковъ сонныхъ:
«Вѣрные слуги! скорѣе свѣтильниковъ, ярко зажжонныхъ!
Выбейте двери, замки и запоры сломите!
Встаньте! сѣшьте, усердные слуги, сѣшьте!»

Слуги на зовъ Амфитріона тѣсною толпою прибѣгаютъ,
Яркіе свѣточи вносятъ и вскорѣ чертогъ наполняютъ.
Видя, что зміи вокругъ колыбели дѣтей обвиліся,
Разомъ всѣ вскрикнули въ страхъ, Алкидъ же, не вѣдавшій
страха,

Въ радости дѣтской, чудовищъ отцу показалъ, смѣючися,
И — бездыханныхъ — къ ногамъ его бросилъ съ размаха.
Между тѣмъ, блѣднаго, оледенѣннаго страхомъ Ифikle
Къ персямъ прижавши, Алкмена надъ нимъ со слезами
поникла...

Слѣдомъ за ней, подъ руно уложивши младенца другаго,
Царь возвратился въ ложницу, чтобъ сномъ успокоиться
снова...

V.

АЛКИДЪ — ПОБѢДИТЕЛЬ ЛЬВА, ИЛИ БОГАТСТВА АВГІАСА.

пдпддддд.

...Пастырь маститый тогда, переставъ заниматься работой,
Молвилъ ему:

«Чужеземець, съ великой охотой

Я любопытство твое удовольствовать радъ, въ избѣжанье

Гнѣва путей охранителя, Гермеса: вѣренъ я богу,

Онъ же, правдивый, всегда насылаетъ на тѣхъ наказанье,

Кто не укажетъ заблудшему страннику путь и дорогу:

«Овцы царя Авгіаса не вмѣстѣ—въ стадахъ раздѣленныхъ,

Въ округахъ разныхъ пасутся: однѣ по должнамъ —

Вдоль береговъ Элзента, другія у водъ освященныхъ

Старца-Алфея, иныя по злачнымъ Бупрѳоза вершинамъ,

Прочія — въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо

Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣль-
ныя надо.

Такъ и быки: не узнаешь числа ихъ завистливымъ счетомъ —
Бродятъ они безъ числа по обширнымъ менійскимъ болотамъ.
Мирно пасяся на пажитяхъ вѣчно зеленыхъ,
Влажныхъ лугахъ, благотворной росой орошенныхъ,
Много находятъ они благовоной и сочной поправки:
Каждый день новую сплу даютъ имъ цвѣтушія травы.

«Вправо, на томъ берегу, ты увидишь павѣсы ихъ хлѣва,
Тамъ, чужеземецъ, гдѣ старые яворы вѣтви склонили,
Гдѣ поднимается дикая маслина — видишь? — а слѣва
Видишь ли храмъ? — Аполлону его посвятили:
Нѣкогда пастыремъ былъ онъ и самъ, небожитель.

«Далѣе, видишь: одна и другая, и третья обитель?
Много ихъ: тутъ обитаемъ мы, вѣрныя царскіе слуги,
Стражи и пахари всѣхъ неисходныхъ царевыхъ владѣній.
Только тогда и ввѣряемъ мы Геѣ посѣвъ нашъ весенній,
Если три раза и даже четыре желѣзные плуги
Моно ея избраздять. Испытавшимъ поля земледѣламъ
Служить занятъемъ разсадка лозы и отростковъ древесныхъ;
Прочіе гнѣтъ виноградный плодомъ насыпають, созрѣлымъ
Въ жаркомъ дыханіи лѣта, въ лучахъ поднебесныхъ.

«Этихъ равнинъ — Авгіасъ обладатель счастливый,
Также и этихъ холмовъ, увѣчаныхъ златистою нивой,
Также и сѣней вѣтвистыхъ веселаго этого сада,
Чтò до горы небокрайной бѣжитъ отъ пытливаго взгляда.
Бьютъ водометомъ изъ каменныхъ персей ключи студеныя.

«Мы обработкой полей заняты безпрестанно, съ охотой,
Съ ревностнымъ тщаньемъ на пользу труды прилагая дневные,
Какъ подобаеть слугамъ, занятымъ полевою работою,

Ежели мудрый владыка ихъ сердцу любезенъ.

«Но расскажи чужеземецъ (быть-можетъ, я буду-полезенъ),
Что привело тебя въ наши равнины? владыку народа
Ищешь ты, иль одного изъ подвластныхъ его приказанью?
Здѣсь я все знаю и могъ бы наставить тебя по желанью.
Доблестный видъ признается порукою доблести рода:
Вижу, что ты не изъ племенъ смертныхъ, коварныхъ и злоб-
ныхъ —

Нѣтъ, только боги являются намъ въ очертаньяхъ подобныхъ».

«Добрый старикъ», отвѣчалъ ему сынъ многодоблестный Діа:
«Я съ Авгіасомъ, владыкой энеянь, прпшелъ на свиданье.
Ежели въ городѣ онъ и, въ народномъ собранъѣ,
Для благоденствія гражданъ, вершитъ начинанья благія
Правды законной, богамъ правосуднымъ подобенъ,
Дай провожатымъ мнѣ перваго мужа, который способенъ
Рѣчь мою внять и котораго рѣчи не будутъ мнѣ чужды:
Ибо людей, по желанью Зевеса, связуютъ взаимныя нужды».

«Странникъ», промолвилъ въ отвѣтъ селянинъ, сѣдиной убѣленный:
«Странникъ, тебя, безъ сомнѣнья, нацутствовалъ богъ благо-
склонный;

Ты пожелалъ — и желанья твои не остались въ тунѣ:
Самъ Авгіасъ и Филей, его сынъ, наканунѣ
Прибыли къ намъ и, повѣрь, не останутся здѣсь попустому;
Царь осмотрѣть все пространство обширныхъ владѣній намъ-
ренъ:

Только хозяйское око — а въ эгомъ и царь нашъ увѣренъ —
Только оно и хранить благоденствіе всякаго дому.
Слѣдуй за мною подь кровли пастушьи къ обителямъ этимъ:
Можетъ-быть, тамъ самого Авгіаса мы встрѣтимъ».

Молвилъ — и съ мѣста поднялся пастухъ престарѣлый.
Львиная кожа на крѣпкихъ плечахъ незнакомца младого,
Тяжкая палица въ мощной десницѣ и видъ его смѣлый —
Все возбудило давно удивленіе старца сѣдого;
Жаждалъ его разспросить онъ, однако не смѣлъ попытаться;
Въ страхъ — замедлить спѣшившаго гостя, невольно
Сдерживалъ рѣчи, готовыя съ устъ полотверстыхъ сорваться.
Въ тайныхъ же мысляхъ другого нельзя намъ читать произ-
вольно.

Шли они молча; но отзвукъ шаговъ ихъ въ окрестности
горной

И испаренія тѣла немедленно псовъ разбудили.
Съ яростнымъ лаемъ Алкида мгновенно они окружили,
Къ старому пастырю тутъ же ласкаясь покорно;
Онъ же нагнулся и приподнял нѣсколько камней. Поспѣшно
Псы отбѣжали въ испугъ. Прикрикнувши строго,
Пастырь успѣлъ отогнать ихъ; но старому было утѣшно
Втайнѣ помыслить о чуткости стѣрожей вѣрныхъ.

«Какъ много

Боги даруютъ намъ въ этомъ разумномъ твореніи!» снова
Молвилъ старикъ, обратя къ чужеземцу почтенное слово:
«Знай отличать оно сразу друзей отъ враговъ господина —
И ни одно изъ животныхъ въ смышлености съ нимъ не
сравнится;
Но черезчуръ оно гнѣвно и слѣпо, когда раздражится».

Тутъ улеглись въ конуры послушные псы селянина.
Между-тѣмъ солнце на западъ своихъ бѣгуновъ направляло;
Горній Олимпъ озарялся вечерней звѣздой.
Сытыя овцы стекались съ пастбищъ въ овчарни волною;

Слѣдомъ за ними быки; несчислимое стадо смѣняло
Новое, новое стадо: одни за другими, безъ счета,
Валомъ—валомъ стада и тѣснились, какъ влажныя тучи,
Яростно спертая въ быстро-любимыя кучи
Силой Борея еракійскаго или многобурнаго Нота:
Вѣтеръ пѣхъ гонить, мѣшаетъ и вержетъ одна на другую,
Такъ-что и взоръ отличить не успѣетъ отъ первой вторую.
Вотъ какъ безчислены были стада Авгіаса. О, боги!
Ими покрылись всѣ доли, равнины, дороги;
Всѣ окружныя поля огласились мычаньемъ и ревомъ.
Вскорѣ быки по привычнымъ расходятся хлѣвамъ;
Овцы овчарни свои наполняютъ.

Однако,

Какъ ни велико число пастуховъ и прислужниковъ, всякій
Занятъ своею работою—и праздныхъ межъ нихъ не бываетъ.
Кто изъ работниковъ пути на ноги теллицъ нацѣляетъ,
Чтобъ невозбранно доить ихъ, а кто къ неотдѣленнымъ
маткамъ

Выкормковъ юныхъ подводитъ подъ тяжко-висящее вымя;
Этотъ амфору несетъ, въ молоко орошенную сладкомъ;
Тотъ замѣсилъ ужъ и сыръ маслянистый кругами густыми;
Прочіе тутъ же поспѣшно стада отъ теллицъ отдѣляютъ.

Царь Авгіасъ по овчарнямъ и хлѣвамъ идетъ, вычисляя,
Сколько доставила прибыли паства дневная.
Мудрый Алкидъ и Филей повсемѣстно царя провожаютъ.
Сынъ Амфитріона, слышій въ безстрашной душѣ несмут-

мымъ,

Былъ изумленъ этимъ множествомъ стадъ несчислимымъ.
Точно: никто не возмогъ бы, дотолѣ отъ вѣка,
Столько богатства представить въ рукахъ одного человѣка.

Десять царей, пресловутыхъ обиліемъ стадъ и полями,
Десять царей, съединивъ достояніе, были бѣ бесплны
Съ нимъ поровнятся. Самъ Фебъ свѣтоносный и благообильный
Сына содѣлалъ богаче всѣхъ смертныхъ стадами,
И ежедневно ростилъ ихъ и множилъ. Ни морь, ни заразу —
Гибель для стадъ и отчаянне пастырей добрыхъ — ни разу
Царь не извѣдалъ еще надъ стадами своими.

Мало того: у него умножались быки съ каждымъ годомъ
И улучшали породу; телицы всѣ были съ приплодомъ,
Больше юницъ, чѣмъ тельцовъ принося. Между ними
Треста быковъ круторогихъ и бѣлопожныхъ ходили;
Двѣсти другихъ, красношёрстныхъ, давно ужъ телицъ отягчили.
Всѣхъ ихъ гораздо виднѣе двѣнадцать быковъ, посвященныхъ
Солнцу и бѣлыхъ, какъ лебеди. Горды своею красою,
Стадомъ отдѣльнымъ пасутся они въ луговинахъ зеленыхъ,
Въ пажитяхъ злчныхъ кормятся росистой травю.
Ежели изъ лѣсу дикіе звѣри, сбѣжавши въ долины,
Вдругъ на стада нападуть — всѣ двѣнадцать быковъ, какъ
единный,

Хищникамъ встрѣчу несутся и бой начинаютъ жестокой:
Ярый ихъ гнѣвъ соотвѣтствуетъ ихъ громовому мычанью,
Жаждою смерти пылаетъ ихъ кровью налитое око.
Выше другихъ и сильнѣе — одинъ, Фаетонъ по прозванью;
Пастыри вѣрно сравнили его съ лучезарной звѣздою —
Такъ онъ отличенъ походкою гордой и статной красою.
Львиную кожу завидѣвъ, несется онъ прямо къ герою,
Чтобъ сокрушить ему бокъ неуклончивымъ лбомъ; но безъ
страха

Идетъ нападенья Алкидъ: ухвативши рукою
За рогъ быка, онъ пригнулъ ему голову кнзю съ размаха,
Крѣпко палець на плечо ему мощнымъ колѣномъ, какъ игомъ,
Прочь отъ себя оттолкнулъ — и животное мигомъ,

Все задрожавъ, поднялоя на заднія ноги въ испугѣ.
Царь Авгіасъ и Филей, и кругомъ ихъ стоявшіе слуги —
Все изумилса этой неслыханной силѣ...

Между-тѣмъ мудрый Алкидъ и Филей именитый
Съ этихъ полей плодоносныхъ въ сосѣдственный городъ
спѣшили.

Узкой тропой, въ виноградникахъ мимо овчаренъ пробитой,
Еле-замѣтной межъ лозъ и густыми листьями прикрытой,
Вышли они на большую дорогу, поля покидая.

Туть, на плечо свое правое голову тихо склоняя,
Молвилъ возлюбленный сынъ Авгіаса Алкиду,
Сыну Зевеса могучаго, шедшему сзади:

«Вѣрно *тебя*, чужеземецъ, молва прославляетъ въ Элладѣ?
Нѣсколько сутокъ тому, посѣтивъ на пути Арголиду,
Въ наши мѣста приплывалъ мореходъ геллкейской:
Былъ онъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ и рассказывалъ мнѣ, что недавно
Эллинъ одинъ, на глазахъ у него, поразилъ достоуважно
Страшнаго льва, обитателя мрачной дубровы немейской,
Встарь посвященной Зевесу. Чудовище это безъ мѣры
Всю разоряло страну изъ своей недоступной пещеры.
Гдѣ побѣдителя родина — мнѣ неизвѣстно; тѣмъ менѣй —
Въ Аргосѣ ль онъ обитаетъ, въ Тиринѣхъ ли, или въ Микенѣхъ?
Но, говорилъ онъ, герой происходитъ отъ крови Персея.
Я же увѣренъ, что *ты* совершилъ этотъ подвигъ: сви-
дѣтель —

Львиная кожа на плечахъ, что ты не случайный владѣтель
Этого, силой руки добытого трофея.

Вѣрно ли я догадался, и ты ли герой, о которомъ
Мнѣ говорилъ мореходъ передъ цѣлымъ эпейнъ соборомъ?

Если я правъ, передай мнѣ, въ разсказѣ подробномъ,
Какъ ты побѣдно сразился съ чудовищемъ злобнымъ,
Какъ оно въ округъ Немей пропикнуло? Было бъ напрасно
Звѣря такого пскать по Элладѣ прекрасной:

Этихъ чудовищъ не вдываль Пѣлопса островъ ни разу —
Тамъ лишь медвѣди, кабаны, да стаи волковъ дикобразныхъ.
Вотъ почему пзумился всѣ, кто внимали разсказу.
Многіе просто его принимали за шутку для праздныхъ».

Кончиль Фллей и сошелъ съ середины дороги, желая
Слушать какъ можно внимательнѣй, идучи подлѣ Алкида.

«Сынъ Авгіаса», промолвилъ герой, отвѣчая:

«Ты не ошибся въ догадкѣ — и вся 'Арголида

Въ этомъ порукою. Юный морякъ Геликен

Точно о мнѣ говорилъ. Исполняя твое же желанье,

Все разскажу я тебѣ о чудовищѣ страшномъ Немей;

Лишь одного я не знаю: откуда оно появилось?

Всѣ многолюднаго Аргоса жители дать указанье

Также не могутъ; но мнѣнѣе такое у нихъ утвердилось,

Что форонейнамъ богъ, раздраженный на нихъ и понынѣ,

Корою явнаго ихъ побереженья къ святынѣ —

Льва низпослалъ. Какъ потокъ въ половодье, повсюду разсѣянъ,

Левъ обтекалъ всѣ поля, поглощая стада по дорогѣ.

Большій ущербъ наносилъ онъ стадамъ бембиндѣянъ,

Близикихъ сосѣдей его, приводившей всѣхъ въ ужасъ, берлоги.

Мнѣ Эврисоей, для начала трудовъ, присужденныхъ богами,

Льва повелѣлъ умертвить. Я отправился, правой рукою

Гибкій мой лукъ захвативши и туль со стрѣлами,

Лѣвою — палцу съ свѣжей, еще не отставшей корою:

Палцу самъ я обдѣлалъ пзъ крѣпкой, подгорной масляны,

Вывавши съ корнемъ ее посреди Геликонской долины.

«Къ львиной берлогѣ приблизившись, лукъ изготовилъ я
къ бою

И натянулъ тетиву смертоносной стрѣлою.

Между—тѣмъ око мое повсемѣстно вращалось,

Взоръ устремляя на встрѣчу сокрытому вражьему взору.

Ясное солнце давно ужъ полнеба промчалось;

Но не единого слѣду еще не видалъ я въ ту пору

И не слыхалъ еще львинаго рыку. Въ покинутомъ полѣ

Пастырей мирныхъ и пахарей не было болѣ:

Блѣдный страхъ смерти держалъ ихъ подъ кровами кущей.

Лѣсъ изъ конца и въ конецъ пробѣгалъ я вѣтвистою гущей,

Встрѣчи и боя со львомъ ожидая съ досадою немалой.

«Къ вечеру только, пресыщенный мясомъ и кровію алой,

Онъ возвратился къ своей одинокой пщерѣ лѣниво.

Мощная грудь, голова и косматая грива

Были кровавою грязью противно покрыты;

Онъ еще съ морды облизывалъ кровь.

«На вершинѣ пригорка,

Частою листовою окрестныхъ кустарниковъ скрытый,

Я выжидалъ на проходѣ врага и слѣдилъ его зорко.

Только ступилъ онъ впередъ, какъ стрѣла засвистѣла

И угодила ему въ лѣвый бокъ — но напрасно:

Кожу у льва не пробивъ, остріе отъ упругаго тѣла

Втункъ въ траву отскочило. Желѣзо для льва не опасно,

Страшную голову приподнялъ левъ удивленный,

Въ недоумѣніи обвелъ по окрестности взоръ раскаленный,

Пасть разомкнулъ и ужасные зубы оскалилъ.

«Въ негодованіи на этотъ ударъ бесполезный,

Новой стрѣлою я въ грудь его прямо ударилъ,

Въ самую душку, но — еле царапнувъ по кожѣ желѣзной —
Также безвредно къ ногамъ его пала стрѣла и вторая.

«Одушевленный отчаяньемъ, я несомѣнно бы встрѣтилъ
Третьей стрѣлою врага, но, повсюду свой взоръ обращая,
Левъ наконецъ и меня разгорѣвшимся окомъ замѣтилъ.
Длиннымъ хвостомъ въ подколки себя ударяя,
Онъ ужъ немедля готовится къ смертному бою:
Яростно вздулася шея; щетинится грива густая;
Крѣпкій хребетъ изогнулся упругой дугою,
Весь извиваясь на чреслахъ и бедрахъ. Подобно
Вѣтви смокòвницы, что подъ искусной рукою,
Передъ огнемъ, въ колесо округлялась свободно;
Но, неожиданно выскользнувъ вонъ изъ руки напряженной,
Вдругъ распрямилась и вдругъ отскочила далеко —
Этой то вѣтви подобно, и левъ раздраженный
Быстро скакнулъ на меня. Но одеждой широкой
Львюю руку прикрывши, стрѣлою я чудовище встрѣтилъ,
Правой же палцу въ лобъ ему сильнымъ размахомъ намѣтилъ
И опустилъ ее. Маслина на два куска разломилась,
Въ черепъ ударивши мѣдный. Чудовище снова
Страшнымъ прыжкомъ на противника ринуться было готово —
Лапы его ужъ совсѣмъ отъ земли отдѣлились,
Но зашаталось оно и упало въ беспилн яромъ —
Такъ его мозгъ потрясенъ былъ ужаснымъ ударомъ —
И непроглядно тьмою одѣлися грозныя очи.

«Видя, что левъ обезпамятелъ, бросилъ я лукъ со стрѣлою,
И, не давая опомниться льву, что есть мочи
Сзади мохнатую шею обвилъ я рукою.
Въ страхъ, чтобъ онъ не поранилъ мнѣ руку когтями,
Лапы переднія льва я сжимаю ногами.

Мышцами лядвй давлю ему бедра, затѣмъ поднимаю
Голову съ лапами вмѣстѣ — и жизнь у него вырываю.
И отлетѣлъ, уносяся изъ тѣсныхъ объятій Алкида,
Духъ безобразный чудовища на берегъ мрачный аида.

«Тутъ же задумаль я крѣпкую кожу съ бездушнаго тѣла
Снять — и изыскиваль средства для этого дѣла;
Но ни желѣзомъ, ни клиномъ, ни камнемъ не могъ я надрѣза
Сдѣлать на кожѣ, и только самими богами
Былъ вдохновень — разодрать ее льва же когтями.
Въ этомъ успѣлъ я — и кожу, твердѣйшую даже желѣза,
Снялъ и, какъ-будто броней, покрылся я ею:
Съ ней и удары убійственныхъ вражескихъ стрѣлъ безопасны.

«Вотъ какъ, мой другъ, пораженъ этотъ левъ, устрашавшй
Немею,
Этотъ и стадъ и людей истребитель ужасный».

1856.

VI.

ВОЛШЕБНИЦА.

ИДИЛЛІЯ.

Гдѣ вѣтви лавра? гдѣ любовный мой напитокъ?
Өестиллида, неси!... вотъ чаша: поскорѣй
Поставь ее въ огонь и разверни надъ ней
Багрянаго руна завороженный свитокъ:
Пускай всю силу чаръ извѣдаетъ теперь

Мой вѣроломный, вѣтренный любовникъ,
Страданья моего безжалостный виновникъ.
Двѣнадцать дней прошло, а онъ ни разу въ дверь
Ко мнѣ не постучалъ, и не узналъ, жестокой,
Жива я или нѣтъ? Онъ отъ меня далеко...

О! для меня сомнѣвій больше нѣтъ:
Киприда и Эроть, во злобѣ несказанной,
Зажгли другой огонь въ душѣ непостоянной;
Но завтра я пойду въ гимназіи Тимагетъ,
Найду его и все узнаю при свиданьи,
А нынче совершу надъ нимъ я заклинанье.

Луна! укрась вѣщомъ лучей

Твое чело! зову тебя трикраты,
Зову тебя, владычица ночей,
Въ сообществѣ подземныя Гекаты!
Геката, ты пугаешь даже псовъ,
Когда въ ночи, стезею потаенной,
Скользишь незримо межъ гробовъ
Стопой окровавленной.

Геката страшная, привѣтствую тебя!

Пребудь со мной и тайну чаръ повѣдай,
Чтобъ я сравнилася, соперницу сгубя,
Съ Медеею и съ русой Перимедой.

О, птица въщая! верни его ко мнѣ.

Уже ячмень совсѣмъ сгорѣлъ въ огнѣ...

Теперь, Фестилида... несчастная рабыня!

Гдѣ у тебя, проклятой, голова?

Сыпь соль и говори волшебныя слова:

«Богиня!

Я кости Дельфиса сжигаю на огнѣ».

О, птица въщая! верни его ко мнѣ.

Да; Дельфисъ моего страданія виновникъ —

Я за него жгу лавръ; онъ пламенемъ одѣтъ,

Трещить, разсыпался — и пепла даже нѣтъ:

Пусть такъ сгоритъ до тла невѣрный мой любовникъ

На медленномъ, невидимомъ огнѣ.

О, птица въщая! верни его ко мнѣ.

Какъ мягкій воскъ мой пламень чарный,

Пусть также Дельфиса растопитъ страстный жаръ!

Какъ вокругъ моей руки вотъ этотъ мѣдный шаръ,

Пусть такъ вокругъ меня вращается коварный

И на яву, и въ снѣ!

О, птица въщая! верни его ко мнѣ.

Теперь въ огонь я брошу горсть мякны...

Геката! ты могуществомъ красы
Смягчаешь сердце твердаго мужчины
Въ самомъ адѣ... Чу!... рабыня! лають псы...
Ихъ вой вѣщаетъ намъ въ протяжныхъ отголоскахъ:
«Спѣшите въ мѣдный щитъ ударить: видимъ мы
Богиню тьмы

На ближнихъ перекресткахъ».
О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ!
Умолкнулъ говоръ волкъ; стихъ вѣтеръ; все во снѣ;
Не спитъ одна тоска въ душѣ моей смятенной.

Я страстию къ тому воспалена,
Кто, вмѣсто имени — подруга и жена,
Лишивъ меня всего, что было мнѣ безцѣнно,
Оставилъ мнѣ позоръ и горести однѣ.
О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.

Я возліянья трижды совершаю
И съ троекратною мольбой къ тебѣ зываю,

Свѣтило ясное ночей:
Отдай мнѣ Дельфиса, тоски моей не множа;
Какая бь дѣва съ нимъ ни раздѣляла ложа,
Пусть сей же часъ забудетъ онъ о ней,
Пусть будетъ имъ она оставлена нещадно,

Какъ нѣкогда Тезеемъ Аріадна
Была оставлена на Наксосѣ, во снѣ.
О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
Аркадскій гишпоманъ првводитъ въ изступленье
Коней и кобылицъ — и мчатся по горамъ
Они въ безуміи. И ты къ моимъ дверямъ,
Мой Дельфисъ, прилети въ такомъ же унесенѣ,
Въ такомъ же бѣшенемъ огнѣ.

О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
Бахромку пѣплума онъ потерялъ случайно:

Я рву ее — и вотъ
Лоскутья мелкіе въ огонь бросаю тайно.

Увы! безжалостный Эроть!

Зачѣмъ, какъ жадная шйавка, тѣло точишь
И сердце мнѣ сосеешь, и жаркой крови хочешь?
О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
Но въ ступѣ истолочь должна я на огнѣ

Зеленой ящерицы члены:

Напитокъ гибельный изъ нихъ составлю я —

И завтра же волшебнаго питья

Я Дельфису подамъ, въ возмездіе измѣны.

Рабыня, зельями порогу его дверей

Ты окропи сначала... Понемногу

Всѣмъ сердцемъ приросла я къ этому порогу,

А Дельфисъ пренебрегъ любовію моею.

Потомъ, рабыня, плюнь и вымолви скорѣй:

«Я пепель Дельфиса по вѣтру разсыпая».

О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.

Теперь осталась я съ тоскою наединѣ...

Какъ рассказать мнѣ страсть? кого винить? — не знаю .

Анаксо, дочь Эвбола, шла

Въ Діанинъ лѣсъ; священную кошницу

На головѣ она несла;

Въ лѣсъ навели звѣрей, пустили даже львицу,

Чтобъ день торжественный отпраздновать сполна.

Владычица почей, узнай, какъ я любила!

Моя кормилица, сосѣдка, Тевкарила,

Оракіянка — теперь въ Элизіѣ она —

Меня просила, убѣждала

И бѣдную Діаной заклинала

Пойди на праздникъ вмѣстѣ съ ней.

Я облеклась въ хитонъ свой серебристый

И, въ мантии богатой Клеаристы,
Въ слѣдъ за кормилицей моею,
На прѣзднество богини поспѣшила.
Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
На половинѣ нашего пути
Попался Дѣльфисъ намъ — подобье Аполлона.
Онъ съ Эвдамиппомъ шелъ близъ хижины Ликона,
И намъ близъ ней случилось идти.
Цвѣли ихъ пѣжныя ланиты,
Златистымъ пухомъ юности покрыты,
И спорила ихъ груди бѣлзна
Съ твоими персями блестящими, луна!
Шли изъ гимназія; борьба ихъ заманила.
Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
При взглядѣ на него я, бѣдная, тотчасъ,
Вся вспыхнула огнемъ, мой разумъ помутился
И скрылось прѣзднество изъ потемнѣвшихъ глазъ,
И блѣдностью мой лобъ болѣзненно покрылся.
Не знаю, кто отвелъ меня домой,
Но цѣлыхъ десять дней лежала я больной:
Меня горячка жгучая палила.
Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
Все тѣло у меня желтѣло, какъ топазъ,
И сѣклись волосы, и кости были кожей
Едва обтянуты... О, боги! но кого же,
Кого тогда въ мольбахъ я не звала изъ васъ?
Какой волшебницы помочь мнѣ не просила?
Но легче не было, а время уходило...
Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
Я, наконецъ, призналася рабъ:
«Фестилида, спаси! откроюся тебѣ:
«Миндіецъ — жизнь моя, мое существованье.

«Ступай въ гимназіи Тимагетъ

«И выждидай его: онъ выйдетъ на гулянье;

«Онъ спорить тамъ въ борьбѣ, какъ молодой атлетъ:

«Средь юношескихъ игръ растетъ и крѣпнетъ сила...

(Владычица почей, узнай, какъ я любила!)

«И, если онъ одинъ, тихонько помани:

— «Симета ждетъ тебя — ступай за мной!» — шепни».

Сказала я — раба со мной простилась

И вскорѣ не одна подъ кровъ мой воротилась:

Красавецъ Дѣльфисъ съ ней.

Когда же сердцемъ я — не ухомъ — у дверей

Чуть слышный шумъ его походки уловила.

(Владычица почей, узнай, какъ я любила!)

Похолодѣла я, какъ ледъ;

Полуденной росой съ чела закапалъ потъ...

Какъ иногда ребенка сонъ встревожить

И мать во снѣ позвать онъ хочетъ, но не можетъ,

Такъ точно я тогда безъ голоса была,

И рѣчь моя въ устахъ холодныхъ замерла...

На мраморъ я недвижный походила...

Владычица почей, узнай, какъ я любила!

Коварный юноша потушилъ скромно взоръ,

Ко мнѣ на ложе сѣлъ и началъ разговоръ.

«Симета — опъ сказалъ — меня ты пригласила,

«Но выслушай — тебѣ я не солгу:

«Ты менѣ, чѣмъ я Филлиа на бѣгу,

«Меня опередила.

(Владычица почей, узнай, какъ я любила!)

«Да я и самъ хотѣлъ къ тебѣ придти...

«Свидѣтель мнѣ Эротъ: съ двумя-тремя друзьями,

«Я въ эту ночь собирался принести

«Тебѣ корзину съ свѣжими плодами

- «И побѣдителемъ возлечь у милыхъ ногъ
«Въ вѣнкѣ изъ тополя: Эллада тотъ вѣнокъ
 «Безсмертному Алкиду посвятила...
(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)
«И если бы меня пустила ты къ себѣ,
«Была бы счастлива: рѣшеніемъ всегласнымъ
 «Любовникъ твой и ловкимъ и прекраснымъ
«Былъ признанъ изо всѣхъ соперниковъ въ борьбѣ.
«А я бы счастливъ былъ, любовію волнуемъ,
«Съ пурпурныхъ устъ твоихъ единымъ поцѣлуемъ.
«Но еслибъ, оттолкнувъ меня, твоя рука
«Не сдвинула съ дверей запретнаго замка,
«Мнѣ путь открыли бы огонь, желѣзо, сила...
(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)
«Сперва Киприду я благодарю: меня
 «Богиня счастьемъ подарила;
 «Потомъ тебя, за то, что изъ огня
«Ты вырвала меня и въ домъ свой пригласила;
«А я, красавица, ужь былъ испепеленъ:
«Бывалъ и богъ огня огнемъ любви сожженъ.
(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)
 «Да, велика любви могучей сила:
 «Она съ постели не одну
 «Срывала въ часъ таинственныхъ свиданій
«И дѣву юную, и юную жену,
«Еще дрожавшую отъ мужниныхъ лобзаній...»

Такъ Дѣльфисъ говорилъ — внимала я ему,
Я, легковерная, влюбленная — и что же?

Покорная безумью моему,

Влекла его на дѣвственное ложе...

Слились уста и вспыхнулъ жаръ въ крови...

Но, цѣломудренно-любившая Селена,
Ты знаешь тайнства любви!

Съ того мгновенья неизмѣнно
Текли дни наши въ тишинѣ,
Безъ ссоръ, упрековъ и обиды...
Но мать Филлисто, олетриды,
Явилася ко мнѣ

Сегодня по утру, едва лишь кони Феба,
Изъ моря вынырнувъ, помчались вдоль неба,
Зорю румяную гоня —

Пришла и вѣстію встревожила меня:

«Твой Дѣльфисъ полюбилъ другую — я не знаю
Кого онъ полюбилъ; но знаю лишь одно,
Что въ честь своей любви онъ часто пьетъ вино,
А ты оставлена... Твой вѣтренникъ цвѣтами
Вѣнчаетъ дверь любовницы своей».

Она сказала мнѣ, и я — я вѣрю ей:

Сосѣдка славится правдивыми рѣчами.

И точно, отчего,

Бывало, онъ на дню три раза побываетъ

И чашу у меня порою забываетъ,

А вотъ двѣнадцать дней не вижу я его?

Ужели онъ забылъ меня для новой милой?

Но, нѣтъ! съ Симетою онъ связанъ клятвы силой,

И, если пренебречь задумаетъ мной онъ,

Клянуся Парками, подземный Ахеронъ,

Увидитъ скоро онъ твой токъ огнисто-бурный:

Затѣмъ, что ядъ училась составлять

У ассирійца я — и знаю сберегать

Его на дѣвъ волшебной этой урны.

Прости, луна! направь своихъ коней
На отдыхъ и на сонъ — въ чертоги Океана...
А мнѣ не отдохнуть съ печалію моею.

Прости, серебряная Діана,
Простите также вы, свѣтильники ночей,
Вы, спутники ея беззвучной колесницы,
Ея, ночей блистательной царицы!

1856.

VII.

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ПРАЗДНЕСТВО АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ.

Горго.

Дома Праксіноа?

ПРАКСИНОА.

Милая Горго, какъ поздно! Я дома;
Но ужь и ждать перестала тебя. Поскорѣ скамейку
И изголовье, Эйнда!

Горго.

Не нужно.

ПРАКСИНОА.

Да полно, садися!

Горго.

Вѣрю теперь, что блаженны безплотныя души!
Какъ я устала, Праксіноа! думала, вѣтеръ повалитъ...

Шла къ тебѣ — шла, и не знала дойду ли? На улицахъ давка:
Все колесницы четверкой, сандалии, брѣни, хламиды.
Чернь такъ и ломитъ стѣною: несилу-то вотъ дотащилась.

ПРАКСИНОА.

Что же ты хочешь? съ большого ума, мой любезный сожитель
Лучше придумать не могъ, какъ найти мнѣ конурку —
Здѣсь, на краю всего свѣта, затѣмъ ужъ конечно,
Чтобъ разлучить насъ съ тобою: во всемъ, вотъ во всемъ мнѣ
перечить;
Просто не мужъ онъ, а извергъ мой!

ГОРГО.

Ссъ! Помолчи при ребенкѣ:

Видишь, какъ смотритъ?

ПРАКСИНОА.

Запіріонъ, душечка! я не объ тятъ...

ГОРГО.

Все понимаетъ мальчишка, клянуса самой Прозерпиной!

(*Зопріону.*)

Милый мой, тятя твой добрый и умникъ!

ПРАКСИНОА.

«Сей умникъ и, будто бѣ»,

Какъ говорится въ законѣ, «виновникъ дней нашего сына» —
Вздумалъ вчера мнѣ купить притираній, и — вмѣсто селитры —
Добылъ — орясина въ сажень! — чего же ты думаешь? — Соли!

Горго.

Вылитый мой Диоклэйдасъ: присяжный палачъ на покупки!
Вообрази себѣ: цѣлыхъ семь драхмъ заплатилъ, и за что же?
За пять облѣзлыхъ овчинокъ — отрѣпя, собачія шкуры,
Лѣхмы на лохмахъ!... Однако бери поскорѣй покрывало
И одѣвайся. Пора во дворецъ Птоломея, на праздникъ
Въ честь Адониса. Я слышала, будто царица готовить
Намъ торжество изъ торжествъ.

Праксипноа.

Для того и богатство дается
Людымъ, чтобъ были богаты.

Горго.

Конечно... А мы хоть посмотримъ
Да перескажемъ тѣмъ, кто не видалъ. А пора намъ сбираться!

Праксипноа.

Празднымъ одна пора: праздникъ... Воды мнѣ, Эйноа, скорѣе!
Слышишь? Да что же ты тянешься, точно какъ кошка съ про-
сонокъ?
Сдвинься же съ мѣста!... И прежде всего мнѣ воды!.. Полю-
буйтесь,
Какъ подаетъ она! Лей же потише, несчастная! брызжетъ
Мнѣ на хитѳнионъ, словно на тряпку какую! Довольно!
Вотъ и умылась, какъ боги велятъ умываться. Эйноа,
Ключъ отъ большого ларца!... да сама принеси мнѣ живѣе.

Горго.

Вотъ-такъ къ лицу эмперѳмена!... Какъ извиваются сборки!
Сколько, по правдѣ, дала ты за ткань?

ПРАКСИНОА.

И не спрашивай, Горго!

Чуть ли не цѣлыхъ двѣ мины, чистѣйшихъ серебряныхъ мины.
Вышивки я не считаю: всю душу въ нее положила...

Горго.

Ну, и довольна?

ПРАКСИНОА.

Довольна. Подай покрывало, Эйноа,
Да ужь и мантію кстати.

(*Zonurionu.*)

А ты — ты останься:

Волки тамъ ходять... кусаются... Лошади также кусаютъ
Маленькихъ мальчиковъ. Хнычь - себѣ въ волю, а я ужь не
брошу

Такъ-таки прямо тебя подъ копыты. Прощай же! Эй, няня!
Чѣмъ-нибудь надо потѣшить ребенка! Покличь ты собаку,
Да не забудь же, смотри, припереть дверь засовомъ. О боги!
Чтò за толпа! Вотъ поди проберись сквозь такой муравейникъ!
О, Птоломей! съ той поры, какъ отецъ твой къ богамъ сопри-
численъ,

Сколько добра ты намъ сдѣлалъ! Теперь не боятся ужь путникъ
Смѣлыхъ воровъ, настоящихъ египтянъ; а въ прежнее время
Какъ плутовали они заодно цѣлою хитрою шайкой!

Милая Горго! спасайся: вонъ вершники царскіе мчатся!
Ахъ, не сомни меня, всадникъ любезный! Твой *рыжий* взбѣсился:
Такъ и стоять на дыбахъ... Отодвись же, дура-Эйноа —
Разомъ убьетъ! Хорошо, что ребенокъ мой дома остался!

Горго.

Да успокойся, Праксиноа: всѣ ускакали на площадь.

ПРАКСИНОА.

Охъ! наконецъ отдыхаю... Коня, да змѣи ледянистой
Больше всего я боялася съ дѣтства. Однако
Надобно намъ поспѣшить: прибываетъ толпа за толпою.

ГОРГО.

Ты изъ дворца что-ли, матушка?

СТАРУХА.

Да, мои дѣтки, оттуда.

ГОРГО.

Можно войти?

СТАРУХА.

Попытайся: повремени, даже и въ Трою
Греки вошли. Все повремени можно. Попытка — не шутка.
Такъ-то, красавица!

ГОРГО.

Все рассказала старуха по пальцамъ —
И ужь ушла.

ПРАКСИНОА.

Да чего не расскажутъ старухи! Все знаютъ...
Даже, какъ Гера на брачное ложе приѣмлетъ Зевеса.

ГОРГО.

Видишь, Праксиноа, сколько народу у двери толпится?

ПРАКСИНОА.

Ужасъ что! Горго, дай руку мнѣ: такъ вотъ! А ты Эвтихида,
Эйноа,

За руку крѣпче, какъ можешь, возьми, да смотри не отстань же:
Надо всѣмъ вмѣстѣ войти. Ближе къ намъ прижимайся, Эйноа!
Бѣдная я! мой лѣтнѣикъ ужь изорванъ... Не правда ли, Горго?
Дѣй да хранить твои дни; но прошу я тебя, чужеземець,
Платье мое пощади!

Чужеземець.

Радъ бы радостью былъ... Постараюсь.

Праксиноа.

Страшная давка! Толкутся, какъ стадо свиное.

Чужеземець.

Не бойтесь!

Вотъ на просторъ вы и выбрались, женщины!

Праксиноа.

Ахъ, дорогой чужеземець!

Ты — нашъ спаситель! пошли тебѣ небо счастливые годы.
Какъ онъ любезень и честень! Эйноа, насъ душать! Держися!
Да пробивайся жь впередъ на проломъ, злополучная! Знатно!
Всѣ вошли, какъ говорить новобрачный, свою молодую
Въ домъ запирая на первую ночь...

Горго.

Подойди сюда ближе —

Ткани сначала посмотримъ: взгляни что за прелесть, за тонкость!
Кажется, боги творили...

Праксиноа.

Пресвѣтлая дѣва-Аѣнна!

Что за ткачихи ихъ ткали? Какой живописецъ—художникъ
Образы эти набросилъ? Не живопись — люди живые!

Сколько ума въ человѣкѣ! А самъ Адонисъ! полюбуйся —
Какъ онъ хорошъ на серебряномъ ложѣ!... ланиты покрылись
Юности дѣвственнымъ пухомъ. О, какъ онъ хорошъ, вселю-
бимый,
Даже любимый и тамъ, на самомъ берегу Ахерона!

2-й чужеземецъ.

Долго ли вамъ ворковать всякій вздоръ? Точно горлицы, тянутъ
Слово за словомъ!

Горго.

Да кто ты, мой милый? И что тебѣ, если
Мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ поболтать? Мы твои не рабыни!
Ты спракузянкамъ хочешь законы писать? Не трудися:
Знай, что мы родомъ — прямые коринѳянки и согражданки
Съ Беллерофономъ. Языкъ нашъ безъ примѣси пелопонезской.
Иль говорить по-дорійски доріянкамъ ты запрещаешь?

Праксиноа.

О, Медодарница! ужъ ты отъ двухъ-то господъ насъ избави!
И одного съ насъ довольно! Тебя не боюсь я, пришелецъ;
И не позволю обидѣть себя никому... понапрасну.

Горго.

Полно, Праксиноа! Видишь: готовится въ честь Адониса
Пѣтъ знаменитая дѣва Арген, которая въ пѣсняхъ
Сперхиса столько ужъ разъ побѣждала. Молчи жъ: начинается...
Вѣрно, споетъ превосходно, и я восторгаюсь заранѣ.

Женщина (поетъ).

Ты, властелинка надъ Гѳлгосомъ, ты, соприсущая
Нивамъ Идалии, съ Эриксомъ круто-холмистымъ,

Ты, поцѣлуемъ зовущая
Звонче, чѣмъ золотомъ чистымъ!

Видишь — годъ минулъ: къ тебѣ самого Адониса, Киприда,
Медленно-лѣтныя Оры приносятъ съ прибрежій аида!
Правда, медлительны Оры; но всѣ ихъ желаютъ и просятъ:
Что-нибудь людямъ *онъ* постоянно приносятъ..

Дочь Діонен, Киприда! ты смертному лозію,
Цвѣтъ и бессмертную завязь дала, всеблагая,
Каплю по капль амврозію
Въ грудь Береники вливая:

И потому, многохрамная, честь Адонису и лики,
Что, красотою съ Еленою равная, дочь Береники,

Что Арсиноа тебѣ благодарна... Взгляни же ты,
Какъ надъ твоимъ Адонисомъ цвѣты заплелся;
Какъ въ чаши гроздія выжиты —
Будто бы сами лилися;

Какъ для него созрѣваютъ плоды подъ дыханьемъ Зефира;
Какъ въ золоченныхъ сосудахъ курится сирійская-мирра.

Все, что изъ бѣлой муки на листахъ псекается,
Съ примѣсью травъ и растеній душистыхъ, женами,
Сокомъ оливъ насыщается,
Иль золотыми сотами,

Все, что съѣдомо въ водахъ, на землѣ и въ пространствахъ
ээира,

Все — передъ гостемъ, любезнымъ виновникомъ нашего пира.
Вотъ — для него же — увита бесѣдка укропомъ пахучимъ,
Крошки-эроты надъ ней переносятся роємъ летучимъ:

Такъ соловьята пытаются крыла мягкопернаго
Силу, порхаячи, съ вѣтки на вѣтку, дубровой.

Сколько тутъ дерева чорнаго,

Золота, кости слоновой,

Сколько ихъ въ этихъ орлахъ — такъ и слышно — крылами шумя-
щихъ,

Къ внуку Сатурнову въ высь виночерпя юнаго мчащихъ!

«Мягче вы сна!» восхищаясь коврами багровыми,

Скажетъ милетець; самосецъ сказалъ бы все то же...

Вотъ, подь завѣсой, готовыми

Высятя ложе и ложе:

Въ первомъ — Киприда, въ другомъ — Адонисъ — Адонисъ, не от-
жившій

И девятнадцати вѣсенъ; такъ рано и юно любившій,

Что не кололъ нѣжный пухъ его усть, при лобзаніи,

И еле-еле подь нимъ золотились ланиты.

Какъ ты блаженъ при свиданіи,

Юный супругъ Афродиты!

Завтра, зарею, мы къ морю снесемъ и тебя, и Киприду,

И, съ обнаженными персями, гимнъ запоемъ подь пектиду:

«Лишь одинъ ты, полубогъ,

Возвратиться къ смертнымъ могъ

Изъ обители Плутона —

И съ прибрежій Ахерона

Намъ на время возвращень.

Этой чести удостоень

Ни герой Агамемнонь,

Ни Аяксъ, свирѣпый воинъ,

Не былъ Крѣндомъ во вѣкъ,

И ни Гекторъ самъ, любимый

Изъ сыновъ Гекубы чтимой,

Ни одинъ сей человекъ,

Ни Патрокль, ни Пирръ — герои,
Соразрушители Трон,
Ни древнѣйшіе отъ нихъ,
Тѣ, на ветхихъ трупахъ чьихъ
Зародилася Эллада,
Девкаліонови чада —
Всѣ они, и всѣ они,
Всѣ Пеласги, Пелопиды,
Какъ и мы, кончали дни:
Ты одинъ, супругъ Киприды,
Ты одинъ, нашъ Адонисъ,
Живъ пзъ смертныхъ... Возвратись!...»

Горго.

Богв! Праксивоа, слышала? Вотъ-такъ счастливица-дѣва!
Дважды — счастливица! Что за гремучій, неслыханный голосъ!
Чтò за искусство!... Но время домой намъ: теперь голодаетъ
Мой Діоклѣйдасъ; а если онъ голоденъ — просто бѣдовый!
Ахъ, Адонисъ мой, прости; но вернися — на счастье намъ — снова!

1858.

VIII.

ПОХИТИТЕЛЬ МЕДА.

—

Какъ-то Эроса, за кражу изъ улья сотовъ благовонныхъ,
Въ палець ужалила больно пчела: онъ и на руку дуетъ,
Онъ и ноженкою топаетъ о-земь отъ боли и гнѣва,
И къ Афродитѣ летитъ — показать ей жестокую рану,
Малымъ созданьемъ такимъ, какъ пчела, нанесенную злобно.
«Сынъ мой!» богиня ему отвѣчаетъ съ улыбкою: «развѣ
Самъ не похожъ ты на пчелку? Подумай: ты — малый ребенокъ,
А вѣдь какія ты раны наносишь своими стрѣлами!»

10 апрѣля 1862.

IX.

КЪ СТАТУЪ АНАКРЕОНА.

Пристально въ статую эту взглядишь, чужеземецъ,
И, возвратясь домой къ себѣ, молви: «я видѣлъ въ Теосѣ
Анакреона, пѣвца несравненнаго ветхой Эллады».
Если прибавишь: «и лучшаго юности друга» —
Въ этихъ немногихъ словахъ ты очертншь безсмертнаго
мужа.

17 августа 1856.

СЪ АНГЛІЙСКИТЕ.

МИЛЬТОНЪ.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

I.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

И девять разъ уже смѣнилось время,
Мѣрило дня и ночи для людей,
Какъ Сатана, со скопищемъ проклятымъ
Лежалъ, въ горящей пропасти вращаясь,
Разбитый, сокрушенный, хотъ безсмертный.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему иная кара —
И большая — была присуждена:
Его съ тѣхъ поръ терзать долженствовали
Двѣ мысли — объ утраченномъ блаженствѣ
И мукахъ, нескончаемыхъ во вѣки.
Уныло онъ вокругъ бросаетъ взоры,
Горящія и скорбію мятежной,
И гордой, закоснѣлою враждою.
И вдаль онъ смотритъ — и вездѣ, куда
Достигнуть можетъ ангельское око,

Онъ видитъ лишь ужасную пустыню,
Обширную и дикую темницу,
Окружную со всѣхъ сторонъ, подобно
Горнилу распаленному; но пламя
Не изливаетъ свѣта въ ней, а только —
Мракъ видимый, способный озарить
Мерцаніемъ ужасные предметы —
Страну печалей, горестныя сѣни,
Гдѣ никогда не могутъ обитать
Ни тишина, ни миръ; куда надежда,
Всѣмъ близкая, ни разу не достигла;
Гдѣ муки пытки длятся безконечно;
Гдѣ жупель несгораемый питаетъ
Всечасно прибывающій потопъ
Огня геенны. Такова обитель,
Назначенная вѣчнымъ правосудіемъ
Мятежникамъ. Ихъ мрачная темница
Удалена отъ Бога и отъ свѣта
На разстоянъе, бѣльшее трикраты,
Чѣмъ отъ земнаго средоточья полюсь.
О, какъ не схожа эта бездна съ высью,
Откуда духи сверженные пали!
И вотъ своихъ сообщниковъ въ паденьѣ
Затопленныхъ горящими волнами,
Средь ярыхъ вихрей бурнаго огня
Узрѣлъ онъ вскорѣ, и съ собою рядомъ
Узрѣлъ въ мученьяхъ скорченнаго духа,
Совмѣстника по силѣ и нечестью,
Того, къ кому, чрезъ вѣки, Палестина,
Постыдно поклоняясь, зывала:
«Веэльзевулъ!» Ему-то архи-врагъ,
На небѣ нареченный Сатанюю,

Ужасное молчаніе нарушивъ,
Въщаль такія дерзостныя рѣчи:

«Ты ль это? О! какъ глубокó ты палъ!
Какъ не похожъ на образъ лучезарный,
Что нѣкогда въ блаженномъ царствѣ свѣта
Своимъ сіяньемъ яркимъ затмѣвалъ
Воителей небесныхъ мпіады!

И ежели ты тотъ, кого со мною
Одни и тѣ жь намѣренья и думы,
Одна и та жь надежда и отвага
На славный подвигъ вмѣстѣ съединили,
Какъ соединяетъ ранняя погибель —
Ты видишь самъ, въ какую пропасть пали
Мы съ высоты, низвержены громами
И молніей Всевышняго. Но кто же
Доселѣ зналъ всю мощь Его десницы?
Однако же ни эта мощь, ни кары,
Быть можетъ, уготованныя впредь
Мнѣ гнѣвнымъ Побѣдителемъ, не въ силахъ
Вселить въ меня расканья, и я —
Хотя въ наружномъ блескѣ измѣненный —
Не измѣню ни умысла того,
Ни высшаго того пренебреженья
Къ обидѣ, мнѣ неправо нанесенной,
Которые принудили меня
Со Всемогущимъ смѣло состязаться,
И вызвали на лютую борьбу
И бой тьмы-темь духовъ вооруженныхъ:
Они Его владычество отринуть
Осмѣлились, и предпочли меня,
И, воспротивясь силою своею

Всевышней силѣ, средь равнинъ небесныхъ
Въ сомнительномъ бою поколебали
Его престоль... Мы потеряли поле,
Но что жь? не все потеряно: остались
И воля непреклонная, и месть,
И мужество, несвычайное ярму:
Вотъ что во вѣкъ ни чѣмъ непобѣдимо!
И этой славы отъ меня исторгнуть
Ни гвѣвъ Его, ни сила не возмогутъ.
И неужель колѣнопреклоненно
Мнѣ пасть во прахъ челою и умолять
О милости, и власть боготворить
Того, кто самъ содрогнулся недавно
За власть свою предъ грозной сей десницей?
О, нѣтъ! такое униженье будетъ
Безчестнѣй и позорнѣе паденья!
Зане, судьбы вѣлѣньемъ, существо
И мощь духовъ ничѣмъ несокрушимы,
Мы, опытомъ событій приснославныхъ
Увѣрясь въ силѣ нашего оружья
И пскусясь въ предвидѣньѣ разумномъ,
Должны рѣшить, съ надеждой необманной:
Вести ль отнынѣ силой, иль коварствомъ
Непримпримо — вѣчную войну
Съ Враговъ Великихъ — Онъ же торжествуетъ
Въ избыткѣ радости побѣдной, и царить
На небесахъ — Единный самовластно!»
Такъ говорилъ богоотступникъ-ангелъ,
И, посреди мученій, громогласно
Отчаяньемъ и пыткой велпчался.

II.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Ничто съ Эдемомъ не могло сравниться,
И все красой далеко отстояло
Отъ сада ассирійскаго, гдѣ *врагъ*
Обозрѣвалъ кругомъ безъ наслажденья
Всѣ рѣды наслаженій, и всѣ рѣды
Живыхъ существъ, для взора странно-новыхъ.
Межь ними два, съ осанкой благородной,
Съ богоподобно-возвышеннымъ станомъ,
Единой ризой чистоты одѣты,
Казались — въ ихъ величьи обнаженномъ —
Достойными владыками всего :
Во взорахъ ихъ сіялъ и отражался
Всеславнаго Создателя ихъ образъ,
И истина, и разумъ, и святая,
Покорная любовь дѣтей къ отцу —
Покорная, но вольная — а людямъ
Могущество она лишь придаетъ...
Однако же чета была неравной,
Какъ былъ неравнымъ самый полъ ея :
Онъ созданъ былъ на мощь и созерцанье;
Она — на чары нѣжныя и прелесть;
Онъ созданъ былъ единственно для Бога;
Она — для Бога — въ образъ *его*.
Его чело высокое и взоры

Являли власть верховную; и кудри —
Темнѣе гіацинта — ннпадали
Съ пробора, ровень съ мощными плечами.
У ней, до самыхъ легко-стройныхъ чреслъ,
Покровомъ пали золотыя пряди
Волосъ, волнистыхъ, сладострастно-мягкихъ,
Какъ завитокъ весенній винограда.
Зависимость они обозначали,
Но обоудно-признанную впрочемъ,
Зависимость, къ которой власть и сила
Тѣмъ легче и нѣжнѣе относились,
Чѣмъ болѣе встрѣчали и отпора,
И гордости въ уклончивости страстной...
И не было таинственно сокрыто
Ничто... за тѣмъ — что не было стыда...
Позорный стыдъ предъ тайнами природы,
Безчестное исчадіе грѣха,
Прпкрытое личиною ложной чести,
Ты возмутилъ весь родъ людской и изгналъ
Изъ благоданной жизни челоуѣка
И простоту, и свѣтлую невинность!

И такъ *они* нагими пребывали
Передъ очами ангеловъ и Бога,
Затѣмъ, что зла еще не понимали.
Рука съ рукой, гуляла по Эдему
Младая, несравненная чета;
Подобной ей потомъ не съединяла
Любовь въ своихъ объятіяхъ: Адамъ —
Красивѣйшій изъ всѣхъ послѣ-рожденныхъ
Его сыновъ, и образецъ красоты
Межъ дочерей земли прелестныхъ — Ева.

Подъ кущею тѣнистою деревьевъ,
Дышавшею прохладой, на лужайкѣ,
Близъ свѣжаго источника, они
Возсѣли рядомъ; ихъ подѣнный трудъ
Средь вертограда райскаго нуждался
Лишь въ дуновеньѣ тихаго зефира,
И самый отдыхъ дѣлалъ имъ покойнѣй,
Потребность въ пищу легкой возбуждая
И жажду. Здѣсь супруговъ ожидала
Вечерняя трапеза изъ плодовъ,
Но изъ плодовъ, въ которыхъ чистый нѣктаръ
Повсюду сами вѣтви подносили,
Привѣтливо склоняясь надъ четою
И надъ пушистымъ берегомъ потока,
Узорчато-закованнымъ въ цвѣты.
Плодъ сладкій, вмѣстѣ съ кожицей душистой,
Они вкушали, утоляя жажду
Струей кристальной полного потока.
И не было за трапезой супружней
Ни въ нѣжныхъ разговорахъ недостатка,
Ни въ ласково-осмѣленныхъ улыбкахъ,
Ни въ шалостяхъ ребяческихъ, присущихъ
Четѣ, спряженной узами любви
И одинокой.

Окрестъ ихъ, рѣзвяся,

Играли всѣ животныя земныя,
Всѣ звѣри, что, въ послѣдствіи, сокрылись
Въ глуши лѣсовъ, въ степяхъ, или въ пустыняхъ.
Припавъ къ землѣ, катался левъ и въ лапахъ
Козленка пѣсталъ; прыгали кругомъ
Медвѣди, тигры, барсы и пантеры;

Слонъ неуклюжіи тѣпиль пхъ, стараясь
Сгибать искуснѣи хоботь свой, а рядомъ,
Сплетая въ узель гордіевъ всѣ кольца,
Зміи вкрадчивый и хитрый извивался
И проявлялъ въ движеніяхъ коварство,
Котораго еще не опасались.

Другія же животныя, насытятся
Обильной пищей, на травѣ лежали,
Или жевали жвачку, пбо солнце
Съ наклоннаго ристалища спѣшило
Спуститься въ море, къ дальнимъ островамъ,
И воздымалъ вѣсовъ небесныхъ чашу
Со звѣздами привратникъ неба вечеръ.

Туть Сатана, все время пребывавшій
Въ безмолвномъ созерцаньѣ, напоследокъ
Обрѣлъ давно - затихнувшее слово,
И молвилъ, опечаленный:

« О, адъ!

Что съ грустію невольною я вижу?
На верхъ блаженства нашего, со славой,
Вознесены инныя существа,
Быть можетъ, земнородныя, не духи,
Но близкія во всемъ къ духамъ небеснымъ.
Гляжу на нихъ я съ жаднымъ изумленьемъ —
И могъ бы полюбить ихъ: такъ подобенъ
Въ нихъ Божій образъ, и такую прелесть
Создателя десница въ нихъ вложила.
О, милая чета, ты и не знаешь,
Какъ отъ тебя превратный жребій близокъ,
Какъ скоро радость замѣнится горемъ,

Тѣмъ бѣльшимъ горемъ, чѣмъ полнѣе радость!
Вы счастливы, но счастье ваше мало
Охранено, и вашъ высокій рай
И ваше небо также очень мало
Защищены передъ такимъ врагомъ,
Какой теперь къ вамъ входитъ... но врагомъ
Не вашимъ... Нѣтъ! я чувствую къ вамъ жалость —
Безкалостный... ищу союза съ вами,
Взаимной дружбы, истинной и тѣсной,
Такой, чтобъ намъ отнынѣ обитать —
Иль съ вами мнѣ, иль вамъ со мной... Быть можетъ,
Моя обитель васъ и не пльнптъ,
Какъ этотъ рай прелестный... что же дѣлать?
Она созданье вашего Творца —
Онъ Самъ её мнѣ даровалъ въ наслѣдье,
И я дѣлюсь охотно съ вами: адъ
Свои врата широкія разверзнетъ
И выплетъ вамъ владыкъ своихъ на встрѣчу.
Для вашихъ многочисленныхъ потомковъ
Простора будетъ много тамъ — не такъ,
Какъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ —
И если лучше мѣста не нашлося,
Благодарите искренно Того,
Кто за свои обиды выпуждаетъ
Мстить даже не обидѣвшимъ меня...
Но пусть бы я невинностию вашей
Подвинутъ былъ, какъ и теперь, на жалость —
Общественное благо, честь, стремленье
Къ владычеству надъ этимъ новымъ міромъ
И жажда мести мнѣ повелѣвають
Исполнить то, предъ чѣмъ въ иное время —
Хоть и проклятый — я бы содрогнулся».

Такъ общій врагъ сказалъ и, въ оправданье
Своихъ проступковъ демонскихъ, привелъ
Необходимость — доводъ всѣхъ тирановъ.

Онъ кончилъ рѣчь. Три раза измѣнило
Ему лицо; три раза поблѣднѣло
Отъ зависти, отчаянья и гнѣва,
И каждому внимательному оку
Могло бѣ открыть коварную личину:
Затѣмъ, что духи свѣта не причастны
Волненью необузданныхъ страстей.
Замѣтилъ онъ свое смущенье скоро,
Смѣнилъ его спокойствіемъ наружнымъ,
И — лжи отецъ — дитя свое онъ первый,
Онъ первый внесъ въ святыхъ сѣни рая,
Прикрывши ею мечь, и вѣроломство.
Но не возмогъ коварный обмануть
Всевиद्याщаго ока Уриила:
За нимъ слѣдилъ архангелъ въщщимъ взоромъ
И — на вершинахъ ассирійскихъ горъ —
Въ его чертахъ замѣтилъ измѣненье,
Несродное блаженнымъ, и приемы,
И гордую походку — ибо онъ
Считалъ себя незримо-одинокимъ.

Стремился онъ и близился къ предѣламъ
Эдема, гдѣ роскошный вертоградъ
Увѣнчивалъ зеленою оградой,
Какъ бы плетнемъ, возвышенную плоскость
На дикой кручѣ. По бокамъ спускались
Лѣса густыми, темными кудрями,
Входъ воспрещая; а изъ самой гуши

Вздымались, тѣни длинныя бросая,
И кедръ, и ель съ развѣсистую пальмою.
Все выше: тѣнь лилася выше тѣни,
Уступами — лѣсной амфитеатръ.
Но выше ихъ верхушекъ поднялося
Зеленое забрало вертограда:
Съ него глядѣль нашъ праотець далеко
На всѣ свои окружныя владѣнья;
Еще повыше — рядомъ полукруглымъ
Неслися вверхъ маститыя деревья,
Покрытыя цвѣтущими плодами:
Въ нихъ золото сливалось съ эмалью.
На нихъ и солнце радостнѣй играло
Своимъ лучомъ, чѣмъ на вечернихъ тучкахъ,
Или на влажной радугѣ, когда
Господь дождями орошаетъ землю.
Былъ чудный видъ. И свѣжею струею
Въ грудь Сатаны вливался чистый воздухъ —
И вѣялъ онъ весною и весельемъ,
И могъ бы онъ развѣять всѣ печали,
Когда бъ души отчаянье не жгло.

И вотъ, стрясая съ крыльевъ ароматы,
Летять зефиры нѣжныя и шепчуть —
Гдѣ взяли благовонную добычу.
Не такъ ли, Мысль Надежды обогнувши,
Стремятся мореходы къ Мозамбику,
И вдругъ нордъ-остъ внезапно къ нимъ доносить,
Отъ самыхъ Савскихъ пряныхъ береговъ,
Весь аромать Аравіи Счастливой,
И замедляютъ плаванье они,
Чтобы до дна исчерпать благовонья,

Смягчившія пахучею рососою
Суровыя морщины океана?
Такъ усладить всеобщаго врага
Эдемскій воздухъ благорастворённый.
Но не былъ такъ пріятель рыбій дымъ
Влюбленному въ жену Товита-сыча
И изгнанному силой Асмодею,
Когда бѣжалъ онъ изъ страны Мидійской
И скованъ былъ въ Египтѣ божьимъ гнѣвомъ.

Подошвы этой крутизны пустынной
Достигъ стопою тихой Сатана
Задумчиво... но далѣе не могъ онъ
Найти прохода: частые подростки
Кустарниковъ росли сплошной стѣною,
Загорожая путь и человѣку,
И звѣрю. Былъ одинъ лишь входъ съ востока,
Но пренебрегъ имъ архи-возмутитель:
Презрительнымъ прыжкомъ онъ перенесся
Черезъ самую высокую ограду
И на ноги въ Эдемъ сталь. Какъ волкъ
Своей добычи ищетъ, голодая,
И, подсмотрѣвъ — гдѣ пастыри, подъ вечеръ,
Замкнули стадо, загородку хлѣва
Свободно перескакиваетъ... плп,
Какъ дерзкій тать, задумавшій похитить
Скопленную казну у гражданча,
Хранимую запорными дверями,
Влѣзаетъ въ домъ сквозь кровлю, плъ въ окошко —
Такъ въ Божье стадо вкрался тать первѣйшій...
(Такъ послѣ въ Церковь вкрался нечестивцы)
И вотъ, взлетѣвши, онъ на Древо Жизни,

Срединное и высшее надъ всѣми,
Сѣлъ въ видѣ ворона; но не объ жизни —
О смерти всѣхъ живущихъ онъ подумалъ:
Не викиъ онъ въ свойство древа-жизнедавца,
Дарившаго безсмертіемъ, а только
Избралъ его возвышенною точкой.
Такъ всякое дыханье — кромѣ Бога —
Не знаетъ часто исстаго добра —
И благосотворенное стремится
Себѣ во вредъ и въ гибель обратить.

Вокругъ себя глядитъ онъ съ пзумленьемъ
И видитъ всѣ сокровища природы,
Въ пространствѣ тѣсномъ собранныя вкупѣ
Для услажденья чувства человѣка,
Иль лучше — видать небо на землѣ:
Затѣмъ, что рай блаженный былъ — отъ Бога
Восточно-насажденный вертоградъ.
Съ востока цвѣлъ онъ впрямь отъ Аарона
До башенъ присно-славной Селевкии,
Воздвинутыхъ владыками Эллады;
Тамъ древле обитали, въ Фелассарѣ,
Сыны Эдема. Въ сей благословенной
Странѣ Господь возвелъ своей десницею
Стократъ-благословенный вертоградъ.
Онъ восхотѣлъ — и — по его велѣнью —
Произросли изъ плодосной почвы
Всѣ злаки и деревья — обольщенье
Для зрѣнья, обонянія и вкуса.
Всѣхъ выше ихъ возникло Древо Жизни,
Цвѣтущее пахучими плодами
Ростительнаго золота; но съ жизнью

Стояла рядомъ наша *смерть*: то *древо*
Познанія добра и зла, то «*древо*,
Которому такъ много заплатили
Всѣ люди за познаніе *добра*,
Познавши *зло*... На полдень протекала
Черезъ Эдемъ широкая рѣка,
Не измѣняя своего теченья,
И межъ листвы кудрявой крутояра
Стремилася въ невѣдомую бездну.
Тотъ крутояръ Господь кругомъ разбросилъ,
Какъ образецъ, гдѣ вылилъ онъ Эдемъ...
А токъ воды, по скважинамъ, довѣдалъ
Всѣ жаждущія силы земляныя,
И брызнулъ вверхъ жемчужнымъ водометомъ,
И рай несчетно оросилъ ручьями;
Потомъ, струи собравши во-едино,
Внизъ ринулся широкимъ водопадомъ
Въ объятія темной, влажно-лонной бездны;
Но на четыре вѣтви раздробился
Передъ впаденьемъ въ море, и промчался
По славнымъ царствамъ и странамъ далекимъ —
О нихъ же здѣсь не можетъ быть помину.

БАЙРОНЪ.

—

I.

ИЗЪ «ЧАЙЛДЪ ГАРОЛДА».

—

Не говорите больше мнѣ
О сѣверной красѣ британки:
Вы неизвѣдали вполнѣ
Все обоянье кадиксанки.
Лазури нѣтъ у ней въ очахъ
И волосы не золотятся;
Но очи искрятся въ лучахъ
И съ томнымъ окомъ не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,
И онъ летитъ изъ глазъ у ней
Стрѣлами черными Эреба.
А кудри — вѣрона крыла!
Вы бѣ поклялись, что ихъ извивы,
Волною падая съ чела,
Цѣлуютъ шею, дышутъ — живы...

Бритапки зимне-холодны,
И если лица ихъ прекрасны,
За-то уста ихъ ледяны,
И на привѣтъ любви безгласны.
Но — юга пламенная дочь —
Испанка рождена для страсти,
И чаръ ея не превозмочь,
И не любить ея нѣтъ власти.

Въ ней нѣтъ кокетства: ни себя,
Ни друга лаской не обманеть,
И ненавпдя, и любя,
Она притворствоватъ не станеть.
Ей сердце гордое дано:
Купитъ нельзя его за злато,
Но — неподкупное — оно
Полюбитъ надолго и свято.

Ей чуждъ насмѣшливый отказъ;
Ея мечты, ея желанья:
Всю страсть, всю преданность на васъ
Излить въ годину испытанья.
Когда въ Испаніи война,
Испанка трепета не знаетъ,
А другъ ея убить — она
Врагамъ, за смерть, копьемъ отмщаеть.

Когда же вечеромъ порхнеть
Она въ кружокъ веселый танца,
Или съ гитарой запоеть
Про битву мавра и испанца,

Иль четки нѣжною рукой
Начнетъ считать, съ огнемъ во взорахъ,
Иль у вечерни голосъ свой
Сольетъ съ подругами на хорахъ —

Во всякомъ сердце задрожитъ,
Кто на красавицу не взглянетъ,
И всѣхъ она обворожитъ
И сердце взорами приманитъ.
Осталось много мнѣ пути,
И много ждетъ меня приманки;
Но лучше въ мѣрѣ не найдти
Мнѣ черноокой кадисанки.

1860.

II.

АФИНСКОЙ ДѢВУШКѢ.

—

Часъ разлуки бьетъ: прости,
Афинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь навѣкъ съ собой.
Вотъ объѣтъ мой — знай его:
Zōn mou, sas agapo *).

За румянецъ этихъ щѣкъ,
Что эгейскій вѣтерокъ
Цѣловаль тайкомъ не-разъ,
За огонь газельихъ глазъ,
За кудрявое чело:
Zōn mou, sas agapo.

*) *Zōn mou, sas agapo* — значить: жизнь моя, люблю тебя.

Подѣлуемъ усть твоихъ,
Зыбью персей молодыхъ,
Рѣчью тайною цвѣтовъ,
Говорившихъ больше словъ —
Всѣмъ клянусь, что́ душу жглю:
Zōn mou, sas agapō.

Авинянка! обо мнѣ
Вспомни ты наединѣ...
Въ Истамбуль уѣду я,
Но Авинь душа моя
Не покинетъ для него:
Zōn mou, sas agapō.

14 октября 1859.

СЪ ИМЕЦКАГО.

ШИЛЛЕРЪ.

—

I.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА.

АНДРОМАХА.

Для чего стремится Гекторъ къ бою,
Гдѣ Ахиллъ безжалостной рукою
 За Патрокла грозно мститъ врагамъ?
Если Оркъ угрюмый насъ разлучить,
Кто малютку твоего научить
 Дротъ метать и угождать богамъ?

ГЕКТОРЪ.

Слезъ не лей, супруга дорогая!
Въ поле битвы пыль свой устремляя,
 Этой дланью я храню Пергамъ.
За боговъ священную обитель
Я паду и — родины спаситель —
 Отойду къ стигійскимъ берегамъ.

АНДРОМАХА.

Не гремѣть твоимъ доспѣхамъ болѣ;
Ржавый мечъ твой пролежитъ въ неволѣ,
И Приама оскудѣтъ кровь:
Въ область мрака ты сойдешь отнынѣ,
Гдѣ Коцитъ слезится по пустынѣ...
Канетъ въ Лету Гектора любовь!

ГЕКТОРЪ.

Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
Я залью волной рѣки забвенья,
Но не пламенникъ любви...
Чу! дикарь у стѣнъ ужь клочетъ къ бою
Дай мнѣ мечъ и не томись тоскою —
Леты нѣтъ для Гектора любви.

1854.

II.

О Ж И Д А Н И Е.

Чу! скрипнули дверцей садовой?
Чу! брякнула ручка замка?
Нѣтъ, то въ тополи мохровой
Слышенъ лепетъ вѣтерка.

Одѣнся густолиственной красой
Пышно-зеленый сводъ! торжественный устроймъ
Пріемъ мы въ честь красавицы молодой.
Вы, вѣтви, для нея сплетайтесь покоемъ,
Наполненнымъ таинственной мглой!
Проснитесь, вѣтерки, играйте рѣзвымъ роемъ
Вкругъ розовыхъ ланитъ ея, когда
На зовъ любви прійдетъ она сюда.

Чу! кто это тамъ торопливо
Скользить, шелестя по кустамъ?
Нѣтъ, то птица боязливо
Пронорхнула по вѣтвямъ.

День! погаси свой пламенникъ скорѣй!
Ко мнѣ, нѣмая ночь и сумракъ молчаливый!

Укрой насъ въ сѣнь таинственныхъ вѣтвей,
Набрось на насъ свой флёръ пурпурный и ревнивый...
Свидѣтелей — докучныхъ ихъ ушей,
Нескромныхъ взоровъ ихъ — бѣжить Амуръ стыдливый;
Лишь Гесперь — стражъ довѣренный любви:
Его, о ночь, на небо призови!

Чу! звукъ издалѣка домчался,
Какъ-будто кто шепчетъ въ саду?
Нѣтъ, то лебедь расплескался
На серебряномъ пруду.

Мой слухъ объялъ гармоніи потокъ:
Ручей журчитъ волной; заря живымъ румянцемъ
Лобзаемый, колеблется цвѣтокъ;
Прозрачный виноградъ горитъ янтарнымъ глянцемъ,
И персикъ наливной, припавши за листокъ,
Лепечетъ радостно съ златистымъ померанцемъ,
И вѣтеръ ароматною волной
Съ моихъ ленихъ смываетъ лѣтній зной.

Чу! кажется, входятъ въ аллею?
Чу! дѣвственный шагъ прозвучалъ?
Нѣтъ, подъ тяжестью своею
Съ вѣтки спѣлый плодъ упалъ.

День сладко задремалъ и пламенные взгляды
Его угасли; меркнетъ полоса
На западѣ; цвѣты отрадной ждутъ прохлады;
Сребристый серпъ взошелъ на небеса;
Міръ растопляется въ спокойныя громады,
И все — краса, волшебная краса,

И каждая изъ нихъ, свой поясъ разръшая,
Восторженнымъ очамъ является нагая...

Но что тамъ во мракѣ мелькаетъ? —
Не платье ли милой моей?
Нѣтъ, то бѣлый столпъ сверкаетъ
Въ темной зелени вѣтвей.

О, сердце, полно ждать! Къ чему мечту пустую
Тѣнь счастья въ душѣ своей ласкать?
Мечтой не остудить мнѣ грудь мою больную
И призрака руками не обнять ..
О, приведите мнѣ — не тѣнь — ее, живую,
О, дайте ручку нѣжную пожать,
Коснуться хоть слегка краевъ ея матилье!...
И надо мною сонъ простерѣ незримо крылья.

И тихо, незримо, какъ лучъ упованья,
Нежданной зарею блаженного дня,
Она подошла — и лобзанья
Ея пробудили меня.

1854 г.

III.

АМАЛІЯ.

Свѣтлый образъ жителя Валгаллы,
Другъ мой быть всѣхъ юношей милѣй:
Очи — моря синіе кристаллы
Въ майскомъ блескъ солнечныхъ лучей...

Поцѣлуй друга — обаянье:
Какъ двѣ искры, вспыхнувшія вдругъ,
Какъ два тона арфы, при сліявѣхъ
Въ одностройный, неразрывный звукъ,

Пламенили, дѣшу сплавивши съ душою,
На устахъ, звуча, сливались...
Сердце рвалось къ сердцу... Небеса съ землею
Вкругъ счастливецъ растоплялся.

Друга нѣтъ! напрасно, ахъ! напрасно
Звать его въ кручинѣ и слезахъ:
Нѣтъ его — и всё, что въ жизни красно,
Всё звучитъ мнѣ безнадежнымъ: *ахъ!*

IV.

АЛЬПИЙСКІЙ СТРѢЛОКЪ.

«Хочешь ты пасти барашка?

«Дамъ тебѣ ручнóго я:

«Щиплетъ травку бѣлый башка

«И играетъ у ручья...»

— Нѣтъ, родная! манить сына,

На охоту, горъ вершина. —

«Хочешь, съ рогомъ иль свирѣлью,

«Стадо по лѣсу водить?

«Тамъ звонкі пѣвучей трелью

«Будутъ слухъ твой веселить».

— Нѣтъ, родная! манить сына

Горъ суровая вершина. —

«Подожди, цвѣточки снова

«Запестрѣютъ на грядахъ...»

«Сада нѣтъ въ горахъ — сурово

«На суровыхъ высотахъ!»
— Пусть цвѣточки тѣшатъ взоры...
Отпусти, родная, въ горы! —

И пошолъ онъ на охоту —
Все къ вершинѣ, все впередъ;
По скалистому оплоту
Онъ безтрепетно идетъ.
Передъ нимъ, межъ скаль ущелій,
Пролетѣла тѣнь газели.

По обрывамъ, надъ скалами,
Черезъ пропасти безъ дна,
Легкимъ скокомъ и прыжками
Переносится она;
Но стрѣлокъ, въ упорствѣ смѣломъ,
Мчится вслѣдъ ей съ самострѣломъ.

На утесъ съ крутой вершиной
Перепрыгнула она
И повисла надъ стремниной,
Гдѣ застыла крутизна:
Тамъ подъ ней утесъ громадный,
А за нею врагъ нещадный.

Въ страхъ взоръ она подъемлетъ —
О пощадъ молить онъ;
Но напрасно: врагъ не внемлетъ,
Самострѣлъ ужъ наведенъ...
Вдругъ возсталъ пзъ бездны чѣрной
Духъ ущелій, старецъ горный.

И, газель своей рукою

Оградивши, произнесъ:

«Для чего сюда съ собою

«Смерть и ужасъ ты занесъ?»

«Вамъ ли тѣсно, персти чада!

«Что жь мое ты гонишь стадо?»

1854.

V.

РУССО.

—
Монуменъ, возникшій злымъ укоромъ
Нашимъ днямъ и Франціи позоромъ,
Гробъ Руссо, склоняюсь предъ тобой!
Миръ тебѣ, мудрецъ, ужè безгласный!
Мира въ жизни ты искалъ напрасно:
Миръ нашелъ ты, но въ землѣ сырой.

Язвы міра вѣкъ не заживали:
Встарь былъ мракъ — и мудрыхъ убивали,
Нынче — свѣтъ, а меньше ль палачей?
Палъ Сократъ отъ рукъ невѣждъ суровыхъ,
Палъ Руссо — но отъ рабовъ христовыхъ,
За порывъ создать изъ нихъ людей.

1855.

VI.

ВЕЧЕРЪ.

Богъ лучезарный! росы освѣжительной жаждутъ поляны;
Послѣ дневнаго труда и заботъ человекъ отдыхаетъ;

Тише бѣгутъ твои кони:

Спускай колесницу свою!

Видишь ли ты, кто тебя изъ кристальныхъ чертоговъ Нептуна
Нѣжной улыбкой манить? узнаеть ли ее твое сердце?

Шибче помчался кони:

Богиня Фетида манить!

Быстро съ своей колесницы, въ объятія страстной богини,
Прянулъ возничій — и вожжи златыя Амуръ принимаетъ

Кони стоятъ неподвижно

И пьютъ студеную волну.

На небо ночь благовонная всходитъ неслышной стопою;
Слѣдомъ за ней много-звѣздной спѣшитъ и любовь-чаровница.

Смертный! люби и покойся:

Покойся любящій Фебъ.

VII.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

ВОЕННАЯ ПЬСНЯ.

(Посвящается Н. В. Гербелю.)

Ну что вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерёте носъ подь часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабii у насъ.

У васъ — и Карлъ и Эдуаръ,
И Фрицъ... и кто потóмъ?
И Карлъ, и Фрицъ, и Эдуардъ...
У насъ — одинъ: графъ Эбергардъ,
Въ сраженьи божii громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ
Любилъ желъза звонъ:
Бывало, врагъ громить и жжётъ —
Сынъ графа Ульрихъ не вздрогнётъ,
И вспать ни-пяди онъ.

Рейтлингцы, съ зависти, не разъ
Ковали тайный ковъ...
И препоясались на насъ
Они мечомъ, въ недобрый часъ;
А графъ — не ждетъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ,
Вернулся недобромъ;
Отецъ свою досаду скрылъ;
А сыну божій свѣтъ не милъ,
И плачетъ онъ тайкомъ.

Змѣя подь сердцемъ... «А! постой!»
Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ;
И клялся отчей бородой —
Омыть кровавою рѣкой
Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... давно пора!...
И людямъ и конямъ
Пришлось подь Дёффингенъ — съ утра
Сойдтись на поле... и — «ура!»
Ужь жарко было тамъ!

Нашъ лозунгъ былъ: «врага топчи
За прежній бой!» Потомъ
Съ утра до поздней до ночи
Трещали копя и мечи,
И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ?... лѣвѣнка не серди:
Къ врагамъ домчался онъ —
И страхъ и ужасъ впереди,

И крикъ и стоны позади,
И смерть со всѣхъ сторонъ...

Но съ смертію не спорятъ львы:
Свергнула сабля въ тылъ —
Всѣ разомъ къ Ульриху... увы!
Не опустилъ онъ головы,
Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ ссѣкъ —
Самъ врагъ заплакалъ... Га!
Нашъ графъ не плакалъ весь свой вѣкъ:
«Мой сынъ такой же человекъ! —
«Маршъ, дѣти, на врага!»

И сердце жолчью облилось,
И копыя гнѣвъ навѣлъ —
И много труповъ улеглось;
А врагъ бѣжалъ, и вкривъ и вкось,
На горы, въ лѣсъ и въ доль.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ
Вернулись потомъ —
И пиръ-горой у поселянъ:
И вальсъ и пѣсни — и стаканъ
Занскрился виномъ.

А гдѣ жъ нашъ старій графъ? Сидитъ
Въ шатрѣ однимъ одинъ;
Слеза въ глазахъ его блеститъ;
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ.

Затѣмъ при графѣ мы своѣмъ
И тѣломъ и душой.
Въ его рукѣ не мечъ, а грѣмъ,
Онъ — буря въ полѣ боевомъ,
Звѣзда земли родной!

Такъ что жъ вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерете носъ подь часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабіи у насъ!

1857.

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Внутренней связью
Силъ четырёхъ
Держится стройно
Міра чертогъ.

Звѣзды лимона
Въ чашу на дно!—
Горько и жгуче
Жизни зерно.

Но растопите
Сахаръ въ огнѣ:
Гдѣ эта жгучесть
Въ горькомъ зернѣ?

Воду струями
Лейте сюда:

Все обтекаетъ
Мирно вода.

Каплю по каплѣ
Лейте вино:
Жизнь оживляетъ
Только оно!

Выпьемъ, покаместъ
Кубокъ нашъ жгучъ!
Только кипучій
Сладостенъ ключъ!

1857.

IX.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ — ДЛѢ СВѢРА.

На высѣхъ холмовъ открытыхъ,
Въ полдень, солнечнымъ лучёмъ,
Наливаетъ мать - природа
Гроздья золотомъ - виномъ.

Но никто еще не знаетъ,
Какъ великая творить:
Неразгадана работа,
Корень силы не отрыть.

Полно искръ, какъ чадо солнца,
Какъ источникъ свѣтовой,
Пѣрлясь, бѣтъ вино изъ бочки
Ясно - пурпурной струёй;

И горѣ возносить души,
И въ стѣсненные сердца

Щедро льётъ бальзамъ надежды,
Жажду жизни безъ конца.

Только... нашъ холодный Поясъ
Солнце нехотя живить:
Можетъ красить развѣ листья,
А плодовъ не золотить.

Но и съверъ проситъ жизни,
И веселья заодно:
Оттого-то мы безъ гроздій
Создаемъ себѣ вино.

Блѣдно созданное нами
На домашнихъ алтаряхъ;
А творимое природой
Блещетъ въ жизненныхъ лучахъ.

Но смѣлѣ бей изъ чаши
Наша скудная струя!
И искусство — даръ небесный,
И ему земля своя.

Царство силъ ему подвластно,
И изъ стараго оно
Нѣчто новое слагая,
На землѣ Творцу равно.

Не оно ль самымъ стихіямъ
Возмогло повелѣвать,
И, въ очагъ сковавши пламя,
Хочетъ Фебу подражать?

Къ островамъ благословеннымъ
Не оно ль шлетъ корабли,
Чтобъ плоды златые юга
И на сѣверѣ росли?

Лейся жь, влага огневая,
И свидѣтельствуй вовѣкъ —
До чего достигнуть можетъ
Силой воли человекъ!

3 мая 1857.

X.

ЗАМѢТКИ.

—

1.

ДВѢ ДОРОГИ.

Тебѣ двѣ дороги открыты на свѣтъ —
Одна къ идеалу, другая къ могилѣ:
Умѣй же свободно и въ пору на первую выйти,
Пока не принудила Парка идти по другой.

2.

КРАСОТА И РАДОСТЬ.

Если тебѣ не случилось печальной красавицы видѣть —
Ты никогда не видалъ красоты;
Если тебѣ не случилось въ прекрасномъ лицѣ читать радость —
Радости ты никогда не видалъ.

3.

КЪ *.

Знанья свои сообщи мнѣ: я буду тебѣ благодаренъ;
Но предлагаешь ты мнѣ самаго себя... вѣтъ, другъ, уволь!

4.

КЪ МУЗЪ.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя — я не знаю, но грустно мнѣ видѣть,
Чѣмъ безъ тебя столько сотенъ и тысячъ бываетъ.

5.

ИДЕАЛЬ.

Мысль твоя *всѣхъ* достоянцѣ, *твое* достоянїе — чувство:
Чувствуй же въ сердцѣ Того, о которомъ ты мыслишь.

6.

МИСТИКАМЪ.

Есть одна вѣчная тайна: у всѣхъ насъ она предъ глазами;
Все наполняетъ она, но ни кто не видалъ этой тайны.

7.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНѢШНЕЕ.

«Богъ только видитъ въ насъ сердце!» Одинъ только Онъ его
видитъ —
Такъ покажи же ты что-нибудь сносное также и намъ.

8.

СВѢТЬ И ЦВѢТЬ.

Вѣчно — единый, останься при вѣчно — единомъ!
Ты, перемѣнявый цвѣть, къ бѣднымъ людямъ сойди.

9.

ТРИ ВОЗРАСТА ПРИРОДЫ.

Басня ей жизнь придала; наука въ душѣ отказала;
Творчество снова ей душу и жизнь отдаетъ.

10.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МОСТЪ.

Жизни шумящія волны бѣгутъ надо мной, подо мною:
Съ ними къ безсмертью нестись и меня приглашаетъ худож-
никъ.

11.

ТЕОФАНІЯ.

Видя счастливца, боговъ-небожителей я забываю;
Но предо мною они, когда я увижу страдальца.

Г Е Т Е .

—

I.

ПѢСНЯ МИНЬОНЫ.

—

Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ, какъ золото, рдѣеть,
Гдѣ сладостный вѣтеръ подѣ небомъ лазоревымъ вѣеть,
Гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ?
Ты знаешь ли край тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, мой другъ дорогой!

Ты знаешь ли домъ?... позолотою яркой блестя,
На легкихъ колоннахъ вздымается пышная зала...
Статуи стоять и глядятъ на меня съ пьедестала:
«Дитя мое бѣдное! что съ тобой случилось, дитя?»
Ты знаешь ли домъ тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, возлюбленный мой!

Ты знаешь ли гору? Тамъ въ тучахъ тропинка видна;
Тамъ мулъ себѣ путь пробиваетъ въ туманахъ нагорныхъ;
Тамъ змѣи гнѣзятся въ пещерахъ и пропастьхъ черныхъ;
Тамъ рушатся скалы и плещетъ на скалы волна.

Ты знаешь ту гору? Туда мы съ тобой,
Туда мы умчимся, отецъ мой родной!

1849.

II.

Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ
Свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ
И какъ я стражду.

Гляжу я вдаль... нѣтъ силъ —
Тускнѣетъ око...
Ахъ, кто меня любилъ
И зналъ — далеко!

Вся грудь горить... Кто зналъ
Свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ
И какъ я стражду.

1857 г.

Г Е Й Н Е .

—

I.

П Ъ С Н И .

1.

Рано утромъ я гадаю:
Будешь ты, или нѣтъ?
Грустно голову склоняю
Вечеромъ въ отвѣтъ.

Ночью, слабый, изнурѣнный,
Я не сплю съ тоской,
И въ дремотѣ, полусонный,
Грёжу день-деньской.

2.

Шатаюсь я изъ-угла въ уголь... Прожить
Немного часовъ, и прожить для чего же —

*

Чтобъ видѣть её, самое её... Боже!
Да полно-же, сердце, мнѣ въ грудь колотить!

Охъ! эти часы — прелѣзливый народъ:
Плетутся дорогой своей копотливо;
Ползуть еле-еле; зѣваютъ лѣзливо...
Скорѣй-же, лѣзвивые, живо — впередъ!

Все дышетъ тревожнымъ порывомъ во мнѣ;
Но Оры — онѣ никогда не любили —
Коварный союзъ межъ собой заключили,
И спѣху влюбленныхъ смѣются онѣ.

3.

Бродилъ я подѣ тѣнью деревьевъ,
Одинъ, съ неразлучной тоской —
Вдругъ старая грѣза проснулась
И въ сердце впила мнѣ змѣей,

— Пѣвицы воздушныя! гдѣ вы
Подслушали пѣсню мою?
Заслышу ту пѣсню — и снова
Отраву смертельную пью. —

« Гуляла дѣвица и пѣла
« Ту пѣсню не разъ и не разъ:
« У ней мы подслушали пѣсню,
« И пѣсня осталась у насъ ».

— Молчите, лукавыя птицы!
Я знаю, что хочется вамъ
Тоску мою злобно похитить...
Да я-то тоски не отдамъ —

4.

Милая — милая, ручку на сердце ко мнѣ!..
Слышишь-ли: кто-то стучитъ тамъ, на самомъ на днѣ?..
Это стучитъ тамъ мой плотникъ угрюмый и злой:
Онъ принялся мнѣ скалачивать гробъ тесовѣй.

Цѣлыя сутки стучитъ онъ своимъ молоткомъ —
И не даетъ мнѣ покоя ни ночью, ни днемъ...
Полно-же, плотникъ! работай ужь что-ли живѣй —
Только-бы мнѣ отдохнуть и заснуть поскорѣй...

5.

Колыбель моихъ страданій,
Гробъ покоя моего,
Милый городъ!.. Чтò желаній
Прошептала я для него!

Будьте вѣкъ благословенны,
Домъ и садъ въ тѣни аллей,
Гдѣ пронесся мигъ блаженный
Для меня, при встрѣчѣ съ ней.

Еслибъ я, при первомъ взорѣ,
Могъ тебя не полюбить,
Другъ души, — тоска и горе
Не могли-бъ меня убить.

Никогда-бы я нисколько
Не смутилъ твоей мечты:
Тихо я любилъ и только
Жить хотѣлъ, гдѣ дышешь ты.

Но сама меня упрёкомъ
Прогоняешь ты... Изволь!..
Въ жглахъ ядъ кипитъ потокомъ;
Защемля сердце боль...

Посохъ странника беру я
И бреду, разбитый, въ путь,
Свѣжій гробъ вдали почуя:
Есть и мнѣ гдѣ отдохнуть!

6.

Подожди морякъ суровый:
Я — сейчасъ съ тобой, — ей-ей! —
Только дай проститься съ ними —
И съ Европою и съ *ней*.

Ключъ кровавый! что-жь не брызжешь
Изъ меня? Или ты усталъ?..
Жаль!.. А я бы жаркой кровью
Муки сердца записалъ.

Ты никакъ теперь боишься
Крови, милая? Постои!
Сколько лѣтъ съ кровавымъ сердцемъ
Я стоялъ передъ тобой?

Ты знакома-ль съ ветхой притчей
Про коварную змію,
Ту, что яблокомъ сгубила
Прародителей въ раю?

Этотъ плодъ — всѣхъ золь причина:
Ева въ міръ внесла съ нимъ смерть,

И огонь Елена въ Трою...
Ты сама — огонь и смерть!

7.

Въ Рейнъ зѣркальпомъ глядится
Надъ горою городокъ,
И по Рейну быстро мчится
Въ блескъ солнца мой челнокъ.

Я гляжу какъ заплетаетъ,
Въ кудри золото струя —
И со дна души всплываетъ
Дума тайная моя.

Яснымъ дружескимъ привѣтомъ
Волны въ глубь свою манять,
Но я знаю ихъ: подъ свѣтомъ —
Смерть и ночь онѣ таятъ.

Рейнъ! ты ликомъ безмятежнымъ
Схожъ съ коварною моею:
И она вѣдь взглядомъ нѣжнымъ
Манитъ въ глубь своихъ очей...

8.

Я сначала струсилъ, позже
Думалъ — этакой простакъ! —
«Не снести мнѣ...» Вотъ и спесь-же —
Но не спрашивайте: какъ?

9.

Кипарисамъ, взявша розъ, золотой мшурой
Эту книжку я всю изукрасилъ-бы щедрой рукой,

Какъ кладбищенскій памятникъ пѣсенъ моихъ,
И на вѣчный покой уложилъ-бы я ихъ.

Еслибъ также любовь схоронить въ этой книжкѣ я могъ!
На могилѣ любви расцвѣтаетъ покоя цвѣтокъ:
Полюбуются имъ и срываютъ потомъ...
Будетъ цвѣсть онъ и мнѣ, — да на гробѣ моемъ!

Здѣсь однѣ лишь покоятся пѣсни мои, что порой,
Словно лава изъ Этны, гремучей и жгучей рѣкой,
Изъ душевной глубины вырывались вдругъ,
Разсыпая лучистыя искры вокругъ.

А теперь — онѣмѣли, мертвы и какъ саванъ блѣдны,
Коченѣютъ онѣ, мои пѣсни, что трупъ — холодны;
Не повѣтъ на пѣсни дыханьемъ любовь,
Къ прежней жизни онѣ просыпаются вновь.

И едва ихъ слезою участія любовь ороситъ,
Вновь предчувствіе робкое въ сердцѣ моемъ говоритъ,
Что воскреснутъ поблѣкшіе эти листы,
Если ручкой, въ чужбинѣ, коснешься ихъ ты.

И тогда-то разрушатся чары, тогда оживутъ
Эти блѣдныя буквы и путы свои разорвутъ,
И отрадно посмотрятся въ очи твои,
И зашепчутъ слова и тоски и любви...

10.

Я легъ и спалъ — такъ сладко спалъ,
Какъ будто жить отвыкъ;
Но въ сонной грѣзѣ мнѣ предсталъ
Нездѣшной дѣвы ликъ.

Блѣдна, какъ мрамръ холодна,
Жемчужный свѣтъ въ глазахъ —
Она тапшественно-чудна...
И волны въ волосахъ...

И тихо-тихо бѣлый ликъ
Склонился надо мной:
Надъ самымъ сердцемъ онъ поникъ
Кудрявой головой.

Какъ кровь ключомъ кипитъ сама,
Ключомъ по жиламъ бьетъ!
А грудь красавицы нѣма
И холодна, какъ ледъ.

Да! грудь моя, пожалуй, — лёдъ,
И нѣтъ огня въ крови;
Но знаю я, какъ всѣхъ гнетётъ
Наспѣе любви.

«Да! на губахъ и на щекахъ
Моихъ румянца нѣтъ;
Но я — забудь вевольный страхъ —
Но я люблю, поэтъ!»

И крѣпко-крѣпко обняла —
И больно стало мнѣ...
Загѣлъ пѣтухъ... Во снѣ была
И унеслась — во снѣ...

1 іюня 1858.

II.

INTERMEZZO.

2.

Изъ словъ моихъ выросло много
Душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ,
И вздохи мои перелились
Въ полуночный хоръ соловьевъ.

И если меня ты полюбилъ,
Малютка, цвѣточки — твои,
И звучную пѣснь подь окошкомъ
Тебѣ запоютъ соловьи.

32.

Отчего поблѣднѣла весной
Пышноцвѣтная роза сама?
Отчего подь зеленой травой
Голубая фиалка нѣма?

Отчего такъ печально звучить
Пѣсня птички, несясь въ небеса?
Отчего надь лугами висить
Погребальнымъ зокровомъ роса?

Отчего въ небѣ солнце съ утра
Холодно и темно, какъ зимой?
Отчего и земля вся сѣра
И угрюмѣй могилы самой?

Отчего я и самъ все грустиѣй
И болѣзненнѣй день-ото-дня?
Отчего, о скажи мнѣ скорѣй,
Ты — покпнувъ — забыла меня?

45.

Въ лучезарное лѣтнее утро
Я по темному саду брожу;
Говорять мнѣ тихонько фіалки,
Но я мимо ихъ нѣмъ прохожу.

Говорять мнѣ тихонько фіалки —
И участія полноу ихъ взглядъ:
«Не сердися на нашу сестрицу,
«Блѣдный-блѣдный и злой!» говорить.

51.

Отравой полны мои пѣсни —
И можетъ-ли иначе быть?
Ты, милая, губельнымъ ядомъ
Умѣла мнѣ жизнь отравить.

Отравой полны мои пѣсни —
И можетъ-ли иначе быть?
Не мало змѣй въ сердцѣ ношу я,
И долженъ тебя въ немъ носить!

58.

Вѣтеръ воетъ межъ деревьевъ,
Мракъ ночной вокругъ меня;
Сърой мантией окутанъ,
Я гоню въ лѣсу коня.

Впереди меня порхаютъ
Вереницы легкихъ сповъ
И несутъ меня на крыльяхъ
Подъ давно-желанный кровъ.

Лають псы; встрѣчаютъ слуги
У крыльца съ огнемъ меня:
Я по лѣстницѣ взбѣгаю,
Шумно шпорами звеня.

Освѣщенъ покой знакомый —
Какъ уютенъ онъ и тихъ —
И она, моя царица,
Ужъ въ объятіяхъ моихъ.

Вѣтеръ воетъ межъ деревьевъ;
Шепчутъ вокругъ меня листы:
«Сны твои, ѣздокъ безумный,
«Также глупы, какъ и ты.»

62.

Погребенъ на перекресткѣ
Тотъ, кто кончилъ самъ съ собой;
На его могилѣ выросъ
Грѣшноцвѣтникъ голубой.

И стоялъ на перекресткѣ
И вздохнулъ... Въ ночи нѣмой
При лунѣ качался тихо
Грѣшноцвѣтникъ голубой.

64.

Мнѣ ночь сковала очи,
Уста свинець сковаль...
Съ разбитымъ лбомъ п сердцемъ
Въ могилѣ я лежалъ.

И долго-ли — не знаю —
Лежалъ я въ тяжкомъ снѣ,
И вдругъ проснулся — слышу:
Стучатся въ гробъ ко мнѣ.

«Пора проснуться, Гейнрихъ!
«Вставай п посмотри:
«Всѣ мертвые возстали
«На свѣтъ иной зори.»

— О, милая, не встать мнѣ:
Я слѣпъ — въ очахъ темно —
На вѣкъ они потухли
Отъ горькихъ слезъ давно.

«Я поцѣлуемъ, Гейнрихъ,
«Сниму туманъ съ очей:
«Ты ангеловъ увидишь
«Въ сіяніи лучей.»

— О, милая, не встать мнѣ:
Еще не зажила

Та рана, что мнѣ въ сердце
Ты словомъ нанесла.

«Тихонько рану, Гейнрихъ,
«Рукою я зажму,
«И заживлю я рану,
«И въ сердцѣ боль уйму.»

— О, милая, не встать мнѣ:
Мой лобъ еще въ крови —
Пустилъ въ него я пулю,
Сказавъ «*прости*» любви.

«Тебѣ кудрями, Гейнрихъ,
«Я рану обвяжу,
«Потокъ горячей крови
«Кудрями удержу.»

И такъ меня просила,
И такъ звала она,
Что я хотѣлъ подняться
На милый зовъ отъ сна;

Но вдругъ раскрылсь раны
И хлынула струя
Кровавая изъ сердца,
И — пробудился я.

1 сентября 1858.

III.

ДОМА.

1.

Было... Въ жизненныхъ потёмкахъ
Свѣтлый образъ мнѣ сиялъ,
Да угасъ онъ, свѣтлый образъ,
И повсюду сумракъ палъ.

Если дѣти испугались,
Очутившись въ потьмахъ,
Запѣваютъ громко пѣсню,
Чтобъ прогнать невольный страхъ.

Такъ-то, глупенькій ребѣнокъ,
Такъ въ потьмахъ пою п я:
Пѣсня можетъ-быть нескладна,
Да боязнь прошла моя.

4,

По лѣсу брожу я п плачу,
А дроздъ, сквозь густые листы,
Мнѣ свищетъ, порхая по вѣткамъ:
«О чемъ закручинился ты?»

Узнай у сестриць, у коса́токъ —
Онѣ тебѣ скажутъ — о чемъ:
Весной онѣ гнѣзда лѣпили
У милой моей подѣ окномъ.

60.

Сегодня у васъ вечеринка
И въ комнатахъ будто-бы день;
Сквозь яркія стекла мелькаетъ
И движется стройная тѣнь.

Меня ты не видишь: въ потѣмкахъ
Стою я внизу, подѣ окномъ;
А въ сердцѣ моемъ и давно
Не видишь — такъ сумрачно въ немъ.

Но въ сумракѣ томъ ретивѣе
Подѣ пыткой должно обмирать
И кровью должно обливаться...
А ты?.. Да тебѣ не видать...

61.

Хотѣль-бы въ единое слово
Я слить мою грусть и печаль,
И бросить то слово на вѣтеръ,
Чтобъ вѣтеръ унесъ его вдаль.

И пусть-бы то слово печали
По вѣтру къ тебѣ донеслось,
И пусть-бы всегда и повсюду
Оно тебѣ въ сердце лилось!

И если-бъ усталыя очи
Сомкнулись подъ грезой ночной,
О пусть-бы то слово печали
Звучало во снѣ надъ тобой!

75.

Я и самъ въ былые годы
Перенесъ любви невзгоды,
Я и самъ стораль не разъ;
Но дрова все дорожаютъ —
Искры страсти угасаютъ...
Ma foi! — и въ добрый часъ.

Поняла?.. Отри-же слёзы;
Прогони смѣшныя грёзы
Вмѣстѣ съ глупою тоской;
Будь похожа на живую,
И забудь любовь былую —
Ma foi — хоть-бы со мной.

8 марта 1859.

IV.

ЛОРЕЛЕЯ.

Богъ вѣсть, отчего такъ нежданно
Тоска мнѣ всю душу щемить,
И въ памяти такъ неустанно
Старинная пѣсня звучить?..

Прохладой и сумракомъ вѣть;
День выждалъ вечерней поры;
Рейнъ катится тихо — и рдѣть,
Вся въ искрахъ, вершина горы.

Взошла на утѣсы крутые
И съела дѣвица-краса,
И чешетъ свои золотые,
Что солнечный лучъ, волоса.

Ихъ чешетъ она, расиѣвая —
И гребень у ней золотой —
А пѣсня такая чудная,
Что нѣтъ и на свѣтъ другой.

И обмерь рыбаць запоздалый,
И, пѣсню слышавши ту,
Забыль про подводныя скалы
И смотреть туда въ высоту...

Мнѣ кажется: такъ вотъ и канеть
Челнокъ: вѣдь рыбаць безъ ума,
Вѣдь пѣсней призывною манить
Его Лорелея сама.

21 марта 1859.

v.

НА МОРЬ.

Сердилось море и робко пзъ тучъ
Сквозилъ полумѣсяцъ лучемъ,
Когда мы къ лодкѣ подошли
И сѣли въ ней втроемъ.

Тоскливо и мѣрно плескалась волна,
Подъ мѣрные взмахи весломъ,
И пѣной брызгала на насъ,
На всѣхъ на насъ втроемъ.

Надъ лодкой бѣлѣла, недвижно стройна
Она наклоненнымъ челомъ,
Какъ мраморный Діаны ликъ
Бѣлѣлъ надъ алтаремъ.

За тучами спрятался мѣсяцъ; свистить
Пронзительно вѣтеръ кругомъ;
Надъ головами рѣзкій крикъ
Мы слышимъ всѣ втроемъ.

То крикнула бѣлая чайка, грозя
Какой-то бѣдою и зломъ,

И подъ зловѣщій этотъ крикъ
Мы вздрогнули вгроземъ.

Въ горячкѣ я, что ли, пль грѣза меня
Обвѣяла бредомъ и сномъ?

Но мнѣ нелѣпый снится сонъ —
И какъ все дико въ немъ!

Нелѣпо и дико... приснилось мнѣ,
Подъ бурей, во мракѣ ночномъ,
Что я — Спаситель и несу
Крестъ на плечѣ моемъ.

Бѣдняжка - красавица, также и ты,
Склонившись подъ тяжкимъ крестомъ,
Изнемогла; но я спасу,
Спасу тебя на немъ.

Бѣдняжка, не будешь ужъ болѣе ты
Страдать подъ позорнымъ ярмомъ;
Не то — пусть сердце за тебя
Разнимутъ мнѣ ножомъ.

О, глупая грѣза, обманчивый сонъ!
Какой я Спаситель?.. Кругомъ —
Гроза и море... Боже мой,
Спаси меня на немъ!

Шаддей-Адонаи, помилуй меня,
Покрой милосердья щитомъ!
О, Боже, какъ клокочетъ тамъ,
На темномъ днѣ морскомъ!

Ужь майское солнце давно по цвѣтамъ
Играло горячимъ лучемъ,

Когда изъ лодки вышли мы...

Но вышли мы — вдвоемъ

1859.

VI.

НЕСОВЕРШЕНСТВО.

Совершенства нигдѣ не бывало, и нѣтъ,
Съ той исконной поры, какъ созданъ нашъ свѣтъ.
Розы нѣтъ безъ шиповъ; да и самые дивы,
Въ поднебесьѣ, едва-ль безусловно-счастливы.

Безуханны тюльпаны; на Рейнѣ твердятъ,
Что *и честный однажды стянулъ поросять*;
И Лукреціи честь только смерть и прикрыла,
А не-то бы она ужъ на сносъ ходила.

Безобразной ногой обездоленъ павлинь,
Коринны порой нагонютъ намъ сплинъ,
Какъ покойный Вольтеръ — остротой «Генриады»,
Или даже Клопштокъ — красотой «Мессіады».

Идеаль изо-всѣхъ велемудрыхъ коровъ
По испански сказать не сѣумѣетъ двухъ словъ;
И въ «Кипридѣ» Кановы — излишество лоска;
Какъ латынь, такъ и носъ — все у Массмана плоско.

И кислѣйшія риомы въ сладчайшихъ стихахъ —
Намъ не въ рѣдкость, какъ жало въ пчелиныхъ сотахъ;
И безсмертный Ахиллъ раненъ въ пятку Парисомъ;
И Дюма Александръ уродился метисомъ.

Нѣтъ на небѣ звѣзды лучезарной такой,
Чтобъ на землю она не скатилась порой;
Въ лучшемъ сидрѣ у насъ слышенъ запахъ отъ бочки;
Даже въ солнцѣ подчасъ видны темныя точки.

Да и ты, милый другъ, хоть и сводишь съума,
А — признайся — и ты не безъ пятенъ сама?
Что пытливо глядишь прямо въ очи поэту? —
Грудь нѣтъ у тебя, а въ груди сердца нѣту...

15 ноября 1860.

VII.

ОГЛЯДКА.

Все сладкое, все, что такъ манить собой,
Я все перенюхалъ на кухнѣ земной;
Чѣмъ славится мѣръ нашъ, чѣмъ можетъ гордиться,
Я всѣмъ понемножку успѣлъ насладиться:
Я кофе пивалъ, прожки побѣдалъ,
Я сахарныхъ куколъ въ засосъ цѣловалъ;
Жилетки и фраки на мнѣ — то и дѣло —
Мѣнялись. А что въ кошелькѣ-то звенѣло!
Какъ Геллертъ, я мчался на борзомъ конькѣ
И стропль я замки себѣ вдалькѣ;
Лежалъ на лужайкѣ я, прозванной — счастьемъ,
И солнце свѣтило мнѣ съ жаркимъ участиемъ,
И былъ я увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ,
И мозгъ обвивалъ мнѣ душистымъ онъ сномъ —
То грезой надъ розой, то грезой надъ маемъ,
То грезой, что только вотъ я нескончаемъ,
Что только для сумерекъ созданъ былъ день,
Что мнѣ умирать не пора, да и лѣнь.
Во истинну смерть и могила — пустое,
Коль прямо вамъ въ ротъ низпадаетъ жаркое,

Съ небесъ, на пурпуровыхъ крыльяхъ зорп...
Да грезы-то — мыльные все пузыри —
Мои перелопались... Вотъ — и лежу я
На терніяхъ свѣжихъ, стенья и тоскуя.
Вся члены мои ревматизмомъ громить,
Въ душѣ моей — горе, въ душѣ моей — стыдъ;
Съ весельемъ моимъ, и съ моимъ наслажденьемъ —
Досадою квитъ я, и квитъ — сожалѣньемъ.
Мнѣ подали желчи; проняли стопы,
Меня безпощадно кусали клопы;
Заботы кусали меня наипаче —
Я долженъ былъ брать, да и брать безъ отдачи,
Крѣвья и умомъ, и душою моею —
У юношей свѣтскихъ, у старыхъ камней...
Ну — словомъ — у всѣхъ, что богато во градѣ,
Я, кажется, даже просилъ Христа-ради.
Теперь я усталъ на тяжеломъ пути,
Мнѣ ношу хоть въ гробъ бы, да только бѣ снести:
Прощайте! Горѣ мы, любезные братья —
Сомнѣнья нѣтъ — пріймемъ другъ друга въ объятія.

1861.

VIII.

ЛѢСНАЯ ТИШЬ.

Въ бывалое время, въ годъ молодые,
Вѣнокъ на челѣ я носилъ, какъ другіе;
Въ немъ яркѣ просвѣчивалъ каждый цвѣтокъ,
И былъ заколдованъ мой чудный вѣнокъ.

И всѣ мой вѣнокъ благовоиный хвалили,
Да только вѣнчаннаго имъ не любили:
Бѣжалъ я отъ злобы и желчи людской
Въ пріютъ мой тѣпистый, подъ листвою лѣсной.

Въ лѣсу, и въ лѣсу — только тамъ и раздолье!
Духамъ и звѣрямъ тамъ просторъ и приволье...
И Фей, и лани — крутые рога —
Ко мнѣ подходили, не чуя врага.

Ко мнѣ подходили онѣ безъ опаски
Кроваваго умысла, или острастки:
Что я не охотникъ — почувала лань,
Что я не плачу философіи дань,

И даже не умникъ — почувала Фей:
Глупцовъ онѣ только и любятъ, жалѣя...

Любили — присягу дать въ этотъ готовъ —
Любили и прочія власти лѣсовъ.

Вокругъ меня эльфы порхали любовно —
Воздушный, веселый народецъ; но словно
Холодною сталью ихъ очи блестять,
И смертью за мигъ наслажденья грозятъ.

И майскими играми, майскою пляской
Они меня тѣшили; тѣшили сказкой
Про разныя шашки изъ хроникъ лѣсныхъ
Титаніи... Много я выслушалъ ихъ.

Садился ли я надъ хрустальной струею
Источника, тотчасъ, веселой толпою,
Всплывали ундины, красавицы водъ,
Въ серебряныхъ, длинныхъ покровахъ, — и вотъ

По цитрамъ согласно онѣ ударял
И бѣшеный свой хороводъ начинали:
Мелодія, позы — все влося въ немъ,
И брызгало звучнымъ блудящимъ огнемъ.

Порою онѣ по смиреніе бывали:
У ногъ моихъ скромною группой лежали,
Головкой прижавъ на колѣни ко мнѣ,
И пѣли онѣ, распѣвали онѣ

Романсы какого-то тамъ итальянца,
О томъ, что растутъ гдѣ-то три померанца,
О томъ, что восторгомъ ихъ сердце проникъ
И богоподобенъ, конечно, мой ликъ.

И пѣли... Но взбалмашнымъ смѣхомъ напѣвы
Порой прерывали дубровныя дѣвы,
Порой и вопросомъ: «
«

« и всѣ вы такіе?
«У всѣхъ у васъ души?.. Онѣ холщевыя,
«Иль сшиты изъ кожи, чтобъ стало на вѣкъ?..
«Скажи: отчего же такъ глупъ человѣкъ?»

Отвѣтъ мой да будетъ пока неизвѣстенъ;
Но — вѣрьте — хоть смѣхъ ихъ и былъ не умѣстенъ,
Но — вѣрьте — моею безсмертной душой
Я твердо выслушивалъ смѣхъ водяной.

Ундины и эльфы хитры и любезны,
Но гномы ихъ болѣе людямъ полезны:
Всегда человѣку гномъ искренній другъ
И дѣлаетъ множество всякихъ послугъ.

Широкая, длинная, алаго цвѣта,
На нихъ эпанечка красиво надѣта.
Я виду не подаль, что знаю — зачѣмъ
Приходится ноги имъ прятать совсѣмъ?

Не ноги, а лапки у нихъ, какъ у утки;
Но твердо увѣрены эти малютки,
Что тайны ихъ знать никому не дано —
И, право, надъ ними смѣяться грѣшно.

О, Боже! да чѣмъ же умнѣе ихъ мы-то?
У всѣхъ у насъ что нибудь также сокрыто,

И всё мы, всё думаемъ также подчасъ,
Что лапокъ утиныхъ не видно у насъ.

Знакомъ съ саламандрами небыль тогда я,
И мало о нихъ мнѣ ватага лѣсная
Могла рассказать. Проносились они,
Какъ тѣни огней, въ полуночной тѣни.

И малы, и худы, какъ спички, бѣдняжки;
Въ обтяжку и брючки на нихъ и рубашки
Багроваго цвѣта съ шитьемъ золотымъ;
Надъ личикомъ желтымъ, печальнымъ, больнымъ,

На каждомъ изъ нихъ золотая коронка
Съ рубинами; каждый похожъ на ребенка,
А думаетъ каждый, что онъ лишь одинъ
На свѣтѣ всемогущій всему властелинъ.

Въ огнѣ не сгарать — это кунштюкъ безспорно;
Но все жъ притязанье малютокъ задорно:
Пуškai не сгораютъ, да все жъ для меня
Они — не могучіе духи огня.

Я пальму ума отдаю той породѣ,
Которой есть вѣрная клочка въ народѣ —
Народъ говоритъ про нихъ такъ: «Мужичекъ —
Онъ самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ.»

Откуда они — неизвѣстно... Сдается,
Когда въ лунномъ свѣтѣ ихъ рой кувырнется,
Что пляшутъ и скачутъ сморчки по лучу...
Откуда они — я и знать не хочу,

Затѣмъ—что ко мнѣ они добрыми были
И разной меня вѣроятъ научили:

Огонь заговаривать, птицъ окликать,
Цвѣтокъ-невидимку въ Купалу искать.

Учили, какъ въ звѣздные свитки вчитаться;
Какъ, вѣтеръ взнуздавъ, безъ сѣдла на немъ мчаться;
Какъ тайною сплой руническихъ словъ
Усопшихъ въ ночи вызывать изъ гробовъ.

Учили — у дятла выманывать свистомъ
Разрывъ-траву съ вѣщими корнемъ и листомъ:
Они указуютъ въ полуночной мглѣ,
Гдѣ клады съ зарокѣмъ зарыты въ землѣ.

Учили словамъ, что нашептывать надо,
Когда докапаться удастся до клада,
И все объяснилъ — напрасный урокъ:
Наука о кладахъ пошла мнѣ не въ прокъ.

Но правдѣ, тогда я доволенъ былъ малымъ,
Оплачивать нужды своимъ капиталомъ
Я могъ: приносилъ тогда каждый годъ
Воздушные замки мнѣ вѣрный доходъ.

О, милое время! блаженные годы!
Когда предо мною вились хороводы
Ундинъ или эльфовъ подъ сѣнью лѣсовъ,
При вѣчныхъ проказахъ малютокъ духовъ.

О, милое время! когда легкой аркой
Изъ вѣтвей пахучихъ и зелени яркой
Свивались деревья, — и я ликовалъ,
И я, увѣнчанный, подъ сводъ ихъ вступалъ.

То милое время — оно ужь сокрылось,
И все съ той блаженной поры измѣнилось,

Давно пзмѣнилось все — и, увы!
Похищенъ вѣнокъ у меня съ головы.

Похищенъ вѣнокъ у меня; я не знаю,
Какъ это случилось, но я пзнаваю,
И вянетъ, и вянетъ мой жизненный цвѣтъ,
И будто души у души моей нѣтъ.

Нѣтъ эльфовъ въ лѣсу: по таинственнымъ логамъ
Я слышу лай стаи съ охотничьимъ рогомъ;
Лань прячется въ чащу и, страха полна,
Тамъ лижетъ кровавыя раны она.

И гдѣ «мужички съ ноготокъ?» Безъ сомнѣнья,
Заблится въ трещины скалъ съ огорченья.
Къ друзьямъ моимъ маленькимъ слѣдъ я сыскалъ,
Да счастье съ вѣнкомъ на пути потерялъ.

Гдѣ фея съ улыбкой своей благосклонной,
Съ волной золотистыхъ кудрей благовонной?
Обитель ея, крѣпкій дубъ — обнаженъ
Отъ листьевъ и въ жертву вѣтрамъ обреченъ.

Печальнѣе Стикса ручей и стремнина;
Сидитъ на пустынномъ прибрежѣ ундина,
Блѣдна и недвижна, какъ каменный ликъ,
Что съ грустью на грудь головою поникъ.

Какъ другъ, приближаюсь я къ ней съ состраданьемъ,
Но смотритъ она на меня съ содраганьемъ —
И быстро скрывается въ чащѣ вѣтвей,
Какъ будто-бы призракъ привидѣлся ей.

IX.

АНГЕЛАМЪ-ХРАНИТЕЛЯМЪ.

Что мигъ — онь все ближе и ближе ко мнѣ,
Тотъ *всадникъ потёмный на блломъ конь*;
Я слышу — по частому звуку копытъ —
На полныхъ рысяхъ онь за мною спѣшитъ.
Умчить онь меня отъ Матильды съ собою...
Подумаешь — сердце сожмется тоскою.

Матильда была мнѣ дитѣй и женой —
И вотъ ужъ на свѣтѣ оеататься одной —
Вдовой и сироткой — приходится ей,
Зане низхожу я въ обитель тѣней...
А бѣдная, вѣря, что мужъ ея — сила,
Спокойно на дружескомъ сердцѣ почилъ.

О, ангелы Божьи! взываю я къ вамъ!
Вонмите рыданьямъ, вонмите мольбамъ:
Изъ горнихъ чертоговъ, съ адемскихъ полей
Слетите на землю къ Матильдѣ моей,
Щитомъ некрушимымъ ее оградите
И ваше подобіе въ ней охраните!

Слезой вашей чистой о наших грѣхахъ,
Тѣмъ словомъ, что, съ трепетомъ падая въ прахъ,
Священникамъ зымолвить можно однимъ,
Красой вашей, благостью, всѣмъ пресвятымъ .
Я васъ заклинаю, небесныя власти,
Храните Матильду отъ бѣдъ и напасти!

23 іюля 1860.

Х.

МОРСКОЙ ПРИЗРАКЪ.

—

Я свѣсился за корабельный борть
И всматриваться сталъ повитымъ грезой окомъ
Во глубь воды, прозрачной, какъ кристалль,
И проникаль я взоромъ глубже, глубже —
Такъ глубоко, что изъ морскаго лона —
Сначала, какъ дымящійся туманъ,
Потомъ яснѣй, яснѣе и цвѣтнѣе —
Нодвѣлись башни, куполы церквей,
И наконецъ, облитый свѣтомъ солнца,
Всплыль цѣлый старый нидерландскій городъ,
Толпой народа шумно-оживленный.
Вотъ альдерманы важные идутъ,
Всѣ въ черныхъ мантияхъ и съ фризми на шеѣ,
Съ почетной цѣпью, съ длинной, длинной шпагой;
Ихъ лица также вытянулись длинно.
Идутъ они по площади кипучей
Къ высокой лѣстницѣ ратуши,
Гдѣ изваянья царственныя строго
Стоять на стражѣ съ скиптромъ и мечемъ.

Неподалеку, передъ рядомъ зданій,
Гдѣ свѣтятъ ярко зѣркальныя окна,
Подъ тѣнію густою липъ зеленыхъ,
Остриженныхъ искусно въ пирамиды,
Гуляютъ, платьемъ шелковымъ шумя,
Дѣвицы молодыя. Стань ихъ глубоко;
Цвѣтутъ здоровьемъ личики у нихъ;
Всѣ въ черныхъ шапочкахъ — таковъ уже обычай;
У всѣхъ струятся кудри золотыя.
Въ испанскихъ одѣяньяхъ удалыцы
Проходятъ мимо ихъ съ поклономъ, подбоченясь;
Старухи въ темныхъ платьяхъ, съ узкимъ лифомъ,
Со святцами и четками въ рукахъ,
Спѣшатъ толпой къ высокому собору,
Куда зовутъ ихъ колокольный звонъ
И звуки загремѣвшаго органа.

И самому мнѣ западаетъ въ душу
Тайственный и отдаленный звукъ;
Тоскливое волненіе сжимаетъ
Мнѣ сердце, исцѣленное едва.
Я чувствую, какъ злыя раны сердца
Лобзаютъ страстно милья уста —
И поцѣлуями ихъ вновь разбередили:
Горячая и алая струя,
За каплей капля, полилася въ море,
Въ глубокий городъ, на высокій домъ,
На старый домъ, гдѣ нѣтъ живой души,
Лишь подъ окошкомъ нижняго жилья
Задумчивая дѣвушка сидитъ,
Склонившись на ручку головою,
Какъ бѣдное, забытое дитя...

И знаю я, давно тебя я знаю,
О бѣдное, забытое дитя!

И такъ глубоко, такъ глубоко въ морѣ
Скрываешься теперь ты отъ меня
Изъ дѣтскаго, пустаго своенравья!
И всплыть на верхъ ты болѣе не можешь,
И здѣсь ты бродишь цѣлыя столѣтья,
Чужая межъ людьми, тебѣ чужими,
Межь-тѣмъ какъ я, съ растерзанной душою.
Тебя по свѣту цѣлому искалъ,
И все искалъ, и все искалъ тебя,
Всегда-любимая, утраченная мною
И наконецъ найденная опять!
Нашелъ тебя, и снова я смотрю
На милый образъ, вѣжную улыбку,
На умные и свѣтлые глаза...
И никогда съ тобою я не разстанусь:
Спѣшу къ тебѣ туда — туда, на дно,
И съ жаркими объятіями бросаюсь
Во морскую глубь — къ тебѣ, къ тебѣ на сердце...

И хорошо, что за ногу успѣлъ
Меня схватить и оттащить отъ борта
Нашъ капитанъ, сказавъ съ улыбкой злою:
«Да что вы, докторъ! чорту что-ли брать?»

XI.

АПОЛЛОНЪ.

—

1.

Надъ самымъ обрывомъ обитель стоитъ;
Рейнъ мимо несется, какъ птица;
И сквозь монастырской рѣшетки глядятъ
На Рейнъ молодая бѣлица.

На Рейнъ, вечерней зарей облита,
Колышется шлюпка; цвѣтами
Пестрѣтъ на парусѣ гордомъ тафта;
Обвѣшана мачта вѣнками.

Кудрявый красавецъ стоитъ надъ рулемъ,
Какъ образъ античнаго бога;
Пурпурная тога надѣта на немъ,
И вышита золотомъ тога.

У ногъ его девять богинь возлежать —
Изъ мрамора вылиты лпки;

Ихъ стройныя формы призывно сквозятъ
Подъ складками легкой тунники.

Кудрявый красавецъ поетъ про любовь,
На сладостной лирѣ играетъ...
Горить у бѣлицы встревоженной кровъ
И къ сердцу ключемъ прикипаетъ.

И крестится разъ она — разъ и другой;
Но бѣдной и крестъ не помога,
И жметъ ей своей безошадной рукой
Болѣзненно сердце тревога.

2.

« Я богъ всеильный музыки;
Повсюду я прославленъ;
Мнѣ на Парнасѣ, въ Греціи,
Издrevле храмъ поставленъ.

« Да, на Парнасѣ, въ Греціи,
Я возсѣдалъ и пѣнью
Внималъ у струй Касталии,
Подъ кипарисной тѣнью.

« Порой со дщерями дѣля
Торжественныя хоры:
Звучали всюду ля-ля-ля
И смѣхъ и разговоры.

А между тѣмъ — тра-ра, тра-ра —
Гремѣли звуки рога:

Въ лѣсу охотилась сестра,
Горда и быстронога.

«Не знаю, какъ случилось,
Но — только освѣжали
Уста струн Касталии —
Уста мои звучали:

«Я пѣлъ, невольно слухъ маня,
Невольно лира пѣла,
Какъ будто Дафна на меня
Тогда сквозь лавръ глядѣла.

«Я пѣлъ — лился амброзіей
Монхъ напѣвовъ волны,
И были звучной славою
Земля и небо полны.

«Лѣтъ съ тысячу пѣз Греціи
Я изгнанъ... Миновалось...
Но сердце — сердце въ Греціи
Возлюбленной осталось...»

3.

Въ одѣяніе бѣгинокъ —
Въ эпанечку съ капюшономъ
Изъ грубѣйшей черной саржи
Вся закуталась бѣлица,

И идетъ она поспѣшно
По голландской по дорогѣ,

Вдоль по Рейну, и поспѣшно
Каждыхъ встрѣчныхъ опрашаетъ:

«Не видали-ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ;
Сладко онъ поетъ подъ лиру:
Онъ кумиръ мой вождедѣнный».

Но ни кто не отвѣчаетъ:
Кто спиною повернется,
Кто въ глаза ей захохочетъ,
Кто прошепчетъ ей: «бѣдняжка!»

Но дорогу переходить
Ей старикъ; онъ весь трясется;
Цифры въ воздухѣ выводитъ
И поетъ гнусливо что-то.

За спиной его котомка;
На макушкѣ трехъ-угольный
Колпачекъ; лукаво щурясь,
Внемлетъ онъ рѣчамъ бѣлицы:

«Не видали-ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ;
Сладко онъ поетъ подъ лиру:
Онъ кумиръ мой вождедѣнный».

Головой качая дряхлой,
Отвѣчалъ онъ ей подробно,
И забавно, при отвѣтѣ,
Дергалъ острую бородку:

— Не видалъ-ли Аполлона?
Отчего жь его не видѣть?
Я видалъ его не-рѣдко
Въ амстердамской синагогѣ.

— Онъ служилъ тамъ заѣзвалою,
Прозывался Рабби Фебишъ —
Аполлонъ на ихъ нарѣчѣ;
Но кумиромъ мнѣ онъ не былъ.

— Ну, и пурпурную тогу
Также знаю; славный пурпуръ:
По восьми флоринновъ... только
Недоплачено полсуммы.

— А родитель Аполлона,
Моисей, прозваньемъ Итчеръ —
Всякой всячины обрѣзчикъ...
И конечно, ужь червонцевъ.

— Мать приходится кузиной
Зятю нашему... Торгуетъ:
Огурцовъ у ней соленыхъ
И ветошекъ разныхъ много.

— Сына врядъ-ли очень любятъ.
Славный онъ игрокъ на лирѣ;
Но играть гораздо лучше
Онъ привыкъ въ *тарокъ* и въ *ломберъ*.

— Ну, и вольница при этомъ:
Потерялъ не давно мѣсто;

Тсть свинину; бродить съ группою
Нарумяненныхъ актеровъ.

— И по ярмаркамъ онъ съ ними
Представляетъ въ балаганахъ
Арлекина, Олоферна
И царя Давида даже.

— Говорять, царя Давида
Представляетъ онъ удачно,
И псалмы поетъ на ветхомъ
Иудейскомъ діалектѣ

— Въ Амстердамѣ, проигравшись
Въ пухъ и въ прахъ въ игорномъ домѣ,
Набралъ музъ теперь и съ ними
Разъѣзжаетъ Аполлономъ.

— Ту, которая по толще,
И вѣнокъ лавровый носить,
И визжить, зовуть подруги,
Да и всѣ: Зеленой Свинкой.

ХП.

ЦАРЬ РАМІСЕНИТЬ.

Только къ дочери вошелъ
Царь въ чертоги золотые —
Засмѣялась и царевна,
И рабыни молодья.

Засмѣялись и арабы;
Даже евнухамъ потѣха;
Даже муміи и сфинксы
Чуть не лопнули со смѣха.

Говоритъ царевна: «Вора
Я поймала, да слукавилъ:
Хвать его, а онъ въ рукѣ мнѣ
Руку мертвую оставилъ.

«Поняла его теперь я —
Онъ и ловокъ, и не робокъ;
Крадетъ мимо всѣхъ задвижекъ,
Всѣхъ замковъ, крючковъ и скобокъ.

« У него есть ключъ волшебный,
И когда прійдетъ охота,
Отпираетъ имъ опъ двери
И рѣшетки и ворота.

« Я не дверь вѣдь запертая —
И хоть кладъ твой сберегала,
Да и свой-то кладъ дѣвчій
Нынѣче ночью прогадала».

Такъ съ отцомъ царевна шутить —
И порхаеть по чертогу;
Снова звнухи и слуги
Разсмѣялись по немногу.

А на утро цѣлый Мемфисъ
Засмѣялся; къ крокодиламъ
Вѣсть дошла — и тѣ всей частью
Засмѣялись надъ Ниломъ,

Какъ на нильскомъ на побережьи
Сталь глашатай — съ нимъ и свита —
И прочель, при звукахъ трубныхъ,
Онъ рескриптъ отъ Рамсенита.

« Рамсенитъ, царь надъ царями
И владыка надъ Египтомъ
Вѣрноподаннымъ любезнымъ
Возвѣщаетъ симъ рескриптомъ:

« Въ ночь на третіе іюня
Тысяча... такое дѣло

Передъ Рождествомъ Христовымъ —
Вотъ когда случилось это —

«Изъ сокровищницы нашей
Тать похитилъ непонятно
Много камней драгоценныхъ,
И потомъ неоднократно

«Похищаль. За тѣмъ-то на ночь,
Предъ казной у самой двери,
Нашу дочь мы положили;
Но не дался тать и дочери.

«Прекратить татьбу желая,
А притомъ — для возвѣщенья
Симпатіи нашей къ татю
И любви и уваженья —

«Нашу дочь ему въ супруги
Отдаемъ безприкословно,
И наследникомъ престола
Признаемъ его любовно.

«Но, какъ будущаго зятя
Мѣсто-жительства безвѣстна —
Сей рескриптъ ему объявить
Нашу милость повсемѣстно.

« Января второе, въ полдень,
Въ лѣто — тысяча... такое
Передъ Рождествомъ Христовымъ.
Rhampsemitus rex. Мероэ ».

Тать былъ избранъ царскимъ зятемъ,
По прямымъ словамъ рескрипта,
А по смерти Рамсесита
Вънчанъ былъ царемъ Египта.

Онъ царилъ, какъ и другіе;
И искусства процвѣтали,
И торговля... Нѣтъ сомнѣнья,
Что при немъ не много крали.

21 октября 1860.

ХІІІ.

ФІРДУСИ.

1.

Кто о чемъ... бѣднякъ заводитъ
О *томанъ* *) рѣчь — конечно
О серебряномъ томанѣ,
О серебряномъ, не больше.

Но въ устахъ владыки, шаха —
На всѣхъ золота тоمانы:
Шахъ тоمانы принимаетъ
И даруетъ — золотые.

Такъ привыкли думать люди,
Также думалъ и Фирдуси,
Сочинитель пресловутой,
Обожествленной «Шахъ-Наме».

По приказу шаха, эту
Героическую пѣсню
Написалъ онъ; по томану
Шахъ за каждый стихъ назначилъ.

*) Серебряная и золотая монета на востокѣ.

Ужь семнадцатую вѣсну
И цвѣла и блѣкла роза,
И надъ ней пѣмѣла пѣсня
Соловья, ея любимца.

Въ это время сочиитель,
За станкомъ тревожной мысли,
Днемъ и ночью неустанно
Ткаль коверъ громаднѣй пѣсни

Да, громаднѣй: стихотворецъ
Вткаль въ него непостижимо
Баснословіе отчизны:
Патріарховъ Фарсистана,

Славныхъ витязей народныхъ,
Ихъ дѣянья, приключенья,
И волшебниковъ, и Дивовъ —
Все въ цвѣтахъ народной сказки,

Все въ цвѣтахъ, и все живое,
Все проникнутое блескомъ,
Облптое, словно съ неба,
Свѣтомъ огненнымъ Ирана,

Тѣмъ предвѣчнымъ, чистымъ свѣтомъ,
Предъ которымъ, въ храмѣ сердца,
Позабывъ коранъ и муфти,
Паль пѣвецъ—огнепоклонникъ.

До конца донѣлась пѣсня,
А допѣлась — стихотворецъ

Шлѣть ее немедля къ шаху;
А стиховъ въ ней двѣсти тысячъ.

Такъ случилось, что въ банѣ,
Въ банѣ Гасны отыскали
Сочинителя Фирдуси
Шаха черные посланцы.

Каждый несъ мѣшокъ томановъ
И колѣнопреклоненно
Положилъ къ ногамъ Фирдуси,
Какъ почетную награду.

Онъ — къ мѣшкамъ — скорѣ тронуть
Тотъ металлъ, которымъ взоры
Такъ давно не любовались —
И отирянулъ въ изумленьѣ:

Тѣ мѣшки биткомъ набиты
Все томанами, да только
Все серебряными... Горько
Засмѣялся стихотворецъ.

Засмѣялся горько; деньги
Раздѣлялъ онъ на три части:
Двѣ изъ нихъ онъ тотчасъ отдалъ
Чернымъ шаховымъ посланцамъ,

Какъ награду за посылку —
Далъ имъ по-ровну обомъ,
Третью часть слугѣ онъ отдалъ,
За его услугу въ банѣ.

Взялъ онъ странническій посохъ,
И столицу онъ покинулъ,
У воротъ ея стряхнувши
Пыль и прахъ съ своихъ сандалій.

2.

«Обманулъ-бы просто онъ,
Какъ всё люди, изъ пустога —
Не сдержалъ бы просто слова,
Я-бы не былъ разсерженъ.

Я сержуся на него
За два смысла обѣщанья;
А коварство умолчанья
Оскорбительнѣй всего.

Велпчавъ, красивъ, высокъ,
Онъ казался исполномъ
Передъ каждымъ властелиномъ,
Для кого престолъ — вершокъ.

Правды гордый мужъ, блеснулъ,
Словно солнце, онъ надъ нами,
Сжегъ огнистыми лучами
Душу мнѣ — и обманулъ».

3.

Шахъ Магометъ оттрапѣзоваль... Онъ,
Слава Аллаху! вполне насыщенъ...

Въ сумеркахъ садъ... водометы въ игрѣ...
Шахъ возлежитъ на пурпурномъ коврѣ.

Одаль прислуга рядами нѣмыми;
Шаха любимецъ Анзари межъ ними.

Въ мраморныхъ вазахъ, подь лѣтнимъ лучемъ,
Розы забили душистымъ ключемъ;

Подь опахаломъ, толпой одалыкъ,
Пальмы скрываютъ зеленый свой ликъ;

И кипарисы верхушки склонили —
Грезять о небѣ и землю забыли.

Вдругъ звуки лютни плеснули волной;
Садъ встрепенулся подь дивный ихъ строй.

И встрепенулся самъ шахъ ото сна:
«Кѣмъ эта пѣсня была сложена?»

Шахъ дожидаль отъ Анзари отвѣта —
Тотъ отвѣчаетъ: «Фирдуси поэта».

«Пѣсня Фирдуси! — да гдѣ-жь наконецъ»,
Шахъ вопрошаетъ, «великій пѣвецъ?»

И отвѣчаетъ Анзари: «поэтъ
Бѣдствуетъ вотъ-уже нѣсколько лѣтъ:

«Тамъ, въ городкѣ своемъ маленькомъ, въ Тусѣ,
Ходитъ за маленькимъ садомъ Фирдуси».

Шахъ Магометъ помолчалъ съ добрый часъ;
Послѣ Анзари даетъ онъ приказъ:

«Слушай! скорѣй на конюшню иди:

Сотню муловъ изъ нея выводи

«И полусотню верблюдовъ... Навьючишь

Всѣмъ, что услышишь и что ты получишь.

«Прежде всего ты навьючишь на нихъ

Цѣлыя кипы одеждъ дорогихъ;

«Утвори рѣдкія, гдѣ-бы металлъ

Смѣло оспаривалъ кость и кораллъ;

«Кубки и чаши литыя, а то-же

Лучшія выборки барсовой кожи;

«То-же и шали, ковры и парчи,

Все, что наткали мнѣ за годъ ткачи.

«Не позабудь ты, горѣча вьюки,

Вмѣстѣ съ оружіемъ вложить чепраки;

«Не позабудь ты прибавить въ избытокѣ

Яства, въ сосудахъ надежныхъ, напитки,

«Тортовъ миндальныхъ, конфектъ, пирожковъ,

Всѣхъ, сколько знаешь, и всякихъ сортовъ.

«Также возьми ты съ конюшни моеѣ

Дюжину лучшихъ арабскихъ коней;

«Выбери столько-жъ невольниковъ чѣрныхъ,

Бронзовыхъ цвѣтомъ, въ работѣ упорныхъ.

«Всѣмъ этимъ скарбомъ и этимъ добромъ —

Ты предъ Фирдуси ударишь челомъ

«Именемъ шаха...» Анзари готовъ;
Взялъ онъ съ конюшни верблюдовъ, мулѣвъ,

Взялъ и дары, не замедливши срокомъ,
(Цѣлая область платилась оброкомъ).

Третіи сутки еще не прошли,
Быль отъ столицы Анзари вдали,

И направлялъ по пустынь на станъ
Пурпурнымъ знаменемъ свой караванъ.

Черезъ недѣлю, вечерней порою,
Въ Тусъ былъ... Городъ лежалъ подъ горою...

Трубы и бубны, кимвалъ и тимпанъ!
Съ шумомъ и съ пѣсней вошелъ караванъ.

«Ля-пля-пль-Алла!» слышится крикъ —
Съ запада ввелъ караванъ проводникъ...

А на востокъ растворилися въ Тусъ
То-же ворота — для трупа Фирдуси...

XV.

ФИЦЛИНУЦЛИ.

—
Präludium.

Это вотъ — Америка!
Это — новый свѣтъ безспорно,
Не теперешній, что вянетъ,
Обогнавъ Европу сразу.

Это точно новый свѣтъ,
Какъ Кулумбомъ Христовалемъ
Поднять онъ изъ океана.
Весь еще онъ свѣжъ и влаженъ;

Весь еще въ жемчужныхъ капляхъ,
Что летять цвѣтистой пылью
Подъ лобзаньемъ жаркимъ солнца.
Какъ онъ молодъ этотъ свѣтъ!

Нѣтъ, романтики кладбища,
Нѣтъ въ немъ старыхъ грудь развалинъ,

Нѣтъ, подъ плесенью спмволовъ,
Париковъ окаменѣлыхъ.

Изъ здоровой почвы смѣло
Исполинскія деревья
Поднялися — не страдаетъ
Ни одно спинной сухоткой.

На вѣтвяхъ большія птицы —
Перья съ радужнымъ отливомъ;
Важно длинные носы
Изогнулись; глазами,

Какъ очки въ оправѣ черной,
Внизъ глядятъ онѣ, качаясь,
И молчатъ; но вдругъ крикливо
Начинаютъ лепетать,

Словно кумушки, всѣ вмѣстѣ.
Чтó лепечутъ — я не знаю,
Хоть языкъ и знаю птицій
Я не хуже Соломона,

У котораго всѣхъ женъ
Было съ тысячу, который
Зналъ всѣ птичьи языки,
И ни только что живыя,

Даже мертвыя нарѣчья.
Новый климатъ и цвѣты
Также новые, и новый
Разливаютъ ароматъ —

Дикіи, жгучіи: сладострастно
Онъ щекочеть обонянье...
Не могу никакъ припомнить,
Гдѣ я слышалъ этотъ запахъ?

Можетъ быть, на Ридженъ-Стритѣ
Въ золотисто-жёлтыхъ ручкахъ
Той яванки гибко-стройной,
Что всегда цвѣты жевала?

Можетъ быть и въ Роттердамѣ
Подлѣ статуи Эразма,
Гдѣ въ таинственной алеѣ
Скрыта вафельная лавка.

Но пока въ недоумѣнны
Я гляжу на новый свѣтъ,
Самъ я новый свѣтъ пугаю
Чуть не больше: обезьяна,

Увидавъ меня, со страхомъ
Такъ и кинулась въ кусты
И кричить: «Ужасный призракъ!
Старосвѣтскій, страшный призракъ!»

Не пугайся, обезьяна!
Я совсѣмъ не привидѣнье —
Я покорный и послушный
И приверженный сынъ жизни.

Но, затѣмъ-что такъ давно
Я вожуся съ мертвецами,

Я приёмы кой-какіе
Перенялъ отъ нихъ невольно.

Въ наилучшіе годà
Я скрывался по кофейнямъ,
Романтическимъ вертепамъ
И подобнымъ катакомбамъ.

Не пугайся, обезьяна!
Ты мнѣ нравишься, за то-что
У тебя на безволосой,
Оголенной кожѣ сзади —

Мной любимые цвѣта:
Черный, красный, золотистый...
Я при нихъ припоминаю
Съ грустью знамя Барбароссы.

1.

На чѣлѣ носилъ онъ лавры,
На ногахъ носилъ онъ шпоры
Золотыя: хоть и нѣ былъ
Ни герой онъ, и ни рыцарь.

Былъ онъ шайки атаманомъ;
Но въ священной книгѣ славы
Дерзновенною рукою
Врѣзалъ дерзко имя: Кòртець—

И, подъ именемъ Колумба,
Врѣзалъ такъ его глубоко,
Что на школьной лавкѣ школьникъ
Слышитъ вмѣстѣ оба имя.

За Колумбомъ Христовалемъ
Говоря: — Фернандо Кёртець,
Онъ его великимъ мужемъ
Ставить рядомъ въ Пантеонѣ

Міра новаго съ Колумбомъ.
Тяжела судьба героя,
Если долженъ онъ помыслить
Передъ смертью, что въ потомствѣ

Станетъ рядомъ съ проходимцемъ.
Лучше быть безвѣстнымъ міру,
Чѣмъ въ сообществѣ позорномъ
Завѣщать потомству имя.

Христоваль Колумбъ конечно
Былъ героемъ: духъ его
Свѣтель былъ, какъ солнце свѣтло,
Да и щедръ онъ былъ, какъ солнце:

Много гениевъ дарили
Міру много, но Колумбъ
Одарилъ міръ цѣлымъ міромъ,
Что Америкой зовѣтся.

Дверь земной темницы людямъ
Отворить онъ былъ не въ силахъ,
Но съумѣлъ темницу шире
И длиннѣе цѣпи сдѣлать.

Человѣчество Колумбу
Вѣкъ должно быть благодарно:

Ужь не только что въ Европѣ,
Да и въ Африкѣ оно,

Да и въ Азіи устало.
Былъ Колумба выше геній,
Но вѣдь это былъ, кто людямъ
Душу, небо далъ и Бога.

У него отецъ Амримомъ
Мать Эхобееъ прозывалась;
Самъ онъ звался Моисеемъ:
Онъ и есть тотъ мощный геній.

Но, Пегасъ мой, не годится
Слишкомъ долго оставаться
Намъ съ Колумбомъ: ждетъ сегодня
Насъ другой: Фернандо Кортесъ.

Расправляй цвѣтныя крылья,
Конь крылатый, и помчимся
Мы съ тобою въ новый свѣтъ,
Въ Мехиканскія долины.

Ты умчишь меня въ тотъ городъ,
Гдѣ кацкомъ Монтезумой
Такъ радушно и такъ честно
Были приняты испанцы.

И не только кровь и пищу,
Въ изобиліи несмѣтномъ,
Далъ кацкъ пришельцамъ чуждымъ,
Но и цѣнные подарки:

Перлы, золото литое,
Самоцветные каменья —
Все доказывало щедрость
Мехиканскаго владыки.

Этотъ дикій, этотъ грубый,
Въ тьмѣ блуждающій язычникъ,
Еще вѣрилъ въ честь и совѣсть,
Въ святость правъ гостепрѣимства.

Онъ съ монаршей лаской принялъ
Приглашеніе на праздникъ,
Что испанцы затѣвали,
Въ честь его, въ озёрномъ замкѣ.

И съ придворными своими,
Благосклоненъ и доверчивъ,
Прибылъ онъ въ испанскій замокъ,
Гдѣ былъ встрѣченъ трубнымъ звукомъ.

Какъ пѣса называлась,
Я не знаю. Можетъ быть:
«Честь испанская»; но авторъ
Звался донъ Фернандо Кóртець.

Подаль знакъ онъ — и внезапно
На кацика нападаютъ
И заложникомъ, въ оковахъ,
Оставляютъ въ крѣпкомъ замкѣ.

Но погубилъ Монтесума —
И разрушена плотина,

Защищавшая пришельцевъ
Отъ народной правой мести.

Какъ подь бурей море, страшно
Все кругомъ заколыхалось,
И стремительно на замокъ
Полились людскія волны.

Хоть испанцы отражали
Каждый штурмъ; но ежечасно —
Новый приступъ, и борьба
Утомительною стала.

А со смертию Монтезумы,
Истощились и припасы:
Стали меньше раціоны;
Лица сдѣлались длиннѣе;

И понурясь, другъ на друга
Смотрять мрачные испанцы,
И со вздохомъ вспоминають
Объ отечествѣ любезномъ —

Этой роднѣ, гдѣ громко
Раздается звонъ церковный,
И кипить на очагѣ
Мирно «Olea-potrida»!

Густо смазанная тѣстомъ,
А подь нимъ шипять лукаво
И щекочуть носъ сосиски
Съ вселюбезнымъ чеснокомъ.

Собрался совѣтъ военный —
И рѣшили отступленье,
Такъ, чтобъ съ первою зарёю
Войско изъ города вышло.

Выйдти было н легко,
При умьньи полководца,
Да до берега достигнуть
Непомѣрно было трудно.

Городъ Мѣхико — озёрный,
И лежитъ на острову,
По срединѣ волнъ шумящихъ,
Онъ твердыней водяной.

Сообщенье съ берегами —
На паромахъ, н на лодкахъ,
По мостамъ на крѣпкихъ сваяхъ;
Островки — сухіе броды.

Передъ солнечнымъ восходомъ
Въ путь свой тронулись испанцы:
Не гремѣли барабаны,
Не трубили трубы зорю.

Чтобъ хозяевъ не тревожить,
Посреди ихъ сладкой дрѣмы,
(А индійцевъ за сто тысячъ
Было въ Мѣхико тогда)

Были вѣжливы испанцы,
Но про вѣжливость хозяевъ

Позабыли: раньше ихъ
Поднялися мекхканцы.

По мостамъ и по поромамъ,
И по брѣдамъ стали тучей,
Чтобъ напутственнымъ поклономъ
Проводить гостей любезныхъ.

По мостамъ, паромамъ, брѣдамъ —
Гей! — попойка началась,
И багровое вино
Черезъ край полилось въ волны.

Но плечѣмъ къ плечу испанцы —
И кровавыхъ арабесокъ
Много панцырь ихъ оттиснуль
На индѣйскихъ голыхъ персяхъ.

Это была: давка, схватка
И рѣзня, и долго—долго
Шумъ и крики замрвали
По мостамъ, паромамъ, брѣдамъ.

Краснощекіе рычали,
Но испанцы бились молча:
Имъ пришлось шагъ за шагомъ
Завоевывать дорогу.

Въ тѣсной битвѣ не спасало
Европейское искусство:
Огнестрѣльное оружье,
Шлемы панцыри и кѣни.

Впрочемъ, многіе испанцы
Были золотомъ тягчмы,
Что награбили недавно:
Этотъ жёлтый грузъ грѣховъ

Бремениль ихъ въ жаркой схваткѣ,
Этотъ дьявольскій металлъ
Сталь погнѣбелю — не только
Для души, но и для плоти.

А по озеру межъ тѣмъ
Плыли лодки,плыли барки,
И стрѣлки изъ нихъ стрѣляли
По мостамъ, паромамъ, бродамъ.

Въ суматохѣ, безъ сомнѣнья,
Попадали и въ своихъ,
Но не рѣдко попадали
И въ гндальго досточтимыхъ.

На одномъ мосту свалился
Юнкеръ Гастонъ — въ этотъ день
Несъ онъ знамя, на которомъ
Развѣвался ликъ Пречистой.

Даже въ образъ попадали
Метко выстрѣлы индійцевъ:
Шесть индійскихъ стрѣлъ остались
Въ самомъ сердцѣ у Мадонны,

Будто въ пятницу страстную,
Въ сердцѣ Matar dolorosa,

На процессіи священной,
Шесть мечей позолочённыхъ.

Передъ смертію донъ Гастонъ
Знамя передалъ Гонзальво,
Но и тотъ, сраженныйъ смертію,
Вскорѣ палъ. Тогда самъ Кортеть

Принялъ ту хоругвь святую,
И держалъ её высоко
Надъ конемъ, до самой ночи,
Какъ покончилась битва.

Зѣ-сто шестьдесятъ испанцевъ
Пали; восемьдесятъ слишкомъ
Въ плѣнь достались живыми
Мехиканцамъ. Много на-смерть

Было ранено, а скорѣ
И они глаза закрыли
До двѣнадцати коней
Отнято или убито.

Наконецъ, ужъ въ вечеру,
Кортеть съ войскомъ истомлённымъ
Вышли на берегъ, убого
Кипарисами поросшій.

2.

День кровавой, грозной битвы
Ночь смѣнила, но смѣнила

Словно призрачнымъ видѣньемъ:
Вдругъ надъ Мехико сто тысячъ

Золотыхъ огней зажглося:
Вѣтви, свѣточн, сосуды
Со смолой душистой ярко,
Словно бѣлый день, свѣтили

На дворцы, палаты, храмы
И на кровли золотыя.
Между ними возвышался
Храмъ священный Фитцлппуцли.

Строенъ онъ изъ кирпича
И собой напоминаетъ
Опъ египетскіе храмы,
Или храмы—исполины

Вавилона, Ниневіи,
Какъ въ картинкахъ Энри Мартинъ
Пресловутаго британца:
Тѣ жь широкія ступени,

Какъ и въ Мехико, для тысячъ...
И теперь на нихъ — толпы
Дикихъ воиновъ, побѣдой,
Вмѣстѣ съ пальмовымъ виномъ,

Упоённыхъ .. Тѣ ступени
Всѣ зигзагомъ поднялися
На платформу съ балюстрадой
Необъятной кровли храма.

Тамъ, на жертвенномъ престолѣ,
Возсѣдаетъ Фитцлипуцли,
Грозный, злой и кровожадный
Мехиканскій богъ войны.

А наружность пресмѣшная:
Разодѣтъ; глядитъ ребѣнкомъ;
И не знай, что́ онъ такое —
Вызываетъ лишь улыбку.

По обѣимъ сторонамъ
Стали: свѣтскіе — на право,
А жрецы — на лѣво, въ перьяхъ
И въ духовномъ облаченьи.

На ступеняхъ алтаря
Возсѣдитъ столѣтній старецъ,
Безбородый, безволосый,
И въ пурпурномъ одѣяньи.

Это самый главный жрецъ:
Онъ ножи усердно точить
И съ улыбкой, то и дѣло,
Вверхъ на идола косится

Фитцлипуцли понимаетъ
Взоръ служителя, и будто
Самъ въ отвѣтъ ему моргаетъ,
Шевелить губами даже.

Вдоль по жертвеннымъ ступенямъ
Храмовые музыканты —

Кто съ литаврами, кто съ рогомъ...

Шумъ и громъ, и трескотня —

Шумъ и громъ, и трескотня,

И поютъ согласнымъ хоромъ

Мехиканцы свой «Те Деумъ»,

И мяукають, какъ кошки —

Да, мяукають, какъ кошки,

Только той породы крупной,

Что зовется тигромъ, любить

Не мышей всть, а людей.

Только вѣтеръ полуночный

Черезъ озеро домчится

Вплоть до берега — испанцамъ

Заскребуть на сердцѣ кошки.

Подъ деревьями печали —

Можетъ быть, и ихъ печальнѣй —

Смотрять на городъ испанцы;

А на озерѣ весь городъ

Окунулся передъ ними

Всѣми яркими огнями, —

Только ярче всѣхъ зажегся

Храмъ громадный Фитцлипуцли.

На платформѣ яркой храма,

Какъ на сценѣ, не замедлять

Дать мистерію испанцамъ.

Подъ трагическимъ названьемъ:

Человѣческая жертва.

Старь предметъ и въ область басни
Отошель: у христіанъ
Нѣтъ такихъ кровавыхъ зрѣлищъ.

Но тогда у дикарей
Только-только наступало
Время грозное мистерій —
Съ человѣческой кровью.

И какая кровь была!
Христіанская: ни разу
Не мѣшалась съ кровью гнусной
Мавровъ, или іудеевъ.

Возликуй же, Фитцлипуцли!
Много есть испанской крови,
И ея горячимъ паромъ
Оросишь себѣ ты ноздри:

Нынче, въ жертву для тебя,
Перерѣжутъ всѣхъ испанцевъ —
Цѣлыхъ восемьдесятъ сразу —
На жаркое для жрецовъ.

Потому: жрецы, вѣдь, люди,
Какъ и всѣ, а человѣку
Надо ѣсть: онъ жить не можетъ,
Такъ-какъ боги, ароматомъ.

Чу! гудитъ ужь смертный бубень!
Чу! трубятъ и рогъ зловѣщій:

Возвѣщаютъ, что идетъ
Похоронный ходъ. Испанцевъ,

Всѣхъ позорно-облаженныхъ,
Со скрученными руками,
Тащатъ вверхъ, влекутъ нещадно
По крутымъ ступенямъ храма.

Передъ ликомъ Фитцлипуцци
Ихъ склоняютъ на колѣни,
И плясать, какъ скомороховъ,
Принуждаютъ истязаньямъ

И такую звѣрской пыткой,
Что стенанія страдальцевъ,
Вопль и крикъ ихъ заглушаютъ
Шари-варь каннибаловъ.

Горе публикѣ прибрежной,
Горе Кортцу съ дружиной!
Различили и узнали
Голоса друзей оны,

И на сценѣ освященной
Ясно-ясно разглядѣли
Корчи въ лицахъ, имъ знакомыхъ,
Острый ножъ и волны крови.

И съ головъ всѣ сняли шлемы,
И, колѣнопреклоненно,
За молитвой по усопшимъ
Всѣ зашѣли: «De profundis».

Вмѣстѣ съ прочими погдѣбъ
Также Раймондъ де Мендоза,
Сынъ прекрасной аббатисы,
Первой Кортца любви.

На груди его примѣтивъ
Медальонъ, хранившій образъ,
Милый сердцу, залился
Кортцъ жаркими слезами,

Но отеръ, вздохнувъ глубоко,
Слезы жѣсткою перчаткой,
И запѣлъ онъ въ общемъ хорѣ,
За другими: «miserere».

3.

Поблѣднѣли звѣзды въ небѣ,
И снялись туманы съ моря,
Словно призраки, подѣ утро,
Бѣлый саванъ волоча.

Нѣтъ ни пира, ни огней
На высокой кровли храма,
И на помостѣ кровавомъ
Спать миряне и жрецы.

Но не спитъ первосвященникъ:
При огнѣ послѣдней лампы,
Осклабясь, скаля зубы,
Рѣчь онъ съ идоломъ заводитъ.

«Фитцлипуцли Путцлифидли,
Мой божёчекъ Фитцлипуцли!

Позабавился сегодня

И напюхался ты вдоволь!

«Вѣдь, неправда-ль, ацетитно
Пахнетъ кровію испанской,
И твой лакомка, твой носякъ,
Въ упоены былъ, въ восторгъ?»

«Завтра мы тебѣ зарѣжемъ
Ихъ коней, чудовищъ ржущихъ,
Что быстрыѣ на сушѣ вѣтра,
А въ водѣ морскихъ коровъ.

«Будь любезень — и на жертву
Я тебѣ зарѣжу внуковъ,
Двухъ красавцевъ, чистой крови,
Старыхъ лѣтъ моихъ усладу.

«Но любезень будь и даруй
Надъ врагами намъ побѣду,
Мой возлюбленный божёчекъ,
Путцлифцили, Фитцлипуцли!

«Истреби враговъ — пришельцевъ,
Къ намъ приплывшихъ издалёка,
Изъ невѣдомыхъ намъ странъ,
По пустынь влажной моря.

«Для чего-жь они отчизну
Вдругъ покинули?.. Прогналъ ли
Голодь ихъ — или страхъ отмѣстки?
«Честень хлѣбъ дабытый дома!»»

« Намъ пословица гласить.
Что имъ пужно? только прятать
Наше золото въ карманы,
Увѣряя, что за это

« Насъ ко всеѣмъ богамъ причислять...
Прежде мы считали ихъ
За существъ пнаго рѣда:
За сыновъ безсмертныхъ солнца,

« За безсмертныхъ громовержцевъ;
Но они всеѣ также смертны,
Какъ и мы: мой ножъ ихъ смертность
Нычѣ ночью испыталъ.

« Просто люди, и не лучше
Чѣмъ другіе, а иные
Даже хуже обезьянъ:
Точно также волосисты

« Лица ихъ, и — говорить —
Что у многихъ подѣ штанами
Спрятанъ хвостъ... И вѣроятно!
Для чего же имъ штаны?

« Истреби же, богъ могучій,
Нечестивыхъ племя злое!
Фитцливуцли, Путцлифицли,
Даруй намъ на нихъ побѣду! »

Копчилъ рѣчь первосвященникъ,
И въ отвѣтъ ему, какъ шорохъ

Въ тростникѣ ночнаго вѣтра,
Идолъ шопотомъ лепечеть:

« Краснокожій, краснокожій!
Столько тысячъ ты зарѣзалъ
На своемъ вѣку, что время
Ножъ поднять и на себя,

Время съ дряхлымъ, старымъ тѣломъ
Разлучить живую душу
И въ лягушечьемъ болотѣ
Утопить ее, съ тѣхъ кочекъ,

Гдѣ гнѣздится крысъ царица,
Тетка мнѣ... Она и скажетъ:
« Здравствуй, голая душа!
Какъ племянникъ поживаетъ?

Фитцилпುತ್ತствуетъ, какъ прежде,
Въ золотомъ, медовомъ свѣтѣ,
И, какъ мухъ, съ чела заботы
Гонить прочь ему fortuna?

Иль богиня Кацлагара,
Эта злобная эхидна,
Укусила ужь его
Ядовитыми зубами?»

Ты ей, голая душа,
Такъ скажи, что: Фитцилпುತ್ತ
Шлетъ поклонъ ей и желаетъ,
Чтобъ душа ей влѣзла въ глотку,

Потому, скажи: его
Привлекла сама ты къ безднѣ,
Чтобы сбылося надъ нимъ
Предсказаніе пророковъ

О разгромъ всей державы
Бородатыми людьми,
Что на птицахъ деревянныхъ
Налетятъ на насъ съ востока.

Вотъ они и налетѣли,
Бородатые пшанцы.
И досадитѣ всего
Для меня и ненавистнѣй,

Что сама царица неба
Покровительствуетъ имъ.
Скажешь это — спрячься въ норку,
Гдѣ нибудь, но спрячься глубже,

Краснокожая душа,
Чтобъ не видѣть злополучья
И позора, и изгнанья
Бога!.. Храмъ падеть и вмѣстѣ

Съ нимъ паду и я, — и только
Заклубится дымъ надъ нами —
И вѣщи потомъ развалить...
А меня ужъ не отыщутъ!..

Но нельзя мнѣ умереть:
Все равно, какъ попугай,

Вѣки цѣлые живѣмъ,
Измѣняя только перья,

Мы, лниющіе боги...
Я сплняю — полечу
Ко врагамъ моимъ въ отчизну,
Что зовутъ они Европой.

Тамъ начну я вновь карьеру:
Прямо сдѣлаюся бѣсомъ,
И тогда — прости, Господь—
Я надѣлаю тамъ шума!..

Буду мучить я враговъ,
Буду пугаломъ имъ ночью
И предвкусіемъ геѣнны,
Гдѣ кипитъ смола и сѣра.

Мудрецовъ и дураковъ
Заманю къ себѣ прикормомъ,
Щекоча ихъ добродѣтель,
Чтобъ, какъ въ цыткѣ, хохотали...

Да, и сдѣлаюся бѣсомъ —
И привѣтствую заране
Сатану и Веліала,
Съ Вельзевуломъ и съ Астартой.

И тебѣ привѣтъ мой, Лиллсъ,
Мать грѣха, змѣя коварства!
Научи меня всѣмъ кознямъ,
Всѣмъ жестокостямъ твоимъ!

О, мой Мехико любимый!
Я спасти тебя не властенъ;
Но жестоко отомщу
Я за Мехико любимый!

1859.

XV.

МАВРИТАНСКІЙ ХАЛИФЪ.

На изгванье, въ Альпухары,
Молодой владыка мавровъ.
Бхаль грустный, молчаливый;
Позади тянулся поѣздъ:
На высокихъ иноходцахъ,
Иль въ носилкахъ золоченыхъ
Жены царственного дома;
Слѣдомъ черныя рабыни
Ни мулахъ и сто слугъ вѣрныхъ
На коняхъ арабской крови;
Но наѣздники уныло
Головой поникли къ сѣдламъ.
Не слышать ни трубъ, ни бубенъ,
Ни веселой, громкой пѣсни;
Лишь серебряный бубенчикъ
На мулъ порою брякаетъ.

На горѣ, откуда взоры
Тонуть въ глубь долины Дуйро,
И въ послѣдній разъ мелькаютъ
Стѣны крѣпкія Гренады,
Тамъ съ коня поспѣшно сходить
Юный вождь, глядитъ на городъ:
И горитъ въ зорѣ Гренада
Вся — какъ золото и пурпуръ.
Но, Аллахъ! Не полумѣсяць —
Крестъ на знамени испанскомъ
Развѣвается надъ замкомъ
И надъ башнями Алямбры.
О! при этомъ видѣ, вздохи
Грудь могучую стѣснили,
И потокомъ быстрымъ слезы
Заструились по ланитамъ.
Мрачно смотритъ съ иноходца
На печаль и слезы сына
Мать-царица, и сурово
Упрекаетъ гордой рѣчью:
«Боабдиль-эль-Шико!» молвить,
«Ты, какъ женщина, рыдаешь,
«Не умѣвши, какъ мужчина,
«Защитить родимый городъ».
Но любимца халифа,
Рѣчь суровую услыша,
Быстро вышла изъ носилокъ
И на грудь вождя припала:
«Боабдиль-эль-Шико!» молвить,
«Мой возлюбленный, утѣшься:
*Въ безднѣ горя и невзгоды
Лавръ зеленый расцветаетъ.*

*Върь, не только триумфаторъ,
Върь, не только увѣнчанный
Отъ руки сильной богини,
Но и скорбный сынъ несчастья,
И боецъ, въ борьбѣ съ судьбою
Павшій истиннымъ героемъ,
Будутъ въки жить и въки
У людей въ воспоминанья!»*

И послѣднимъ вздохомъ мавра
До-сихъ-поръ слыветъ вершина,
Гдѣ въ послѣдній разъ простился
Боабдиль съ своей Гренадой.
И любимицы халифа
Предсказаніе сбылося:
Прогремѣло славой имя
Мавританскаго владыки.
И не смолкнетъ эта слава
Въкъ, пока струны послѣдней
Не порвется на послѣдней
Въ Андалузій гитарѣ.

25 іюля 1859.

XVI.

ИСПАНСКІЕ АТРИДЫ.

—
Въ день блаженнаго Губёрта,
Въ лѣто тысяча и триста
Тридцать третье, королемъ
На обѣдъ мы были званы

Въ пышный замокъ Сеговіи.
Одинаковы и гости,
Одинакова и скука
На придворныхъ всѣхъ обѣдахъ:

Та-жъ посуда золотая;
Тѣ-же рѣдкостныя яства,
И во всемъ свищовый вкусъ...
Махаетъ кухнею Локусты.

И прислуга всюду та же:
Всё пестро, всё гнётся чпнно,
Словно двѣ гряды тюльпановъ...
Только соусы различны.

И шумукаше, и шопоть
Усыпляютъ, крепче мака,
Всѣхъ гостей, доколѣ трубы
Не разсѣютъ одуренья.

Къ счастью сѣлъ со мною рядомъ
Донъ-Діаго Альбукерке, —
И изъ вѣщихъ устъ его
Рѣчь ллѣся непрерывно.

Разсказаль опъ очень складно
Про кровавыя интриги,
Въ дни, какъ властвовалъ Донъ-Педро,
По прозванію *Свиртлый*.

На вопросъ: «За чтò Донъ-Педро
Своего роднаго брата
Донъ-Фредриго обезглавить?»
Отвѣчалъ онъ мнѣ со вздохомъ:

«О, сеньоръ! не вѣрьте пѣснямъ,
Что, подъ треньканье гитары,
Распѣваетъ чернь на рынкахъ,
На базарахъ и гуляньяхъ.

Вы не вѣрьте про любовь
Донъ-Фредриго къ Донь-Бланкѣ,
Къ чаровницѣ-королевѣ
И супругѣ Дона-Педро.

Нѣтъ, не ревность — просто зависть
Погубила Донъ-Фредриго,
Лишь его своимъ магистромъ
Выбралъ орденъ калатравскій.

Не прощалъ ему Донъ-Педро
Одного проступка — славы,
Славы той, что Донья-Гата
По вселенной протрубила.

Не прощалъ ему Донъ-Педро
И души высокихъ качествъ,
И тѣлесной красоты,
Неземной красы зеркала.

Ярко въ памяти моей
Впечатлѣлся этотъ стройный,
Свѣжій рыцарства цвѣтокъ,
Этотъ юношескій образъ,

Этотъ образъ, милый феямъ
И любимый ими нѣжно —
За таинственныя грѣзы
На задумчивомъ челѣ.

Въ голубыхъ глазахъ сверкали
Искры чистаго саффра,
Но сверкали эти искры
Ослѣпительно-упорно.

Крушно въ кольца завитые,
Кудри черные съ отливомъ,
Словно вѣрона крыло,
Распадалися на плѣчи.

Въ славномъ городѣ Коимбрѣ,
Имъ-же отнятомъ у мавровъ,
Видѣлъ я въ послѣдній разъ
Злополучнѣйшаго принца.

На конѣ, вдоль улицъ узкихъ,
Тѣхалъ опъ изъ Алькандзора.
Любовались мавританки
На него изъ-за рѣшѣтокъ.

Развѣвались призывно
У него на шлемѣ перья,
Хоть магистра крестъ невольно
Отженилъ грѣховный помысль.

Рядомъ съ нимъ, хвостомъ виляя,
Прыгалъ пёсъ, его любимецъ,
Кличкой Алланъ, а породы
Пресловутой — изъ Сіэрры.

Не смотря на страшный ростъ,
Былъ оленя онъ быстрѣе,
Благородно несъ онъ морду,
Хоть похожую на лисью.

Чище снѣга, мягче шелка,
Шерсть лежала лепестками;
Былъ рубинами осыпанъ
Золотой его ошейникъ.

Въ нёмъ хранился, по преданью,
Талисманъ: и точно вѣренъ
До того былъ Алланъ принцу,
Будто былъ къ нему прикованъ.

Охъ, ужь лучше-бъ мы не знали
И въ-очію-бъ не видали
Этой вѣрности! Ужасно
Про нее теперь и вспомнить...

Лучше-бъ въ жизни не бывало
Роковаго дня!.. Сидѣль я
Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ,
За трапезой королевской;

Тамъ, вверху стола, гдѣ нынѣ
Возсѣдаетъ Донъ-Генрико
И стучитъ о кубокъ кубкомъ
Съ цвѣтомъ рыцарей кастильскихъ,

Тамъ сидѣль тогда Донъ-Пѣдро,
Нѣмъ и сумраченъ, а рядомъ
Съ нимъ Марія де-Надпалья —
Свѣтозарна, какъ богиня.

Здѣсь, въ концѣ стола, гдѣ дама
Съ полотняными брызжжами,
Округленными крахмаломъ,
Словно бѣлая тарелка,

И съ лицомъ такимъ-же желтымъ,
И съ улыбкой также кислой,
Какъ морщинистый лимонъ,
Положѣнный на тарелку —

Здѣсь, въ концѣ стола, тогда
Было пусто это мѣсто;
Но по креслу золотому
Было видно: гость почетный.

Этотъ гость былъ Донъ-Фредриго;
Но пустымъ осталось кресло:
Нѣ былъ онъ!.. Ахъ, мы узнали —
Что причиной промедленья?..

Ахъ! въ тѣ самыя мгновенья
Исполнялся чѣрный замысль,
И безвипнаго героя
Брала, именемъ Донъ-Педро,

Королевскіе клеветы,
И подѣ тайною измѣной
Отвозили въ крѣпкій склепъ,
Гдѣ свѣтилъ за солнце факель.

Тамъ вдоль стѣнъ стояла стража,
И стоялъ заплечный мастеръ,
Опершися на сѣкиру,
И промолвилъ онъ сурово:

«Вамъ, гроссмейстеръ, пять минутъ
Остается жить: готовьтесь —
И напутственной молитвой
Духъ направьте къ жизни вѣчной».

Донъ-Фредриго на колѣняхъ,
Помолился — п спокойно
Онъ промолвилъ: «совершилось!» —
И ударъ смертельный палъ.

Въ то-же самое мгновенье,
Какъ скатилась голова,
Прыгнувъ къ плахѣ вѣрный Алланъ,
Незамѣченный никѣмъ.

Онъ схватилъ ее зубами,
Эту голову, за кудри —
И, съ добычей дорогою,
Онъ мелькнулъ стрѣлой изъ склепа.

Тщетно вслѣдъ ему неслися
Крикъ и свистъ по корридорамъ,
Заламъ, лѣстницамъ, площадкамъ,
Отъ ступени до ступени...

Послѣ пира Вальтасара,
Никогда потрясены
Не бывали больше гости,
Чѣмъ въ трапѣзномъ этомъ залѣ,

Какъ чудовище ворвалось
Къ намъ съ казненной головою
Донъ-Фредриго, орошавшей
Неостылой кровью кудри.

На оставленное кресло
Для милого господина
Вспрыгнулъ Алланъ, какъ истецъ,
Съ головою усѣченной.

Ахъ! мы сразу распознали
Этотъ юношескій обликъ!
Только былъ онъ помертвѣе,
Поблѣднѣе... И казалось

Намъ, что вокругъ чела свивались
Кудри черные, какъ змѣи
Вкругъ чела самой Медузы,
И что всѣхъ насъ каменили.

Да, мы всё окаменѣли;
Всѣхъ повиыянудись лица
И прильнулъ языкъ къ гортани —
Изъ боязни къ этикету.

Но Марія де-Падилля
Прервала молчанье наше —
Подняла, рыдая, руки
И сказала покаянно:

« Богу вѣдомо! убійство
Отклонить я и могла бы,
Да сробѣла... Наши дѣти
Неповинныя отвѣтятъ

За меня!.. » Тутъ Донъ-Діаго
Рѣчь покончилъ: намъ пришлось
Встать, затѣмъ - что ужъ вставали
Гости всё изъ-за стола

И изъ зала выходили...
Онъ мнѣ вѣжливо далъ руку,
И вдвоемъ мы съ нимъ бродили
По готическому залу.

На одномъ изъ перекрёстковъ,
Зазываніемъ и лаемъ
Означавшемъ, что ведетъ онъ
Прямо къ псарнѣ королевской,

Я примѣтилъ тотчасъ келью,
Прорублённую въ стѣнѣ,
Прорублённую, какъ клѣтка
За желѣзною рѣшѣткой.

Въ этой клеткѣ были люди —
Двое отроковъ, и оба,
Бѣдняки, въ ножныхъ желѣзахъ
На зукъ соломы гибли.

Лѣтъ двѣнадцати былъ младшій,
А другой немного старше;
У обоихъ благородны
Были лица, только блѣдны.

Юныхъ узниковъ недугомъ
Сокрушило; были явны
На плечахъ рубцы ударовъ
И трясла ихъ лихорадка...

Изъ глубн, изъ-за рѣшѣтки,
На меня они глядѣли,
Словно призраки, и — право —
Ужасалъ меня ихъ взглядъ.

«Кто они?» спросилъ я, быстро
Взявъ за руку Донъ-Діэго,
И почувствовалъ тотчасъ-же,
Какъ рука затрепетала.

Донъ-Діэго былъ смущенъ,
Осмотрѣлся — нѣтъ ли лишняхъ?
И потомъ, съ приличнымъ вздохомъ,
Рѣчь ко мнѣ повелъ придворно:

«Кто они? Конечно — дѣти
Отъ родителей: Донъ-Иедра,
Овдовѣвшаго такъ рано,
И Маріи де-Надиллы.

За побощемъ при Нарвасъ,
Гдѣ Генрико Транстамарре
Короля Донъ-Педро, брата
Своего, освободилъ

Отъ двойнаго груза, то-есть —
Отъ короны и отъ жизни —
За побощемъ за этимъ
Взялъ племянниковъ, какъ дядя,

Онъ къ себѣ въ наслѣдный замокъ,
Съ помещеніемъ и пищей —
Взялъ къ себѣ онъ ихъ прилично:
Безъ возмездія и платы...

Помѣщеніе хоть тѣсно,
Но за то оно прохладно
Жаркимъ лѣтомъ, а зимою
Ужъ не такъ вѣдь холодно.

Пища — хлѣбъ ржаной — и какъ же
Вкусенъ! Будто-бы сама
Испекла его Церера
Для любимой Прозерпины!

Иногда онъ посылаетъ
Имъ лепёшки: пусть же дѣти
Знаютъ, что такое праздникъ
Воскресенія въ Мадридѣ.

Только это воскресенье
Не всегда для нихъ бывало;
А по буднямъ дожджачій
Угощалъ ихъ ловко плетью,

Потому—что доѣзжачій
Всѣ смычки, всѣ своры, стаи,
И племянничью конурку
Кстати, взялъ отъ короля...

Вотъ — онъ здѣсь, супругъ злосчастный
Этой кислой Цитронеллы,
Что своею головою,
Какъ лимономъ на тарелкѣ,

Удивляетъ цѣлый столъ...
Зла она подь—часъ бываетъ
Такъ, что горестный супругъ
Со стѣны снимаетъ плетку

И бѣжить считается ею
И со псами, и съ дѣтями ..
Но король нашъ сердоболень —
Онъ недавно повелѣлъ:

Отъ племянниковъ отчислить
Тотчасъ псарню, чтобъ не смѣли
Чуждой дланью прикасаться
Къ нимъ никто, oprичъ его ».

Донъ—Діаго вдругъ замолкнулъ,
Потому—что сенешаль
Къ намъ приблизился съ вопросомъ:
Какъ довольны мы обѣдомъ?

7 іюля 1860.

XVII.

ПФАЛЬЦГРАФИНЯ ЮТТА.

—
Пфальцграфиня Ютта плыла въ челнокъ,
И свѣтилъ ей мѣсяцъ по Рейну-рѣкѣ.
На кормѣ — служанка, а графиня ей
Говорить: «Вотъ видишь — семь богатырей

Ныряютъ за нами

По-надъ волнами...

Какъ грустно утопленнымъ плавать!»

«Семеро — всѣ были другъ-друзки страстнѣй;
Семеро — всѣ нѣжно, на груди моей,
Въ вѣрности клялися... Всѣхъ ихъ семерыхъ,
Чтобъ остались клятвы неизмѣнны ихъ,

Я всѣхъ утопила:

Всѣхъ и любила...

Какъ грустно утопленнымъ плавать!»

Чуть гребетъ служанка... Графинъ — пустякъ:
Только-что хохочетъ, и нагло вѣдь какъ!...
А за нею трупы — руки вверхъ — плывутъ,
Словно кресто-пёрстно клятвы ей даютъ;
 Но тусклы, средь ночи,
 Стеклянные очи...
Какъ грустно утопленнымъ плавать!

1860.

XVIII.

ДВА ГРЕНАДЕРА.

Во Францію двое плелись гренадеръ
Изъ русскаго снѣжнаго гроба,
И только дошли до нѣмецкихъ кварталъ —
Повѣсили голову оба.

Услышали оба печальную вѣсть,
Что войско легко въ оборонѣ
За милою Францію, славу и честь —
И кѣсарь, ихъ кѣсарь въ полонѣ!

Заплакали — сердце сдавила тоска —
Заплакали два ветерана...
Одинъ говоритъ: «Опустилась рука;
Горитъ моя старая рана!»

Другой говорить: «Видно намъ не долѣтъ
Затянутой пѣсни!.. Безъ шутки,
Я радъ-бы, товарищъ, съ тобой умереть, —
Да жалко жены и малютки...

«Эхъ!.. что мнѣ семья!.. Если нѣчего вѣсть,
Пусть по-миру ходить въ загонѣ...
Мнѣ душу терзаетъ и жжетъ меня вѣсть,
Что кѣсарь, мой кѣсарь въ полонѣ!

«Последнее дѣло, товарищъ, мнѣ справь:
Покончу я службу земную, —
Во Францію тѣло мое ты доставь,
Зорой меня въ землю родную.

«Крестъ съ алою лентой на сердце мое
Повѣсь ты, и дай мнѣ присягу,
Что вложишь мнѣ въ лѣвую руку ружье,
И самъ препояшешь мнѣ шпагу.

«И буду лежать я въ гробу часовымъ,
Подслушивать шорохъ и шопоть,
Пока не почую я пушечный дымъ,
И конское ржанье, и топоть...

И самъ *онъ* проскачетъ надъ гробомъ моимъ...
Мечи прозвенять надо мною...
И кинусь изъ гроба я въ битву за нимъ,
Чтобъ лечь за него головою».

XIX.

П О М А Р Е.

—

1.

Весь Олимпъ во мнѣ ликуеть —
Вторять звуки трубъ киваръ,
Слышны клики: «благо вамъ
Съ королевою Помаре!»

Не про ту — не съ Отапти,
Разныхъ миссїи ученицу,
Про другую говорю
И дикарку и царцу.

Дважды каждую недѣлю
Свой народъ она чаруетъ
И въ саду Мабилль канканъ
Съ рѣзвой полькою танцуетъ.

Въ каждомъ жестъ, въ каждой позъ —
Съ бѣдръ до икоръ — королева;
Вся — величье и краса
Необузданная дѣва.

Весь Олимпъ во мнѣ ликуеть —
Вторять звуки трубъ киеаръ,
Слышны клики: «благо вамъ
Съ королевою Помаре!..»

2.

Она танцуетъ. Стань ея
Волнисть и гибокъ, какъ змѣя —
И вотъ вспорхнула, полетѣла —
И рвется вслѣдъ душа изъ тѣла.

Танцуетъ — вьется, какъ стрѣла;
Но вдругъ застыла, замерла,
Призывно вытянула руки...
Спаси, Господь, меня отъ муки!

Танцуетъ. Такъ была должна
Плясать предъ Иродомъ она,
Младая дочь Иродіады...
Огнемъ зловѣщимъ брыжжутъ взгляды...

Све деть съ ума меня она...
Скажи: чего тебѣ, жена?
Смѣешься?... Ликторы! живѣе!
Казнить пророковъ въ Іудеѣ!...

3.

За кусокъ, вчера она
Грязь мѣсить была должна;
А сегодня предъ толпою
Гордо мчится четвернёю,
И къ подушкѣ шелковой
Чернокудрой головой
Припадаетъ, озирая,
Какъ бѣжить толпа густая.
Эта роскошь, этотъ видъ
Сердце мнѣ въ тискахъ щемить:
Ахъ, ты съ этой колесницы
Ступишь прямо въ дверь больницы —
Встрѣтитъ смерть тебя косою
И покончить все съ тобою.
И прозекторъ безобразной,
На больничной лавкѣ грязной,
Неуклюжею рукой
Вскроетъ трупъ изящный твой...
Эти кони также скоро
Будутъ въ лапахъ живодѣра...

4.

Но не то судьба сулила
И не такъ гнѣвна была.
Слава Богу, ты забыла
Все и мирно умерла.

Ты въ свѣтлѣкъ опочила
Бѣдной матери своей,

И она тебѣ закрыла
Звѣзды гаснувшихъ очей

Пелену тебѣ кушили,
Гробъ, могилаку у стѣны...
Правда, похороны были
Какъ-то жалки и бѣдны:

Не съ свѣчами гробовыми
Францискановъ стройный хоръ —
За носилками твоими
Шли твой пѣсъ и твой фризёръ.

«Ахъ, какъ часто я Памаре»,
Парикмахеръ прошепталъ,
«Неодѣтой, въ будуарѣ,
«Косу черную чесалъ».

Пѣсъ доплелся до кладбища
И вернулся отъ воротъ:
У Махровой Розы пища
И пріютъ вѣжѣнку ждетъ.

Помнишь Розу — провансалка?
Ей недавно повезло...
Какъ тебя она, нахалка,
Клеветой язвила зло!

Но, веселья королева,
Твой вѣнокъ не снять съ чела:
Ты себя отъ Божья гнѣва
Покаяніемъ спасла.

XX.

ШЕЛЬМЪ *) ФОНЪ-БЕРГЕНЪ.

Да, Рейнь! въ Дюссельдорфѣ у насъ карнавалъ!
Горить восковыми свѣчами
Весь замокъ, и музыкой весь потрясень,
И маски пестрѣютъ толпами...

Танцуетъ въ толпѣ герцогиня сама;
Смѣется — и такъ непритворно:
Ея кавалеръ — молодецъ напоказъ,
И все въ немъ — изячно-придворно.

Изъ чернаго бархата маска на немъ;
Подъ маскою взоръ раскаленный
Весельемъ горить, какъ булатный кинжалъ,
Полу изъ ноженъ извлеченный.

*) Шельмъ (Schelm), мошенникъ, ногодяй плуть (рус. шельма) означало на старо-нѣмецкомъ языкѣ: *палачъ*. По этому, Шельмъ фонъ-Бергенъ значитъ: *бергенскій палачъ*.

Ликуетъ, бѣснуетъ кругомъ, карнаваль,
И пару почетную славить,
И шопотомъ ей съ Коломбиной Пьерро
Забавныя шутки картавить.

А трубы покуда гремятъ и гремятъ,
Реветь контрабасъ полоумный...
Но кончился танецъ — и вотъ наконецъ
Замолкъ и оркестръ многошумный.

«Прошу вашу свѣтлость! увольте меня:
Мнѣ надобно тотчасъ быть дома...»
Смѣшно герцогинѣ: — О, нѣтъ, кавалеръ,
Я съ вами такъ мало знакома! —

«Прошу вашу свѣтлость! увольте меня:
Я — выродокъ казни и ночи...»
Смѣшно герцогинѣ: — О, нѣтъ, кавалеръ,
Позвольте всмотрѣться вамъ въ очи! —

Напрасно упрашивалъ женщину онъ:
Насмѣшку мѣняя на ласку,
Насильно съ лица у него сорвала
Свѣтлѣйшая черную маску.

«Палачь!» закричала кругомъ ихъ толпа:
«Изъ Бергена!» Всѣ съ перепугу
Отхлынули прочь. Герцогиня сама
Упала въ объятія супругу.

Но герцогъ уменъ былъ: съумѣлъ похвалой
Загладить позоръ онъ и пени.

Онъ мечъ обнажилъ и сказалъ палачу:

«Любезный мой, стань на колѣни!

«Ударомъ меча посвящаю тебя

«Я въ рыцари, въ честь герцогинѣ,

«И благо ты *шельмъ*, такъ и будь-же ты *Шельмъ*,

«Но только *фонъ-Беренъ*, отнынѣ».

сталъ паладиномъ и предкомъ палачъ

Всѣхъ *Шельмовъ фонъ-Беренъ*... Съ годами

Прославился родъ ихъ на Рейнѣ... Теперь

Покоятся всѣ подъ плитами.

1860.

XXI.

ІЕГУДА-БЕНЪ-ХАЛЕВИ.

—
1.

« Да прильпнётъ языкъ къ гортани
И отнимется десница
У меня, когда забуду
Хоть на мигъ тебя, Шалимъ! »

Эти звуки, эта пѣсня
Въ головѣ шумятъ мнѣ, будто
Я и вправду слышу голосъ
И напѣвъ псалмовъ священныхъ.

Мало слышу, даже вижу —
Вижу бороды: всѣ длинны,
Словно тѣни... « Кто, скажите,
Іегуда-бенъ-Халѣви? »

Но мелькаютъ быстро, быстро
Привидѣнья, потому что

Болтовни живыхъ бояся...

Да его-то я узналъ.

Я узналъ его за блѣдность

На челъ, на герделивомъ,

За ласкательно-суровый

Вызовъ блещущихъ очей.

Да еще его узналъ я

По загадочной улыбкѣ

На рюмованныхъ устахъ:

Вѣрный признакъ стихотворца.

Уплываютъ быстро годы:

Семь столѣтій съ половиной

Уплыло со дня рожденья

Иегуды-бенъ-Халеви.

Увидалъ Господній свѣтъ

Онъ въ Толедо, и въ Кастильѣ

Убаюкивалъ ребенка

Золотой волною Тахо.

О развитіи ребенка

Озаботился родитель —

И дитя благословилъ

Вѣщей книжицею: «Θора».

Θору далъ онъ для того,

Чтобы сынъ въ гіероглифахъ

И въ красѣ пясъмѣнъ квадратныхъ

Понялъ весь халдейскій текстъ.

Міра нашего пеленкамъ
Письмена тѣ современны.
И затѣмъ душамъ младенцевъ
Такъ младенчески-доступны.

И почтенно ветхій текстъ
Заучилъ на память мальчикъ —
На напѣвъ, не меньше ветхій,
Называющійся «тропцомъ».

И давился простодушно
Онъ гортанными словами,
Выводя усердно трели
«Шальшелёва», словно птица.

Также «таргумъ-анкелось»,
Начертанный на еврейскомъ
Искаженномъ просторѣчьи,
Что зовемъ мы арамейскимъ,

И что точно такъ похоже
На святой глаголь пророковъ,
Вотъ какъ швабское нарѣчье
На прямой языкъ германцевъ —

И его способный мальчикъ
Изучилъ до совершенства,
И готовъ былъ приступить
Къ изученію «Талмуда».

Такъ и сталося: родитель
Посвятилъ его, немедля,

Въ тайны тайныя «Талмуда»,
И раскрылъ ему «халаху»,

Эту школу и арену
Діалектики, гдѣ жарко
Цвѣтъ атлетовъ *вавилонскихъ*
Съ *пумпедиоцами* сразился.

Тутъ-то мальчикъ могъ извѣдать
Словопренія искусство —
И его онъ доказалъ
Послѣ — книгою: «козари».

Но вѣдь небо льетъ на землю
Два потока разныхъ свѣта:
Свѣтъ полуденнаго солнца
И свѣтъ мѣсяца.. И такъ —

Точно такъ двойкою свѣтитъ
И «Талмудъ», подраздѣленный
На «халаху» и «хагаду».
Я ужь первую назвалъ

Словопренія ареной,
А другую назову
Фантастически-роскопнымъ
Вертоградомъ, несравненнымъ

На землѣ ни съ чѣмъ, помимо,
Можетъ быть, осьмага чуда —
Тѣхъ висячихъ вертоградовъ,
Цвѣтнѣковъ Семирамиды.

Вавилонская царица,
Какъ дошло до насъ преданье,
Съ-юна вскормлена была
Въ птичьемъ царствѣ, и привычки

Всѣ у птицъ перенимая,
Не хотѣла, словно звѣри,
По землѣ гулять и вотъ —
Садъ повѣсила на воздухъ.

Высоко, на колосальныхъ
Опираяся столпахъ,
Поднялися кипарисы,
Пальмы, нарды, померанцы.

Изваянья, водомѣты —
Всё на сводахъ на висячихъ,
Перекинутыхъ, что вѣтки
Колыбелями для птицъ —

И какихъ! большихъ, цвѣтистыхъ,
Многодумныхъ, молчаливыхъ,
Но внимательныхъ къ напѣву
Беззаботно лѣстивыхъ пташекъ.

Всѣ онѣ въ себя вдыхали
Запахъ чистаго бальзама,
Отрѣшеннаго отъ пыли
И зловонія земли.

Да! «хагада» — садъ висячій
И съ воздушною рѣшеткой

Для дѣтей... И оттого-то
Пылкій отрокъ *талмудистъ*,

Запыленный, окропленный
Перебранкою «халахи»
О *погибелномъ яйцѣ*,
Въ шабашъ курицей снесенномъ,

Иль инымъ подобно жь важнымъ
Словопренемъ, этотъ отрокъ
Убѣгалъ, чтобъ освѣжиться,
Подъ цвѣтную сѣнь «хагады»,

Гдѣ покоились преданья
О безплотныхъ силахъ, сказки
Про неслыханныя муки,
Пѣсни-пѣсней, притчи-притчей,

Складъ гиперболъ невозможныхъ...
Но покоились подъ сѣнью
Непреклонной вѣры .. О!
Такъ ключемъ тогда и били

Изъ подъ отрочаго сердца
Благородною струею:
Ощущенья, чувствава, мысли
Отъ болѣзненной тревоги

И отъ той волшебной дрѣжи
Предъ душевной оной тайной,
Предъ великой оной жертвой,
Что *поэзіей* зовуть.

Да и самое искусство
Стихотворства онъ осилилъ,
И не только стихотворцемъ —
Всенароднымъ сталъ поэтомъ.

Иегуда-бенъ-Халевъ —
Яркій свѣточъ и звѣзда
Путеводная въ пустынь;
Путеводный столпъ огня

Для изгнанныхъ каравановъ...
Безъ пятна и безъ порока,
Пѣснь его ялась изъ сердца,
Изъ души, изъ той души,

Что Господь, самодовольно
Сотворивъ, облобызаль
Во уста, и звукъ лобзанья
Отразился въ прпсныхъ пѣсняхъ —

Божьей мпостью. И въ пѣсняхъ,
Какъ и въ жизни, Божья мпость,
Вдохновившая пророка,
Благодатнѣе всего!

Кто подь кровомъ Благодати,
Тотъ не можетъ согрѣшить
Ни горѣ, ни даже долу,
Ни въ стихахъ своихъ, ни въ прозѣ.

Тотъ, кто избранъ, признается
Отъ народа геніальнымъ:

Онъ помазанникъ державный
Царства мысли безконечной.

Только Господу отчетъ
Отдаетъ онъ, не народу:
Какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни,
Сила кáзнить, но не судить.

2.

« На рѣкахъ на вавилонскихъ
Мы сидѣли, громко плача
Про повѣшанныя лютни
На вѣтвяхъ... » Ты знаешь пѣсню,

Знаешь ты напѣвъ старинный,
Что въ началѣ элегично
Такъ кипить, шипить, клокочетъ,
Какъ котель на очагѣ?

Онъ во мнѣ тысячилѣтъя
Ужъ клокочетъ, и едва ли
Мнѣ заложетъ раны время,
Словно Иову пѣсь вѣрный.

Вѣрный пѣсь — спасибо! только
Не залечишь ты мнѣ рапы...
Залечила бы ее
Смерть, да я — увы! — безсмертенъ...

Годы ѣдутъ и уходятъ —
И въ станкѣ снуеть челнокъ,
Перекрещивая нити:
Что за ткань — самъ ткачъ не знаетъ.

Годы ѣдутъ и уходятъ —
Слѣзы капаютъ на землю,
И земля въ себя впиваетъ
Слезы тѣ съ нѣмою жаждой...

«Благо — благо человѣку,
Кто десницей оторветъ
Отъ груди твоей младенца
И о камень разобьетъ!»

Слава Богу! не клокочетъ
У меня въ груди... замолкло...
Слава Б гу!.. Крышка снята:
Испарился сплинъ восточный...

Ржетъ крылатый конь мой снова
Веселѣе, отряхнулся
Отъ полночной грезы — словно
Молвить умными очами:

«Что жъ... въ Испанію назадъ
Мы къ малюткѣ — *талмудисту*
И къ поэту-великану
Іегудъ-бенъ-Халеві?»

Да! онъ выросъ великаномъ,
Самодержцемъ царства грезы:

На чель — вѣнецъ духовный —
Божьей милостью — пѣвецъ.

Словно пламя, псалмопѣнья,
Мадригалы и терцины,
Канцонетты и *газели*
Излилися изъ души...

Поцѣлованный отъ Бога,
Сталъ онъ вѣщимъ трубадуромъ,
Наравне со всѣми съ ними,
Лютне-борцами Прованса,

Поату и Русспльона,
И Гюэнны, и всѣхъ роцей,
Гдѣ росли и померанцы,
И любовь, и палладины.

Померанцовыя рощи
И любви, и палладинновъ!
Какъ вы свѣжи, какъ пахучи,
Въ полумракѣ воспоминавъ!

Соловьинно-звучный мѣръ,
Гдѣ вездѣ, во имя Бога,
Призывалася любовь,
А расколь — жегъ жертвы музамъ,

Постриженныя макушки,
Четки, клирость, и вся служба —
По-латыни... Да: мѣряне
Были рыцарями... Гордо,

На коняхъ своихъ высокихъ
Опершся, палладины
Распѣвали стройно пѣсни
Въ честь избрѣнной дамы сердца.

Дамы нѣтъ — такъ нѣтъ и сердца:
И для всѣхъ «пѣвцовъ про сердце»
Дамы были также нужны,
Какъ для буттербродовъ — масло.

И герой, воспѣтый мною,
Игуда-бенъ-Халѣви —
«Дамы сердца» не отринулъ;
Но была другаго роду:

Ни Лаурой, что звѣздами
Угасающихъ очей
Даже въ пятницу страстную
Зажигала весь конклавъ;

Ни владѣтельницей замка
Что, во всемъ своемъ цвѣту,
Предсѣдала на турнирахъ
И вѣнчала храбрыхъ лавромъ;

Не была ни *казуисткой*,
Не была ни *доктринеркой*,
Съ полнымъ правомъ и дипломомъ
На призваніе въ любви —

Нѣтъ!.. Раввинъ любилъ другую
Жизни грустную подругу —

И любилъ онъ просто мѣстность,
Подъ названіемъ: Шалимъ.

Съ самыхъ — съ самыхъ первыхъ дней
Кабуль этотъ звукъ младенцу
Въ колыбель, и лепеталъ онъ
Безъ сознанія: «Шалимъ!»

Отрокъ, странника онъ слушалъ
Съ разгорѣвшейся щекою
Про дорогу — какъ вотъ прибылъ
Тотъ въ Толедо изъ Шалима.

Странникъ жаловался очень,
Что пустынно все и грязно
Въ той землѣ, гдѣ яркій слѣдъ
Подъ пятой прожгли пророки,

Гдѣ бальзамированъ будто
Іеговы духомъ воздухъ...
«О, ужасный видъ!» однажды
Вскрикнулъ странникъ съ бороною,

Серебрѣнною до чреслъ,
Но чернѣвшей по опушкѣ,
Словно ей опять пришлось
Волей Бога обновиться...

Замѣчательный былъ странникъ:
Очи стóрожкой глядѣли
Изъ-подъ впадинъ лба, какъ будто
Изъ-подъ грудь тысячилѣтнихъ,

Развалившихся обломковъ...

И промолвилъ онъ со вздохомъ:

«Мой священный градъ — пустыня,

Мой родной Шалимъ — обитель

«Гадовъ скверныхъ, змѣй, шакаловъ,

Птицъ почныхъ, нетопырѣй,

Совъ и оборотней. Смѣло

Въ камняхъ прячется лисица.

«Тамъ и тамъ порой мелькаетъ

Оборванецъ, рабъ пустыни,

Чтобъ горбату верблюду

Раздобыть клочекъ травы.

«На святыхъ высяхъ Сіона,

Гдѣ златой телецъ вздымался

И оспоривалъ собою

Славу мощнаго Владыки,

«На высяхъ тѣхъ поросли

Быльемъ ветхіе обломки,

И глядятъ на насъ уныло

Такъ, что просто скажешь: плачутъ.

«То есть, въ самомъ дѣлѣ, плачутъ

Разъ въ году — а знать хотите —

Въ мѣсяцъ *абъ*, на день девятый:

Самъ, сквозь слезъ, я былъ свидѣтель —

Проступали крупнымъ потокомъ

Сквозь громады камней капли;

Самъ я слышалъ — кто-то стонеть:
«Мы — столпы былого храма».

Вотъ — такіе-то рассказы
И будили въ юномъ сердцѣ
Иегуды-бенъ-Халёви
Всю тоскливость по Шалимъ...

Та жь тоска свиданья, тѣ же
Все-погибельщія грезы
Истомили въ зѣмкѣ Блѣ
Благороднаго видама,

Мессеръ Готфрида Руделло,
Въ тотъ трагезный мигъ, когда,
Возвратившись съ востока,
Клялись рыцари за кубкомъ:

«Безъ пятна и безъ укора —
Цвѣтъ и солнце нашихъ женщинъ,
Молодая Мелизанда,
Маркграфиня фонъ-Трипóли!»

Всякій знаетъ, что видамъ
Громкой пѣснею прославилъ
Эту даму, что ему
Въ зѣмкѣ Блѣ пришлось жутко;

Что покинулъ онъ свой зѣмокъ,
Поплылъ моремъ изъ Сеутты
И достигнулъ, полумертвый,
До прибрежя Трипóли,

И взглянулъ на Мелизанду,
Въ жизни разъ, очами страсти,
Хоть ужь ихъ и покрывала
Гробовымъ покровомъ смерть.

Пѣсню страсти допѣвая,
Умеръ онъ у милыхъ ногъ
Дамы сердца, Мелизанды,
Маркграфини Фонъ-Трипóли...

Удивительное сходство
Въ роковой судьбѣ пѣвцовъ!
Та и разница, что первый
Раньше выбралъ путь тяжелый...

Иегуда-бенъ-Халéви
Также умеръ, припадая
Головой своей къ подножью
Вселюбезнаго Шалима.

3.

За погромъ при Арабеллахъ,
Александръ Великій сразу
Взялъ у Дарія все царство:
Царскій дворъ, конюшни, жены,

И слоны, и всѣ «даріицы»,
И златой вѣнецъ и скипетръ —
Все вмѣстилося въ широкихъ
Македонскихъ шароварахъ.

Въ ставкѣ мощнаго монарха,
Убѣжавшаго со страху —
Не попасться бѣ самолично,
Молодой герой нашель

Ларчикъ золота лптіго,
Съ хитрой, тонкою рѣзбою,
Весь оправленный въ каменьяхъ,
И въ камевьяхъ многоцѣнныхъ.

Этотъ ларчикъ. — драгоцѣнность
Самъ собой — служилъ монарху,

Какъ хранилище любимыхъ,
Заповѣданныхъ сокровищъ.

Что въ немъ было — Александръ
Тотчасъ рѣздалъ полководцамъ,
Улыбаяся, что люди
Цѣнять камешки цвѣтные.

Впрочемъ самый лучший камень
Онъ родительницѣ выслалъ
На запонъ; а прежде камень
Былъ въ печатномъ перстиѣ Кира.

Своему естествовѣду,
Аристотелю сѣдому,
Онъ послалъ огромный ониксъ
Въ натуральный кабинетъ.

Были въ ларчянкѣ и перлы:
Удивительная нитка,
Подаренная Атоссѣ
Въ дни былые Лже-Смердисомъ.

Жемчугъ такъ ужь былъ хорошъ,
Что веселый побѣдитель
Подарилъ его плясунѣ
И коринтянкѣ — Таясь.

И въ вакхическія кѣсы
Заплела плясунья жемчугъ
Въ ту пожарную полночь,
Какъ продерзостно въ Персеполь,

Въ этотъ градъ первопрестольный,
Свѣточъ бросила горящій,
Чтобъ потѣшными огнями
Пиръ побѣдный озарился.

А по смерти той Таисы,
Отъ болѣзни вавилонской,
Въ славномъ градѣ Вавлонѣ,
Жемчугъ отданъ на расцѣнку

Въ городскомъ торговомъ зданьи.
Приобрѣлъ его тогда
Жрецъ Мемѣса, и въ Египтѣ,
Позже, жемчугъ красовался

Передъ зеркаломъ уборнымъ
У царицы Клеопатры,
И Антоній лучший перлъ
Этой нитки вышилъ въ кубкѣ,

Поднесенномъ Клеопатрой.
При послѣднихъ Омайядахъ
Нитка эта проползла
Въ Андалузію, обвившись

Вкругъ чалмы халифа змѣйкой.
Съ ней, какъ съ лентой, на турнирѣ
Абдерамъ, по счету третій,
Пронизалъ всѣ тридцать перстней,

Вмѣстѣ съ сердцемъ у Зюлеймы...
Вмѣстѣ съ маврамм, въ кулакъ

Крѣпко сжали, да и сдали
Все въ свою казну испанцы.

А потомъ все тотъ же жемчугъ
Королевамъ былъ прикрасой
Во дворцѣ, въ ходахъ, и въ ложахъ
На бою быковъ, а также

На балконахъ, гдѣ онѣ
Прохлаждаясь предсѣдали
Auto-da-fe, обоняя
Запахъ жжёнаго еврея.

Позже взялъ Мендицапѣль,
Чортовъ вилкѣ, всю эту нитку
Какъ залогъ, что *дефицита*
И разстройства нѣтъ въ *финансахъ*.

Позже — самая та нитка
Отливала въ Тюльери
Цѣлой радугой на шейкѣ
Баронесы Саломонь.

Вотъ что съ жемчугомъ случилось.
Ну, а съ ларчикомъ, который
Александръ себѣ оставилъ,
Были также приключенья.

Въ этотъ ларчикъ заключилъ онъ
Амброзическія пѣсни
Своего пѣвца Гомера:
Каждой ночью, въ головахъ

У монаршескаго ложа,
Этотъ ларчикъ былъ присуцимъ —
И оттуда вылетали
Рдемъ образы и грёзы.

Было время — были пёсни...
Я и самъ любилъ, бывало,
Пёснопёнья про Пелидовъ
И героя «Одиссея».

Но тогда такъ золотисто,
Такъ пурпурно было въ сердцѣ..
На челъ вѣнокъ изъ гроздій,
А кругомъ гремѣли трубы...

Помолчимъ... Давно сломалась
Ось побѣдной колесницы,
И давно ея пантеры
Околѣли... Да и жёны,

Что кругомъ ея толпились,
Съ пёсней, съ пляской подъ кимвалы —
Гдѣ онъ?.. И самъ я развѣ
Не калѣка?.. Помолчимъ —

Помолчимъ объ этомъ... Рвчи
Мы про *даріевскій* ларчикъ
Повели... Я вѣтъ что думалъ:
Будь онъ мой, и будь финансы

У меня не очень скудны,
Я бѣ не очень поспѣшилъ

Промѣнять его на деньги,
А замкнулъ бы я въ него

Игуды-бенъ-Халёви
Вопли, жалобы и слезы,
Все-торжественныя пѣсни,
Путевыя впечатлѣнья

Во святыхъ мѣстахъ: всё это
Приказалъ бы я *цофаромъ*,
Самымъ лучшимъ и уставнымъ,
На пергаментъ занести;

Эту рукопись бы спряталъ
Въ золотой я ларчикъ; ночью бѣ
У моей постели ставилъ
Въ головахъ его на столикъ...

И когда бѣ друзья дивились
Этимъ тонкимъ барельефамъ
И каменьямъ драгцѣннымъ,
Въ ларчикъ врѣзаннымъ изящно,

Я бы имъ сказалъ, смѣясь:
Скорлупа! ядро сокрыто
Въ самомъ ларчикѣ: алмазы,
Съ блескомъ радужнымъ небесъ,

И кровавые рубины,
И безъ пятенъ бирюза,
И жемчугъ, и изумруды,
Всѣ, что нѣкогда Атоссъ

Подарёно Лже-Смердисомъ,
Всё, что некогда блистало
И сияло подъ луною —
У Тапсы, Клеопатры,

У жрецовъ Изиды, мавровъ,
У испанской королевы,
Что потомъ обвило шею
Баронессъ Саломонъ —

Всё сокровища, и даже
Пресловутые тѣ перлы,
Всё не стоятъ слёзъ перловыхъ
Игуды-бенъ-Халёви

И его перловой пѣсни,
Что онъ выронилъ когда-то
Крупно-слёзнымъ жемчугомъ
На развалины Шалима.

Въ этой пѣснѣ жемчугъ слёзъ
Золотою нитью рвёмы
Снизанъ вмѣстѣ и подбранъ
Въ дорогое ожерелье.

И перловая та пѣсня
И поднесъ еще звучить
Дробнымъ ливнемъ о намёты
Патріарха-Израэля —

Въ мѣсяцъ *абъ* и въ день девятый,
Въ эту злую годовщину,

Какъ сравниль Шалимъ съ землёю
Кесарь Титъ-Веспасіанъ.

Да! Сіона пѣснь святую
Іегуда-бенъ-Халѣви
Воспѣвалъ намъ на обломкахъ
Разорѣннаго Шалима.

Босоногій и прикрытый
Ветхимъ рубищемъ, сидѣль онъ
На расколотои колоннѣ,
И сидѣль на ней, доколѣ

Борода до самыхъ чресель
Не спустилась зимнимъ лѣсомъ,
Сѣдною отгѣняя
Звѣзды — очп отъ чела

Мѣртво-блѣднаго... Сидѣль онъ,
И изъ усть его лилися
Вдохновенные глаголы —
Словно всталъ пророкъ изъ гроба...

Птицы хищныя разваливъ
На псаломы тѣ слетались;
Даже коршуны, почти что
Сострадая, имъ внимали...

Но однажды гналъ арабъ
Степью, мимо пѣснопѣвца,
И, какъ молніей, копьемъ
Онъ сверкаль пады головою.

Мимолетомъ грудь пѣвца
Онъ пронзилъ копьемъ пещадно
И умчался въ степь — мелькнувшей,
Недогонно-быстрой тѣбью...

Кровь раввина тихо-тихо
Полплая на песокъ;
Но пѣвецъ, и умирая,
Все шепталъ еще: «*Шалимъ!*»

Есть старинное преданье,
Что наѣздникомъ-арабомъ
Былъ никто иной, какъ ангелъ,
Годъ личиной сарацина;

Что испосланъ былъ онъ, дабы,
Разрѣшивъ любимцу Бога
Узы плоти, успокоить
Со блаженными его...

—

4.

Нѣтъ! супруга недовольна
Предвидущею главою,
И особенно смущаетъ
Ларчикъ Дарія ея...

Говорить, почти съ упрекомъ,
Мнѣ, что истый *благовѣрный*
Несомнѣнно бы ужь продалъ
Этотъ ларчикъ, взявъ бы деньги —

И купилъ бы несомнѣнно
Для своей подруги бѣдной
И законной половинны
Кашемировую шаль.

Иегуда-бенъ-Халѣви,
По ея словамъ, спокойно
И почётно пролежать
Могъ бы просто въ бонбоньеркѣ,

Иль въ коробочкѣ китайской,
Съ арабесками... пожалуй —
Хоть съ узорами *Маркиза*
Изъ «Пассажа Панорамы».

«Что мнѣ странно!» замѣчаетъ:
«Никогда я не слыхала,
Чтобы былъ поэтъ на свѣтѣ
Иегуда-бенъ-Халѣви?»

«Милый другъ!» я ей отвѣтилъ:
«Простодушный твой вопросъ
Доказательство, что плохо
У французовъ воспитанье;

«Что въ Парижѣ пансіоны —
Не разсадникъ животворный
Матерей и жёнъ грядущихъ
Для свободнаго народа,

«А какія-то могилы,
Гдѣ какъ муміи пзучаютъ

Фараоновъ, меровинговъ,
Шарики, ужè безъ пудры,

«И китайскихъ властелиновъ,
Офарфоренныхъ уродцевъ —
Изучаютъ всё дѣвицы...
А спросите ихъ — о, небо!

«Вы спросите только ихъ
Про былое, золотое
Время истинныхъ поэтовъ,
Про израильскую школу,

«Или — трижды-досточтимыхъ :
Иегуду-бень-Халевн,
Соломона Габирóля,
Моисея Ибень-Эзру —

«Вотъ — при этихъ именахъ —
Я увѣренъ, что тревожно
Поглядятъ во всё глаза
На учителя дѣвицы...

«Я совѣтую тебѣ,
Милый другъ, займись немедля
И прилежно по еврейски:
Брось театры и концерты,

«Посвяти немного лѣтъ
На науку, и — повѣрь мнѣ —
Ты поймешь въ оригиналѣ
Ибень-Эзру съ Габирóлемъ,

«И конечно ужъ Халёви —
Словомъ, весь тріумвиратъ,
Натянувшій на псалтпрыхъ
Струны вѣщія Давида.

«Альхаризм... Ты, пожалуй,
И объ этомъ не слыхала?...
А острякъ онъ былъ извѣстный
И Харпра превзошелъ

«Остротою въ словопренъи,
Потому — былъ вольтерьянцемъ,
Хоть и жилъ столѣтій за шесть
До Вольтера... Альхаризм

«Говорить, что Габирѡль
Остроумнѣйшій мыслитель;
Что писатель Ибень-Эзра —
Вдохновенный жрецъ искусства;

«Но искусство съ вѣщей мыслью
Съединить умѣлъ одинъ
Іегуда-бепъ-Халёви,
Сей пѣвецъ любезный людямъ».

.

Вотъ рассказъ про Габирѡля,
Остроумнаго пѣвца
Соловья нетлѣнной розы,
Называющейя: *Вѣчность*.

.

Тридцать вѣсенъ расцвѣтали
Для пѣвца: о немъ повсюду,
По чужимъ землямъ и странамъ,
Протрубила громко слава...

Жилъ въ Кордòвъ Габироль,
По сосѣдству съ нѣкимъ мавромъ,
Какъ и онъ же, стихотворцемъ,
Но завистникомъ талантовъ.

Только пѣсня Габироля
Зазвучитъ, бывало — жёлчью
Оболяется сердце мавра,
И сладчайшіе изъ звуковъ

Для него полыни горче...
Наконецъ, онъ Габироля
Заманилъ къ себѣ, убилъ
И зарылъ въ саду, за дѣдомъ.

Но, негаданно—нежданно,
Вдругъ смоковница пробилась,
Сквозь кору земли, надъ трупомъ,
И смоковница на диво!

Смоквы были странной формы
И съ особымъ ароматомъ:
Кто вкушалъ ихъ, тотъ невольно
Погружался въ сонъ и грѣзы.

О смоковницѣ въ народѣ
Слухи чудные ходили

И достигли до ушей
Правовѣрнаго халифа.

Раскусивши самолично
Обаятельные смоквы,
Тотчасъ слѣдствіе надъ ними
Повелѣлъ халифъ назначить.

Приступили къ дѣлу: сразу
Отсчитали по пятамъ
Злополучнѣйшаго мавра
Шестьдесятъ ударовъ палкой.

Разумѣется — признался...
А смоковницу тогда же
Съ корнемъ выкопали вонъ
И до трупа докопались...

Трупъ былъ принятъ и оплаканъ
Всѣмъ собратствомъ іудейскимъ;
Въ тотъ же самый день, въ Кордовѣ,
Мавръ-завистникъ былъ повѣшенъ...

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Ш Е Н Ь Е.

—

АМИМОНА.

—

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, пѣвучая волна!
Ты принесешь ко мнѣ младую Амимону:
На легкомъ челнокѣ плыветъ ко мнѣ она,
Ввѣрясь твоему пзмѣнчивому лону,
И вѣтерокъ надъ ней покровъ дѣвичій вьетъ...
Не такъ ли нѣкогда, въ объятія бога водъ,
Подъ неусышную охраной Гименея,
Фетида мчалася къ прибрежіямъ Пеня,
Держася за бразды и трепетно скользя
По влажному хребту проворнаго дельфина?...
Но если бы тебя, красавица моя,
Пріяла невзначай кристальная пучина,
Повѣрь — твоя краса и твой невинный видъ
Внезапнымъ ужасомъ подводныхъ дѣвъ смутили
И врядъ ли бы тебѣ на помощь поспѣшили
Чернокудрявыя стаицы переплъ!...

Опида, Кимадось и бѣлая Нерея
Глядѣли бѣ на тебя, отъ зависти краснѣя,
Досадуя, что взоръ пытливый ихъ не могъ
Открыть въ твоёмъ лицѣ какой нибудь порокъ,
И каждая изъ нихъ любимаго ей бога
Поспѣшно бѣ увлекла изъ воднаго чертога,
Подальше отъ тебя, подъ сѣнь прибрежныхъ скалъ,
Гдѣ въ гроты темныя сплетается кораллъ,
И тамъ бы слышалъ богъ ревнивые укоры,
За тѣ, что на тебѣ остановилъ онъ взоры.

1855.

Б Е Р А Н Ж Е .

—

I.

ГРУШЕНЬКА.

—

Вы, друзья, моей красотки
Не встрѣчали ли порой?
Въ цѣломъ нашемъ околоткѣ
Нѣтъ красавицы такой;
Но у Грушеньки-игруньи,
Этой дѣвочки-шалуньи,
Только юбка за душой.

Раза два она блистала,
Въ деньгахъ двѣ раза была,
Да потѣмъ все промотала,
Все съ друзьями прожила:
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Только юбку сберегла.

Что всѣ дамы передъ нею!
Я зиму быль у ней:
Холодъ страшный... цѣпентю...
Что жь? — накрыла — ей-же-ей! —
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Друга юбкою своей!

А теперь... Но я не вѣрю:
Неужели отдала
Все невѣждѣ?.. фату, звѣрю
Все на жертву принесла?
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Даже юбку продала!

А ветха — ветха сорочка
У тебя, моя душа!
Грудь сквозить изъ-подъ платочка,
Всю холстинку колыша...
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Такъ, безъ юбки, хороша!

Будетъ время: обожатель
Груню въ золото зальетъ,
А какой-нибудь пріятель
Груню снова оберетъ:
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Такъ, безъ юбки, и умретъ.

II.

ДВѢ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

У стопъ Аллы, въ предѣльнѣхъ рая,
Сошлась отшельница младая
Съ альмэ, плясуньей площадной,
Гаремовъ жрицею нѣмой:
Онѣ къ пресвѣтлой райской двери
Предстали, кончивъ дни свои,
Одна на легкихъ крыльяхъ пѣри,
Другая на крылахъ любви.

Изъ устъ привратника—имама
Слова обычныя *селями*
Онѣ прослушали... Потомъ,
Склонясь нахмуреннымъ челомъ:
«Всякъ челоувѣкъ корану слѣдуи!»
Сказалъ имамъ: «иль будь во тьмѣ,
Иль жизнь пророку исповѣдуи!»
И улыбнулся онѣ альмэ.

«Въ дворцахъ и въ хижинахъ», сказала
Отшельница: «я проливала
На раны страждущихъ людей
Медь и цѣлительный елей».

— Я всё серали покорила,
Альмэ сказала старику:
— Но часто-часто подносила
Шербеть султана бѣдняку. —

«Имамъ!» отшельница гласила:
«Я поучала, что *могила* —
Всѣмъ пристань на земномъ пути,
Что должно *къ ней и къ ней* идти?»
— Имамъ! ты вѣдалъ сладострастье?
Альмэ спросила. — Можетъ-быть,
Со мною вѣрили и въ счастье:
Я заставляла *жизнь* любить. —

«Я именовъ Аллы просила
Для нищихъ братій», говорила
Раба пророка: «и Творца
Благословляли ихъ сердца».
— А я — пророкъ мнѣ будь свидѣтель —
Альмэ сказала: — я порой
Спасала честь и добродѣтель
Моею ласкою одной. —

«Войди, войди, чета младая!»
Имъ отвѣчалъ придверникъ рая.
«Объихъ васъ любовь вела —
И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
Всегда того принять готовый,
Кто осушилъ хоть каплю слезъ —
Носилъ ли онъ вѣнецъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.»

III.

Ж А К Ъ.

«Жакъ, я должна разбудить тебя силой:
Въ нашемъ селеніи точно пожаръ —
Приставъ пріѣхалъ и самъ комиссаръ...
За недоимкой... Бѣда намъ, мой мплой!
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Видишь: и солнце проснулося даже —
Встань-же... Сонливымъ ты нѣ былъ пока...
Прежде зари у Реміи старика
Все обобрали *они* для продажи.
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Гроша нѣтъ... Господи, словно стучатся?...
Чу?.. и собаки ужъ начали вить?
Только на мѣсяць проси отложить.
Ахъ, если могъ-бы король дожидаться!

Встань же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Бѣдные люди мы! Какъ имъ не жалко
Насъ беспощаднымъ налогомъ тѣснить?
Въ сплахъ-ли дѣда и дѣтокъ кормить
Только твой заступъ, да женнина прялка?
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Вмѣстѣ съ лачужкой, у откупа взято
Полдесятины — безбожной цѣной;
Потомъ удобрено, горькой слезой:
Что уродилось — рѣстомъ пожато...
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Трудъ тебѣ вѣчный — нѣтъ отдыха, пахарь!
Мяса куска не видать намъ, повѣрь...
Какъ прокормиться-то тяжело теперь!
Даже и соль вздорожала — нашъ сахаръ...
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Чѣмъ поддержать тебя, другъ мой страдальный?
Развѣ-что нѣсколько капель вина...
Но... гдѣ-же взять?.. вѣдь, такая цѣна!..
На-вотъ, продай-же мой перстень вѣнчалъный...
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремля:
Будеть сейчасъ, комиссаръ короля!

«Можетъ быть, ангелъ тебѣ миротворно
Въ спѣ и богатство сулить, и покой?

Что для богатыхъ налогъ трудовѣи?
Въ житницѣ крысамъ ненужныя зѣрна.
Встань-же, Жакъ, встань-же скорѣй, не дремя:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Боже мой! входитъ онъ... Въ пропасть упала-бъ!..
Жакъ, ты молчишь — ты бѣдѣй полотна!
Ты вчера молвилъ мнѣ: «плохо, жена!»
Ты, отъ кого не слыхала я жалобъ...
Встань-же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремя:
Будеть сейчасъ комиссаръ короля!»

Нѣтъ ей отвѣта: въ устахъ его блѣдныхъ
Замерло слово любви навсегда...
Смерть усыпляетъ всѣ мѣки труда...
Добрые люди, молитесь за бѣдныхъ!
Встань-же Жакъ, встань-же скорѣй, не дремя:
Вотъ, господинъ комиссаръ короля!

13 февраля 1858.

IV.

ВЪ ДЕНЬ ПМЯНИИЪ МОЕГО ДОКТОРА.

Поднимаемъ мы кверху стаканы
За здоровье врача своего,
Да боимся: больные тираны
У друзей не отняли бъ его.
У господъ этихъ вѣчно замашка —
Разнемочься некстати, съ-плеча...
Господа, вамъ — ромашка, ромашка...
Дайте выпить друзьямъ за врача!

Вѣдь могли подождать-бы больные,
А не ждуть: отовсюду гонцы...
Вонъ — безумцы зовутъ молодые,
Киеереина сына жрецы.
Легковѣрные, васъ обманули:
Вы въ Эротъ нашли палача!
Господа, принимайте пилюли...
Дайте выпить друзьямъ за врача!

Вонь — сосѣдь его требуетъ къ сроку:
У одной изъ его дочерей
Пухнуть начало съ лѣваго боку,
И — что дѣнь — то спльнѣй и спльнѣй...
Испугалась семья не пашутку;
Рветъ и мечетъ старикъ сгоряча...
Потершите, о дѣва, мннутку:
Дайте выпить друзьямъ за врача!

Пусть весной его жизнь процвѣтаетъ,
Пусть, избѣгнувъ житейскихъ мытарствъ,
И не вѣдаетъ онъ, и не знаетъ
Ни рецептовъ своихъ, ни лекарствъ!
Вкругъ него — всѣ друзья молодые...
И бесѣда ихъ такъ горяча...
Умирайте ужь, что-ли, больные:
Дайте выпить друзьямъ за врача!

12 апрѣля 1858.

V.

МОЙ ЧЕЛНОКЪ.

Каждый день, по волѣ рока,
Я плыву; мой путь шпрокъ;
И послушно мой челнокъ
По струямъ скользя потока;
Дунеть въ парусъ вѣтерокъ —
Я отъ берега далѣко...
Ты лети-лети, челнокъ!
Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Пристань сыщемъ мы, челнокъ!

Мнѣ попутчицей — царца
Тихихъ пѣсень; по рѣкѣ
Мы плывемъ съ ней налегкѣ,
И звучитъ ея цѣвница,
И поетъ мнѣ въ челнокъ
Пѣсни дѣва-баловница...
Ты лети-лети, челнокъ!

Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Пристань същемъ мы, челнокъ!

Если пасть случится грому
На одномъ изъ береговъ,
И — отъ хижины до дворцовъ —
Все трепещетъ по пустому, —
Мой обычай не таковъ:
Мчусь я къ берегу другому...
Ты лети-лети, челнокъ!
Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Пристань същемъ мы, челнокъ!

Если жь мирно и счастливо
Небеса вдали блестятъ,
Дозрѣваетъ виноградъ
И давно нетерпѣливо
Ждутъ его — уста и взглядъ,
Я — туда... и живо-живо
Ты лети-лети, челнокъ!
Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Пристань същемъ мы, челнокъ!

Въ край давно знакомый что-то
Въ свой чередъ меня манитъ.
Тамъ волшебный рой харитъ
Славить нѣжнаго Эроса.
Боги! вотъ одна лежитъ
Подъ зелёной сѣнью грота...
Ты лети-лети, челнокъ!
Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Пристань същемъ мы, челнокъ!

Но на скалахъ взоръ примѣтитъ
Лавръ надменный — убѣгу
Я къ родному очагу:
Мнѣ звезда моя посвѣтитъ,
И пловца на берегу
Дружба съ радостію встрѣтитъ...
Ты лети-лети, челнокъ!
Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
Мы у пристани, челнокъ!

4 іюня 1858.

VI.

ДОВОМЫЕ МОПЛЕРИ.

Я однажды, до зари,
Шель пѣшкомъ почной порою,
И застигнуть былъ грозою
Возлѣ башни Моплери.
Сталь я пѣть, но страшно стало:
Кто-то вдругъ захохоталь,
Чей-то голосъ прозвучаль:
«Наше царство миновало!»

Посредп тѣней ночныхъ
Замелькали чьи-то лпки,
И послышались крики
Верепицы домовыхъ.
Вотъ — труба загрохотала;
Шумный шабашъ начался;
Прежній голосъ раздался:
«Наше царство миновало!»

«Да! ужь праздника намъ нѣтъ!
Улетимъ скорѣй: побѣдно,
Изъ обители наследной,
Гонить Разумъ насъ на свѣтъ.»

Волшебства у насъ не стало:
Чудеса творимъ не мы —
Эти гордые умы... —
Наше царство миновало.

«Дали эллинскимъ богамъ
Мы божественность и храмы,
Вѣчность, юность, олимпіады
И цвѣты по алтарямъ.
Сколько въ Галліи бывало
Въ честь намъ крови пролито:
Нынче мы — въ селѣ ничто...
Наше царство миновало.

«Мы къ стопамъ прелестныхъ фей —
Паладины, менестрели —
Преклонять не разъ умѣли
И вельможъ, и королей...
Чародѣйство покоряло
Намъ подъ небомъ все и всѣхъ.
Чародѣйство нынче — смѣхъ...
Наше царство миновало.

«Разумъ смогъ заглясть и насъ:
Улетимъ же безъ возврата...»
Голосъ смолкъ... и, тьмой объята,
Башня рухнула въ тотъ часъ.
И духовъ уже не стало:
Вдаль ихъ крылья унесли,
Только слышалось вдали:
«Наше царство миновало!»

VII.

ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ.

Въ душной дворницкой, въ мракѣ подвала,
Родилась я дѣвчонкой простой;
Лѣтъ въ пятнадцать — лакей квартала
Всея гурьбой увивался за мной.
Вскорѣ я молодому вельможѣ
Показалась очень мила:
Эта честь обошлася мнѣ въ то-же...
И я въ первый этажъ перешла.

Тамъ, въ роскошныхъ покояхъ, и руки,
И лицо мое стали бѣлѣй.
Употельны золота звуки...
Не видала я будничныхъ дней!
Но страстей изнурительна сила:
Умеръ онъ. Чтò я слезъ пролила!
Да печаль красоту пощадила...
Во второй я этажъ перешла.

Тамъ я герцога-пѣра поймала —
Внукъ его былъ красивый такой...
За огонь они дали не мало:
Первый — *пепелъ*, а *пламя* другой.

Я къ танцору душой првязалась:
Удаллася *знать* — не снесла;
Но мнѣ зеркало все улыбалось —
И я въ третій этажъ перешла.

Тамъ, слывя баронессой, я съ жиромъ
Ощипала всѣ перья почти
Англчанцину, двумъ-тремъ банкирамъ
И абату — Господь мнѣ прости!
Но я замужъ пойти захотѣла
За плутá одного: онъ до тла
Обокралъ меня... я посядѣла —
И въ четвертый этажъ перешла.

А въ четвертомъ — пная работа:
Мнѣ племянницъ пришлось пригласить...
Мы кутимъ и одна намъ забота —
Коммиссаровъ по больше дразнить.
Налету я свой хлѣбъ добывала,
И хозяйство, и счета вела,
Да стара и чудовищна стала —
И на пятый этажъ перешла.

И теперь я служанка съ метлою,
И приютомъ мнѣ пыльный чердакъ;
Одноока; огня нѣтъ зимою...
И не вѣрятъ сосѣди никакъ —
Чѣмъ была я на жизненномъ рынкѣ;
Но отъ жизни бывалой моей
Я теперь еще вижу соринки,
Подметая всѣ пять этажей.

VIII.

АННЕТОЧКА-АННЕТКА.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Молода, свѣжа, бѣла;
Взглядъ — кипучая смола;
Грудь, плечà и станъ — на диво,
Гибче воску самого.
Пусть ихъ шепчуть тамъ ревниво:
«Непристойно, некрасиво!»
Какъ кому, мнѣ — ничего!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Какъ шрива, какъ рѣзва!
Для нея — все тринь—трава:
Рада день—деиьской надъ вздоромъ
Хохотать до слезъ она...
«Какъ глупа—то!» шепчуть хоромъ.
Нѣтъ! коль дѣло ужь за споромъ,
Такъ Аннеточка умна.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки—Аннетки!

Какъ, бывало, за столомъ
Мы засядемъ съ ней вдвоемъ —
Расщербечется, что птица,
Шутки горстью сыплетъ мнѣ,
Вся пылаеть, какъ зорница...
А какая вѣдь пѣвица
И какъ знаетъ толкъ въ вишѣ!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки—Аннетки!

Модной роскоши затѣй
И въ заводѣ нѣтъ у ней:
Не блестятъ ея уборы;
Но кисейка да миткаль,
Право, больше манять взоры,
Чѣмъ весь шелкъ и всѣ узоры...
И сомнешь ихъ, такъ не жаль!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Съ нею — всё заботы прочь;
Съ ней пляши и пой всю ночь...
А напѣлась, наплясалась —
На зарѣ ложится спать...
Да ужь какъ-же и металась!
Только-только не ломалась
Колченогая кровать.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки?

10 іюня 1858.

IX.

С Г Л А З И Л И.

Ахъ, маменька, спасите! Спазмы — спазмы!
Такія спазмы — мочи нѣтъ терпѣть...
Подъ ложечкой... Раздѣть меня, раздѣть!
За докторомъ!... пивокъ! катаплазмы!...
Вы знаете — я честию дорожу,
Но... больно такъ, что лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

Вѣдь и больна я не была ни-разу —
Напротивъ: все полнѣла день отъ дня...
Ну, знать — со зла, и сглазили меня,
А убережъся отъ дурнаго глазу
Нельзя — п вотъ — я пластомъ-пласть лежу...
Охъ! скоро-ль докторъ?.. лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

Конечно, я всегда была безпечной,
Чувствительной... спалося крѣпко мнѣ...
Ужъ кто-нибудь не сглазилъ-ли во снѣ?
Да кто-же? Не баронъ-же мой увѣчной!

Фи! на него давно я не гляжу...
Охъ, какъ мнѣ больно! лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

Быть-можетъ, что... Разъ, вечеромъ, гусара
Я встрѣтила, какъ по-грязи брела —
И только переулокъ перешла ..
Да сглазить-ли гусарскихъ глазокъ пара?
Наврядъ: давно я по-грязи брожу!..
Охъ, какъ мнѣ больно! лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

Мой итальянецъ?... Нѣтъ! онъ непорочно
Глядитъ — и вкусъ его ипой...
Я за него ручаюсь головой:
Коль сглазилъ онъ, такъ развѣ ненарочно...
А обманулъ — сама не пощажу!
Охъ, какъ мнѣ больно! лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

Ну — вотъ! веди себя умно и тонко,
И береги двѣпчи честь, почётъ!
Мнѣ одного теперь не достааетъ,
Чтобъ кто-нибудь подкинулъ мнѣ ребенка...
И въдъ подкинутъ, я вамъ доложу...
Да гдѣ-же докторъ?.. лучше-бъ не родиться!..
И какъ-это могло со мной случиться?
Рѣшительно — ума не приложу.

X.

Ф О Р Т У Н А.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
Двери настежъ поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Вкругъ стола, полуодѣты,
За стаканами съ виномъ,
Поджидаемъ мы Лизетты,
А Фортуны не зовемъ.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
Двери настежъ поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Золотыхъ сулитъ посылокъ, —
Но, друзья, какой въ нихъ толкъ?
Передъ нами — строй бутылокъ,
И хозяинъ вѣрять въ долгъ!

Стукъ—стукъ—стукъ! Моя брюнетка?
Двери настезь поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Дастъ рубиновъ и жемчужинъ,
Пышныхъ мантий и вѣнковъ:
Да къ чему? — Намъ лавръ ненуженъ,
Когда мы безъ сюртуковъ.

Стукъ—стукъ—стукъ! Моя брюнетка?
Двери настезь поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Словно мальчиговъ насъ манитъ
Блескомъ славы-суеты:
Нѣтъ! мы знаемъ — лавръ увянетъ
Подъ дыханьемъ клеветы.

Стукъ—стукъ—стукъ! Моя брюнетка?
Двери настезь поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Намъ богатство не завидно;
Безъ веселья — честь не въ прокъ...
И по парусу ужь видно,
Что у счастья за челнокъ!

Стукъ—стукъ—стукъ! Моя брюнетка?
Двери настезь поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

Пусть предъ ней другіе станутъ
Преклоняться каждый часъ:
Насъ любовницы обмануть —
Веселѣе во сто разъ!

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
Двери настежъ поскорѣй!
Нѣтъ, Фортуна-непосѣдка:
Эту — дальше отъ дверей!

13 іюля 1858.

XI.

НАРОДЪ ПОМНИТЬ.

Распалась мощная держава;
Погибъ великій человекъ;
Но подь соломой хижинь вѣкъ
Не смолкнетъ кесарева слава.
Сомкнутся внуки въ тѣсный кругъ
Передь прабабкою сѣдою
И молвятъ: «Сказкой — старпною
Намъ скоротай дневной досугъ.
А лучше сказки — былъ любимая...
Онъ, говорятъ, былъ намъ врагомъ!
Да расскажи о немъ, родимая,
Ты расскажи о немъ!»

— Да: былъ, а смотреть небылицей...
Разъ, съ цѣлой свитой королей,
Прошелъ... тому не мало дней —
Я только стала молодницей...
Вотъ и взберись я на холмокъ —
Была глупенька ваша бабка —
Идетъ *онъ* .. Низенькая шляпка
На немъ и сѣрый сюртучокъ...

Ну-моль, бѣда мнѣ неключимая!

А онѣ мнѣ «здравствуй» подарилъ...

«Онѣ говорилъ съ тобой, родимая?

Взаправду — говорилъ?»

— Да... Ну, потомъ мнѣ, какъ-то вскорѣ,

Пришлось въ Парижѣ побывать —

И *самого-то* увидать

У Богоматери въ соборѣ,

И цѣлый дворъ... Со всѣхъ сторонъ

Гремѣли праздничные клики;

Все ликовало вокругъ владыки...

И какъ-же улыбался онѣ!

Сынъ родился... богохранимая

Глава склонялася въ мольбѣ...

«Быль праздникъ и тебѣ, родимая,

Быль праздникъ и тебѣ!»

— Когда жъ Шампанія упала

Подъ гнѣтомъ вражескихъ оковъ,

Одинъ онѣ бился, и враговъ

Одна десница отражала.

Разъ, вечеромъ, вотъ какъ теперь,

Стукъ кто-то въ дверь! отворяю —

Гляжу — гляжу — не понимаю,

Глазамъ не вѣрю: *Самъ онѣ* въ дверь...

«Ахъ!» говоритъ: «непримиримая

Борьба!» Да прямо здѣсь и сѣлъ.

«Какъ? онѣ вотъ-здѣсь сидѣлъ, родимая?

Какъ? онѣ вотъ-здѣсь сидѣлъ?»

— Да... говоритъ: «проголодался».

Я — тотчасъ хлѣба и вина.

Покушалъ, выпилъ все до дна;
Да и порядкомъ надремался
У очага... А всталъ, поди-жь —
Что говорить?! «Въдѣ слезами
Не пособить... Не за горами,
А въ сердцѣ Франціи Парижъ...
Спасу.» Съ-тѣхъ-поръ, неоцѣнимая
Мнѣ вещь стаканъ... Какъ Богомъ данъ.
«А цѣль-ли тотъ стаканъ, родимая?»

А цѣль-ли тотъ стаканъ?»

А вотъ онъ — цѣль еще донинѣ...
Да гдѣ герой-то? Въ бездну палъ...
Онъ (папа самъ короновалъ) —
Онъ умеръ гдѣ-то тамъ, въ пустынь...
Ни кто и вѣрить не хотѣлъ:
Всѣ говорили: «Вотъ нагрѣнетъ,
И чужеземецъ ужъ помянетъ —
Съ кѣмъ онъ помѣряться посмѣлъ?»
Да вѣсть пришла неотразимая —
Тотъ не заплакалъ, кто не смогъ...
«Храни тебя Самъ Богъ, родимая,
Храни тебя Самъ Богъ!»

XII

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАПЛУНАМЪ.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да молодки.

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Всякой доблестный каплуноу

Со страстьми владѣть умѣеть:

Тѣломъ здравъ и духомъ юнъ,

Онъ полнѣеть и жирѣеть.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Ревность выпихнувши въ крови,

Каплуна не втяпеть въ драку,

И счастливицу — отъ любви

Прибѣгать не надо къ браку.

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
Я хоть клятву дать готовъ:
Нѣтъ счастливей капуновъ.

Впрочемъ, многіе изъ нихъ —
Захотятъ — слывутъ мужьями,
И съ подругой дней своихъ
Утѣшаются дѣтями.

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
Я хоть клятву дать готовъ:
Нѣтъ счастливей капуновъ.

Проводя смиренно дни,
Достохвальны, досточтимы,
Ни раскаяньемъ они,
Ни діэтой не казнямы.

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
Я хоть клятву дать готовъ:
Нѣтъ счастливей капуновъ.

Ну, а мы-то, господа?
Въ нашей участи несчастной,
Что мы терпимъ иногда
Отъ обманщицы прекрасной!

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Сами жжемъ себя огнемъ,

Хоть не разъ мы испытали —

И должны сознаться въ томъ,

Что не скованы изъ стали.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ;

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Что жъ, изъ ложнаго стыда,

Выносить напрасно муки?

Полно трусить, господа,

Благо кладъ дается въ руки!

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливѣй каплуновъ.

Намъ вѣдь міру не помочь!

Въ немъ — что часъ, то поколѣнья...

Прочь-же наши — сразу прочь —

Молодыя заблужденья.

Я хоть клятву дать готовъ, —

Да, молодки,

Да, красотки, —

Я хоть клятву дать готовъ:

Нѣтъ счастливей капауновъ.

1859.

XIII.

МОЙ КАФТАНЪ.

—

Мы все старше, мой другъ обветшалою,
Мой убогой кафтанъ, но тебя
Десять лѣтъ я рукою усталой
Самъ и чищу, и хожу — любя.
Какъ Сократъ, ко всему я приучень,
И — повѣрь мнѣ — съ упрямой судьбой
Не борись — философствуй со мной:
Старый другъ, будь со мной неразлучень.

Помню — память во мнѣ сохранилась —
Первый день, какъ тебя я надѣлъ:
Былъ рожденникъ я, все веселилось,
Хоръ друзей моихъ гимнъ тебѣ пѣлъ.
И теперь ты друзьямъ недокученъ,
И убогимъ — намъ рады они,
Точно также, какъ въ прежніе дни:
Старый другъ, будь со мной неразлучень.

Вотъ заплатка... Счастливые лѣта!
Помнишь? Я притворился тогда,
Что уйду... не пускала Лизета —
И съ тобою случилась бѣда:
Ты былъ схваченъ, безжалостно скрученъ,
Былъ разорванъ и все за-меня...
Лиза штопала цѣлыхъ два дня...
Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

По обычаю фатовъ ничтожныхъ
Надушилъ-ли тебя я хоть разъ?
Выставлялъ-ли въ переднихъ вельможныхъ
Я тебя на позорный показъ?
Весь Парижъ, хоть не разъ былъ проученъ,
Такъ и рвался добыть орденъ —
У тебя былъ въ петличкѣ цвѣтокъ...
Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

Не вдавайся въ пустую тревогу:
Все бывшее сокрылось вдали
И давно мы бывшую дорогу
Подъ дождемъ и подъ солнцемъ прошли.
Скоро сброшу, усталъ и измученъ,
Я земныя одежды долой:
Погода же — мы вмѣстѣ съ тобой...
Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

22 сентября 1858.

XIV.

МАРКИТАНКА.

—
И полковой маркитанткой была —
Звали Катэню ребята.
Много я водки съ виномъ подпесла,
Потчуя брата-солдата.
Гляну, бывало, — что красный твой день!..
Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Гляну, бывало, — что красный твой день! —
Вотъ-вамъ, солдаты, Катэнь!

Всякой меня и честилъ, и ласкалъ...
Сколько ихъ спитъ подъ землею —
Грустно!.. За-то ужь и самъ генераль
Радъ былъ дѣлиться со мною —
Чѣмъ приходилось въ удачливый день...
Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень :
Чѣмъ приходилось въ удачливый день —
Вотъ-вамъ, солдаты, Катэнь!

По-свѣту сколько я съ вами концовъ
Съ кружкой моею обходила!
Вспомните — сколько я разъ молодцовъ
Къ новымъ побѣдамъ водила!
Что-же? вѣдь только полнѣлъ бюллетень...
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Что-же? вѣдь только полнѣлъ бюллетень —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Я черезъ Альпы, за вами-же вслѣдъ,
Дѣвочкой путь проложила;
Было мнѣ только четырнадцать лѣтъ —
Я васъ въ пустынѣ пошла.
Съ вами входила я въ Вѣну — былъ день! —
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Съ вами входила я въ Вѣну — былъ день! —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Бойко у нѣмцевъ торговля пошла:
Денегъ попало мнѣ въ лапы...
Въ Римѣ я только недѣлю была —
Видѣла причетъ у папы...
Эхъ, вспоминать-то про прошлое лѣнь...
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Эхъ, вспоминать-то про прошлое лѣнь —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Сдѣлала больше, чѣмъ герцогъ пной,
Я для любимой отчизны.
Если въ Мадритѣ, потомъ подъ Москвой
Быть не могло дешевизны, —
Брали вы даромъ, добравшись въ Пантэнь...
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:

Брали вы даромъ, добравшись въ Пантэнь —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Сила сломила васъ, смерть унесла
Въ челюстяхъ страшнаго зѣва...
Если-бъ тогда я вести васъ могла,
Какъ Орлеанская дѣва!
О, англичанинъ-самъ сталь-бы, какъ пень!
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
О, англичанинъ-самъ сталь-бы какъ пень! —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Если я вижу бывалыхъ служакъ,
Въ рубищѣ, въ нуждѣ — въ пропажѣ,
Если я вижу — не можетъ бѣднякъ
Выпить за Францію даже, —
Кружкой гоню я съ лица его тѣнь...
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Кружкой гоню я съ лица его тѣнь —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Но каждый врагъ нашъ за каждый глотокъ
Дорого платить мнѣ, бѣдный!..
Не унывайте!.. Алѣтъ востокъ —
День разсвѣтаетъ побѣдный:
Буду бить зорю сама я въ тотъ день...
Трахъ-тарарахъ-тахъ, динь-динь-дрень:
Буду бить зорю сама я въ тотъ день —
Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

6 октября 1858.

XV.

СТАРАГО ПЛАТЯ ПРОДАТЬ.

—

Всѣхъ мы, старьевщики, всѣхъ и всегда
Знали доподлинно васъ, господа —
И остаемся при нашей идеѣ:
Платье для насъ чловѣка важнѣе!
Стоитъ денечекъ-другой переждать —
Выгода чистая намъ, безъ потерн,
Только-бы крикнуть у вашей-же двери:
«Стараго платья продаты!»

Вотъ читаешься разныхъ газетъ —
Будто и жалко, что стараго нѣтъ,
Будто и жалко, что, вмѣстѣ съ годами,
Надо проститься — хотя-бъ съ галунами,
А поразмыслишь — да такъ погадать,
Что вѣдь не эти, такъ будутъ другіе,
Тѣмъ-же шитьемъ, и опять золотые...
«Стараго платья продаты!»

Мода съ политикой — обѣ онѣ
Часто стучались въ лавку ко мнѣ:
Вспомнишь теперь и невѣрится даже —
Что было ветоши старой въ продажѣ;
Совѣстно — просто, по чести сказать,
Сколько копѣекъ богини въ дни оны
Брали съ меня за бывлые хитоны...
«Старого платья продать!»

Было разъ время — промчалось оно:
Сто генеральныхъ сраженій дано,
Сто разъ герои враговъ побѣдили...
Въ золотѣ слуги простые ходили...
Да и героямъ судьбы не сломаты!
Съ прибылью только одни мы остались,
Съ каждой побѣды одни наживались...
«Старого платья продать!»

Будетъ на дѣто съ зпмы поворотъ —
Намъ-то что? Только доходъ и доходъ!
Что-жь, что другой воротникъ и подкладку?
Можно!.. Возьмемъ и съ бывалаго взятку...
И почему жъ бы намъ взятки не взять!
Господи, если бѣ иному лакею
Чаще мѣнять приходилось ливрею?..
«Старого платья продать!»

Есть ратоборцы такого старья,
Что не сыщу его даже и я...
Съ этими плохо: отстали въкаши,
Да и какими — не вѣдаютъ сами...

А отыщи имъ — давай щеголять
Хоть на гуляньѣ кафтаномъ сплнплымъ...
Много всего... Я доволенъ и малымъ:
«Стараго платья продать!»

Я паживуся — сомгбнїя нѣтъ:
Созданъ для насъ, для старьевщнковъ свѣтъ;
Выгодна всякая намъ перемѣна
И поучительна свѣтская сцена —
Знаемъ мы — что за кулисами взять...
Вамъ, господа, хоть и льстятъ за-частую,
Но... вы слыхали-ли пѣсню простую:
«Стараго платья продать!»

17 октября 1853.

XVI.

РЫЖАЯ ЖАННА.

Спать на груди у ней крошка ребенокъ;
Жанна другого песеть за спиной;
Старшій съ ней рядомъ бѣжитъ... Башмачёнокъ
Худъ и не грѣтъ ножёнки босой...
Взяли отца ихъ: дозоръ окаянной
Выслѣдилъ — кончилось дѣло тюрьмой...
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жизни заря и для Жанны аѣла:
Сельскій учитель отецъ ея былъ;
Жанна читала, работала, пѣла;
Всякой за правъ ея тихій любилъ,
Плясывалъ съ ней и подъ тѣнью каштанной
Жаль у ней бѣлую ручку порой...
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Фёрмеръ къ ней сватался — дѣло рѣшили,
Да изъ пусто.о оно разошлось:
Рыжикомъ Жанну въ деревнѣ дразнили —
И испугался онъ рыжихъ волосъ.

Двое другихъ ее звали желанной —
Но вѣдь у ней ни гроша за душой...
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Онъ ей сказалъ: «Не найдти мнѣ подружки
Крѣше тебя — полюбилъ тебя я —
Будемъ жить вмѣстѣ: въ убогой лачужкѣ
Есть у меня дорогихъ три ружья;
По-лѣсу всюду мнѣ путь невозбранной;
Свадѣбу скрутѣтъ капелланъ замковой...»
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жанна рѣшилася — Жанна любила,
Жаждала матерью быть и женой:
Три-раза Жанна подъ сердцемъ носила
Сладкое бремя въ пустынѣ лѣсной.
Бѣдныя дѣти! пригожій, румяный,
Каждый взошелъ, что цвѣтокъ полевой...
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой.

Чудо любовь совершаетъ на свѣтѣ,
Если горять ей прямыя сердца!
Жанна еще улыбается: дѣти
Черноволосы всѣ трое — въ отца!
Голосъ жены и подруги избранной
Узнику въ душу вливаетъ покой...
Господи, сжался надъ Рыжею Жанной:
Пойманъ ея браконьеръ удалой!

17 октября 1858.

XVII.

МОЙ УГОЛОКЪ.

Отъ свѣтской каторги и давки
Я убѣжалъ — мечтать въ мой уголокъ:
Друзья, галѣрной вашей лавки,
Упрямый каторжникъ, я вытерпеть не могъ.
Какъ бедуину, мнѣ дорога
Свободно пролегла на жизненномъ пескѣ:
Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Какъ бедуинъ, гоню я въ степи
Едва—протекшаго, отжившаго—два,
И вѣрно взвѣшиваю цѣни
На новый честный вѣсъ, на новыя права,
И, какъ пророкъ, я вижу много
Міро—отраднaго уряда вдалекѣ...
Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Волшебной палочкою Фен
Я правду возрастилъ въ укромномъ уголкѣ:
Въ немъ встали вѣчные трофеи
На мѣстѣ всѣхъ палатъ, смощенныхъ на легкѣ,

И на престоль въ немъ путь-дорога
Избрáнному, тому, кто «царь — о бѣднякъ...»

Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укрóнномъ уголкѣ!

Въ немъ, на крылахъ мечты сердечной,
Какъ серафимъ, топу въ лучахъ яной зари —

И вижу: властiю предвѣчной,
Въ быломъ вращаются пароды и цари...

Одинъ изъ горнаго чертога
Полярною звѣздой мнѣ свѣтитъ вдалекѣ...

Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укрóнномъ уголкѣ!

Въ немъ все отчизнѣ: кровь и слезы,
И прямо въ небеса летящая мольба...

Почтите-же поэта грѣзы —
И мимо-мимо нихъ житейская борьба...

Пусть съ олимпійскаго чертога
Камены берегутъ меня на чердакѣ...

Друзья, оставьте, ради Бога,
Меня въ моемъ укрóнномъ уголкѣ!

3 октября 1858.

XVIII.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

А! ты опять, негодяй, за свое?

Чѣмъ бы сидѣть ему съ книжкой,
Онъ — полюбуйте-ка!.. Что за житье
Съ этимъ противнымъ мальчишкой!

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!

Ты меня звать старичишкой?!..

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!

Вотъ она плеть, негодяй!

Такъ вѣдь проказить, что просто бѣда!

Дашь ему *разъ* по затылку —

И не почешетъ: какъ съ гуся вода!

Какъ-то я спряталъ бутылку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!

Выцѣдилъ всю, какъ въ цѣдилку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!

Вотъ она плеть, негодяй!

Только жена моя встанетъ — аминь!

Онъ ужь сей-часъ за продѣлку:

Книги, тетради, заколь и латынь —
Въ сторону, словно бездѣлку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Смотрить въ замочную щелку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Вотъ она плеть, негодяй!

Съ дочерью разныя шапки завѣлъ...

И вѣдь ни шума, ни крика:
Я ужь недавно случайно набрѣлъ —
То-то учитель, смотри-ка!

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Вотъ она гдѣ заковыка:

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Вотъ она плеть, негодяй!

И и хлестать-то сго ужь усталъ:

Руки повисли, какъ плети...
Что онъ такое сей-часъ бормоталъ?
Кажется: «на коль ты вздѣти?»

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Въ свѣтѣ повывелись дѣти...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
Вотъ она плеть, негодяй!

XIX.

К О Ш К А.

Отчего это мяучить
Машка ночи на пролётъ?
Голодь бѣдненькую мучить,
Или мышка гдѣ скребеть?
Въ двери проснется бѣдняжка,
А вѣдь выпусти — уйдетъ.
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Чѣмъ помочь тебѣ — не знаю..
Не ласкайся — воли пѣть!
Я недугъ твой понимаю:
И сама въ пятнадцать лѣтъ,
Словно въ тѣсной клѣткѣ пташка,
Заперта я круглый годъ..
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Я сама люблю неволью,
Я сама горю огнемъ!
Защемить мнѣ сердце больно,
Какъ подумаю о немъ...

И теиерь, гляди, рубашка
На груди копромъ встаетъ...
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Это ты мнѣ, непосѣда,
Обдала грудь кипяткомъ!
Разбуди же хотъ сосѣда —
Вотъ подъ этимъ чердакомъ:
Мой сосѣдъ такой мпашка,
Такъ мнѣ крѣпко руку жмётъ...
Мяу-мяу! Что ты, Машка?
Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Но постой: я шорохъ слышу...
Сумасшедшій! Это онъ —
Съ чердака полѣзъ на крышу...
Машка вонъ! скорѣе вонъ!
Брысь въ окошко!.. Ахъ, бѣдняжка,
Ну, какъ онъ да упадетъ?..
Мяу-мяу! Брысь ты, Машка!
Мяу-мяу! Вонъ твоей котъ.

XX.

СВОБОДНЫЙ.

Я свободный всѣхъ васъ съ роду,
Чѣда праздной суеты!
Я обрѣлъ себѣ свободу
Подъ покровомъ нищеты.
И свободно пѣсня льется,
Будто звонкая струя...
Да Лизетта-то смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

Что въ лѣсу, теперь блуждаю
Я по свѣту дикаремъ,
Но сатирой замѣняю
Лукъ и стрѣлы съ сайдакомъ:
У меня сатира вѣется
Подъ рукою, какъ змѣя...
Да Лизетта-то смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

Всѣ смѣются надъ льстецами,
У которыхъ и слова
Также гнутся предъ мѣшками
Съ серебромъ, какъ голова.

Хоть мнѣ льстиво не поётся,
Хоть свободна пѣснь моя,
Да Лизетта-то смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

Власть — обуза: я жалѣю
Этихъ избранныхъ людей,
За особою своею
Волочащихъ грузъ цѣпей.
Власть мнѣ въ руки не дается —
И свободенъ я, друзья!
Да Лизетта-то смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

Я въ ладу съ судьбой и съ небомъ;
Дальше мнѣ идти не лѣнь;
Весель, сытъ насущнымъ хлѣбомъ,
И въ грядущій вѣрю день, —
И свободной остается
Отъ тревогъ постель моя...
Да Лизетта-то смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

Но Лизетта, для чего-же
Снарядилася ты такъ?
Подъ вѣнецъ?... помилуй Боже!
Мнѣ давно противенъ бракъ.
Нѣтъ! Гимена факель жжется:
Я боюсь его, друзья!
Пусть же Лиза вѣкъ смѣется,
Какъ скажу: «свободенъ я!»

XXI.

М Е Т Л А.

—
Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,
Коль въ рукавъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

Помогите мнѣ: други и братья!
Съ вами вмѣстѣ готовъ выметать я
Соръ и грязь изъ отчизны моей,
Не жалѣя пегодныхъ людей.

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,

Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

Всѣхъ продажныхъ дѣльцовъ и юристовъ,
Всѣхъ воровъ, всѣхъ тупыхъ журналистовъ —
Весь бездарный, бессмысленный строй
Поскорѣ по шеѣ метлой.

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,
Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

Поскорѣ-бы также — и кстати —
Подмести и въ судебной палатѣ:
Хоть тамъ чисты и бѣлы дѣла,
Только все не мѣшаетъ метла.

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,
Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

А потомъ осмотрѣть бы до точки
Полщейскіе всѣ уголочки:
Нѣчистъ старую, старый застой
Выместъ нѣчисто новой метлой.

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,
Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

А потомъ у питомцевъ Лойолы
Обмести по порядку всѣ школы,
Всѣ коллегіи братства, а тамъ
И самихъ ихъ метлой по пятамъ.

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подоспѣло,
И захватить смѣло,
Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

Не щадя ханжества и коварства,
Вслѣдъ за ними пройти всѣ мытарства,
Города бы съ метлой осмотрѣть,
И въ провинціи пѣсню запѣть:

Господи, прости:
Время подмести!
Дѣло подосѣбло,
И захватить смѣло,
Коль къ рукамъ пришла,
Каждую пылинку,
Каждую соринку
Новая метла.

1859.

XXII.

С О С Ъ Д И Е.

—

Я въ рѣчахъ моихъ перѣдко
Слишкомъ воленъ, а не слѣдъ:
Дядя келаремъ пять лѣтъ;
Ждетъ сестру бѣлицы кѣтка..
Но лукавъ бѣсъ на совѣтъ —
Что вы скажете, сосѣдка?
Вѣдь лукавъ бѣсъ на совѣтъ —
Что вы скажете, сосѣдъ?

Докторъ нашъ замѣтилъ ѣдко,
Будто вина и любовь
Только портятъ нашу кровь!
У него плохая смѣтка:
Слушать намъ его не слѣдъ —
Что вы скажете, сосѣдка?
Слушать намъ его не слѣдъ —
Что вы скажете, сосѣдъ?

Отчего вонь та, брюнетка,
Пополнѣла? Нѣтъ причинь...
Развѣ только кринолинъ
Слишкомъ пышенъ? Вѣдь нерѣдко
Въ кринолинѣ весь секретъ...
Что вы скажете, сосѣдка?
Въ кринолинѣ весь секретъ —
Что вы скажете, сосѣдь?

Родила одна гризетка —
Мальчикъ — пышка и игрунь:
Кто толкуеть, что драгунъ,
Кто — морякъ... Да гдѣ-же мѣтка?
Можетъ быть: гусарь-корнетъ...
Что вы скажете, сосѣдка?
Можетъ быть: гусарь корнетъ...
Что вы скажете, сосѣдь?

У кузины вы объѣдка
Не нашли бы въ карнаваль,
А сталъ ѣздить кардиналь —
Кухня такъ сытна, что рѣдко...
Онъ кузень мнѣ, или нѣтъ —
Что вы скажете, сосѣдка?
Онъ кузень мнѣ, или нѣтъ —
Что вы скажете, сосѣдь?

Жрица Талии, лоретка,
Поклялася всѣмъ своимъ
Угодить десятерымъ,
Разоривъ ихъ до послѣдка...
Вотъ такъ дѣвственный обѣтъ! —
Что вы скажете, сосѣдка?

Вотъ такъ дѣвственный объѣтъ! —

Что вы скажете, сосѣдь?

Сколько стрѣлъ Каприды мѣтко,

Ядовито насъ разятъ!

Если-бъ только этотъ ядъ

Прививать могла ланцетка,

Многихъ не было-бы бѣдъ...

Что вы скажете, сосѣдка?

Многихъ не было-бы бѣдъ...

Что вы скажете, сосѣдь?

Нашъ кварталъ — на немъ отмѣтка:

«Отъ всякихъ золъ укрытъ» —

Здѣсь не знаютъ волокитъ,

Здѣсь супруга — не кокетка,

И скромный квартала нѣтъ...

Что вы скажете, сосѣдка?

Вѣдь скромный квартала нѣтъ —

Что вы скажете, сосѣдь!

1859.

XXIII.

И БЫТЬ ТОМУ.

Я избранъ гласомъ, вопіющимъ
Въ мірской пустынѣ — и въ грядущемъ
Все ясно взору моему...

И быть тому!

Во вѣкъ отнынѣ у поэтовъ
Для *сильныхъ* мира нѣтъ привѣтовъ —
Лестъ не пригодна ни къ чему:

И быть тому!

Нѣтъ больше откупныхъ вампировъ,
И за конторкой у банкировъ
Грубить не будутъ ни кому:

И быть тому!

Не будетъ больше ложной дружбы,
Начальства ради, или службы,
Или по прочему чему:

И быть тому!

Дѣвицы будутъ цвѣсть, какъ розы,
Но не позволять, какъ мимозы,

Къ нимъ прикоснуться ни кому:
И быть тому!

Забудутъ жоны про наряды;
А ихъ мужья тому и рады —
И дома нѣтъ ихъ потому:
И быть тому!

Страдая умственной проказой,
Поэтъ пустою, звонкой фразой
Не досадить ужъ ни кому:
И быть тому!

Самодовольнаго задора
Не будетъ больше у актёра
И критикъ не сгрубить ему:
И быть тому!

И осмѣется, что мишурно,
И не простится все, что дурно,
Хоть меценату самому:
И быть тому!

Забудутъ люди о безлюдьѣ;
И воцарится правосудье —
И вѣки властвовать ему:
И быть тому!

Все это будетъ въ срокъ скоромъ:
Въ году три тысячч... которомъ? —
Не знаю... Знаю по всему,
Что быть тому!

М Е Т А М П С И Х О З А .

Поклонникъ и пѣвецъ Метампсихозы,
Чтобъ наконецъ разумно объяснить
Всѣ сны мои нелѣпыя и грѣзы,
Вчера я сталъ съ душою говорить.
Она сказала: «Ты мнѣ долженъ много:
Чѣмъ безъ меня ты былъ бы, мой бѣднякъ?..
Но помни: я не-тò, чтобъ недотрога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Такъ слушай же: сначала повилицей
Въначала я горячее чело;
Потомъ я пѣла перелетной птицей
И расправляла вольное крыло.
Тогда вездѣ была мнѣ путь-дорога —

Въ лѣса, въ луга, въ лощины, въ буеракъ;
А поселянкамъ пѣсенка — тревога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Потомъ была Медоромъ я: слѣплого
И нищаго водила за собой...
Ну, вожакà ужь не было такого:
Вездѣ намъ былъ и отдыхъ, и покой,
Гдѣ только намъ лежала путь-дорога,
Вездѣ бросали грошъ или пятакъ,
Затѣмъ-что жизнь людская такъ убога. . .»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Потомъ была я красною дѣвицей,
Была въ плѣну, да только что за толкъ,
Когда моей спокойною темницей
Вдругъ овладѣлъ почти-что цѣлый полкъ...
И день, и ночь — вотъ такъ и жди: тревога!
Прійдетъ Амуръ и попадешъ въ просакъ...
Попалася? — известна путь-дорога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
Я думалъ самъ, что это было такъ!»

«Ну вотъ — хотѣлъ ты знать свои стремленья,
Такъ знай же ихъ: но выслушай: должна
Тебѣ сказать, что я за прегрѣшенья
Въ твой бранный оставъ Богомъ вложена»—

Душа сказала: «не было такъ много
Подобныхъ стихотворныхъ вракъ,
Что, какъ въ аду, казнилась я такъ строго...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
Я думалъ самъ, что это точно такъ!

29 марта 1859.

XXV.

З В О Н А Р Ь .

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!

Веселяся и ликуя, —

Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я

Заливной крестинный звонъ:

Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Все звонъ похоронный... Давно бы не худо

Народу послушать по-радостнѣй звонъ!

И кстати: младенецъ отъ старца рождень...

Во всѣ приударю: вотъ чудо, такъ чудо!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!

Веселяся и ликуя, —

Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я

Заливной крестинный звонъ:

Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Мамаша — вся кровь съ молокомъ и отвага,
Родитель — подагрикъ, невзраченъ на взглядъ,
И знаетъ, что въ свѣтъ про нихъ говорить...
Во всѣ пріударю: брюзга онъ и скряга!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!

Веселяся и ликуя, —

Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я

Залвной крестинный звонъ:

Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

За-то ужь отцы по купели — не плотскіи!
Сосѣд мой бакиръ: онъ далеко не могъ,
Да кумъ-то онъ щедрый, и денежкамъ водъ...
Во всѣ пріударю: онъ ктиторъ приходскій!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!

Веселяся и ликуя, —

Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я

Залвной крестинный звонъ:

Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Нашъ мэръ: говоритъ онъ, что будто все чахнетъ,
Но знаю: голубчикъ — себѣ на умъ,
И больно ужь ластился къ милой кумъ...
Во всѣ пріударю: тутъ выпивкой пахнетъ!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!

Веселяся и ликуя, —

Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я

Залвной крестинный звонъ:

Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Да какъ бы тамъ ни было, мнѣ гон рарій
Хорошій прійдется за звонъ и обрядъ:
Ребенка вѣдь крестить заочно прелать...
Во всѣ пріударю: прелать — не викарій!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!
Веселяся и лукуя, —
Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
Заливной крестинный звонъ:
Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

И самъ губернаторъ, блюститель закона,
Малюткѣ отца замѣнилъ сей-же часъ:
Онъ въ метрикахъ кумомъ записанъ у насъ...
Во всѣ пріударю: такая персона!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!
Веселяся и ликуя, —
Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
Заливной крестинный звонъ:
Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Малютка! ты выбралъ счастливый день святцевъ:
Не вдругъ и отцовъ у тебя сосчитать!
Ты вырастешь, съ братьями будешь играть...
Во всѣ пріударю — за будущихъ братцевъ!

Динь-динь-динь! динь-динь-динь — донь!
Веселяся и ликуя, —
Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
Заливной крестинный звонъ:
Динь, динь-донь! динь-динь-донь!

XXVI.

НОВЫЙ ДИОГЕНЬ.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — воленъ,
Бочку я твою качу.

Говорять, Диогенъ, ты въ водѣ почерпалъ
Здравый смыслъ?.. Видно, жребій мнѣ выпалъ
Не такой: я воды отродась не пивалъ,
А вина бочки цѣлыя выпилъ.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — воленъ,
Бочку я твою качу.

Гдѣ понравится мнѣ, тутъ я тотчасъ селюсь,
Да богамъ-то на тронѣ лазурномъ
Не сидится — и въ бочкѣ я слѣдомъ верчусь
За Фортуной, землей и Сатурномъ.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — воленъ,
Бочку я твою качу.

Оттого не бывать ни сторонникомъ мнѣ
Ни давать постоянства обѣта;
Оттого на вопросъ: «ты на чьей сторонѣ?»
Засмѣюся я вмѣсто отвѣта.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — воленъ,
Бочку я твою качу.

Пусть, на шумномъ конгрессѣ сойдясь, короли
Спорятъ, какъ подъ державой своею
Миръ дѣлится? Не спрошу я у сильныхъ земли:
Занялся-ли кто бочкой моею!

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,

И, какъ ты, повсюду — волень,
Бочку я твою качу.

Твердо вѣря, что въ наши счастливые дни
За правдивую смѣлость не гонять,
Я владыкамъ не льщу; не боюсь, что они
Мнѣ любезное солнце заслонять.

Диогенъ, въ твоемъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — волень,
Бочку я твою качу.

Человѣка сыскать бѣлымъ днемъ съ фонаремъ,
Безъ сомнѣнья, большая забота;
Но когда мой фонарь заблеститъ вечеркомъ —
Заблеститъ онъ, какъ свѣточъ Эроса.

Диогенъ, въ твоемъ плащѣ
Я красуюсь не вотще:
Я смѣюся, я доволенъ,
Пью — когда и какъ хочу,
И, какъ ты, повсюду — волень,
Бочку я твою качу.

Я свободенъ отъ податей, службы и платъ;
Но гражданскій свой долгъ соблюдаю:
Если бочекъ, какъ будутъ собирать виноградъ,
Не достанетъ — свою уступаю!

XXVII.

СКОМОРОХЪ.

Скоморохомъ я рожденъ,
Скоморохомъ и почтенъ
Рѣчью былъ отцовской...
Только на ноги я сталъ,
Мнѣ пинка родитель далъ —
Въ самый разъ, да и сказалъ:
«Маршъ плясать! Таковой
Вы народецъ: радъ — не радъ,
А ужь видно созданъ, братъ,
На смѣхъ и на шутку, —
И пляши, когда велятъ,
Подъ чужую дудку!»

Мать поплакала тогда,
Да вѣдь слезы — что-жь? — вода...
Впрочемъ — скрыть не смѣю —

Постелепкою плеча
Мнѣ накрыла: — «Эпанча
И худа, да горяча —
 Я погрѣлась ею!..
Твой чередъ... хоть радъ — не радъ,
А ужь видно созданъ, братъ,
 На смѣхъ и на шутку, —
И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!»

Что-жь — попляшемъ... Ничего...
У вельможи одного
 Померла собачка:
Словно въ пудрѣ вся, бѣла,
И плясунья—же была! ..
Ну, съ вельможнаго стола,
 Вмѣсто ней, подочка
Мнѣ пошла... Хоть радъ — не радъ,
А ужь видно созданъ, братъ,
 На смѣхъ и на шутку, —
И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!

Хорошо мнѣ было; но...
Все на свѣтѣ мудрено!
 Вѣдь какое горе:
Безо всякихъ безъ причинъ,
Говорятъ, что господинъ
У *другаго* выкралъ чпнъ
 И имѣнье въ спорѣ...
Я — къ *другому* .. Радъ — не радъ
А ужь видно созданъ, братъ,

На смѣхъ и на шутку, —

И пляши, когда велятъ,

Подъ чужую дудку!

Сталъ плясать... опять напасть:

Прежній съ-пзнава къ намъ шастъ...

Подъ его балкономъ

Я опять — плясать, плясать,

Не успѣлъ устать, анъ — глядь:

Нѣтъ его — *другой* опять ..

Божинъ закономъ

Все блюдется... Радъ — не радъ,

А ужь видно созданъ, братъ,

На смѣхъ и на шутку, —

И пляши когда велятъ,

Подъ чужую дудку!

Мнѣ бы только жить съ людьми...

Кто меня ни прикорми,

Я благоговѣю

Передъ всѣми... Почему?

Ну... по сердцу... по уму...

И хотя-бы потому,

Что при вѣхъ толстѣю...

Скоморохъ я: радъ — не радъ,

А ужь видно созданъ, братъ,

На смѣхъ и на шутку, —

И пляши, когда велятъ,

Подъ чужую дудку!

XXVIII.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.

Чу!.. Пономарь, нашихъ бѣдныхъ ушей не жалья,
Словно разбитъ собирается полѣлея:
Колоколь за душу такъ вотъ и тянетъ, разбойникъ...
Вѣрно у насъ по сосѣдству богатый покойникъ?
Нѣтъ не у насъ однихъ: воля такая Господня,
Чтобы по всѣмъ по усопшимъ звонили сегодня.
Пусть ихъ звонять!.. Смерть нельзя же намъ переупрямить.
Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Да, по усопшимъ сегодня поминъ, и суббота
Въ память родителей,.. Нѣтъ и смѣяться охота:
«Нѣтъ», говорятъ, «вы не пойте, не смѣйтесь и вѣрьте,
Что человѣкъ долженъ плакать при мысли о смерти;
Вы позабудьте о томъ, какъ вчера еще жили,
Какъ вы смѣялись, или и какъ вы любили.
Слышите?.. смерти нельзя же вамъ переупрямить.
Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!»

Слышимъ мы колоколь, только его не боимся:
Съ Лилою вмѣстѣ мы смѣло надъ адомъ глумимся;

Ну, а въ раю — сознаемся по правдѣ и чести —
Лида и мой собутыльникъ — мы будемъ на мѣсть:
Лысый придверникъ навѣрно для нашей семейки
Двери въ раёкъ распахнулъ-бы, не взявъ ни копѣйки.
Пусть ихъ звонятъ!.. Смерть нельзя же намъ переупрямить.
Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Слышимъ мы колоколъ, слышимъ его не отнынѣ;
Чтимъ мы могилы и вѣруемъ имъ, какъ святынѣ;
Но на покойныхъ родителей чада похожи:
Наши отцы, какъ и мы, посмѣялись бы тоже,
И посмѣялись съ своею покойной Лилетой
Надъ звонарёмъ и могилой, соборно-отпѣтой.
Пусть ихъ звонятъ!.. Смерть нельзя же намъ переупрямить,
Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Я не хочу, чтобъ по мнѣ, въ панпхидѣ надъ гробомъ,
Плакать пришлось по заказу извѣстнымъ особамъ;
Я не хочу на кладбищѣ, простившись съ живыми,
Лечь упокойно, подъ вѣчный припѣвъ: «Со святыми!»
Нѣтъ, пусть поютъ надъ моею стариковскою могилой
Правнуки новыя пѣсни — и съ новою Лилой.
Пусть ихъ звонятъ!.. Смерть нельзя же намъ переупрямить.
Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

30 октября 1859.

XXIX.

З И М А.

—

Наши птички улетѣли:
Всѣхъ зима ихъ прогнала,
И вездѣ себѣ постели
Ледяныя постлала.
У меня алмазомъ пишетъ
На окнѣ цвѣты морозъ;
Скрипнетъ дверь — глухой услышитъ;
Передрогъ мой бѣдный песь...
Что-жь?.. Пускай опять задышетъ
Мой очагъ огнемъ...

Ей-ей,

Отогрѣтся-бы скорѣй!

Путникъ! слушайся поэта,
Торопись подъ мирный кровъ.
Чу! очагъ трещитъ — примѣта,
Что морозъ теперь суровъ.
Мнѣ-то стужа не угроза:
У меня защитникъ свой

Въ теплой шубкѣ... «Здравствуй, Роза,
Ручку дай мнѣ!.. Ой, ой, ой!
Холодна, какъ лёдъ, съ мороза...
На колѣни сядь...»

Ей-ей,

Отогрѣться-бы скорѣй!

Вотъ и ночи колесница
Покатилась по снѣгамъ...
Намъ покровъ — любовь-царица;
Бѣглый день — союзникъ намъ.
Но стучится кто-то... знаемъ —
И, любовниковъ впередъ
Угадавъ душой, встрѣчаемъ
Безъ допроса: «кто идетъ?»
Что-жь они и мы теряемъ?
Вчетверомъ теплый...

Ей-ей,

Отогрѣться-бы скорѣй!

Прекратились ласки: нужень
Свѣтъ, а лампа вѣдь зорка...
Роза намъ готовить ужинъ;
Мы накрыли столъ, пока
Другъ нашъ мелеть, не жалѣя,
Правду съ ложью пополамъ —
Про разбойника злодѣя
И про страшный призракъ намъ.
Но покаместъ, пламенѣя,
Въ чашѣ пуншъ кипитъ —

Ей-ей,

Отогрѣться-бы скорѣй!

Пусть-же крѣпко спить природа
Подъ твоимъ, зима, ковромъ:
Холодъ твой и непогода
Нашимъ пѣснямъ ни-по-чемъ!
Мы, съ любовью въ заговорѣ,
У камня создадимъ
Цѣлый мѣръ, гдѣ призракъ горе,
Гдѣ богатъ тотъ, кто любимъ.
Пусть-же двери на запорѣ —
Вплоть до новыхъ розъ...
Ей-ей,
Отогрѣться-бы скорѣй!

1860.

XXX.

МИМО, КРАСАВИЦЫ, МИМО!

Господи! сколько ихъ мимо прошло!..
Всѣмъ по веснѣ увѣчала чело
Гордая ночи царица—Діана...
Жаль что пришлось мнѣ состарѣться рано!..
Чтò я красавицамъ молвлю въ отвѣтъ,
Ежели спросятъ: «А сколько вамъ лѣтъ?»
Развѣ—что: «сердце мое невредимо...»
Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Зоя! я вижу по вашимъ глазамъ,
Что не сказала мамашенька вамъ —
Сколько я разъ опоздалъ на свиданье?
Съ нею поклонникамъ было страданье:
Ежели любишь — такъ крѣпко люби,
Иначе — гибни и все погуби!
И погубляли, что было губимо...
Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Лора! послушайте, какъ вѣдь мила
Съ—молоду бабушка ваша была,

Какъ милосердо читала уроки
Всѣмъ, у кого были алыя щѣки!
Какъ ихъ читала и мнѣ — я не лгу —
Въ залѣ, въ гостиной, въ саду, на лугу!...
Лора! былымъ мое сердце томило...
Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Роза! и вы улыбаетесь мнѣ?..
Боже! въ припадкѣ я, или во снѣ?..
Слышала я — будто про васъ говорили,
Что вы разсѣянны... что позабыли
Разъ о полуночи вы про разсвѣтъ?
Замужъ ступайте: вамъ въ церковь и слѣдь!
Встрѣтитъ васъ свадебный ликъ досточтимо...
Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Да, проходите скорѣе, и всѣ...
Искренно вѣрю я вашей красѣ,
Вѣрю и въ то я, что сердце не камень...
Вѣрю; но если подъ углями — пламень,
Ежели путь и дорога лежить
Вамъ мимо ямы, гдѣ порохъ зарытъ?..
Ежели любимъ, что было любимо?..
Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

31 октября 1860.

XXXI.

СНОВА - СНОВА!

Счастливъ я: весь залъ въ огнѣ —
Смѣхъ и пѣсни; прѣ горюю.
Будто острою косою
Кто-то рѣжетъ сердце мнѣ,
Такъ что я бы... Ни полслова!..
Только чтò жь мы не споемъ
Съ бѣлокурою вдвоемъ,
Иль съ смуглянкой: «снова-снова!»

Пѣсня — чудо хороша!
Приведу въ примѣръ Лизету:
Какъ забуду пѣсню эту,
Такъ она, моя душа,
Вспомнить тотчасъ же готова,
Говоритъ мнѣ: «Что жь не пьешь,
Что жь мнѣ пѣспп не споешь?
Пей и пой мнѣ: снова-снова!»

О, друзья! житейскій пиръ
Намъ кончать велить могла;
А начать вѣдь жизнь судила:
Кто жь правѣе?.. Этотъ мѣръ
Тѣмъ хорошъ, что вся основа
У него — жизнь и любовь.
Запируемъ же мы вновь
И споемъ мы: « снова-снова! »

1860.

XXXII.

ПРОСТОЛЮДИНЬ.

Вотъ новость! Говорятъ мнѣ, будто я изъ чванства
Къ моей фамилиі частицу *де* придалъ —
И говорятъ друзья! Я самъ не разъ слыхалъ:
«Не правда-ли, вѣдь вы изъ стараго дворянства?»
— Нѣтъ, нѣтъ и трижды — нѣтъ! Какой я дворянинъ!
Люблю я родину, свободу,
Но и по племени, и роду —
Простолюдинъ, простолюдинъ!

Зачѣмъ съ частицей *де* меня на свѣтъ рождалъ?
Въ моей крови звучитъ таинственный глаголь,
Что пращурѣ мои за страшный произволь
Владыку гордаго подъ пыткой укоряли.
Но сельскимъ жерновомъ тогда былъ господинъ,
И подъ собою онъ упорно
Мололъ въ муку людей, какъ зерна...
Нѣтъ! я — совсѣмъ простолюдинъ!

И пращурѣ мои, какъ жадные вампиры,
Не пили потъ и кровь невольниковъ своихъ,

И мирнымъ гражданамъ, въ дубровахъ вѣковыхъ,
Не наводили страхъ ихъ мирныя сѣкеры.
Ни одного изъ нихъ не превратилъ Мерлинъ,
Волшебной силою дурмана,
Въ постельничьи у Карломана...
Нѣтъ! я — совсѣмъ простолюдинъ!

И прашуровъ моихъ честная алебарда
Не обогрелась въ междоусобный бой;
И, Альбиону въ честь, падеъ городской стѣпой
Никто не водружалъ хоругви леопарда.
И избѣгали всѣхъ духовныхъ паутинь
Они, какъ тягостной вериги,
И не подписывали *лиги*...
Нѣтъ! я — совсѣмъ простолюдинъ.

Оставьте-же меня при нашемъ сельскомъ стягѣ...
Вамъ, господа, и крестъ, и лейты, и звѣзда,
А мнѣ, убогому, позвольте, господа,
Во вѣкъ не измѣнять ни долгу, ни присягѣ!
И пусть останется на вѣки властелинъ
Въ своемъ углу, и пусть съ участвомъ
Склоняетъ только предъ несчастьемъ
Свой сельскій стягъ простолюдинъ!

XXXIII.

МОЕ ПРИЗВАНИЕ.

Убогій и больной,
На землю брошень эту,
Задавленъ я толпой,
Затѣмъ, что силы нѣту;
Но вотъ на стонъ на мой,
Когда пришлось мнѣ жутко,
Самъ Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
Пой, бѣдный мой малютка!»

Съ колёсъ отъ колесницъ
Клеймёнъ я грязнымъ крапомъ,
И долженъ падать ницъ
Предъ каждымъ я сатрапомъ:
Для наглости ихъ злой
Я — только чернь и шутка...
Но... Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
Пой, бѣдный мой малютка!»

Изъ-за куска, бреду
Я вдоль житейской степи,
И жду, и жду, и жду —
Кто разорветъ мнѣ цѣпи?..
Свободѣ я — родной,
Да все жъ не чуждѣ желудка,
А Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
Пой, бѣдный мой малютка!»

Цвѣла и мнѣ весна,
Любовь и мнѣ блеснула;
Но съ юностью она
Далеко упорхнула.
Страдаю-ль предъ красой,
На перекоръ разсудка —
Богъ говоритъ мнѣ: «Пой,
Пой, бѣдный мой малютка!»

Да! вѣрю — призванъ я
Самой судьбой для пѣсень...
Когда у насъ, друзья,
Кружокъ бываетъ тѣсень,
Когда у насъ порой
Въ винѣ сверкаетъ шутка,
Богъ говоритъ мнѣ: «Пой,
Пой, бѣдный мой малютка!»

XXXIV.

ДИВЪ-ПОКРОВИТЕЛЬ.

Ризою ночи блистая всевоздно,
Дивъ-покровитель въ больницу слетѣлъ
Къ нищему... Тотъ угасалъ ужъ и тлѣлъ,
А говорить ему весело: «Поздно!
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Поздно!.. Съ тобой мы въ расчетъ теперь».

«Я родился на соломѣ... И гдѣ-же!..
«Я сынъ Аллы, говорятъ мнѣ... Похожъ!..
— Сынь, говорить ему дивъ: — а за что жь
Стлалъ тебѣ столько соломы я... свѣжей? —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Мы съ тобой въ полномъ расчетъ теперь.

«Съ молоду пало на долю мнѣ право
«Нищенства: долго съ рукой я ходилъ...»

— Да, говорить ему дивъ: — а забылъ,
Кто обрядилъ тебя сумкой дырявой? —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Шель янычаромъ я съ лавою храброй,
«Только-что ногу въ пути потерялъ.»
— Да, говорить ему дивъ: — а не зналъ,
Что вѣдь ногъ-то грозило подагрой. —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Какъ заговѣлся я службой — невзгода:
«Въ лапы къ судьѣ за бездѣлку попалъ.»
— Я, говорить ему дивъ: — хлопоталъ —
Вспомни: въ острогъ ты не былъ и года. —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Я вертограда блаженства не минулъ,
«Но перерѣзанный достался мнѣ плодъ.»
— Вѣрь, говорить ему дивъ: — у воротъ
Только изъ скромности я тебя кинулъ. —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Взялъ я въ замужество прямого уroda;
«Думалъ: ну, пусть ее!.. лучше тюрьмы...»
— Да, говорить ему дивъ: — но вѣдь мы
Недопускаемъ для нищихъ развода. —
«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:
«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Скоро-ли жь кончится путь безотрадный?»

«Скоро-ль разбить мнѣ челнокъ о скалу?»

— Да, говоритъ ему дивъ: — и муллу

Я ужь позвѣть, ну... и саванъ изрядный. —

«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:

«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.»

«Что-же? я джипнамъ достанусь въ потѣшку,

«Или у гурій увижу тотъ свѣтъ?»

— Да, говоритъ ему дивъ, то есть — нѣтъ:

Ты погадай на орла и на рѣшку. —

«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:

«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.»

Тѣкъ-то, на смертномъ своемъ изголовьѣ,

Нищій больныхъ веселилъ и смѣшилъ...

Вдругъ онъ чихнулъ — и всѣмъ рѣзкомахомъ крылъ

Дивъ отлетѣлъ, но шепнулъ: — на здоровье! —

«Добрый мой дивъ-покровитель! Повѣрь:

«Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.»

XXXV.

КОМАРЪ

Ниръ; кипитъ вино струями;
Пѣсня вольная звучитъ;
Но какой комаръ надъ нами
Все летаетъ и жужжитъ?
Вѣрно это эльфъ-проказникъ
Вздумалъ намъ встревожить праздникъ?
Надоѣль: давно пора
И прогнать бы комара.

А! завистникъ нашъ пискливый!
Я узналъ тебя: ты — самъ,
Самъ Разсудокъ ворчаливый
Помѣшать хотѣлъ друзьямъ!
Чу! жужжитъ: «Довольно дѣри:
Въ небѣ громъ — и бойтесь бури!»
Надоѣль: давно пора
И прогнать бы комара.

Но Разсудокъ пуще злится:
«Стыдно время присмирѣть!

Полно пить, да веселиться,
Да любить, да пѣсни пѣть.»
Тутъ душа огнемъ объята —
Онъ жужжить звучнѣй набата!
Надоѣль: давно пора
И прогнать бы комара.

Горе бѣдненькой Лизетъ:
Какъ грозить онъ жаломъ ей!
Боги! съль ей на корсетъ...
Кровь!.. Амуры, по-скорѣй —
Всѣ сюда, вся ваша стая:
Изловите негодяя!
Надоѣль: давно пора
Изловить намъ комара.

Торжествуемъ!.. Лиза, съ боли,
Прошла на столъ ай:
Утонуль!.. Веселья, воли!
Скипетръ дерзкаго — Любви
Въ объ руки вложимъ сами,
Чтобъ не снесъ его крылами...
Нѣтъ, прошла его пора:
Мы не слышимъ комара.

XXXVI.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ И СТАРЕЦЪ.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Охотясь здѣсь, въ лѣсу, съ пути совсѣмъ я сбился.
Когда-бъ, старинушка, меня ты потрудился
Отсюда проводить: въ долгу не буду я!

СТАРЕЦЪ.

Изволь, я провожу, слѣзай-ко лишь съ коня,
И вмѣстѣ побредемъ; здѣсь только и дороги —
Что пѣшему! Да вотъ, дай руку старику,
Чтобъ опираться мнѣ; а то, чуть двину ноги...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

А знаешь-ли, кто я?

СТАРЕЦЪ.

Нѣтъ; на своемъ вѣку,
Встрѣчаю-то тебя впервой...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Ну, если съ виду
Меня не знаешь ты, такъ слышалъ обо мнѣ...

СТАРЕЦЪ.

Куда мнѣ про тебя и слышать... не въ обиду
Будь сказано: живу съ семьею въ сторонѣ...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Но двадцать лѣтъ уже, какъ грозною войною
Прославилъ я себя, тьму покоривъ земель;
Куда я ни явлюсь — весь міръ передо мною
Трепещеть, бьетъ челомъ...

СТАРЕЦЪ.

И, баринъ, неуже-ль?

А я-то виновать! вотъ сколько ни гадаю —
Ума не приложу, и все еще не знаю,
Не знаю все, прости, кто ты? Хоть сколько лѣтъ,
По Божьей милости, живу да поживаю
Здѣсь, пахаремъ, въ тиши, гдѣ мнѣ и дѣла нѣтъ,
Что дѣлается тамъ, у васъ, на свѣтѣ...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Стало,

Не знаешь и того, что вотъ ужъ съ годъ тому,
Какъ и земля, гдѣ ты родился, моему —
Подвластна скипетру? Царей твоихъ — не стало;
Я ихъ изгналъ и снесъ престолы ихъ...

СТАРЕЦЪ.

Ахти!

Не зналъ я и того, что намъ ужъ другіе
Изволятъ управлять!

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Меня слова твои
Въ недоумѣніе приводятъ!.. За такія —

Конечно, дерзости — я могъ-бы наказать...
Но ради старости — прощаю! лишь сказать
Ты долженъ мнѣ сперва: доволенъ-ли судьбою
Своею, дѣдушка? и какъ живешь съ семьею?

СТАРЕЦЪ.

Да вотъ — изъ этихъ-то лѣсовъ я нигуда
На шагъ не выходилъ, какъ помню, никогда:
Спокойно, всторонѣ, здѣсь годы доживая;
Есть у меня жена, старуха, какъ и я,
Да двое сыновей: вотъ вся моя семья!
Богатство наше — козъ съ полдюжины; не зная,
Какъ люди-то живутъ другіе, мы — притомъ,
Что съ поля дастъ намъ Богъ собрать — тѣмъ и живемъ,
За все, что ни пошлетъ, благословляя Бога.
Да лѣсъ ужь кончился — и вотъ тебѣ дорога.
Прости, что дальше я не въ силахъ проводить!

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Счастливый старичекъ, прощай! а, можетъ быть,
Увидимся еще... въ долгу я предъ тобою!

СТАРЕЦЪ.

Счастливый путь! Куда намъ свидѣться съ тобою!

XXXVII.

ЦВѢТОЧНИЦА И МОГИЛЬЩИКЪ.

Я — цвѣточница... бѣдна...
Пусть бѣдна, а всё жь не надо
Мнѣ тебя. Прости, но рада,
Что позвать тебя должна,
Гробовыхъ гостей носильщикъ,
Господинъ-честной, могильщикъ!
Я сама еще свѣжѣй
Розъ, жасминовъ и лилей;
А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Съ той поры влюбился ты,
Какъ меня, съ мосіи кошницей,
Похоронной колесницей
Зацѣпилъ — и всё цвѣты
Мнѣ повѣсыпалъ на плиты...
Нѣтъ, ужь лучше не люби ты!
Я сама еще свѣжѣй
Розъ, жасминовъ и лилей;
А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

И съ людьми люблю болтать
Не въ послѣднемъ ихъ жилищѣ,
А съ тобою на кладбищѣ
Мнѣ прійдется торговать.
Вѣрь, милѣй могилъ печальныхъ
Всходъ подъѣздовъ театральныхъ.
Я сама еще свѣжѣй
Розъ, жасминовъ и лилей;
А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Ты гордишься, что копать
Можешь ямы всѣмъ вельможамъ —
Не гордися смертнымъ ложемъ:
Мнѣ случалось воскрешать
Много знати, чтимой свѣтомъ,
Хоть на ложѣ, да не этомъ!
Я сама еще свѣжѣй
Розъ, жасминовъ и лилей;
А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Разговоровъ больше нѣтъ...
А меня ты, мимоѣздомъ,
Подъ какимъ нибудь подъѣздомъ
Захвати... чрезъ десять лѣтъ...
До свиданья на погостѣ!
Чай, ужь ждутъ тебя тамъ гости...
Я сама еще свѣжѣй
Розъ, жасминовъ и лилей;
А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

XXXVIII.

ГОЛУБЬ-ВѢСТНИКЪ.

Сверкало аи, и съ Неридой мы пѣли
Про эллинскихъ, нынѣ забытыхъ, боговъ:
Съ Эллагою сблизить отчизну хотѣли...
Вдругъ видимъ у ногъ — словно спалъ съ облаковъ —
Сѣлъ голубь, измученный жаждой, усталый...
Нашли мы письмо у него подъ крыломъ...
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — валиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

Усталъ онъ отъ долгой и долгой дороги —
Жизнь, силу и волю ему возвратимъ.
Быть-можетъ, купецъ ему ввѣрилъ итогъ?
Быть-можетъ, посланье къ красавицѣ съ нимъ?

Быть-можетъ, изгнанникъ, въ чужбинѣ пропалый,
Сманилъ его въ путь неостылымъ гнѣздомъ?
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

Что вижу? письмо изъ Эллады!... По праву
Родства двухъ народовъ, ломаю печать:
Во Францію греки про смерть или славу
Могли только вѣсти воздушныя слать...
Аѣины свободны! Всталъ городъ усталый!
Друзья! вновь запахло лавровымъ вѣнкомъ...
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

Аѣины свободны — здоровье Эллады!
Объять полубоги: привѣтствуемъ ихъ!
Напрасно старуха-Европа, съ досады,
Развѣнчивать стала героевъ былыхъ:
Они побѣдили, хоть были усталы,
Но прежняя сила забыть въ нихъ ключемъ...
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

Аѣины свободны! — и Пиндаровъ муза
И скипетръ, и лиру былую возьметъ...
Аѣины свободны — во имя союза,
Сплотившаго весь пробужденный народъ.
Ахъ, еслибъ Аѣины — въ Парижъ обветшалый!...
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

Теперь отдохни — и лети, на отраду
Подружки своей, подъ родимый твой кровъ!

Но если опять полетишь ты въ Элладу —
Не бойся въ дорогѣ лихихъ коршунѡвъ,
А къ намъ возвращайся такой же усталый,
Но только съ такимъ же отраднымъ письмомъ...
Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
И спи на груди у Нериды потомъ!

1861.

XXXIX

ГОСПОДАМЪ ЦЕНСОРАМЪ.

—

Вамъ, кому и книги въ руки,
Вамъ, свѣтильникамъ науки
И искусства, и всего,
Посвящаю я посланье,
Посвящаю — въ упованьи,
Что пропустите его.
Хорошо оно, иль дурно;
Я не знаю, — но смѣшно;
А смѣяться, и ценсурно,
Свыше всеѣмъ разрѣшено.

Стало быть — стихотворенья,
Хоть и были бы сомнѣнья,
Вамъ нельзя не подписать;
Стало быть — могу я прямо,
Неуклонно и упрямо
Мысль свою отдать въ печать...

Хорошо оно, пль дурно,
Я не знаю, — но смѣшно;
А смѣяться, п ценсурно,
Свыше всѣмъ разрѣшено.

Ну, такъ вотъ... начну съ вопросовъ...
Отчего пной философъ
Ненавидитъ такъ печать?
Отчего печатной бредней
Радъ въ гостиной п въ передней
Правду-матку онъ назвать?
Хорошо оно, пль дурно,
Я не знаю, — но смѣшно;
А смѣяться, п ценсурно,
Свыше всѣмъ разрѣшено.

Отчего пугаетъ хата
Тѣхъ, кому ума палата
Отъ небесъ отведена?..
Или гласность-то ихъ братью
Даже тамъ клеймитъ печатью?..
Охъ!.. устанетъ же она!
Хорошо оно, пль дурно,
Я не знаю, — но смѣшно;
А смѣяться, п ценсурно,
Свыше всѣмъ разрѣшено.

Чей, скажите, судъ упорно,
Всенародно п позорно
Заковать намъ мысль грозить?..
Да для мысли гдѣ-жь оковы?
И не только мысли — слова
Не сковать вамъ: улетитъ

Хорошо оно, или дурно,
Я не знаю, — но смешно;
А смеяться, и ценсурно,
Свыше всемъ разрешено.

Улетить и станеть гласно...
И напрасно, охъ, напрасно,
Притворясь, что со свѣчи
Снять хотѣли, попытались
Загасить ее: остались
Въ нашей памяти лучи!

Хорошо оно, или дурно,
Я не знаю, — но смешно;
А смеяться, и ценсурно,
Свыше всемъ разрешено.

Что еще спросить? Невольно
Затруднишься... Но довольно!
Убѣжденья — лишній трудъ...

А посланье это кстати:
Хоть пожалуй не въ печати,
Да ужь всё его прочтуть.
Хорошо оно, или дурно,
Я не знаю, — но смешно;
А смеяться, и ценсурно,
Свыше всемъ разрешено.

XI.

ПОСЪЩЕНІЕ ТАРТАРА.

Вамъ, запуганнымъ рассказомъ
Старой нянюшки про адъ,
Вѣсти адскія я разомъ
Сообщить готовъ и радъ.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры, *)
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары,
А затѣмъ, что надо жить —
Стало: дѣвушка любить,
Ну, и... пить,

Припѣвая, что, до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Я вчера, на обожженной
И опаренной метлѣ,
Улетѣлъ съ особой *оной*,
Вѣдьмой въ нашемъ — во селѣ...

*) Довольно при слѣдующихъ куплетахъ, кромѣ послѣдняго, повторять два послѣдніе стиха. (*Примѣч. Беранже*).

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Провалилися мы съ нею,
На босую ногу, въ адъ,
И сказать ужь не умѣю —
Сколько было чертенья...

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Сколько было ихъ?.. Не зная,
Умолчу; по только всѣ
Въ ножки ей впились, глашая
О невиданной красѣ.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Въ подземельномъ царствѣ этомъ —
Что ужь тамъ ни говори —
Всѣ бутылочки съ билетомъ,
Устриць груди, а угри...

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Маринованы на-славу
Тамъ угри... И нѣтъ — ей-ей! —
Кинифорамъ на забаву,
Ни застѣнка, ни плетей...

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Ни огня нѣтъ, ни жаровни,
Нѣтъ и выколотыхъ глазъ:
Въ адѣ люди всѣ — и ровны,
И толстѣютъ на показъ.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Осіянь чертогъ Плутона...
Я взглянулъ — и увцдалъ:
Дремлетъ, возлѣ Иксіона —
Стелька-стелькою — Танталъ.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Вы не бойтесь Плутона:
Всемрачійшій завсегда
Кормить смертныхъ у Харона
И Гефэста, господа!

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Ну, ужь столь не-на-смѣхъ курамъ!..
Я когда къ нему попалъ,
Всемрачійшій съ Епкуромъ
И съ Ппноной возсѣдалъ.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

У него указы просты:
Кто за *красное* стоитъ,

Говорить онъ: «пыньче тосты —
За *аи*, не за *лафитъ*.»

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалился мы въ тартара — рары.

Всѣмъ жеманницамъ, въ сорочкѣ,
Онъ... ну... какъ-бы вамъ сказать?
Ну, хоть такъ: «А хочешь въ бочкѣ
Съ Діогеномъ почивать?»

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

«Развѣ вамъ Кириды мало?»
Говорить на весь адъ...
Да и словъ-бы не достало
Передать, что говорить.

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

А потомъ онъ у Ницоны
Съ плечъ снимаетъ со-сто лѣтъ,—
И кладетъ весь адъ поклоны
Въ честь того, чего ужъ нѣтъ...

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

Что цвѣла и рдѣла розой...
И кудесница моя
Упоплась жаркой грезой,
Упоплся съ ней и я...

Вѣдь, послушайте: до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары,
А затѣмъ, что надо жить —
Стало: дѣвушекъ любить,
Ну, и... пить,
Пришѣвая, что, до времени — поры,
Всѣ провалимся мы въ тартара — рары.

1862.

XLI.

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!

Коммиссара не зови:

Ничего такого нѣту...

Ссора — вѣстница любви!

Коммиссаръ и прочій прячетъ
Въ этомъ дѣлѣ — ни при чемъ,
И напрасно дворникъ кличетъ
И тревожить цѣлый домъ.
Да: Коленъ и бьетъ Колетту;
Но въ коморку ихъ, на крикъ,
Хоть-бы было до разсвѣту,
Самъ Амуръ слетаетъ вмигъ.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!

Коммиссара не зови:

Ничего такого нѣту...
Ссора — вѣстница любви!

Нашъ Коленъ — онъ малый трезвый,
Здоровякъ, поетъ съ утра,
А Колетта — зяблкъ рѣзвѣй,
И румяна, и добра...
Враждовать же въ ихъ природѣ,
Да и не-зачѣмъ: они,
Что-бъ не думать о разводѣ,
Повѣнчались одни.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
Коммиссара не зови:
Ничего такого нѣту...
Ссора — вѣстница любви!

Любо жизнь они проводятъ!
Онъ и — подъ руку — она —
Вечеркомъ въ харчевню ходятъ
Выпить на шесть су вина.
Здѣсь подъ тѣнью зеленой,
Безъ свидѣтельскихъ препонъ,
На скамейкѣ повалѣнной
И контрактъ ихъ заключень.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
Коммиссара не зови:
Ничего такого нѣту...
Ссора — вѣстница любви!

Иногда Коленъ пируетъ
И съ другими вечеркомъ,
Да Колеты не надуеть
Мстить и прежде и потомъ.
И сегодня ужь конечно
Вышла сплетенка, — такъ вотъ
Межь собой простосердечно
И чинять они расчетъ.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
Коммиссара не зови:
Ничего такого нѣту...
Ссора — вѣстница любви!

Коммиссаръ и прочій причеть
Въ этомъ дѣлѣ — ни при чемъ,
И напрасно дворникъ кличетъ
И тревожить цѣлый домъ:
Чай давнѣ ужь присмирѣли,
Позабыли обо всемъ —
И Колетта на постели
Спитъ теперь невиннымъ сномъ.

Коммиссаръ!

Коммиссаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
Коммиссара не зови:
Ничего такого нѣту...
Ссора — вѣстница любви!

ВИКТОРЪ ГЮГО.

I.

Самка? — попалася въ сѣтку;
Хитрая кошка самца унесла;
Буря охранную вѣтку
Вмѣстѣ съ покойнымъ гнѣздомъ сорвала.
Кто-же укроетъ васъ, пташки?
Горе вамъ, горе, бѣдняжки!

Пастырь? — въ отлучкѣ, сердечный;
Песъ его вѣрный на вѣки замолкъ;
Жадно къ овчарнѣ безпечной
Крадется изъ-лѣсу темнаго волкъ:
Некому гнать сопостата ..
Горе вамъ, горе, ягнята!

Мать? — на больничной подушкѣ;
Въ ухахъ отецъ на понтонѣ гнѣтъ;
Холодъ и холодъ въ лачужкѣ;
Вѣтеръ баюкаетъ въ люлькѣ спроть.
Кто-жь имъ остался на свѣтѣ?
Горе вамъ, бѣдныя дѣти!

II.

ТУРНИРЪ КОРОЛЯ ЮАННА.

Конюхъ! — сукъ нѣтъ конца: —
Оседлатъ мнѣ жеребца!
Съ плечъ свалится словно бремя,
Какъ закинешь ногу въ стремя
И отъѣдешь отъ крыльца.

Ну, рыжакъ мой, не дремя —
Скѣкомъ-лѣтомъ на поля!
Выбирай дорогу шире —
И какъ-разъ мы на турнирѣ
Юанна-короля.

Пусть обрюзглый кармелитъ
За чернильницей сидитъ;
Пусть бѣлица у рѣшотки,
Перенизывая чѣтки,
На колѣняхъ голоситъ:

Слава Богу, мы съ тобой
Крови рыцарей прямой:
Долженъ быть намъ бои кровавой
Благородною забавой
И любимую игрой!

Въ замкъ дѣдовскомъ моемъ
Чуть не сталъ я байбакомъ,
Чуть со скуки не взбѣсился;
Мечъ мой ржавчиной покрылся,
Бабымъ сталъ веретеномъ!

Этотъ городъ.. посмотри-жь:
Вонъ сѣрѣть тучей крышь,
Весь разубранъ, разукрашенъ...
Сотни шпилей, сотни башень...
Этотъ городъ — самъ Парижъ.

Здѣсь — кадрыль: пляши и пой!
Тамъ — разгуль и пиръ горой!
Людь валить волной гремучей,
А на кровляхъ — цѣлой кучей —
Голова надъ головой!

Старый Лувръ — и онъ открытъ...
Вѣкъ суровъ и вѣкъ молчить
Подъ броней своей всегдашней,
А теперь и въ луврской башнѣ,
Будто въ ульѣ, рой жужжить.

Чу! герольды тамъ и тамъ:
Кинуть жеребій для дамъ

Кто-жь царицею турнира,
Солнцемъ рыцарскаго пира
И наградой удалцамъ?

Что тутъ ждуть? двѣ пары шпоръ —
Подъ балконъ во весь опоръ;
На красавицъ ясноокихъ,
Бѣлолицыхъ, розошекныхъ
Наведемъ умильный взоръ...

Вотъ идетъ Видамъ съдой
За женою молодой:
Не одной пришлось сосѣдкѣ
Позавидовать брюнеткѣ
Съ бѣломраморной рукой!

Весь балконъ, во всѣхъ рядахъ —
Словно вешній лугъ въ цвѣтахъ:
Вотъ Алиса, Женевьева,
Габріэль и — королева,
Вся въ парчѣ и въ жемчугахъ...

Говоритъ изъ дамъ одна:
«Королева все грустна?»
Отвѣчаетъ королева:
«Да, мнѣ грустно, Женевьева,
И душа моя смутна.»

Началось... гудить земля...
Бьетъ набатъ... Рубя, коля,
Сталь громить одинъ друго́го —
Въ честь Георгія Святого
И во имя короля.

Въ грозной сѣтѣ, какъ цвѣтокъ —
Смять и скошенъ на песокъ
Пажъ красавецъ... онъ страдаетъ,
Онъ аббата призываетъ —
Поздно: жребій вынулъ рокъ.

Надъ покойнымъ хоръ бѣлицъ
Крестъ и свѣчи склонить ницъ,
И по немъ, во мракъ ночи,
Будутъ плакать сумракъ-очи
Съ зорь вечернихъ до денницъ.

Будутъ плакать оттого,
Что душой съ душой его
Неразлучна Изабелла..
Сколько слезъ!... Да намъ нѣтъ дѣла:
Намъ турниръ важнѣй всего!

Эхъ, товарищъ вѣрный мой!
Не пора ли намъ домой,
На гнѣздо, въ нашъ замокъ чтимой?
Тамъ, подъ кровлею родимой,
Оба мы найдемъ съ тобой:

Ты — пригоршню овсеца,
Я — почтеннаго отца,
Августинскаго монаха:
Сокрушить меня — неряха —
Онъ латынью до конца!

Все надъ книгами сидить,
Все надъ свитками корпятъ
И десницею своею

День и ночь онъ ахинею
На пергаментъ чертитъ.

Благородный дворянинъ
Самъ не пишетъ, помня чинъ:
Челядь есть на то простая,
А его рука честная
Знаетъ только мечъ одинъ.

1857.

III.

Спросили *они*: «какъ, въ летучихъ челнахъ,
Намъ бѣлою чайкой скользнуть на волнахъ,
Чтобъ насъ сторожа не догналъ?»
— Гребите! — *онъ* отвѣчали.

Спросили *они*: «какъ забыть на всегда,
Что въ мѣрѣ юдольномъ есть бѣдность, бѣда,
Что есть въ немъ вражда и печаль?»
— Засните! — *онъ* отвѣчали.

Спросили *они*: «какъ красавицъ привлечь
Безъ чары: чтобъ самп, на страстную рѣчь,
Онѣ намъ въ объятія палп?»
— Любите! — *онъ* отвѣчали.

18 апрѣля 1862.

ДЮПОНЪ.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала
Захотала, —
И — весела!

Веселье къ намъ въ душу спадаетъ
Нежданно, какъ звездочка въ тьмѣ;
Нежданно и кровь заиграетъ —
И шалость одна на умѣ...
Своей красотой любоваться
Тогда мы невольно спѣшимъ,
И хочется громко смѣяться
Предъ зеркаломъ льстивымъ своимъ.

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

И всё бы, что бабочкѣ, виться
Надъ каждымъ росистымъ цвѣткомъ,
И всё-бы играть, да кружиться
Подъ солнечнымъ яснымъ лучёмъ!
Поѣшь во всё горло щеглёнкомъ—
И хоть-бы замолка на мигъ —
И въ волосы, рѣзвымъ ребёнкомъ
Готова заплестъ весь цвѣтникъ.

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
И нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

Разсѣянной чертишь рукою
Завѣтное нмя, и вдругъ
Сотрѣшь боязливо ногою, —
И кончить мѣшаетъ испугъ:
Ну, ежели кто насмѣется?...
Чу! кажется, идутъ сюды?
Чу! по-вѣтру шопотъ несется...
Скорѣй замени всѣ слѣды!

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче только встала,
Захотала, —
И — весела!

Скорѣе-же платьицемъ бѣлымъ
Поднимемъ мы вѣтеръ кругомъ,
И сразу, движеніемъ смѣлымъ,
Слѣды на песокъ заметёмъ!

Охъ, если бь была я крылатой,
Какъ вольныя птицы пустынь,
Сейчасъ-бы умчалась... куда-то,
Гдѣ ярче небесная спшь...

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

Но что-то въ травѣ шевелилось,
Но что-то почудилось мнѣ —
И кровью всё сердце облилось,
И вспыхнули щеки въ огнѣ...
Вотъ глупость-то дѣтская, даже
Въ безумной моей головѣ:
Лягушку зелёную я-же
Спутнула въ зелёной травѣ!

Вчера я все скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

20 сентября 1861.

ГУСТАВЪ НАДО.

—

I.

АДЕЛЬ.

—

Адель — о томъ ни слова —

Лоретка за урядъ;

У ней, что день — обнова:

Любовникъ и нарядъ.

Малѣйшія желанья

Ей стоили — лобзанья;

Но страсть у ней огнемъ

Изъ черныхъ глазокъ льется...

Адель моя, зачтется

Бѣдняжкѣ все потомъ.

Ей нужно все: блескъ балъ,

Цвѣты и соловей,

Толпа и роскошь зала

И вычурность ливрей.

Отдастся съ равнымъ жаромъ

За золото и даромъ;

Но въ тѣлѣ покушномъ
Младенца сердце бьется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Въ гербовомъ экипажѣ,
На парѣ рысаковъ —
Адель нахальна даже:
Прохожихъ бѣдняковъ
Забрызгать грязью рада,
Не удостоивъ взгляда;
За то бѣднякъ къ ней въ домъ
Не даромъ прилетится...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

У ней есть замокъ лѣтомъ,
Тайственный притонъ;
Селяне къ ней съ привѣтомъ
Идутъ со всѣхъ сторонъ, —
И цѣловать имъ руки
Даетъ она — со скуки;
За то при ней кругомъ
Рѣкой веселье льется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Мотаешь, какъ вельможи,
И часто день для ней
Обходится дороже,
Чѣмъ годы для семей;
Но слышалъ я не рѣдко,
Что эта-же лоретка

О матери, тайкомъ,
Заботливо печется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Дитя есть у Адели —
Сынъ, жизнь ея души;
Она отъ колыбели
Хранить его въ тиши:
Надѣнетъ онъ когда-то
Честной мундиръ солдата,
И матери стыдомъ
Ему не попрекнется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

1859.

II.

НЕСЧАСТНЫЙ МУЖЪ.

Чѣмъ боговъ я прогнѣвилъ,
Что караемъ ими?
Или совѣсть очернилъ
Я дѣлами злыми?
Жизнь моя — мученій кругъ
И, прикованъ въ кругъ,
Я — несчаствѣйшій супругъ
Ангела-супруги.

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалуйте вы о мужъ,
Обожаемомъ женой!

Будь Клеменція такой,
Какъ пныя жены,
Будь мнѣ писаны судьбой
Общіе законы —
Я бѣ ссылаюся на главы
Брани, слѣзъ, упрековъ;

Но жена моя — увы!
Нѣтъ у ней пороковъ.

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалѣйте вы о мужѣ,
Обожаемомъ женой!

Такъ кротка и такъ нѣжна,
Просто — вотъ до боли!
Будь, по-крайности, она
Своенравна что-ли:
Я бы могъ порой забыть
Брачную постелю,
Быль-бы въ правѣ покутить
Хоть разокъ въ недѣлю...

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалѣйте вы о мужѣ,
Обожаемомъ женой!

Поджидалъ сначала я,
Что авось устанеть,
Что заботливость ея
Посноспѣе станеть;
Но она въ любви своей
Ста любовницъ хуже:
Каждый новій сумракъ въ ней
Будить пылкость ту же.

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалѣйте вы о мужѣ,
Обожаемомъ женой!

Часто думалъ я о ней :
Будь я мужъ урода,
Посѣщаль бы я друзей —
Гектора и Клода.
Еслибъ кто её увлѣкъ —
Предразсудки мимо —
Я-бъ тогда сквозь пальцы могъ...
Нѣтъ — несправима!

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалѣйте вы о мужъ,
Обожаемомъ женой!

Добродѣтелю жены
По рукамъ я связанъ,
И отъ сердца глубины
Вѣкъ любить обязанъ.
Безъ меня она умретъ;
Но — я вамъ признаюсь —
Лучше былъ бы я уродъ;
Иль... на все рѣшаюсь!

Господа! вотъ жребій мой!
Госпожи! на что-же хуже?
Пожалѣйте вы о мужъ,
Обожаемомъ женой!

III.

Г О Р О Д О К Ъ .

Городокъ нашъ малъ, а не дается
Онъ полиціи ни въ сѣти, ни въ кашканъ;
Въ немъ насъ двѣ-три тысячи найдется
Самыхъ буйныхъ и опасныхъ горожанъ.
Порицанья .. ропоть... дерзкія сомнѣвья...
Такъ средь бѣла-дня и говорятъ...
Говорятъ, что будетъ вѣдро въ воскресенье,
Если въ пятницу шелъ дождикъ, или градъ.

Нѣтъ такого министерскаго вопроса,
Чтобъ у насъ не въ силахъ были разрѣшить;
О веревкѣ и всѣхъ ужасахъ допроса
Въ домѣ висѣльника можно говорить.

Уваженья къ полу и лѣтамъ нѣтъ больше:
Мнѣ въ глаза ребенокъ говорилъ...
Говорилъ, что на горячій супъ подольше
Нужно дуть, чтобъ супъ, какъ слѣдуетъ, простылъ.

Въ томъ вертепѣ, что коварно прикрываютъ
Титломъ «кругъ искусствъ», такой вѣдь крикъ,
Что не только оглушаютъ — оглушаютъ
Королей они, султановъ и владыкъ.
Тамъ вчера, напившись лимонада,
Шавассонъ, нашъ медикъ, утверждалъ...
Что тому болѣть полгода было надо,
Кто весь годъ здоровымъ не бывалъ.

Пожилая дѣва тотчасъ вамъ расскажетъ,
Какъ пастухъ у ней околдовалъ постель,
А вдова таинственно докажетъ,
Что XVII-й Людовикъ живъ досель.
Вышивая карманьолки для избранныхъ,
Передъ образомъ присягу дастъ швея...
Дастъ присягу, что друзей непостоянныхъ
Вѣ сто разъ цѣннѣй осѣдлые мужья.

Въ воскресенье всѣ обѣдаютъ семьёю,
Но какъ только кофе подадутъ на столъ,
Мать немедленно уводитъ дочь съ собою,
Потому: кузень въ азартъ уже вошелъ.
Пѣсни требуетъ нотариусъ кровавой,
Долгомъ староста считаетъ возразить...
Возразить, что онъ тапцовщицъ вертлявой
Посоветовалъ бы юбку удлинить.

Словомъ: здѣсь никто не пропускаетъ шанса
Вслухъ вамъ высказать всѣ мысли, какъ привыкъ.

Городокъ лежитъ въ глуши Прованса —
Мудрено-ль, что въ немъ такой содомъ и крикъ!
Быть рѣзнѣ — недолго жить намъ въ мирѣ,
И я думаю — что-тамъ ни говори...
Право думаю, что дважды-два: четыре,
А четыре мнусъ единица: три.

1859.

IV.

Д В О Е.

—

Въ меня влюбленныхъ — двое:

Одинъ — мужъ по правамъ;

Другой присвоилъ самъ

Правъ въ моемъ покоѣ.

Какъ выбрать изъ двоихъ?

Хоть я предпочитаю...

— Позвольте, понимаю:

Не перваго изъ нихъ.

Вы скажете о мужѣ,

Что старъ онъ и сварливъ —

Нѣтъ: молодъ и красивъ...

Другой гораздо хуже —

Ни статень, ни пригожь...

А кто милѣй — не знаю...

— Позвольте, понимаю:

Не тотъ, кто такъ хорошъ.

Условно все на свѣтѣ:

Одинъ богатъ, другой

Родился въ свѣтъ съ сумой;

Одинъ добрей, чѣмъ дѣти

И щедръ за четверыхъ,
А я предпочитаю...
— Позвольте, понимаю:
Не щедраго изъ нихъ.

Одинъ меня лишь любить,
Съ меня не сводитъ глазъ;
Другой, при мнѣ, подчасъ
Красоткамъ въ уши трубитъ —
И вѣтренникъ-же онъ!
А кто милѣй — не знаю...
— Позвольте, понимаю:
Не тотъ, кто такъ влюбленъ.

По одному — я долей
Богата и знатна;
Когда-жь съ другимъ одна —
Гризетка я, не болѣй;
А пьянъ — вѣтъ силъ моихъ!
Но я предпочитаю...
— Позвольте, понимаю:
Не лучшаго изъ нихъ.

v.

П Р И З Н А Н И Е.

Я долженъ дѣлиться съ тобою
Всѣмъ, что перечувствую вновь —
И такъ: откровенность собою
Насъ меньше страшить, чѣмъ любовь?..
Ты ждешь ея: гдѣ-же возможность
Не быть откровеннымъ потомъ?
И дремлетъ моя осторожность,
И я признаюся во всемъ:

Есть женщина въ здѣшней юдоли,
И женщина эта — не ты,
Но страстно при ней, по неволѣ,
Волнуютъ мнѣ душу мечты.
Виною — разлука съ тобою:
Зачѣмъ же меня покидать?
А прошлое счастье порою
Отраднo въ мечтахъ вспоминать!

Той женщи́нѣ мѣсто хранится,
Что нѣкогда было твое;
Въ ней вся твоя прелесть таится,
И ты говоришь за нее;
Все счастье, что ты отнимаешь,
Все вновь она мнѣ отдаетъ —
И женщину эту ты знаешь...
Да вотъ она, видишь-ли? вотъ —

Медлительной, тихой стоюю
Чуть движется тамъ, вдалекѣ...
И только у ней подъ рукою
Мой ключъ повернется въ замкѣ —
И въ холодъ, и въ жаръ меня бросить,
И самъ я не помню себя...
Она — та дуэнья, что носить
Записки ко мнѣ — отъ тебя.

1859.

VI.

ВОТЬ — ПОЧЕМУ Я ХОЛОСТОЙ.

—
Когда придется мнѣ жениться,
И то угодно небесамъ,
Хочу я такъ въ жену влюбиться,
Чтобъ всѣ завидовали намъ.
Хочу быть добрымъ, кроткимъ — словомъ,
Храня супружескій покой,
Хочу быть мужемъ образцовымъ:
Вотъ — почему я холостой.

Мечтой я цѣлый свѣтъ пзмѣрилъ
И въ свѣтъ ангела искалъ:
Въ него съ надеждою я вѣрилъ,
И отъ него любви я ждалъ.
Мечта лампадою вестальной
Мнѣ озаряла уголь мой:
Я ждалъ супруги идеальной...
Вотъ — почему я холостой.

Изъ магазиновъ этикетки
И чувства мнѣ не по плечу:
Я не хочу жены кокетки
И романстки не хочу;
Я не хочу, чтобы уроки
Мнѣ были читаны женой,
И не хочу жены сороки...
Вотъ — почему я холостой.

Хочу вполне и безъ отчета
Быть господиномъ надъ собой.
Гулять, когда пришла охота,
Когда прошла — идти домой;
Открыть или закрыть окошко;
Продать свой домъ, купить другой;
Хочу быть деспотомъ немножко...
Вотъ — почему я холостой.

Хочу, чтобъ женщина умѣла
Меня красавцемъ находить,
Любезнымъ, умнымъ, и за дѣло
Безъ комплимента похвалить;
Чтобы она и говорила
И мыслила на мой покрой,
И чтобъ стихи мои любила...
Вотъ — почему я холостой.

Хочу, какъ сдѣлаюся дѣдомъ,
Я, въ назиданіе внучать,
Стаканомъ чокаться съ сосѣдомъ,
Забывъ, что мнѣ ужъ шестьдесятъ.
Хочу, дрожащими перстами
Настроить цитру, спѣть порой

Въ честь женщинъ съ старыми друзьями...
Вотъ — почему я холостой.

Будь Митридатомъ я, тогда бы
Я не боялся ничего;
Но у меня такъ нервы слабы,
Что я пугаюсь всего:
Съ похлёбкой опиумъ мнѣ страшень,
Мышьякъ съ виномъ или водой,
И тьма другихъ питей и брашенъ...
Вотъ — почему я холостой.

Да наконецъ, ужъ мнѣ не ново,
Какъ у мужей проходятъ дни:
Затѣмъ и далъ себѣ я слово —
Не быть такими, какъ они.
Быть-можетъ, зла и нѣтъ большого —
Не къ смерти грѣхъ; но, Боже мой!
До смерти я боюсь смѣшного...
Вотъ — почему я холостой.

VII.

У Р С У Л А.

Какъ поденщику мнѣ спалось:
Быль ужь бѣлый день;
Вдругъ, сквозь сонъ, мнѣ показалось,
Будто чья-то тѣнь
Въ запертую дверь впорхнула —
И замокъ не спасъ...
Грезилъ я о васъ, Урсула —
Грезилъ я о васъ.

Такъ вы схожи были съ нею,
Что мечты обманъ
Въ плоть и кровь облѣкъ идею:
Тотъ же гибкій станъ;
Та же молнія блеснула
Изъ подъ тѣмныхъ глазъ...
Грезилъ я о васъ, Урсула —
Грезилъ я о васъ.

Скромность вѣяла отъ лика,
И, какъ снѣгъ бѣла,

Легкой дымкою туника
Тѣло облекла;
Но она не обманула
Дымкой зоркихъ глазъ...
Грезилъ я о васъ, Урсула —
Грезилъ я о васъ.

Вотъ склонилася кудрями
На постель мою:
Я приникъ къ устамъ устами
И блаженство пью.
Незамѣтно бѣ промелькнула
Вѣчность мимо насъ...
Грезилъ я о васъ, Урсула —
Грезилъ я о васъ.

Да румяный лучъ денницы,
Въ самый сладкій мигъ,
Яркой искрой сквозъ рѣсницы
Въ очи мнѣ проникъ.
Но, хотъ быстро упорхнула
Ваша тѣнь изъ глазъ,
Грезилъ я о васъ, Урсула —
Грезилъ я о васъ.

СЪ ПОЛЪСРАГО.

МИЦКЕВИЧЪ.

—

I.

PIESZCZOTKA MOJA.

—

Моя баловница, отдавшись веселью,
Зальется, какъ птичка, серебряной трелью,
Какъ птичка, начнетъ щебетать-лепетать,
Такъ мило начнетъ лепетать-щебетать,
Что даже дыханьемъ боюсь я нарушить
Гармонію сладкую дѣвственныхъ словъ,
И цѣлые дни, и всю жизнь я готовъ,
Красавицу слушать и слушать и слушать!

Когда-жъ живость рѣчи ей глазки зажжетъ
И щеки сильнѣе румянить начнетъ,
Когда при улыбкѣ, сквозь алая губы,
Какъ перлы въ кораллахъ, блеснутъ ея зубы —
О, въ эти минуты я смѣло опять
Гляжуся ей въ очи — и жду поцѣлуя,
И болѣе слушать ея не хочу я,
А все — цѣловать, цѣловать, цѣловать!

1849.

II.

СВИТЕЗЯНКА.

Кто́ этотъ мѡлодецъ статный, красивый?
Что за дѣвица съ нимъ, краснымъ?
Вдоль по побережью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцъ ясномъ.

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себя оба:
Знать онъ — мило́й другъ красотки-дѣвпцы,
Знать она — парня зазноба.

Каждую ночью въ тѣни осокори
Онъ её здѣсь поджидаетъ:
Мѡлодецъ — ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
Дѣвица... кто её знаетъ!

Богъ вѣсть — когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть — куда исчезаетъ...
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Пскрой почной пропадаетъ.

« Полно тапаться со мной, дорогая!

« Вымолви слово, для Бога:

« Гдѣ твоя хата и сѣмья родная,

« Какъ къ тебѣ путь и дорога?

« Минуло лѣто, листочки валяются;

« Холодно въ полѣ просторномъ...

« Али всегда мнѣ тебя дожидаться

« Здѣсь на побережьѣ озерномъ?

« Али всегда ты, какъ стѣпь гробовая,

« Бродишь полночной порою?

« Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,

« Лучше останься со мною!

« Вотъ и избенка моя не далечко,

« Видишь — гдѣ въ чащѣ лощина...

« Будеть у насъ съ тобой лавка и печка,

« Будеть и хлѣбъ и дичина.»

— Парнямъ не вѣрю я, чтобы на пѣли,

Знаю я всѣ ихъ уловки:

Въ голосѣ ихъ — соловьиныя трели,

Въ сердцѣ ихъ — лисьи сноровки.

— Ты насмѣешься потомъ надо мною,

Кичнешь меня и загубишь!

Я тебѣ тайну пожалуй открою,

Только... Ты вправду-ли любишь? —

Молодецъ клялся у ногъ своей милой,

Бралъ, горсть сырой земли въ руку,

Бралъ, заклинаясь темною силой,

На душу вѣчную муку.

Будь-же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто клятву забудеть,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ! —

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ падѣваетъ,
Парню махнула рукой и, какъ птица,
Въ темныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ
Гонится ловчій — задаромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсыялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идетъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вдругъ вихорь взвылъ по дубровъ сонливой,
Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до два котловины...
Въявь, али греза ночная?
Тамъ надъ Святѣзью, изъ темной пучины,
Всплыла краса молодая...

Личико чище лилеи прибрежной,
Вырыснутой свѣжей росю;
Легкою травію ставъ бѣлосивѣный
Обвить, какъ легкою милою.

«Парень пригожій мой, парень краспвйй»,

Молвила дѣвица страстно:

«Кто ты? Зачѣмъ надъ Свитѣзью бурливой

Бродишь порою ненастной?»

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлѣтной,

Глушой и вѣтренной дѣвки:

Ты по ней сохнешь, а ей, переметной,

Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,

Няньчиться съ думой печальной:

Бросься къ намъ въ волны и будемъ кружиться

Вмѣстѣ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый — и ласточкой шибкой

Будешь надъ озеромъ мчаться,

Али здоровой, веселою рыбкой

Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебрястой

Ландышей мы набросаемъ,

Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,

Дивныя грезы узнаемъ.»

Смокнула. Вѣтеръ покровъ ей колышетъ,

Млечную грудь открывая...

Парень, хоть смотритъ не смотреть, а слышитъ —

Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ

Мчится, воды не касаясь,

То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,

Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ прыгнуть — и назадъ отступаетъ:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
Плещеть, ласкается, манить...
Сердце въ немъ замерло, кровь расходилась...
Память и мысли туманить.

И позабылъ онъ про прежнюю лубу,
Клятвою прѣзрѣлъ святою:
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за повоѣ красою.

Вотъ надъ волнами несется онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ;
Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плыветъ что есть мочи,
Доплылъ и обвилъ руками:
Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
Льнетъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
Вспыхнулъ сквозь тѣмнеть ночную:
Ловчій взглянулъ и въ красоткѣ озѣрной
Призналъ подругу милую.

«Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ оѣзѣтъ?
Если кто клятву забудетъ,
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!»

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струёю

Рыбкой веселой плескаться:

Тѣло твое распадется землёю,

Очи пескомъ засорятся.

«А за измѣну душа проклятая

Вѣчно при той осокори

Будеть томиться, въ тоскѣ изнывая...

Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плыветъ торопливо,

Робко поводитъ очами...

А вихорь воетъ въ дубровѣ сонливой;

Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины,

Пѣнятся, плещетъ и стонетъ...

Разомъ раскрылись сѣдя пучины:

Дѣвица съ мѳлодцемъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;

Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,

Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни—

Дѣвица съ мѳлодцемъ краснымъ.

Мѳлодецъ стонетъ въ тѣни осокори,

Дѣвица въ плѣсѣ играетъ...

Мѳлодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,

Дѣвица... кто её знаетъ!

III.

В П Л І Я.

У Віліі, нашихъ потоковъ царицы,
Дно чисто, а волны румяній денницы;
У юной литвинки, царицы пзъ папей,
Еще чище сердце, ланиты румяній.

Вплія, по мѣлымъ ковѣнскимъ полянамъ,
Струится въ нарциссахъ, бѣжитъ по тюльпанамъ;
Въ ногахъ у Литвинки весь цвѣтъ молодежи,
Красивѣй тюльпановъ, нарциссовъ пригоже.

Віліі нелюбы цвѣточки долины:
Не ихъ она Нѣмана щеть роднова;
Литвинкѣ нелюбы и скучны литвины:
Не ихъ она, мѣлодца любить чужова.

Поднявши Вплію къ себѣ на раменѣ,
Несется въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,

И держитъ подругу у влажнаго лона,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

Какъ Нѣманъ Вилію, тебя, о литвинка,
Похитилъ пришлецъ изъ роднова селенья —
И ты, моя бѣдная, ты, спротивка,
Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвенья.

Ни рѣку, ни сердце, никто не догонитъ —
Вилія струится, а дѣвица любитъ:
Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,
А дѣвица въ кельѣ дни юные губитъ...

1851.

IV.

РАЗГОВОРЪ.

Красавица моя! на что намъ разговоры!
Зачѣмъ, когда хотимъ мы чувствомъ подѣлиться,
Зачѣмъ не можемъ мы душою прямо слиться
И не дробить ея на этотъ звукъ, который —
До слуха и сердець достигнуть не успѣетъ —
Ужь гаснетъ на устахъ и въ воздухъ хладѣетъ?

«Люблю тебя, люблю!» твержу я повсечасно,
А, ты — ты смущена и сердилъся на друга
За то, что своего любовнаго недуга
Не можетъ высказать и выразить онъ ясно,
За то, что обмеръ онъ, за то, что нѣтъ въ немъ силы —
Жизнь знакомъ проявить и избѣжать могилы.

Съ-измлада утрудилъ я празными рѣчами
Свои уста: теперь хочу ихъ слить съ твоими
И говорить хочу съ тобою не словами,
А сердцемъ, вздохами, лобзаньями живыми...
И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
И до скончанія, и по скончаньѣ свѣта.

V.

ПАНИ ТВАРДОВСКАЯ.

—

Пьютъ, кúрятъ, ѣдятъ, веселятся :
Не пиръ — разливанное море!
Чуть стѣны корчмы не валятся...
«Ай жги — да гуляй, мое горе!»

Пашой подбочниась, Твардовской
Въ корчмѣ за столомъ засѣдаетъ,
Гарцуетъ, и чарой ѡсовской
Туману въ глаза напускаетъ.

Какъ саблю свистнетъ надъ ухомъ
Солдату, который храбрился,
Да спорилъ со всѣми — такъ духомъ
Въ зайченка храбрець обратился.

Подсудку, что молча съ ѣдою
Возился въ кострюль-ль, на блюдь-ль,

Слегка потрезвопилъ клесою —
Глядитъ — а подсудокъ ужъ пудель.

Твардовской опять за продѣлки:
Сапожнику кѣ-лбу приставилъ
Воронку — да чмокъ! — п горѣлки
Три полныя кварты доправилъ.

Пока кубокъ съ водкой онъ двигалъ
Поближе къ себѣ — что за чудо?
Запѣвился кубокъ, запрыгалъ...
Глядь на́ дно: — «ты, братецъ, откуда?»

Самъ бѣсъ на днѣ кубка возился...
Весь пѣвцемъ — кургузою штучкой —
Учтиво гостямъ поклонился,
Снялъ шапку, и сдѣлалъ имъ ручкой.

Изъ кубка на скатерть, какъ кошка,
Спрыгнулъ и подросъ на два локтя:
Носъ крюкомъ — бурпная пожка —
На лапахъ свиные когти.

«Здорово, Твардовской! Сердечно
Я радъ повидаться здѣсь съ другомъ:
Хоть я Мефистофель, но вѣчно
Готовъ къ твоимъ панскимъ услугамъ.

«А поминишь ли, панъ, какъ условье
На Лысой горѣ мы съ тобою
Писали на шкурѣ воловѣй,
И бѣсы клялися толпою,

«Что я свой контрактъ не парашу;
И ты поклялся передъ нами,

Что долженъ панъ панскую душу
Отдать черезъ два года, въ Римѣ?

«Вотъ семь уже лѣтъ мшивало,
А ты только пекло морочишь.
Да чарой мутишь, и ни мало
Сбираться въ дорогу не хочешь.

«Съ лѣнливымъ такимъ пиллигримомъ,
Сыграли мы шутку другую! —
Корчма пазывается Римомъ:
Я милость твою арестую.»

Твардовской охотно бы скрылся
Отъ этого dictum aserbum,
Да бѣсъ за кунтушь уцѣпился:
«А гдѣ же, панъ, mobile verbum?»

Что дѣлать? — Ума не хватило,
Такъ плачешь, а надо платиться.
Твардовской задумался—было,
Да скоро успѣлъ ухитриться...

«Ну что же? контрактъ нашъ контрактомъ:
Своей не теряетъ онъ силы...
Но справься—ка съ подлиннымъ актомъ —
Такъ сказано вѣтъ—что, мой милый:

«Имѣю я право три раза
Задать тебѣ всякой работы.
А ты долженъ слушать приказа
И все мнѣ исполнить до йоты.

«Вонъ конь на холстѣ намалёванъ:
Чтобъ мгномъ тотъ конь оживился,

Быль взнузданъ, осѣдланъ, подкованъ,
А я бы на немъ прокатился!

«Да свей ты мнѣ хлысть изъ песочку
Для справы съ лошадкой лихою,
Да — видишь — вонъ въ этомъ лѣсочку —
Построй-ка мнѣ домъ для постою.

«Домъ выстрой изъ ядеръ орѣха,
Высокій, съ вершину Кренъпака...
Изъ пейсовъ жицовскихъ застреха...
Усыпь ее сѣменемъ мака,

«И въ каждое сѣмячко, мѣрно,
Натыкай гвоздочковъ по тройкѣ,
А гвозди чтобъ были — примѣрно —
Въ три пяди — какъ надо для стройки.»

Сказаль, а ужь бѣсъ за работу:
Коня накормилъ и отхолилъ,
Вьетъ хлыстикъ, ну, словомъ, до поту
Трудится — и все изготовилъ.

Твардовской — въ сѣдло, и пытается —
Какъ выѣзженъ конь и спокоенъ;
Взялъ рысью, въ голопъ поднимаетъ;
Глядитъ — анъ и домъ ужь достроенъ.

«Ну, конечно съ службой одною!
Осталася служба другая:
Влѣзай-ка вонъ въ миску съ водою —
А въ мискѣ вода не простая.»

Затрясся мой бѣсъ, какъ осина,
Весь скорчился, съежился, сжался;

Но... слушай слуга господина —
И въ мскѣ бѣднякъ искупался...

.
.

— Ну, панъ, перенесъ же я кару!
За то ужъ и ты въ нашей власти...

«Изволь еще службу исправить,
И съ мрачностью вашей бѣсовской
Мы квиты... Позволь-ка представить
Тебя моей жепкѣ, Твардовской?»

«Чу, слышишь — кричить за дверями?..
Пока за тебя, Асмодею,
Я буду работать съ чертями,
А ты поживи-ка вотъ съ нею.

«Ты пани во всемъ подчинишься...
Люби ее, будь ей послушень...
А ежели въ чемъ провинишься,
Ну... весь договоръ нашъ нарушень!»

Бѣсъ слушаетъ, самъ по немногу
Все на дверь да на дверь косится,
А крики все ближе къ порогу...
Твардовской на бѣса грозитъ,

И требуетъ кончить раздѣлку,
И въ дверь, и въ окно не пускаетъ,
А бѣсъ... шмыгъ въ замѣчную щелку —
Да такъ и теперь пропадаетъ.

VI.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми...
Сидѣлъ на цвѣтнѣмъ кашемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Элпеса мелькаютъ
Въ обѣтпыхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинулъ чалму; недвижимо
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышетъ
Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходитъ —
Рабы разступились толпою:
Кизляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
И молвить, склонясь предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенникъ Альдеборана!

«Блесни-же мнѣ свыше, свѣтило дивана!
Слуга твой, въ усердѣ горячемъ,
Принесъ тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Дарить тебя повымъ *харачемъ*.

Въ Стамбулѣ сады падишаха едва-ли
Такою красуются розой...
Она — уроженка холодной той дали,
Куда ты уносишься грѣзой.»

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво —
И ахнулъ весь дворъ и смутился...
Паша на красавицу глянулъ лѣниво —
И медленно на бокъ склонился.

Чубукъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки;
Уста посиѣбли.. къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ *рenegатъ*... и на вѣки.

1852.

VII.

ПѢСНЯ.

—

Али мать меня рожала
На горе большое?
Али вѣдьма зачурала
Мнѣ гнѣздо родное?

На пролетъ и дни и ночи
Плачу какъ ребенокъ;
Сваты прійдутъ — нѣтъ мнѣ мочи
Выстоять смотрѣнокъ.

Охъ, уѣхаль да и сгинуль
Милой за дружиной;
Не сберегъ — одну покинуль
Панночку съ кручиной.

У подружекъ въ церкви ясно
Свѣчка догараеть,
У меня одной, несчастной,
Сразу погасаеть.

Въ полѣ осень; листь валится;
Песъ нашъ землю роетъ,
Сычъ на крышу къ намъ задится:
«Что-жь ты — скоро?» воетъ.

Скоро я съ тобою, значить,
Свижуся, мой милой!
Скоро... вотъ какъ мать заплачетъ
Надъ моей могилой.

1857.

VIII.

ОБЛАВА.

(Отрывокъ изъ поэмы «Панъ Тадеушъ».)

Литовскія лѣса, — бездонныя пучины!
Кто въ вашу глубь проникъ до самой сердцевины?
Съ усиьемъ достаетъ рыбагъ у береговъ
Морское дно; кружась въ окраинѣ лѣсовъ,
Стрѣлокъ — литвинъ узналъ ихъ обликъ обычной,
Да тайна сердца ихъ на вѣкъ осталась тайной...
Но все идетъ молва, или сказка до-сихъ-поръ,
Что если мновать крайній темный боръ
И засѣки пройти, — за чащей ихъ густою
Предстанетъ на пути запретною стѣною
Высокой валъ изъ пней, кореньевъ и колодь,
Обороняемый трясиною болотъ
И тысячью ручьевъ; сътъ поросли ползучей
И злаковъ водяныхъ; надъ ними, куча-кучей,
Гдѣ муравейники, гдѣ гнѣзда ось, шершней,
Гдѣ, свитыя въ клубокъ упругой, семьи змѣй.

Найдись такой смѣльчакъ, чтобъ могъ преграду эту
Хоть чудомъ одолѣть — за ней дороги нѣту.
За нею, что ни шагъ, — травой полузакрѣтъ,
Какъ яма волчая, залегъ и сторожитъ
Проваль, — и пл въ одномъ дна люди не достали...
(Что хочешь — говори, а только-что едва-ли
Въ нихъ черти не сидятъ?..) Въ тѣхъ омутахъ вода
Кровавой ржавчиной ослужена всегда,
И гарь изъ нихъ идетъ; и словно какъ чумныя,
Безъ листьевъ и коры, деревья окружныя,
Всѣ выгнанныя въ сукъ, червивы и большы:
По вѣтвямъ мишстые навѣсивъ колтуны
И бородатый пенъ нагорбивъ по-середкѣ,
Сидятъ вокругъ воды, какъ вѣдьмы въ тайной сходкѣ
Сдять вокругъ котла, въ которомъ трупъ варятъ.
За эти омуты не проникаль и взглядъ,
Не только шагъ людской, затѣмъ — что черной тучей
Тамъ вѣчно дымъ встаетъ надъ зыбію трясушей.
Но дальше, какъ молва пародная гласить,
За дымной тучею, эдемъ лѣсной сокрытъ
И начинаются цвѣтуція границы
Растеній и звѣрей таинственной столицы.
Изъ-ней-то всѣхъ деревъ и злаковъ сѣмена,
Въ-едино собраны, повсюду племена
И отрасли свои, и юныя побѣги
Разсѣяли; и въ ней, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ,
Витаеть всякій звѣрь, и всѣ на перечетъ —
По парно пзбраны на племя и приплодъ.
Въ самой глуши — дворы лѣсныхъ владыкъ — сосѣдей —
И тура давяго, и зубровъ, и медвѣдей.
Вокругъ державцевъ тѣхъ пвѣзятся на вѣтвяхъ,
Какъ думцы чуткіе, и семьи росомахъ,

И рыси; далѣе — жплья вассаловъ многихъ,
И вепрей, и волковъ, и лосей круторогихъ.
Надъ головами ихъ орлы и сокола,
Наушники-льстецы, съ придворнаго стола
Нетерпѣливо ждутъ обычную подачку...
Тутъ каждая чета селится въ одиначку,
Сокрытая въ глубь невѣдомыхъ дубровъ:
Своихъ дѣтенышей они изъ тайниковъ
Выводятъ на племя за дальнія границы,
Но сами вѣкъ живутъ среди своей столицы,
Не зная, какъ разятъ желѣзо и свинець,
И мрутъ, когда прійдетъ естественный конецъ.
У нихъ есть кладбище... Быть-можетъ, небылца,
Но, говорятъ, туда, предъ смертью, звѣрь и птица
Свое перо, или мѣхъ торопятся отнестъ...
Медвѣдь, коль зубы съѣлъ и не чѣмъ больше ѣсть;
Олень, коль съ мѣста онъ и ногъ уже не сдвинетъ;
И заяцъ, коль вся кровь его по жиламъ стынетъ;
И воронъ, коль ужъ съѣдъ; и соколъ, коль ужъ слѣпъ;
Орелъ, коль у него такъ старыи зобъ окрѣпъ,
Что клюва не рознять ему во-вѣки болѣй,—
На кладбище свое влекутся вольной-волей...
И даже меньшій звѣрь, пораненный, больной,
Плетется — лечь костьми на сторонѣ родной:
Вотъ почему въ мѣстахъ, доступныхъ человѣку,
Звѣриныхъ костяковъ не найдено отъ вѣку.
Межъ-тѣмъ въ столицѣ той звѣриной, говорятъ,
И нравы добрые: затѣмъ, что свой урядъ...
Цивилизація проникнуть не успѣла;
До собственности имъ и до всего нѣтъ дѣла,
О чемъ страдаетъ такъ и мучится нашъ свѣтъ;
И нѣтъ у нихъ войны, и поединковъ нѣтъ:

Какъ ихъ отцы въ раю, они средн трущобы,
Хоть дикн, но ручны, проводятъ вѣкъ безъ злобы.
И ни одинъ свой гнѣвъ не явить на другомъ
Ни рогомъ извитьмъ, ни зубомъ, ни когтемъ.
И еслибъ человекъ зашелъ къ нимъ безоружно,
Покоень могъ бы быть — оружія не нужно:
Остановивъ на немъ взглядъ изумленный свой,
Смотрѣли-бъ на него онъ, какъ въ день шестой
Смотрѣли предки ихъ на праотца въ Эдемъ,
Пока межъ нихъ вражды не пало злое сѣмя.
Но къ счастью человекъ къ нимъ слѣду не найдетъ:
Тревога, трудъ и смерть оберегаютъ входъ.
Случалось, что порой охотничьи собаки
Въ трущобу попадутъ, сквозь мхи и буераки,
Но тотчасъ-же стремглавъ бросаются назадъ.
Ихъ боязливый вой и сумасшедшій взглядъ
На тайный ужасъ ихъ указываютъ ясно —
И долго господинъ ласкаетъ ихъ напрасно.
И тотъ, укравшійся въ безвѣстномъ тайникѣ,
Звѣриный стольный градъ, на ловчихъ языкѣ,
Зовется: *Маточникъ*.

Простакъ медвѣдь! Ну, что-бы
Тебѣ не выходить изъ вѣковой трущобы?
И *войскій* *) бы тогда тебя не подстерегъ...
Но вѣрно съ насѣки пролетный вѣтерокъ

*) Старинный чинъ въ Польшѣ. Его обязанностию было заботиться о шляхетскихъ женахъ и дѣтяхъ, и вообще наблюдать спокойствіе вѣреннаго ему округа во время общаго ополченія. Съ давнихъ временъ этотъ чинъ (*tribunus*) сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ титула. Въ Литвѣ есть обычай придавать почетнымъ особамъ

Донесъ къ тебѣ сотовъ яитарныхъ благовопность,
Иль къ зрѣлому овсу почувствовалъ ты склонность,
Что, выйдя изъ-лѣсу, опушкой бродилъ;
А тамъ тебя, какъ разъ, лѣсничій сослѣдилъ,
И соглядатаевъ послалъ—твой сноровки
Всѣ вывѣдать, узнать прикормъ твой и почевки...
И вотъ облавниковъ разставляя войскій самъ,
Загородивъ тебѣ возвратъ къ роднымъ лѣсамъ.

Тадеушъ опоздалъ: давно уже собаки
Исчезли межъ листьвы, въ зеленомъ полумракѣ.

Тшш... Неподвижные, задерживая духъ,
Вотще охотники всѣ превратились въ слухъ
И съ бора темного вотще не сводятъ ока:
Лишь музыка лѣсовъ слышна имъ издалека...
Ныряютъ псы въ лѣсу, какъ на-морѣ нырки;
Двустволки наведя въ лѣсную глубь, стрѣлки
Глядятъ на войскаго: склонившись на колѣна,
Припалъ къ сырой землѣ онъ ухомъ... Перемѣна
Въ лицѣ врача друзьямъ больнаго вѣрный знакъ—
Отчаяваться-ль имъ, или радоваться: такъ
И въ войскаго стрѣлки, исполнены волненья,
Вспвались взорами надежды и сомнѣнья.
«Есть! Есть!» онъ прошепталъ и быстро поднялся.
Онъ слышалъ: звѣрь ему уже отозвался,
Когда другіе лѣсъ пытали только глазомъ...
Но, чу! залаялъ песь... и два... и двадцать разомъ...

какой-нибудь старинный титулъ, напр. сосѣди величаютъ другъ друга *обозными, стольниками*, и т. д. Прежде эти титулы употреблялись въ актахъ.

За ними всё: вдали, вблизи, со всёхъ концовъ,
Раздался громкій лай разбитой стаи псовъ.
Но вотъ *свалилися*, попали на *горячій*
И гонять; голосъ ихъ не брехоть дребезжачій
Псовъ, зайцемъ стянутыхъ, иль ланью, иль лисой,
А частый, хриплый лай, отрывистый и злой:
Вблизи, по *зрячему*, вся стая дружно гонить.
Вдругъ смолкло все: *дошли!* Но мигъ—и чаща стонеть
Опять подъ сотнями свирѣлыхъ голосовъ:
Медвѣдь боронится, бьетъ и увѣчитъ псовъ—
Сквозь непрерывный лай и рѣвъ и завыванья,
Все чаще слышенъ визгъ предсмертнаго страданья.
Ружейные стволы сжимая между рукъ,
Охотники впередъ нагнулися, какъ лукъ —
Не могутъ дольше ждать... И ждать имъ для чего-же?
Одинъ въ слѣдъ за другимъ, покинули сторожи—
И въ лѣсъ: всёмъ хочется скорѣй, на-единѣ,
Со звѣремъ встрѣтиться. Хоть войскій на конѣ
Сторожи обскакалъ, хоть расточалъ укоры,
Кричалъ, что будь то панъ, или холопъ, а своры
Отвѣдаетъ, коль шагъ отъ мѣста отойдетъ—
Но сладу не было: всё кинулися впередъ.
Вотъ грянули въ лѣсу три выстрѣла; слитая
Посыпалась пальба, какъ вдругъ, перекрывая
Сухой ружейный трескъ, раздался грозный ревъ:
Въ немъ слышались боль, отчаянье и гнѣвъ.
За этимъ ревомъ вновь и лай и визгъ собачьи,
И крикъ охотниковъ, и трубы добѣзжачьи
Слилися въ гулъ одинъ... Последніе стрѣлки—
Тѣ съ мѣсть уходятъ въ лѣсъ, а тѣ взвели курки,
И радуются всё— ужь будто побѣдили;
Лишь войскій жизнь клянеть, что звѣря пропустили.

Меж чащею стрѣлки и между осокѣмъ *)
Медвѣдю бросились гурьбой на переѣмъ;
А тотъ, испуганный и псами и людьми,
Свернулъ къ мѣстамъ, уже покинутымъ стрѣлками,
Къ полямъ, гдѣ стерегли, одинъ за цѣлый станъ,
Тадеушъ, войскій, графъ, да пѣсколько кричанъ

Тамъ лѣсъ рѣдѣлъ... Стрѣлки ужь слышать ревъ могучій,
И трескъ, и ломъ — и вотъ, какъ-будто громъ изъ тучи,
Изъ чащи ринулся медвѣдь... Со всѣхъ сторонъ
Псы гонятся за шмъ и рвутъ его, а онъ
Поднялся на дыбы и задомъ отступаетъ,
И съ ревомъ лапами, что шагъ, то вырываетъ
Гдѣ осмоленный пенъ, гдѣ узлища корней,
Гдѣ камни врослые—и мечеть ихъ въ людей
И въ псовъ; сломать себѣ корягу извитую
И машеть ею вокругъ себя на-пропалую;
Потомъ вдругъ отскочилъ и кинулся стремглавъ
Къ кустамъ, гдѣ на часахъ стоялъ безпечный графъ
Съ Тадеушемъ... Они — курки на оба взвода —
Ружейные стволы, какъ два громоотвода
На тучу черную, на звѣря навели;
Но выждать должнаго мгновенья не смогли
И — о, неопытность! — курки спустили разомъ —
И промахнулись. Звѣрь, какъ углемъ, всыхнулъ глазомъ
И прыгнулъ на стрѣлковъ; они, заторопясь,
И оба за одну рогатину схватясь,
Другъ-у-друга ее насильно вырываютъ...
Глядятъ, а ужь у нихъ надъ головой сверкаютъ

*) *Осокъ* — обнесенное тенетами мѣсто, гдѣ *осоченъ* (обойденъ) звѣрь.

Изъ пасти кровавой огромные клыки,
И лапа свѣсилась когтистая... Стрѣлки
Успѣли отскочить, отъ страха чуть живыми,
И бросились бѣжать къ опушкѣ; звѣрь за ними:
Когтями споровилъ царашуть — не досталъ, —
Пустился догонять охотниковъ; догналъ,
Всталъ снова на дыбы и графа лапой черной
Ловить за волоса льняные сталъ... Безспорно,
Какъ шапку-бъ черепъ снялъ сѣятельному онъ;
Но въ этотъ самый мигъ на помощь, съ двухъ сторонъ,
Ассессоръ и Регентъ явился нежданно,
А спереди бѣжалъ Гервазій бездыханной,
И Робакъ, безъ ружья, почти-что въ ста шагахъ:
Какъ по командѣ всѣ, въ одинъ и тотъ же взмахъ,
Въ медвѣдя грянули они тремя стволами—
Медвѣдь подпрыгнулъ вверхъ, какъ заяцъ передъ псами,
И о земь грянулся башкою, но потомъ
Очнулся, графа сбиль тяжелымъ ковыркомъ,
Рыча, хотѣлъ привстать; но мигъ еще единой—
И *Спривникъ* на него наскочилъ со *Страпчиной* *).

Тогда-то войскій взялъ свой буйволоный рогъ,
Придѣтый къ поясу за шелковый снурокъ,
Рогъ длинный, крапчатый, скрученный завитками,
Какъ змѣй—удавь, прижалъ къ губамъ его руками
И закатилъ глаза, и обѣ щеки вздулъ,
Какъ полушарія, животь въ себя втянулъ,
Вобравши въ легкія весь духъ, и полной грудью
Въ рогъ затрубилъ... Какъ вихрь пустынный по безлюдью,
Промчалась музыка по чащѣ вѣковой,

(* Кличка Мордашекъ.

И чутко вторилъ ей отзывный кличь лѣспой.
Дивясь чистотѣ гармоніи и силѣ,
Стрѣлки и ловчіе дыханье притапли.
Еще разъ испытать хотѣлъ старикъ для нихъ
Свой даръ, прославленный въ дубровахъ окружныхъ.
И вотъ наполнилъ онъ и оживилъ дубровы,
Какъ-будто въ нихъ пустилъ собакъ и пачалъ лова.
Въ его игрѣ весь гулъ охоты слышенъ былъ:
Сначала рѣзскій звукъ—то ловчій затрубилъ;
Потомъ и лай и вой—то гончихъ псовъ оравы;
Потомъ далекій громъ—то выстрѣлы облавы.
Тутъ духъ онъ перевелъ, а рогъ держалъ; казалось,
Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось.

Вновь затрубилъ, и рогъ какъ будто—бы мѣнялъ
Въ устахъ его свой видъ: длиннѣе онъ и топчалъ,
То умягчая звукъ, то съизнова грубѣя,
Какъ голоса звѣрей. Порой, что волчья шея
Протянутая, вылъ, пронзительно стелла;
Порой, медвѣжью пасть собою замѣня,
Ревѣлъ на цѣлый лѣсъ; и вотъ мычанье лоса
Съ рыканьемъ зубровымъ по вѣтру донеслося.
Тутъ духъ онъ перевелъ, и рогъ держалъ; казалось,
Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось,
И рога чудную игру, за звукомъ звука,
Передавалъ сполна дубъ — дубу, буку — букъ.
Трубитъ опять, и всѣмъ почудилось, что въ рогѣ
Звучало сто роговъ, и полонъ лѣсъ тревоги:
Слились въ одно и крикъ, и лай, и ревъ, пока
Побѣднымъ гимномъ рогъ не грянулъ въ облака.
Духъ войскій перевелъ, а рогъ держалъ; казалось
Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось.

Что дерево — то рогъ; проснулся старый боръ;
Перекликается съ зеленымъ хоромъ хоръ;
И чище каждый разъ гармонія лѣсная,
И льется все ибжибй, дрожа и замрпая,
И вотъ послѣдній звукъ, очаровавшій лѣсъ,
Стихъ гдѣ-то — тамъ, вдали, на панерти небесъ.

Тутъ войскій опустилъ свой рогъ, розпявши руки,
И закачался рогъ на поясъ; по звуку.
Стихавшіе вдали, ловилъ еще старикъ,
И вдохновеніемъ горѣлъ румяный лпкб...
А между-тѣмъ вокругъ, дробясь тысячекраты,
Гремѣли по лѣсу побѣдные *виваты*.

Но скоро смокло все, и всё сошлись глядѣть
На тушу свѣжую медвѣдя... А медвѣдь
Лежалъ въ крови, насквозь весь пулями прошптый
И въ сѣть густой травы косматой грудью вбитый,
Ковцы переднихъ лапъ закинувши крестомъ;
Еще дышалъ, и кровь лилась еще ручемъ
Изъ хрпая, по башки поднять ужъ былъ не въ силѣ:
Мордашки съ двухъ сторонъ повисли и дупили.

За тѣмъ, по войскаго приказу, рычагомъ
Псамъ пасти розняли; прикладами потомъ
Медвѣдя подняли и навзничъ положили, —
И вновь три раза лѣсъ *виваты* огласилы.

«А что? Ружьишко-то поставить на своемъ!»
Ассессоръ закричалъ, вертя своимъ ружьемъ:
«А что ружьишко-то? Хоть птичка не величка,
«Да ноготокъ востеръ... конечно и привычка.

«Заряду на вѣтеръ не тратило оно —

«Не даромъ мнѣ самимъ Сангушко дарено...»

И показаль ружье: работа просто диво —

Не велико, а какъ примѣтно и красиво!

— Я за медвѣдемъ такъ и рвусь-себѣ впередъ,

Регентъ заговорилъ, со лба стпрая потъ:

— Вотъ — такъ и рвусь, а тутъ панъ войскій мнѣ мѣшаетъ,

Кричитъ: «на мѣстѣ стой... А мишка удираетъ...»

Чего тутъ ждать? «Ну, нѣтъ!» я думаю: «постой!»

И баць!... А онъ — кувыркъ, да о-земь головой!

Ну, правда, что ружье — какъ есть, Сагаласовка!

И подпись: *Sagalas, London, Balabandwka.*

(Онъ тамъ и проживаль; — хотъ польскій мастеръ былъ,
Но англійскій манеръ въ отдѣлкѣ любилъ.)

Ассессоръ фыркнулъ: — «Что! Уже-ли, папъ, не бредя,

Увѣрить хочеть насъ, что онъ убилъ медвѣдя?»

— Послушай-ка, регентъ отвѣтилъ: — здѣсь не судъ:

Здѣсь — всѣ свидѣтели, и дѣло разберуть.»

И завели-жь стрѣлки споръ съ этого момента,

Тѣ за ассессора стоять, тѣ — за регента;

А о Гервазіѣ никто не поминалъ:

Имъ было не видать — кто спереди стрѣлялъ.

Панъ войскій началъ рѣчь: — «Теперь — вотъ есть причина:

Тутъ не какой-нибудь косою лайдакъ-зайчина,

А тутъ медвѣдь — не жаль шляхетскій дати отвѣтъ —

Споръ сабля разрешить, а то и пистолетъ...

Васъ трудно разсудить, и старымъ обычаемъ

На поединокъ васъ мы всѣ благословяемъ.

Пригомниаю я теперь, что въ оны дни

Знаваль двухъ шляхтичей; сосѣдями они

Считались по домамъ — дѣлила ихъ Вилейка;
Одинъ-то шляхтичъ былъ по прозвищу Домейко,
Другой — Довейко. Вотъ пришлось имъ вмѣстѣ быть
Въ облавѣ и вдвоемъ медвѣдницу убить.
Ну, какъ тутъ умирить шляхетскую натуру?
Стрѣлятся!.. да вѣдь какъ? — черезъ медвѣжью шкуру,
Стволъ въ стволъ! Вотъ молодцы! вотъ — шляхтичи по мнѣ!
Я секундантомъ былъ на чьей-то сторонѣ:
Какъ было, расскажу... Одна изъ тѣхъ оказій...»

Но рѣчь его и споръ вдругъ прекратилъ Гервазій.
Медвѣдя оглядѣвъ внимательно кругомъ.
Онъ пасть ему въ длину разрѣзалъ тесакомъ,
И тамъ, гдѣ сходится затылокъ съ головою,
Онъ пулю отыскалъ, отеръ ее полою,
Слпчилъ съ патронами, примѣрилъ къ ней ружье,
И на лодони сталъ показывать ее.

«Паны!» такъ началъ онъ: «оставьте споръ и толки:
Вотъ пуля — и она, изъ старой одностволки
Горешковской, врага свалила въ мигъ одинъ...»
Онъ показалъ стрѣлкамъ пегодпый карабинъ;
Къ стволу привязано снурками было ложе...
«Однако-же не я стрѣлялъ: помилуй Боже!
И вспомнишь, такъ опять стемнѣетъ все въ глазахъ:
Медвѣдь у паннчей почти-что на плечахъ
И графу черепъ снять пытается съ навалки —
Последнему въ роду Горешковъ... хоть по прялкѣ! *)

*) Геральдическое выраженіе «по мечу» употребляется, когда идетъ рѣчь о мужской линіи какого-нибудь рода; а «по прялкѣ», или «по кудели», когда говорится о линіи женской.

Дрожалъ я, словно листь, и всѣхъ святыхъ молилъ,
Чтобы Господь меня въ конецъ не погубилъ —
И божьи ангелы мнѣ Робака послали.
Онъ выхватилъ ружье — прицѣлился едва-ли —
И выстрѣлялъ... Теперь замѣйте: сто шаговъ;
Стрѣлялъ онъ на бѣгу, промежду двухъ головъ,
И прямо въ пасть попалъ и зубы вышибъ звѣрю!..
Признаться, и теперь глазамъ своимъ не вѣрю...
Паны, хоть я живу давненько, но пока
Знавалъ лишь одного подобнаго стрѣлка,
Того, кто былъ всегда героемъ поединка,
Отстрѣливалъ каблукъ у дамскаго ботинка.
Того разбойника, злодѣя, палача,
По прозвищу — забылъ, а *vilgo*: «Усача».
Но для него ужъ нѣтъ охоты пль игрища:
Горитъ теперь въ аду по самыя ушища...
Честь ксеидзу и хвала! двѣ жизни спасъ онъ разомъ,
А можетъ-быть — и три... Ни лаской, ни приказомъ
Меня не подобьетъ на похвальбу нпкто;
Но — нечего таить: погибни графъ мой, то...
Медвѣдь-бы перегрызъ Гервазіевы кости.
Пойдемъ-ка, выпьемъ, ксеидзъ, здоровье его мости!»

Но ксеидза не нашли; а кто-то объяснилъ,
Что ксеидзъ къ Тадеушу и къ графу подскочилъ,
Когда медвѣдь упалъ на вылазѣ дубровы;
Но, видя, что они и цѣлы и здоровы,
Взоръ подыалъ къ небесамъ, молитву прошепталъ
И — словно-бы за нимъ гнался — побѣжалъ.

КОНДРАТОВИЧЪ.

(Сырокомля.)

I.

ГОРСТЬ ПШЕНА.

—

1

Старый Щёпанъ — онъ отъ вѣка
Войтомъ *) былъ, — и то сказать,
Что такого челоуѣка
И со свѣчкой не сыскать.
Голова! Душа прямая!
Такъ стоялъ онъ за народъ,
Что — прійди бѣда лихая —
Какъ рукою отведеть.
Было то чудно въ Щёпанъ,
Что и панъ его любилъ,
Да любили и міряне:

*) Вейтъ—Староста.

Вотъ — какъ всѣмъ онъ угодилъ.
И подь старость, и во младость
Былъ имъ призрѣнъ человекъ...
Только... старость—то не радость:
Отжилъ дѣдушка свой вѣкъ.
О силенкѣ нѣтъ и рѣчи:
Ужь безъ палки никуда;
Глазъ потухъ; опали плечи;
Побѣлѣла борода.
Созвалъ мѣръ: «Прощайте дѣти!
Пожилъ я на бѣломъ свѣтѣ,
На покой пора костямъ,
И не войтъ теперь я вамъ:
Вамъ моложе войта надо.»
Тутъ какъ крикнетъ вся громада *):
«Ой, пришла бѣда—бѣдой!
Дѣдъ, помилуй, Богъ съ тобой:
Изъ чего ты насъ морочишь?
Словно пагубы намъ хочешь!
Словно нашей худобѣ
Быть радѣльцемъ не тебѣ!
Нѣтъ, ужь если Бога сами
Чѣмъ нибудь не прогнѣвимъ,
Такъ и знай: пока ты съ нами
Новыхъ войтовъ не хотимъ!»
Дѣдъ и мѣръ — въ переговоры,
Въ споры, въ ссоры, въ перекоры, —
Довели, какъ дали пить:
Дѣду войтомъ быть и быть.
Да на тонкомъ волосочкѣ

*) Громада — мѣрская сходка.

Жизнь висить у старика:
Даль советъ имъ — безъ отстрочки
Выбрать, загодя — пока,
Подставнаго войта, чтобы
Не накликать послѣ ссоръ,
Брани, зависти и злобы:
Отъ людей песешь покоръ,
Да и Господа такое
Несогласье прогнѣвить.
«Ладно! слово золотое
Молвилъ Щепанъ!» міръ кричить.
«Выбрать войта! Для почина
Недалеко и искать:
У Щепана—же три сына;
Парни — нечего сказать —
Дѣло знаютъ: всѣ три брата —
Молодецъ на молодцѣ.
Пусть одинъ изъ нихъ, ребята,
Будеть войтомъ по отцѣ ..
Да который?..» Вотъ и горе!
Стало дѣло тутъ на споръ:
Каждый розно говоритъ,
А на рознь вѣдь нѣтъ закона —
Кто Григорія кричитъ,
Кто Василья, кто Шимона.
Видитъ дѣдъ: «Ахти — бѣда!
Не пошла бы потасовка...
Тутъ сноровка, да сноровка...»
Чубъ погладилъ: «Господа!»
Перекрикнулъ всю грамаду:
«Сами знаете вы, чай,
Что у пасъ въ селѣ сподряду

Войта къ войту подбѣрай...
Ну, а что мои ребята
Вамъ какъ-будто и рука —
Ваша милость!.. Да тропа-то
Вѣдь до войта не близка...
Прежде, чѣмъ служить приспѣтъ
Войту новому пора,
Пусть покажетъ, коль съумѣтъ, —
Что намъ сдѣлаетъ добра?
Да и время наступаетъ
Больно гожее при-томъ:
Панъ Григорья посылаетъ
Въ Королевецъ съ байдакомъ,
А Василя-то кстатн
Шлетъ онъ въ Краковъ; Шмонъ въ хать...
Вотъ въ Украину бы... Ага!
Пусть намъ соли предоставитъ —
А въ мѣстечкѣ дорога.
Знаю — каждый дѣло справитъ
Въ томъ ужъ Божья благодать.
Но который въ Пруссахъ, въ Польшѣ,
Аль въ Украинѣ сможетъ больше
Намъ прибытку догадать —
Тотъ и войтъ... Объ эту пору,
Черезъ годъ, мои друзья —
Буду живъ авось и я —
Войта выберемъ безъ спору... »

И громада вся молчитъ:
Стариково слово свято...
Съ Богомъ, войтовы ребята!
Цѣлый мѣръ васъ сторожить.

2.

Новый годъ ужь у подворіи
Стукъ въ ворота... Въ байдакъ
Съ Королевца, по рѣкѣ,
Правитъ старшій сынъ, Григорій.
Міръ на дворъ къ отцу валить;
Старый тотчасъ — меду, пива...
И Григорій говоритъ
Прò три чуда, прò три дива.
«Какъ у нѣмцевъ быть хорошъ,
«Какъ палаты ихъ прибраны!
«А что шапки и кафтаны —
«Лучше въ свѣтѣ не найдешь!
«Какъ согласишь на сермяги:
«Экой крой-то! какъ сидеть!
«Эхъ! кафтаны хоть изъ свить
«Понашили-бъ мы, бѣдняги!
«А соломенный колшакъ —
«Посмотрѣть — уборъ холопа...
Вотъ у нѣмцевъ ужь не такъ:
«Сразу видно, что Европа!»
Старика и не слышать:
Въ комелькѣ золу сгребаетъ,
Да тихонько повторяетъ:
«Парню войтомъ не бывать!»

3.

Изъ подъ Кракова, за братомъ,
И Василій слѣдомъ въ домъ:
Подлетѣлъ такимъ-то хватомъ,
Что весь міръ — молчокъ-молчкомъ...

«Вотъ—ужь въ Краковѣ гуляка,
«Вотъ—ужь пѣсенникъ народъ!
«Ну п пѣсни! Краковяка
«Всякій хлопецъ пропоеть!
«А у насъ—то стонеть стонеть
«Наша пѣсня — просто дичь:
«Словно мертваго хоронить
«Да въ дубровѣ будить кличь.
«Такъ-то братцы! Чтѣ пригоды
«Въ старыхъ пѣсняхъ? Скажемъ такъ:
«То—ли дѣло Краковякъ?
«Ужь одно, что хороводы!...»
Старика п не слыхатъ:
Въ комелькѣ золу сгребаетъ,
Да тихонько повторяетъ:
«Парню войтомъ не бывать!»

4.

Вотъ п Шимонъ вслѣдъ за ними
Изъ Украйны прикатилъ.
Все такой-же, какъ п былъ,
И какъ счастливъ со своими!
«Хороша у нихъ земля»,
Говорить: «озера, крѣпи *),
«Все—то степи, все—то степи,
«Неоглядные поля...
«Да чужому-то несносны:
«И во снѣ-то видишь ты
«Все свои густыя сосны,

*) Маленькія плотины.

«Холмы, рѣки и кусты.
«Просто молвить: на Украинѣ
«Сышь мнѣ золото горой, —
«Тосковать я буду втайнѣ
«По деревнѣ по родной!
«Ну, чего тамъ много — хлѣба!
«Рожь, что мелкій лѣсъ, часта...
«А пшеница смотреть въ небо;
«Колосъ — толще вотъ кнута.
«Вижу: дѣло-то пригоже —
«И насышь себѣ мѣшокъ:
«Попробуемъ — можетъ, тоже
«Намъ и выдастся годокъ —
«На украинскую мѣру...
«Для почина и примѣру,
«Я, сосѣдушки, всѣмъ вамъ
«Вѣрхомъ по-горсти роздамъ...»
Старый слушалъ и, сначала
Весь въ раздумьѣ погружень,
Не сказалъ ни слова онъ;
Но скользнула — пробѣжала
Мысль по вѣщему челу:
«Сынъ мой Шимонъ — по селу!»

5.

Всталъ старикъ, прослушавъ сына,
Говорить: «Глушцовъ учить,
Что покойниковъ лечить!
Тотъ, кто хочетъ славянна
По нѣмецки нарядить;
Кто людей считаетъ тряпкой;
Кто не съ сердцемъ ихъ знакомъ

А съ поярковою шапкой,
Да съ соломеннымъ шлякомъ, —
Тотъ и вѣкъ свой промытаритъ
Чужеземцемъ напролетъ,
Чужеземцемъ и умереть...
Лѣтомъ зной его пзжарить,
Дождикъ осенью пробьетъ.
Тотъ еще глупѣй родился,
Кто мечтаетъ, что счастливъ,
Если только обучился
Чуждой пѣснѣ съ чуждыхъ нивъ,
Кто безъ слезъ и безъ усплій
Молвить родинѣ: «прости!..»
И Григорій, и Василій —
Въ нихъ обоихъ нѣтъ пути...
Но... кто родиною грѣзить,
Для кого свята она,
Кто пзъ чужи въ даръ привозитъ
Землякамъ хоть горсть пшена,
Кто въ чужбинѣ беспокоенъ,
Кто бѣжить отъ суеты,
Тотъ и войтомъ быть достоинъ:
Будешъ войтомъ, Шимонъ, ты!»

И громада рѣчи рада; —
Всѣ пшеницей заняты
И кричатъ всѣ до упада:
«Будешъ войтомъ, Шимонъ, ты?»

II.

ПАНЬ МАРЕКЪ ВЪ АДУ.

ШЛЯХЕТСКАЯ ПРИТЧА.

1.

Пане Якубе! Сапогса нога *):
Значить, что надобно выпить безъ спора...
Намъ вѣдь съ тобою не знакомиться стать:
Вмѣстѣ и радость и горе дѣлили,
Медъ вмѣстѣ пили и кровь вмѣстѣ лпли,
Что съѣли соли — не вдругъ сосчитать,
А ужъ по свѣту шатались-шатались
Вмѣстѣ съ полкомъ, словно Марекъ въ аду —
Стало, написано намъ на роду,
Чтобъ и подъ старость за кубкомъ братались.
Пей-ка!.. Я притчу про Марка скажу.

*) Выраженіе, соотвѣтствующее нашему — *адмиральскій часъ*.

2.

Марекъ тотъ, — чести твоей доложу —
Быль неизвѣстно какое отродье...
Какъ прозывали его благородье,
Что былъ за гербъ у него и печать —
Темное дѣло; а свѣтъ поболтать
Всякую-всячину любить охотно...
Только изъ шляхтичей былъ онъ отмѣтной:
Знатному дому былъ какъ-то сродни,
Знаешь — по самой по линіи жалкой,
То есть, не-то-чтобы саблей, а прялкой...
Ну, а тщеславенъ былъ пуще вельможъ —
Мелкую шляхту не ставилъ и въ грошъ:
За версту дворъ объѣзжаетъ сосѣдній,
И не нахвалится панской передней.
Вмѣсто того, чтобъ съ дѣтьми и женой
Борщъ похлевать со свищиной, да слѣдомъ
Вспѣнить стопу себѣ брагой хмѣльной,
Марекъ вздыхаетъ по панскимъ обѣдамъ,
Старую спину сгибаетъ дугой —
Только-бъ пригубить токая отстой.
Въ стертомъ кунтушѣ, при ржавой саблѣнкѣ,
Къ замку отъ замка трусить на ключенкѣ:
Здѣсь свадьбу празднуетъ панъ-кастелланъ,
Тамъ — именинникъ самъ панъ-воевода...
Разнемогись кто изъ сродичей, — анъ
Марку заѣхать къ нему не свобода,
Неудосужится просто никакъ:
Къ старостѣ ѣздить и лечить собакъ;
Гнетъ да и гнетъ въ три погибели шею,
Панамъ вельможнымъ читаетъ рацею —

Кто былъ ихъ пращуръ, и прадѣдъ и дѣдъ,
Какъ онъ слуга имъ и вѣрный клеветъ;
Падаеть дѣ-ногъ... А паны все паны —
Стѣнь не жалѣють для шляхетскихъ плечъ:
«Пусть-моль потрутъ наздоровье жупаны.»
Вотъ за обѣдомъ иная ужь рѣчь:
Сядь, гдѣ подальше отъ пана, пріятель,
Тѣшь и насмѣшки глотай въ свой чередъ,
Какъ подобаеть, — па то прихлебатель!
Что-жь? передъ сеймомъ панъ руку пожметъ,
Да и на сеймъ тебя уважаетъ:
Лобъ за себя раскромтъ позволяеть —
А раскропль, такъ смотри пш-гу-гу!
Пане Якубе! Что-жь, скажешь, я лгу?

3.

Молвить по совѣсти, всѣмъ намъ, ей Богу,
Пѣ-сердцу панскій кусокъ даровой;
Больше-ли, меньше-ли, всѣ понемногу
Рады мы гнуться надъ панской сохой.
Только панъ Марекъ, предъ ясновельможьемъ,
Шляхты не числилъ твореніемъ Божиимъ,
Развѣ въ харчевнѣ, когда сгоряча
Станеть высчитывать знатные дома:
Все то сенаторы, все то знакомы...
Что-жь, что дырява па пемъ эпанча!
Всѣ съ нимъ, вотъ всѣ-то съ нимъ за понибрата,
Словно и самъ онъ рожденъ для сената
И для него тамъ и кресла стоять.
Ну, проживалъ Марекъ все до полушки,
Чествуя пановъ въ плохой деревушкѣ —

Да вѣдь и какъ же, бѣдняжка, быть радъ,
Если съѣдали запасы поварни
Панскіе слуги и панскія псарни!
А заѣжай къ нему шляхтичь, свой братъ,
Жалко поподчивать ковенскимъ медомъ.
Вотъ если паны, — такой и такой —
Прямо изъ Венгріи намъ подавай!
Такъ-то онъ годъ разорялся за годомъ...
Свѣчь восковыхъ онъ для пановъ изжегъ
Словно въ кастель какомъ — о каминѣ
Не было даже у Марка въ поминѣ:
Стыдно при панахъ топить камелекъ!
Ну, а на глупый мой разумъ, такъ въ печкѣ
Больше угрѣвы и свѣта, чѣмъ въ свѣчкѣ.
Какъ затрещать, загуторять дрова,
Кругомъ съ веселья пойдетъ голова.
Если-же съ трескомъ и хрустомъ березы
Искорки сыплются, словно фонтанъ,
Если имъ вторить шляхетскій стаканъ —
Все тутъ: и пѣсни, и сказки, и грезы...
Кажется, лучше и нѣту житья!
Пане Якубе! Не правда-ль моя?

4.

Правда? такъ хлопнемъ еще разъ на чаркѣ!
Я бишь о чемъ говорилъ-то?.. О Маркѣ...
Такъ-то вотъ, съ дуру, онъ брезгаль шляхтоѣ;
Панамъ былъ вѣрнымъ, покорнымъ слугой;
Сабли, спины и мошны не жалѣя,
Влѣзъ и въ долги... это все нпчего-бъ,
Да одолѣла болѣзнь чудодѣя —
Померъ и чинно уложенъ былъ въ гробъ.

Здѣсь не поплакалъ никто надъ покойнымъ,
Тамъ угодилъ онъ прамехонько въ адъ,
Или, какъ пишется слогомъ пристойнымъ,
«Во елисейскій вступи вертоградъ».
Умеръ бы тамъ онъ въ другой разъ съ боязни,
Если бы могъ... Страшно!.. пламя горить..
Танталъ съ Сизифомъ и казнь Дапаидъ...
Да дуракамъ не придумано казни:
Марка толкнули куда-то... Глядитъ —
Видитъ онъ: срублена крѣпко ограда
Вкругъ да и около знатнаго сада;
Садъ десятинь эдакъ на сто разбитъ...
Рощи, лужайки, зеленяя сѣни
Всѣ есть... И бродятъ безплотныя тѣни
Цѣлой громадой и тамъ вонъ, и тамъ,
По благовоиннымъ, цвѣтистымъ лугамъ.
Встрѣтятся, — если знакомы, подходятъ,
Машать рукой, разговоры заводятъ...
Думаетъ Марекъ: — «Эге! и въ аду
Можно бесѣду вести со своими:
Семка я пановъ знакомыхъ пайду,
Да и сдружуся попрежнему съ ними.
Нечего долго раздумывать... Ба!
Вотъ на меня прямо катить гурьба!
Видно по мнѣ, — не то — по чуприѣ,
Что за орлы и какого пера:
Все восводы, да все канцлера,
Гетманы... Чинъ такъ и ѣдетъ на чинѣ...
Что же? Мы въ грязь не ударимъ лицомъ!..
Чу! говорятъ... Да и голосъ знакомъ...
Венденскій староста!.. *Дѣло-то знамо...*»
Думаетъ Марекъ и къ старостѣ прямо:

« Ясновельможному пану челомъ! »
И по давнишнему рукъ своихъ тѣни
Вытянулъ, старость тропулъ колѣни;
Да не отвѣтила тѣнь на поклонъ:
Староста только отхаркнулъ вельможню
И отошелъ — будто онъ — да не онъ,
Будто-бы съ Маркомъ и знаться не можно.
« Староста нынче не въ духѣ... Ну, что же!
Пань—кастелланъ завсегда былъ хорошъ. »
Думаетъ Марекъ — и маршь къ кастеллану:
« Падаю въ поги вельможному пану! »
Только знать Марку тогда не везло:
Какъ ни вытягивалъ рукъ своихъ тѣни,
Какъ кастеллану ни трогалъ колѣни,
Тотъ отвернулся, нахмуривъ чело.
Марекъ мой далѣе по саду править:
То воеводѣ отвѣситъ поклонъ,
То передъ гетманомъ чувства заявить,
То передъ канцлеромъ вертится онъ...
Руки себѣ изломалъ, да напрасно:
Съ нимъ не хотятъ разговаривать — ясно!..
А межъ собою собираются въ кругъ:
Simili gaudent — и хохоть и шутка —
Свой своему поневоля ужъ другъ!
Пане Якубе! Правà прибаутка?

5.

Марекъ въ отчаяньѣ... Правду сказать:
Если захочешъ языкъ почесать,
Да если не съ кѣмъ, такъ истая мука...
Ну! Марекъ думаетъ, дурню наука:

Къ панамъ таперь ужь меня не сманить!
Вонъ собираются тамъ, подь оливой,
Сеймикъ шляхетскій... какой говорливый!
Шумный какой!.. И въ костель не ходить,
Если сейчасъ не начнутъ они биться
И, съ первой кровью, за кубкомъ мириться!..
Къ шляхтичамъ Марекъ! къ своимъ поскорѣй!
Чашникъ съ хорунжимъ давно зашумѣли;
Вызвалъ квартермистра панъ казначей
И засверкали у нихъ карабели... *)
Регентъ — должно быть, царапнули разъ —
Вопить: «прошу успокоиться васъ!»
Вотъ и панъ мечникъ на встрѣчу шагаетъ.
«Пану челомъ!» Марекъ мой возглашаетъ;
Но меченосецъ — съ чего онъ такъ золь? —
Усъ закрутилъ попригладилъ чуприну,
Брови нахмурилъ и прочь отошелъ.
Видно, что на-сердцѣ поситъ кручину!»
Марекъ подумалъ. Къ другимъ подойду.
«Ротмистръ! Какъ можется, панъ досточтимой!»
Ротмистръ ворчитъ себѣ подь носъ — и мимо.
Марекъ все дальше, но всѣ, на бѣду,
Шляхтича или едва примѣчаютъ,
Или не слышатъ, иль просто не знаютъ.
Руку протянетъ — руки не возьмутъ
И отвернутся... Поди-же ты тутъ!
Марекъ съ отчаянья бухъ на колѣни:
«Милые шляхтичи! милыя тѣни!»
Молить онъ: «сжальтесь-же вы надо мной!

*) Сабли съ рукояткой, осыпанной драгоцѣнными камнями.

Не обращайтесь со мной такъ сурово:
Молвите брату единое слово!»
Тѣни качають въ отвѣтъ головой,
Да ударяють по саблѣ рукой.
Такъ ему платять — и вѣрная плата:
Если гордецъ убѣгаетъ отъ брата,
Всѣ гордеца отъ себя оттолкнутъ.
Пане Якубе! По правдѣ-ли судъ?

6.

«Лихо-бы было всѣмъ шляхтичамъ-панамъ —
На-зло гербовымъ — пристану къ селянамъ!»
Крикнулъ панъ Марекъ съ досады и зла:
Видно тоска ужъ его проняла!
Смотрить: по близости цѣлой толпою,
У ручейка поселяне сидятъ,
Дымъ изъ коротенькихъ трубокъ пускають
И головою въ раздумьѣ качають:
«Что-то, сосѣдушки, тамъ?» говорятъ:
«Какъ-то живется родимымъ ребяткамъ?
Мы помирали — былъ холодъ по хаткамъ,
Да и земля-то какая — песокъ!..
А на святаго Мартына — оброкъ
И поземельныя подати тоже...
Чѣмъ они выплатять, Господи Боже!»
Такъ говорили въ смиреніи душъ
Бѣдные люди, когда уже близко
Былъ отъ нихъ Марекъ: завидя кунтушъ,
Съ мѣста громада поднялася, низко
Ясному пану поклонъ отдала,
И разбѣжалася — вся, какъ была.

Все отъ того, понимаешь-ли, пане,
Что недовѣрчивы къ шляхтѣ крестьяне —
Знаютъ они съ незапамятныхъ лѣтъ,
Что до любви ихъ и дѣла намъ вѣтъ,
А потому вся ихъ жизнь — лицемѣрье:
Надо любовью кушить ихъ довѣрье,
А за холодность — холодность въ отвѣтъ.
Пане Якубе! Что, такъ, али вѣтъ?

7.

Заскрежеталъ-же панъ Марекъ зубамъ,
Мѣрять онъ адскую область шагами:
То отъ крестьянской толпы по пятамъ
Гонится въ слѣдъ онъ вельможнымъ панамъ,
То, не польщенный бесѣдою панской,
Мчится опять за ватагой крестьянской,
Если-жъ толпа отъ него убѣжить,
Шляхтичамъ кланяться бѣдный спѣшитъ;
Шляхтой отверженный и мужиками,
Снова торопится онъ за панами.
Такъ-то по аду панъ Марекъ снуеть,
Такъ-то за годомъ смѣняется годъ:
Всѣ-то бесѣдой вольны забавляться —
Онъ осужденъ одиноко скитаться;
Всякой, кто хочетъ, его осмѣетъ,
А не признаетъ, руки не пожметъ;
Братья его не считаютъ за брата.
Пане Якубе! По дѣлу отплата?

8.

Божьею волей, воспрянувъ отъ сна,
Но неземнаго полна обаянья,

Марка загробную казнь и страданья
Видѣла разъ монастырка одна.
Какъ преподобной сестрѣ подобало,
Духовнику она все разскала,
Послѣ, за тайну, игуменья-мать
Тоже сподобилась какъ-то узнать;
Послѣ и прочія сестры узнали...
Чудо! о *Маркѣ въ аду* заболтали —
Мало-что въ городѣ — въ цѣломъ краю...
(Что, еслибъ видѣли Марка въ раю?)
Съ тѣхъ-то вотъ поръ и ведется присловье:
Если я мѣста себѣ не найду, —
«Мечется», скажутъ, «какъ Марекъ въ аду!»
Людымъ смѣшно, ну такъ чтожь? — На здоровье!
Да не смѣшно наказаніе снести:
Выдержаль Марекъ жестокія битвы...
Много такихъ грѣховодниковъ есть!
Еслибы отнялъ Господь у нихъ мечь!..
Пане Якубе прочтемъ три молитвы.

4 ноября 1858.

III.

ИЛЛЮМИНАЦІЯ.

Воспоминаніе подъ дождемъ.

—
1.

Стали осеннія ночи длинѣе;
Въ дрѣме природа;
На небѣ тучи чернѣй и чернѣе;
Дождь—непогода!

Въ сумракѣ плачеть бубеньчикъ почтовый
Всю-то дорогу;
Но отчего въ душѣ сумракъ суровый —
Вѣдомо Богу!

Мечется по лѣсу вѣтеръ съ налёта,
Кружить на полѣ:
Также и грустная мысль безъ отчета
Кружить на волѣ.

О невозвратномъ въ душѣ зароплись
Смутные грезы;
Капли дождя по щекамъ покатались,—
Или то — слезы?

Стыдно мнѣ плакать: рѣсницы закрыты;
Все подо тьмою...
Образъ далекій, былой, позабытый
Всталъ предо мною...

2.

Было давно это... Такъ-же дождливо;
Ночь, осень, слякоть;
Только въ тѣ старые годы мнѣ было
Не о чемъ плакать.

Разъ на охоту друзей собралася
Цѣлая лава;
Я хоть стрѣлкомъ не бывалъ отродяся —
Все-же забава?

Мигомъ собрался я вслѣдъ за ватагой;
Въ чемъ была треба,
Все взялъ съ собой: корандашъ мой съ бумагой,
Трубку и хлѣба.

Весело было въ дорогу пуститься:
Молоды были...
Только до лѣсу — боюсь ошибиться —
Двѣ или три мили.

Ѣдемъ... А дождь такъ и леть, какъ изъ кадки;
Все-то промокло...

Плохо... Вругь видимъ у ловчаго въ хаткѣ.
Свѣтятся стекла.

Принялъ насъ, высушилъ все до рубашки;
Подаль закуску;
Только и самъ ужь охотничьей фляжкѣ
Не далъ онъ спуску.

Мать его къ намъ пододвинулась ближе,
Разговорилась:
Князь Карлъ, пиры его, замокъ въ Несвижѣ —
Все не забылось.

Давняя пышность и давняя слава!
- Потерты лямки,
Съ тѣхъ поръ, какъ князь короля Станислава
Ждалъ въ своемъ замкѣ!

Новое время—о немъ не охота
Старой колякать,
А о быломъ рассказала, такъ *кто-то*
Просто сталъ плакать.

Скромная повѣсть, да только порою
Сердце мнѣ точить...
Я передалъ ее рѣчью простою...
Слушай, кто хочетъ.

«Такъ-то! Князь Карлъ!.. Онъ вытаскивалъ сѣти
Съ звонкой монетой:
Вамъ не слышать, не видать вамъ и трети
Пышности этой.

Живы Ляховичъ, Шибецкій Васплій,
Съ старымъ Францискомъ:

Пусть вамъ расскажутъ, какъ въ тѣ поры жили
Въ замкѣ Несвижскомъ.

Что за припасы, за вина велся,
Что за посуда!

Если-же князь подь хмѣлькомъ, такъ дивися —
Чудо и чудо!

Да и вѣстимо: въ пирахъ и въ забавахъ
Радость магнатамъ...

Экъ имъ, что ходитъ въ лахмотьяхъ кровавыхъ
Бѣдность по хатамъ!

4.

Помнится, годъ прожила я ужъ съ мужемъ...
Болѣе даже...

Только и дѣло-бывало, что тужимъ,
Да и нельзя-же.

Борешься, борешься съ нуждой упрямой —
Нѣтъ съ ней управы...

Въ тѣ поры дворникомъ мужъ былъ у самой
Слуцкой заставы.

Ну... им нины на Карла святаго
Княземъ справлялись —

Третьяго что-ль ноября, | аль втораго...
Гости съѣзжались.

Мужа куда-то отправили къ спѣху...
Да, до Люблина...

Богъ безъ него и послалъ намъ утѣху —
Перваго сына.

Крошка былъ вылить въ отца!.. Я съ поклономъ
Къ свату — сосѣду:

И окрестили ребенка Антономъ
Въ честь его дѣду.

Ахъ мой Антось... Что другіе не жили —
Богъ бы ужъ съ тѣми!

Жалко его... Чай и косточки сгнили
Въ мать сырой зѣми!

Можетъ, и жилъ-бы, и я-бъ не страдала,
Да именины...

Осенью оспа къ ребенку пристала,
Такъ, безъ причины.

Панъ понимаетъ: отъ оспы успѣшно
Можно избавить.

Только въ день Карла велятъ намъ послѣшно
Факелы справить....

Въ княжескомъ замкѣ огни запылали;
Чернь, что есть мочи,
Бросилась къ замку, за тѣмъ-что спускали
Фейерверкъ къ ночи.

Такъ-то свѣтло вдругъ на улицѣ стало —
Вотъ какъ: булавка —

Кажется, даже и ту бы подняла...
Въ городѣ давка.

Передъ домами столпы съ фонарями
Въ землю вкопали;

Дворники дружно прямыми рядами
Ихъ зажигали.

Горе мнѣ, бѣдной! На грѣхъ я немного
Позапоздала
Столпъ освѣтить: все ребенка больного
Тихо качала.

Мы на Подолѣ тогда проживали —
Домъ былъ, какъ въ ямѣ,
Вдругъ кто-то стукъ къ намъ въ окно! задрожали
Стекла всѣ въ рамѣ...

На полъ упало одно, зазвенѣло...

«Гэй, ратозѣи!

Видно заспалися? дворникъ, за дѣло!
Свѣту живѣе!»

Что было дѣлать? какъ кинуть малютку?
Плачетъ пригожій!

Тутъ-то и входить, сердить не на шутку,
Въ хату обхожій.

Выгналъ... Я къ факелу. Сердце нѣмѣетъ
Вмѣстѣ съ руками...

Гляну въ окошко: дитя коченѣетъ
Передъ глазами.

Крикомъ кричить, почернѣло, что сажа...
Всею душою

Рвешся къ нему—ратушова стража
Ждетъ за спиною.

Стала огонь раздувать я — за даромъ:
Вѣтеръ мѣшаетъ;

Факелы около пышутъ пожаромъ —
Мой угасаетъ.

Такъ и хохочуть кругомъ надо мною —

Смѣхъ имъ и шутка!...

Факель зажгла я, а слезы рѣкою:

Плачетъ малютка!

Вѣтеръ въ окошко на нѣжное тѣло

Холодомъ дышетъ;

Смерть къ колыбели за вѣтромъ слетѣла:

Мать—ли не слышать!

А торопиться нельзя; не велѣли —

Сторожъ такъ страшень...

Къ полночи пушки, что громъ, загудѣли

Съ замковыхъ башень.

Тамъ—веселится все такъ и пируетъ,

Пѣсни такъ звонки...

Здѣсь—раздуваетъ огонь и гонимъ

Мать по ребенкѣ!

Бочки изъ замка для черни прислали:

Вина, медъ старой;

Кто поважнѣе, тѣхъ въ ратушѣ стали

Подчивать чарой.

Вотъ закричали: «вивать на вивать,

Князь благородный!»

Я—къ колыбелькѣ, къ родному дитяти...

Весь ужъ холодный!

Утромъ нашъ князь провожалъ иянины;

Чернь веселилась...

Я на кладбище шла съ гробикомъ сына,

Шла и молилась.

И не забыть мнѣ веселые звуки,
Крики хмѣльные,
Желтое личико, желтыя руки,
Что восковыя.

Умеръ... и словно бы такъ, безъ причины...
Богу знать ближе...
Знато, бывало, справлялъ именины
Князь нашъ въ Несвижѣ!..

1859.

IV.

Г Р У З И Н К Ъ.

—

Ты вся создана для любви, но кавказскія горы
Пахнули морозомъ на сердце мое молодое,—
И вотъ—перелился весь пламень изъ сердца во взоры,
И вотъ—загорѣлись глаза твои южной звѣздой,
И стало лицо твое горнаго снѣга болѣе,
И стала коса твоя ночи беззвѣздной чернѣе:
Какъ геній Кавказа, ты блещешь красой неземною —
Все дивно въ тебѣ, только сердце твое — ледяное.

1857.

V.

НЕВИННОЙ ДУШКЪ.

Что за радость биться съ долей?
Даль Богъ сонъ — чего-же болѣй?
Спи!.. я пѣсенку спою...
Вотъ постелька, вотъ подушка!
Спи, голубчикъ, спи-же, душка!
Баю-баюшки-баю!

Миръ не спитъ,—хоть и зѣваетъ...
Все куда-то поспѣшаетъ...
А куда?.. на пользу чью?..
На огонь летитъ, какъ мушка..
Спи, голубчикъ, спи-же, душка!..
Баю-баюшки-баю!

Спи! тебѣ приснятся грезы,
Что и словъ нѣтъ: бѣдность, слезы —
Нѣтъ ихъ, также-какъ въ раю!..
Да и жизнь-то вся—игрушка...
Спи, голубчикъ, спи-же, душка!..
Баю-баюшки-баю!

VI.

К О Р О Л Ь К И.

пѣсня.

Какъ пошолъ я съ козаками,

Ганна говорила:

«За тебя я со слезами

«Бога умолила:

«Ты вернешься съ первой бытвы

«Весель и здоровъ —

«Привези жь мнѣ за молитвы

«Нитку корольковъ!»

Богъ послалъ намъ атамана:

Сразу мы разбили

Впухъ и впрахъ все войско хана,

Городъ полонили,

Сбили крѣпкія ворота —

Пиръ для козаковъ!

У меня одна забота:

Нитка корольковъ.

Вдругъ — сама въ глаза сверкнула—

Знать, помогъ Всевышній —

И сама мнѣ въ горсть юркнула

Алой, крупной вишней.

Я добычу крѣпко стиснулъ —

Да и былъ таковъ:

Прямо къ Ганнѣ степью свиснулъ

Съ ниткой корольковъ.

И не спрашивалъ я брода,

Гати, или моста...

Звонъ у нашего прихода;

Людь валить съ погоста —

И кричить мнѣ вся громада

Сотней голосовъ:

«Ганна тамъ — и ей не надо

«Нитки корольковъ!»

Сердце сжалось, замирая,

Въ груди раздроблённой,

И упалъ съ коня, рыдая,

Я передъ иконой

Всѣхъ скорбящихъ: о пощаду

Я молилъ безъ словъ,

И повѣсилъ на окладѣ

Нитку корольковъ.

9 января 1861.

VII.

КРАКОВЕЦЪ ВЪ ЛИТВѢ.

Любо, вольно намъ, краковцамъ,
Жить, не беспокоясь;
Только надо-жь и литовцамъ
Поклониться въ поясъ.

Хоть на Нѣмнѣ и Вилнѣ
Калачи чернѣ,
Да сердца-то золотыя,
Да и грудь сильнѣ.

Лѣто намъ луга и пивы
Снаряжаетъ братски;
Наши молодцы игривы,
Что соколъ карпатскій...

А литовцы дики, грубы,
Словно лѣсъ дубовый;
Ну, и борятся, какъ дубы,
Со грозой суровой...

Краковянчикъ—рѣзвущикъ
Пляшется, поется
И смѣется, хохотушкѣ,
Такъ вотъ—все смѣется;

А литвишка величавой
Тихой рѣчью манить, —
И кольнетъ стрѣлой лукавой
Въ сердце, если взглянетъ.

Наша пѣсня—вся изъ смѣха,
Вся изъ юркой мысли,
А въ Литвѣ—плавнѣ эха
И волны на Вислѣ.

Кто бывалъ въ Литвѣ, конечно
Тотъ пойметъ — что значить,
Если съ радости сердечно
Человѣкъ заплачетъ.

VIII.

УКРАИНКЪ.

Когда молодая красotka Украйны,
Съ румяными щечками, съ темной косою,
Со всеѣмъ обоянѣемъ украинской тайны,
Про дѣдовъ мнѣ пѣсню затянетъ порой,
И, вѣя тоскою не признанной муки,
Закаплютъ мнѣ на душу свѣтлые звуки,
Тогда... о, тогда я — мечтой и душой —
Въ бываломъ привольѣ Украйны былой, —
И хочется быть мнѣ тогда гайдамакомъ,
Съ булатною саблей, съ лихимъ аргамакомъ.

Какъ было-бъ привольно и весело мнѣ
Промчаться по степи до хаты-дымовки,
На встрѣчныя ласки моей чернобровки,
Въ вѣнкѣ изъ барвинокъ, въ простомъ полотнѣ:
Баранью бы шапку на брови падвинулъ,
За плечи стальное копье перекинулъ,—
И мой долгогривый, по теми лѣсной,
Мелькаль-бы, какъ молнія въ тучѣ почной;
Сплывала-бы съ плечъ моихъ черная бурка.
А за поясъ заткнуты ножъ и бандурка.
Бандуреа для пѣсенъ дѣвчины моей.

Туда-бы, въ Украйну, въ затишьє стєней,
Бѣжалъ я отъ взгляда и шума людского,
И тамъ допросился-бы вѣщаго слова
У вѣчно-зелєныхъ, безбрежныхъ морєй,
Гдѣ вѣтеръ колышетъ вѣтвями бурьяна,
Той пальмы Украйны, что, съ шлема кургана,
Вѣчасть, какъ памятникъ присно-живой,
Быть можетъ, могилы Мороза, Нечая,
Могилы страдальцевъ обмершаго края,
Могилы казачьей семьи удалой,
Какъ памятникъ славы и вольности дикой
И дикой поэзіи...

Но защемятъ

Мое ретивѣе тоскою великой,
Когда моя греза, что дымъ, улетитъ,
Когда многожданное слово: «воскрєсни!»
Услышу въ преданіяхъ только и въ пѣснѣ...

Видалъ я, какъ—пѣсней испуганы—въ высь
Срывался соколы съ гнѣздъ и пєслись,
Вращая кругомъ пзумленное око,
И всѣ отлетали со стономъ далеко...
И понялъ я, понялъ тоскливый ихъ стонъ:
Охъ, не съ кѣмъ ужъ больше помчаться въ обгонъ —
Все минуло... только листочки калины
Шумятъ по обломкамъ былой Украйны.

IX.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ЛУЧШЕ.

Нѣтъ! село у насъ стояло
Краше въ старину!
Да не быть порѣ бывалой:
Что ни дѣвка — цвѣтикъ алыи,
Что ни парень — пу!
Вась привель Богъ умудриться,
А посмотришь — не спорится
Ничего-то вамъ:
На лугу цвѣты — крапива;
И чахоточная нива;
И народъ-то срамъ!
Намъ, бывало, не помѣха —
Снѣгъ и градъ съ дождемъ;
Коль работаемъ — утѣха,
А гуляемъ — такъ застрѣха
Ходить ходенемъ.

Нынче люди не такіе:
За работой — что больные,
Съ чарки — подъ столомъ...
А могучихъ дѣдовъ кости
Почиваютъ на погостѣ
Вѣковѣчнымъ сномъ!

Къ нимъ бреду въ морозъ и слякоть:
Выпить жбанъ медку,
По покойникамъ поплакать
И съ могилкой покалякать —
Любо старьку...

1861.

БОГДАНЪ ЗАЛЕСКІЙ.

—

I.

ЛЕДАЩАЯ.

—

Ахъ, крикунъ мой пѣтухъ, чтобъ взяло тебя лихо!
Не сидится тебѣ на пасѣсточкѣ тихо.
Аль не знаешь, что бѣдной мнѣ ночь коротка,
Что мнѣ хочется спать, а постеля жестка?

Такъ-вотъ вдругъ, на зарѣ, я горошкомъ и встала!
Не за то-ль, что вчера цѣлый день работала?
Будто впрямь — работѣть велика мнѣ нужда —
Какъ не такъ!... Я сама пригожа, молода...

А вчера меня мать спозарапокъ гоняетъ:
«Шла-бы жито полоть: вишь — оно поспѣваетъ».
Не полола я жита — совсѣмъ не могла:
Хоть ушла изъ избы, да въ бороздку легла.

Тамъ мнѣ въ руки давалися сами цвѣточки,
И свивалися сами въ такіе вѣночки,
Что хотѣлося только взглянуть и надѣть,
Да подумала: долго-ли такъ загорѣть?...

Я верпулася... Мать все хлопочеть, хлопочеть
По избѣ: накормить дочку милую хочеть
За работу, за то, что вернулась домой
Ужь такая усталая, Боже ты мой,

Что лица пѣтъ на ней... Улеглась я на лавку
И кога поманила къ себѣ на забавку;
Жмурюсь, жмурюсь и вижу, что къ пряткѣ ужь мать
Три кудели несеть — и опять работатъ!..

Только солнышко къ низу — какъ гляну я бодро,
Какъ вскочу, какъ схвачу коромысло и вѣдра,
Какъ порхну изъ избы удалый воробья,
Потому — ужь куда черноброва-то я!..

И ужь тѣ на душѣ моей горя-заботы,
Да охочей чужой и повольной работы,
Что не ставлю въ укоръ парнямъ я молодымъ,
Коли ведра снесутъ мнѣ къ воротамъ самимъ.

И бранить меня мать съ темной почки до свѣта,
За мои молодья и глуныя лѣта.

И не знаю, за что всѣ сосѣди корятъ,
И «ледащая» прямо въ глаза говорятъ.

Пусть бранятся, на сколько имъ станеть охоты,
А ужь встать не могу я съ вчерашней работы...
Вѣдь не знаютъ, какъ бѣдной мнѣ почь коротка,
И какъ хочется спать, а постеля жестка.

И.

Д В Ъ С М Е Р Т И .

Годъ они любились — на-вѣкъ разлучились,
И сердца обоихъ въ дребезги разбились...

Дѣвица томится во свѣтлицѣ повой,
А казакъ уложетъ мать-сырой-дубровою.

Дѣвица поникла къ пуху-изголовью,
А казакъ къ жупану, облитому кровью.

Дѣвичьи лекарства — меды-вареницы,
А казакъ... хоть каплю-бъ подали водицы!...

Дѣвицу вся сѣмья съ плачемъ обнимаетъ,
А казакъ... ужь воронъ каркнулъ и слетаетъ...

Оба отстрадали; грудь сожгло обѣимъ,
И заснули оба вѣчнымъ спомъ-покоемъ.

Дѣвицу со звономъ, съ лютіей заруютъ,
А казакъ... надъ бѣднымъ только волки воютъ...

Дѣвичью могилку холятъ и лелѣютъ,
А казачьи кости по-вѣтру бѣлѣютъ.

ОДЫНЕЦЪ.

ДѢВУШКА И ГОЛУБЬ.

Ахъ ты, милой-миленькій,
Ахъ ты, мой дружокъ!
Ахъ ты, непризнательный
Бѣлый голубочекъ!

Если бѣ съ кѣмъ мнѣ вздумалось
Такъ расцѣловаться,
Развѣ-бѣ онъ изъ рукъ моихъ
Сталъ тревожно вваться?

Али бѣднымъ дѣвицамъ
Ждать-пождать напрасно,
Чтобъ любили молодцы
Беззавѣтно-страстно?

Богъ вѣсть!... только на сердцѣ,
Что ни день, больнѣе...
Чѣмъ онъ горделивѣе,
Тѣмъ мнѣ и милѣе.

Богъ съ нимъ! Пусть голубчикъ мой
Голубицу мучить,
Пусть ему и теплое
Гибздышко прискучить...

О, теиерь по питочкѣ
Доберусь къ клубочу,
И за то *спасибо* я
Молвлю голубочку.

Кто ко мнѣ привѣтливѣй,
Съ тѣмъ я буду строжѣ:
Пусть меня полюбитъ опъ
Беззавѣтно то же.

Только пусть же вѣдасть
Тотъ, кому прискучить,
Что дѣвицу строгости
Голубочекъ учить.

РЕУТЬ.

Ж Е Н А.

БѢЛОРУССКАЯ СКАЗКА.

1.

Жилъ когда-то мужичёкъ...
Самъ-то былъ опъ съ поготовкъ,
Да умомъ-то съ локотокъ:
Былъ слугою вѣрнымъ пану,
Прихожанномъ плебану *).
Парни нынѣшніе — что?...
Всѣ пьянчуги... и за то —
Сѣвъ у нихъ, аль имянины,
Али свадьба, аль крестны,
Али что тамъ ни на есть,
Хоть-бы вотъ мірская сходка —
Всё у нихъ покончить водка.
Чуть къ обѣдѣ зазвонять,
Туть-какъ-туть кромѣшній адъ,

*) Плебанъ — приходскій священникъ.

И въ корчмы, а не въ костёлы
Тянетъ бѣсъ мірянъ за полы.
Почему же, спросимъ мы,
Противъ папертей корчмы
Для соблазна христіанамъ?
Отвѣчать на это панамъ...
Мужичекъ мой (какъ назвать —
Не припомню) — не таковской:
Чары нѣ плъ онъ бѣсовской,
Крѣпко вѣрилъ въ благодать
И молился... Отчего-же
Не молился послѣ то же
Хоть-бы правуки его?
Какъ тутъ скажешь — отчего?...
Ну, за набожность въ награду,
Самъ Господь его взыскалъ:
Шивѣ, пчельнику и стаду
Стражемъ ангела послалъ.
Сѣна — каждый взмахъ — полпуда,
Самъ-двѣнадцать колосокъ...
Просто жилъ царькомъ, покуда
Не женился мужичёкъ.
«Тьфу ты, пропасть! Неужели,
Какъ женился, такъ пропалъ?»
— «Да ужь такъ, коль въ самомъ дѣлѣ
Не жену, а чорта взялъ».
Съ первыхъ сутокъ молодая
Показала мужу прыть:
«Знай моль, дурень, что лихѣ я
Кочергой и словомъ бить».
Ангель видитъ, что лукава —
Вразумить ее хотѣлъ,

Да вѣдь бабѣ гдѣ управа?
Поневолю отлетѣлъ...
Что-туть? Бѣсу съ ней тогда-бы
Врядъ-ли сладить было въ мочь:
Онъ навѣрно въ адъ отъ бабы
Поскорѣй ушелъ бы прочь.
Словомъ, баба вызываетъ
На ножи изъ ничего.
Мужъ молчитъ, хоть и страдаетъ:
Сынъ родился у него.
А чего отецъ для чада
Не снесетъ? И то сказать,
Что ему сынокъ — отрада,
И при немъ не злится мать.
На рукахъ его качаетъ,
И баюкаетъ отецъ:
.Баю — баю! — прищѣваетъ,
Баю — добрый молодецъ!
Вырастай на черномъ хлѣбѣ,
Да на нашей сельской трѣбѣ,
Будешь счастливъ и любимъ:
Я и самъ бывалъ такимъ...
Да теперь-то нездорово:
Хатка врозь себѣ ползѣтъ,
Что ни годъ, то и падѣтъ
На дворъ моемъ корова;
Въ ульяхъ — покотомъ пчела;
Нива — словно не была,
Не поднимешь ржи и новью.
Да тебѣ-то что птенцу? ..
Пусть все сердце чѣрной кровью
Обольетъ тоска отцу».

2.

Минулъ годъ, другой, за ними —
Третій годъ, четвертый, пять...
Время мчится — не видитъ...
Но остались все такими,
Какъ и были, мужъ съ женою —
Значить: шая съ кочергою.

3.

Разъ жепя и напустилась
На супруга, словно бѣсъ,
Съ кочергой, и такъ озлилась,
Что ушелъ отъ ней онъ въ лѣсъ.
Только, Господи мой Боже!
И въ лѣсу одно и то-же:
Въ перелѣтномъ вѣтеркѣ
И болтливомъ ручейкѣ
Слышны жепяны угрозы;
Кочергой глядятъ березы;
Каждый пруть и каждый сукъ
Мужу въ спину хлысть, да стукъ,
Словно бабѣ дались въ руки.
Молить бѣдный мужъ, стая:
«Свободи, Христе, отъ муки
Многогрѣшнаго меня!»
Помолился такъ-то, слезку
Руковомъ себѣ отеръ,
И изъ лѣсу, на просторъ,
Вышелъ прямо къ перекрѣстку.
•Наконецъ-то уголокъ
Отыскалъ я, слава Богу!

Тутъ авось-либо тревогу
Милой женки голосокъ
Бить не будетъ барабаномъ...
Эко солнце-то! Съ небесь,
Что снопомъ лучей румянымъ,
Такъ и сыплется на лѣсъ!
И цвѣтки и травки въ полѣ;
Пташки вольныя въ кустахъ...
Отчего-же я въ неволь,
Отчего-же я въ слезахъ!
Посмотрѣль — глаза-то зорки
Послѣ слезъ: кругомъ пригорки,
Знать могилки. На одной
Подъ крестомъ сидитъ съ клюкой
Нищій старецъ, бородастый,
Изможенный и горбатый,
И какъ бѣлый лунь съдой.
Шепчетъ старецъ — что такое,
Не разлушать издали,
Да уста его могли
И шептать-то лишь святое,
Такъ онъ самъ былъ святъ на видѣ.
Мужичекъ глядитъ, глядитъ,
И мерекаетъ: «пожалуй,
Онъ со мной заговорить».
Такъ и сталося: «Что ты, малый»,
Молвилъ старецъ: «что съ тобой,
Что кручинный ты такой?
Я и самъ брожу по свѣту —
Сытъ денекъ, а три дня — нѣту,
Такъ чужую-то бѣду
Я руками разведу:

Разскажи-же, не таяся,
Ты съ чего загоревалъ?
Мужичекъ нашъ отрадися
Никому еще не лгалъ,
И теперь всю правду-матку
Старцу высказалъ: — «Да вотъ,
Такъ и такъ, который годъ
Посѣтило горе хатку
У меня, а все жена
И причина и вина:
Ни любви, ни совѣта
Нѣту съ ней... сжила со свѣта...»
Помолчалъ тутъ старецъ. — «Да!
Говорить, твоя бѣда —
Быль, не то-что небылица:
Вѣдь жена не рукавица —
Какъ ты сбросишь съ рукъ ее?...
Да... съ ней мука — не житье...
Но, послушай: Богъ даруетъ
Счастье людямъ по дѣламъ,
По дѣламъ и наказуетъ...
Можетъ ты невпенъ самъ,
Да виновны дѣды были,
Передъ Богомъ согрѣшили —
Ты за нихъ и отвѣчай
На землѣ, а въ небѣ — рай
Всѣмъ, грѣхъ ближнихъ искунившимъ,
Пострадавшимъ и любившимъ.
Дни твои ужъ сочтены —
Ты погибнешь отъ жены:
Тотъ, кто дерево зарубить
Не подъ силу, тотъ погубить

И его, да и себя...
Но вѣдь сынъ есть у тебя,
И счастливую судьбину
Богъ пошлетъ, быть можетъ, сыну
Злополучнаго отца.
«Претерпѣвый до конца —
Той спасется!» Этимъ словомъ
Ты, о имени Христовомъ,
Прожилъ вѣкъ и претерпѣлъ,
Какъ Спаситель повелѣлъ,
И за то Господней волѣ
Ты изъ устъ моихъ внемли:
Какъ почувствуешь, что болѣ
Не жалецъ ужь ты земли,
Призови къ себѣ ты сына:
Пусть при ложѣ онъ твоёмъ
Поклянется быть врачомъ:
Всѣхъ — раба и господина,
Бѣдняка и богача,
Всѣхъ, кто требуетъ врача;
А ему ты изъ-за гроба
Предназначенъ помогать —
Вотъ какъ: будете вы оба
У одра больныхъ стоять;
Коль увидишь, что больного
Не смущаетъ смерти страхъ,
Ты съ улыбкой у такого
Долженъ будешь стать въ ногахъ.
Коль увидишь, что больному
Неизбѣжно смерти дань
Заплатить пришлось, къ такому
Въ изголовьи самомъ стань.

Этимъ сына ты избавишь
Отъ ошибокъ и прославишь
Не простымъ его врачомъ —
А всевъщимъ мудрецомъ».
Кончилъ старецъ — и мгновенно,
Средь лазоревыхъ небесъ,
Въ свѣтломъ облокѣ исчезъ.
Кто былъ старецъ? — несомнѣнно,
Эта тайна не для насъ...

4.

Снова годъ, другой и третій
Пролетѣли — не видать...
Вотъ и пять .. И стали дѣти
Ростомъ батекъ обгонять.
Хоть прошли года, но съ ними
Все остались такими,
Какъ и были, мужъ съ женой —
Значить: шея съ кочергой.
Наконецъ — великій Боже! —
То сбылось, что предсказалъ
Въщій старецъ, и на ложе
Мертвымъ бѣдный мужъ упалъ.
И пора была: долговѣко
Пострадалъ и потерпѣлъ...
Передъ смертью онъ тихонько
Подозвать сына успѣлъ,
Говорить ему: «Сегодня
Стало плохо мнѣ съ утра —
Умереть пришла пора,
И на это власть Господня...

Такъ попомни ты о томъ,
Что обязанъ быть врачомъ —
Воля отчая такая,
И прошу я, умная:
Нашей воли не забудь
И объту въренъ будь.

5.

Такъ—ли, инакъ—ли, а лѣта
Пронеслися чередомъ:
Сынъ покойника врачомъ
Сталъ — и вѣсть пошла о немъ
На четыре страны свѣта
По загридевать земель,
Незвѣданныхъ досель.

6.

Вотъ, по этому по слуху,
Шлетъ, по морю, аль по суху,
За врачомъ своихъ пословъ
Царь... А кто онъ былъ таковъ,
Изъ котораго слалъ краю,
Ужь доподленно не знаю,
Только вотъ его слова:
«Пріѣзжай ко мнѣ: болѣю..
Помоги хоть встать сперва —
Полказны не пожалѣю!
Не помогаешь — голова
Съ плечь долой!»

Не убоился

Врачъ такихъ рѣчей царя:

Ничего не говоря,
Въ путь-дороженьку собрался,
И по дальнимъ по странамъ,
По горамъ и по морямъ,
Ко дворцу царя добрался...
Показали, гдѣ лежитъ
Царь ихъ батюшка въ недугѣ
Всѣ дворецкіе и слуги.
Глянулъ врачъ — анъ смерть стоитъ
Въ изголовьѣ у больнова,
И совсѣмъ уже готова
Душу царскую принять...
Царь почти ужъ и не дышетъ...
Лекаръ смерть хотѣлъ прогнать:
Сталъ кивать ей и шептать —
Такъ не видитъ и не слышитъ...
Что тутъ дѣлать? Накопецъ
Догадался врачъ:

« Отецъ! »

Говоритъ онъ: « ради Бога,
Ты уйди — мать у порога! »
Не успѣлъ промолвить онъ —
Смерть изъ царской спальни вонъ,
Только пятки засверкали...
Что случилось потомъ,
Вы безъ насъ-бы угадали:
Царь съ постели молодцомъ
Встать не медля соизволилъ,
И врача онъ такъ захолилъ,
Цѣлыхъ полгода, что тотъ
Отъ несслыханныхъ щедротъ
Еле-еле не рехнулся...

Какъ ужь онъ домой вернулся —
Говорять ни то, ни се...
Мы не знаемъ — вотъ и все.
Нѣтъ не все еще: два слова
Намъ приходится сказать.
У врача тогда-же мать
Вышла замужъ за другога,
И другога доконать
Собралась-было отъ скуки,
Да у ней и обѣ руки
И языкъ вдругъ отнялся...
Вотъ теперь — и все и вся.

1860.

ХОДЗЬКА.

МОЛОДЕЦЪ.

Съ конца въ конецъ мой конь гонецъ

Обрыскалъ свѣтъ:

Гдѣ я леталъ, мой врагъ пропалъ —

И слѣду нѣтъ...

Въ Литвѣ, въ Руси людей спроси,

Кто вѣдалъ бой:

Чей рогъ звучить, чей конь бѣжить

Вотъ такъ, какъ мой?

моихъ коровъ среди луговъ

Зашла трава;

На нивѣ рожь волнится сплошь;

Хмѣль — деревá.

Да и въ дому найдемъ кому

Припрятать сотъ:

Мои красна́ — что день ясна —

Красотка ткеть.

Взяль на лету я пташку ту

Съ чужихъ полей.

« Вотъ клѣтка — пой, простишь съ родной,

« Да слезъ не лей!

« Простишь съ отцомъ: за молодцомъ

« Въ лѣса — дубнякъ!

« Литвина знай — не знай — ласкай:

« У насъ вѣдь такъ!»

24 февраля 1858.

СЪ УБРАШЕНКАТО.

ШЕВЧЕНКО.

—
I.

В Е Ч Е Р Ъ.

—

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахаря тащатъ;
И распѣваючи дѣвчаты
Домой на вѣчерю спѣшатъ.

Семья ихъ ждетъ, и все готово;
Звѣзда вечерняя встаетъ,
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ—дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все: однѣ дѣвчаты,
Да соловейко не затихъ.

И.

П Л А Т О К Ъ.

Аль была ужь Божья воля,
Аль ея дѣвичья доля,
Чтò въ чужой семьѣ вскормилась,
Съ сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Безталанной смотреть въ очи
И воркуеть у сосѣдки
Съ ней съ утра до поздней ночи.
Говорили—ворковали,
Госпожинокъ поджидали.
Дождались...

Въ Чигринѣ

Всю Украину созвонили,
Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
Сабли острия точили,
На веселый пиръ сбѣрались,
На казацкое веселье —
На кровавое похмѣлье.

Въ воскресенье, раннямъ-рано,
Сурмы-трубы заиграли —
Съ красной зорькой компанейцы
Въ путь дорогу выступали.
Провожала мать-вдовица
Своего роднаго сына,
И сестра роднаго брата,
Сиротину сиротинка
Провожала: вороному
Налила воды студеной,
И сняла съ стѣны винтовку
Вмѣстѣ съ саблей золочёной.
Провожала за три поля,
Попрощалась при долинь
И дала дружку платочекъ,
Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.

Охъ, платокъ ты мой, платочекъ,
Шитый шелкомъ по узору!
На сѣдлѣ тебѣ казачьемъ
Красоваться только впору!

А она-то, сиротинка,
Опознала грусть-тревогу:
Что ни свѣтъ-заря, выходитъ
Каждымъ утромъ на дорогу,
А въ воскресный день съ кургана
Смотрить... Очи помутились..

Черезъ два года на третій
Компанейцы воротились.
Рать гремятъ, гремятъ другая,

А за третьей ратью тихо —
(Не гляди туда, голубка!)
Не добро везуть, а лихо:
Гробъ везуть, китайкой крытый,
И со двухъ сторонъ у гроба
Самъ полковникъ съ старшиною
Въ черныхъ свѣткахъ идутъ оба,
Самъ полковникъ компанейскій,
Характерникъ съ Сѣчи — значить;
Слѣдомъ — паны эсаулы...
Кто идетъ за гробомъ — плачетъ...
И несутъ они доспѣхи:
Брѣню крѣпкую, литую,
Всю въ рубцахъ, въ разсѣчкахъ вражьихъ,
Да и саблю золотую,
А за саблей три винтовки,
Да еще три самопала;
И по всѣмъ по нимъ казачья
Кровь горячая бѣжала.
Охъ! вѣдутъ и воронова:
Поразбиты всѣ копыты;
И платкомъ шелковымъ, шитымъ
У него сѣдло покрыто.

14 мая 1859.

III.

БАТРАЧКА.

ПОВѢСТЬ.

—

Прологъ.

—

Въ воскресенье, раннимъ-раномъ,
Полѣ крылося туманомъ;
Подъ туманомъ, на могилѣ,
Словно тополь наклонили,
Молодица молодая,
Что-то къ груди прижимая,
Говорить:

«Туманъ, туманъ,
Горемычный мой талантъ!
Что меня ты здѣсь на полѣ
Не схоронишь, не задавишь,
Въ мать-сыру-землю не вдавишь?
Что мнѣ, вмѣстѣ съ злой недолей,
Въку не убавишь?
Нѣтъ, туманъ мой, не дави,

А зарой меня на полѣ,
Чтобъ никто не зналъ, не вѣдалъ
Злой моей недоли!..

Не одна я: у меня
Есть и батька и родня...
Есть еще, туманъ дружочекъ,
Некрещённый мой сыночекъ...
Не крестить, на горе злое,
Мнѣ тебя, дитя родное,
А чужимъ... Мнѣ не узнать,
Какъ тебя, дитя, и звать...
Ахъ! и я была когда-то
И счастлива и богата!
Не кляни меня постылой!
Съ неба самаго, мой милый,
Долю выплачу слезами
И пошлю тебѣ съ мольбами!»

И, рыдая, полемъ кралась,
Подъ туманомъ укрывалась,
Да сквозь слёзы про вдову
Тихо напѣвала,
Какъ въ Дунай дѣтей вдова
Хоронила-клала:

«Ой на полѣ могила;
По ней вдова ходила,
По ней она гуляла
Да зельица искала;

Только зелья не нашла —
Сыновей двухъ привела,

И въ китайку повилà,
И къ Дунаю отнесла:

«Тихій, тихій Дунай,
Мнѣ сынковъ забавляй!
Ты, мой желтый песокъ,
Будь для нихъ ты легокъ!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

4.

Жиль-быль-себѣ старикъ съ старушкой.

Они съ издавна надъ прудомъ
Живутъ на хуторѣ вдвоёмъ,
Не разлучаяся другъ съ дружкой.
Дѣтьми овецъ пасли вдвоёмъ,

А послѣ повѣнчались,

И своего добра дождались:

Нажили хуторъ надъ прудомъ;

Въ лѣсу садочекъ развели,

И пчельникъ обрядили —

Всего нажили;

Да Богъ обидѣлъ ихъ дѣтьми,

А смерть съ косою за плечьми.

Кто жь ихъ старость приголубить?

Вмѣсто дѣтокъ станеть?

Кто заплачетъ, кто облюбить?

Душу кто помянетъ?

Кто добро схоронитъ честно,

Въ холѣ, да въ покоѣ?

Кто сберечь его съумѣетъ,
Какъ дитя родное?
Тяжко, горько нянчить дѣтокъ
Въ непокрытой хатѣ,
А еще тяжелѣ старость
Въ каменной палатѣ, —
Старость, смерть, тоска-злодѣйка,
Сирость и кручина
И залѣжная копейка
На смѣхъ чужанина.

2.

Старикъ съ старухой, въ воскресенье,
Сидятъ на присыпкѣ вдвоемъ,
Въ сорочкахъ бѣленькихъ — чистенько...
А солнце въ небѣ голубомъ
Прогнало тучки: тихо-тихо
И ясно, словно-бы въ раю,
И схоронилось въ сердцѣ горе;
Какъ звѣрь въ потѣмномъ борѣ.

Вотъ и рай... О чемъ, кажися,
Старымъ-бы взгрустнулось?
Али къ нимъ былое горе
Въ хату навернулось?
Аль вчерашнее, что только
Придавили, живо?
Аль наклюнулась кручина
Новая на диво?

Не знаю я, какъ и почтѣ
Взгрустнулось старымъ? Можетъ, то,

Что собрались они ужь къ Богу,
Да кто жь въ далекую дорогу
Имъ добыхъ коней запряжетъ?

«А кто насъ, Настя, похоронить,
«Когда поремь?»

— Да Богъ вѣсть — кто.

Я — вотъ все про то смекала —
Даже грусть-тоска напала:
Одиноки постарѣли, —
А кому добра хотѣли
И нажили? —

«Дай пелёнокъ...

«Чу! въ воротахъ плачеть
«Ктò-то... Словно-бы ребенокъ?
«Побѣжимъ-ка!.. Значить —
«Угадай я: будетъ что-то!»
Оба съ мѣста разомъ
Къ воротамъ — и отступили:
Передъ перелазомъ —
Запелёанный младенецъ,
И не туго... новой
Свиткой крыть, за одѣяло:
Видно — матерно сердце
Крыло-пеленало,
Вмѣсто бѣлыхъ рукъ, младенца,
Можетъ быть, послѣдней
Свиткой... Старые дивились,
Молча — и молились
О подкидышъ-ребѣнкъ,

А дитя ручёнки
Къ нимъ тянуло, замолкая...

«Видишь, Настя, видишь :
«Зналь я: доля не такая
«Намъ, чтобъ безъ ребёнка
«Хорониться одипокимъ...
«Отыщи пеленку,
«И неси дитятю въ хату;
«Ну, а тѣмъ я часами
«Погоню за кумовьями
«Въ Городище.»

Чудно чтó-то
Въ жизни между нами!
Тутъ иной изъ хаты сыпа
Гонитъ, проклинаетъ,
А иной, сердечный, свѣчку
Пѣтотъ добываетъ
И, рыдаючи, становитъ
Передъ образами,
Чтобъ дѣтей далъ Богъ... Да! чудно
Въ жизни между нами!

3.

Вотъ на радостяхъ три пары
Кумовьёвъ набрали,
За вечерней окрестили
И Маркомъ назвали.
Онъ растетъ; а тутъ не знаютъ —
Какъ и быть съ дитятей:

Гдѣ сажать, гдѣ класть, чѣмъ холить
Маленькаго въ хатѣ?

Минуль годъ. Ростеть нашъ Марко;

Дойнся корова

Отъѣдается. Вдругъ, какъ-то,

Съ виду чернобрава,

Молода и бѣлолица,

Входитъ молодица

Къ старикамъ въ укромный хуторъ

По найму проситься.

«Али взять ее къ намъ, Настя?»

— Что жь, Трофимъ, пожалуй:

Мы и стары, и недужны,

А ребенокъ малый...

Хоть дитя и подростаетъ,

Все-таки, вѣдь, надо

Присмотрѣть за нимъ порядкомъ. —

«То-то вотъ, что надо!

«Старость точно-что не радость,

«Какъ тамъ ни судите...

«Что же съ насъ возьмешь, голубка,

«Въ годъ?»

— А что дадите! —

«Нѣтъ! ты знаешь, деньги любятъ

«Счетъ; кто не считаетъ

«Трудовыхъ своихъ копеекъ,

«Тотъ и обнищаетъ.

«Такъ послушай-ка, голубка!

«Мы тебя не знаемъ,

«Да и ты-то насъ не знаешь...

«Ну, а скоротаемъ

«Вмѣстѣ день, другой и третій,

«Молвимъ и про плату.

«Такъ-ли, дочка?»

— Ладно, батька! —

«Ну, такъ просимъ въ хату!»

Порядились. Молодица

Веселà и рада,

Словно съ паномъ повѣчалась,

Аль дождалась клада.

Съ ўтра дò ночи хлопочеть

На дворѣ и въ хатѣ,

Или около скотны;

А ужь для дѣтяти —

Будто мать она родная —

Не послить и ночку,

Каждый дѣнь головку мою,

Бѣлую сорочку

Каждый Божій дѣнь надѣнетъ,

Пѣсней забавляетъ

И игрушками, а въ зраздникъ

Съ рукъ вотъ не спускаеть.

Старики мои дивятся —

Богъ имъ даль подружку...

А бессонная батрачка

Грянется въ подушку, —

Проклинаеть горе-долю

И навзрыдь рыдаеть,

И никто того не видитъ,

И никто не знаетъ,

Кромѣ маленькаго Марка,
Да и онъ не знаетъ —
Отчего его слезами
Ночью умываетъ
Безталанная батрачка,
Отчего такъ жарко
И цѣлуетъ и мплетъ?
Да, не знаетъ Марко,
Что когда онъ въ колыбели
Еле шелохнется
Въ ночь глухую, — на постелѣ
Бѣдная проснется,
Укрываетъ, пѣжно крестить,
Колыбель колышетъ:
Ей и сонной чутко-слышно,
Какъ ребенокъ дышетъ.
Но за то свои ручѣйки
Тянетъ къ ней онъ съ-рану,
Какъ проснется только — мамой
Величаетъ Ганну...
Такъ растетъ да вырастаетъ
Марко — и не знаетъ...

4.

Не мало лѣтъ перебѣжало,
Воды не мало утекло;
И въ хуторъ горе завернуло,
И слезъ не мало принесло.
Старушку Настю схоронили,
И еле-еле отходили
Трофима дѣда. Да ушло

Куда-то горе проклято́е,
И вновь на хуторъ благодать
Изъ лѣсу темнаго вернулась
У дѣда въ хатѣ ночевать.

Вотъ ужь Марко чумакуеть,
И подь осень не ночуетъ
Ни подь хатою, ни въ хатѣ...
Время думать и о сватѣ.
«За кого-жь бы?» дѣдъ смекаетъ,
И батрачку призываетъ
На совѣтъ; а та-бы рада
Хоть царевну сватать: — Надо,
Говорить, спросить у Марка,
Кто и гдѣ его товарка? —
«Ладно, спросимъ — и за дѣло,
«Если время подоспѣло.»

Разузнали, допросились...
Марко — къ сватамъ. Воротились
Съ рушниками, съ освященнымъ
Короваемъ обмѣненнымъ;
И просватали же панну,
Хоть гетьману по жувану:
Просто краля дѣвка, либо
Царь-дѣвица...

«Ну, спасибо!»

Молвилъ старый: «только знать бы,
«Скоро ль намъ дождаться свадьбы,
«Гдѣ къ вѣнцу пойдетъ невѣста,
«Да и въ материно мѣсто

«Звать кого намъ? Эхъ, когда бы
«Свѣтикъ-Налтя дожила бы!..»
И залился дѣдъ слезами.
А батрачка за дверями,
Въ косяки вѣпясь руками,
Словно мертвая стояла...
«Мать... мать... мать!» она шептала.

5.

Въ ту жь недѣлю молодицы
Коровой мѣсили
У Трофима; а старикъ-то
Изо всей изъ силы
Съ молодицами танцуетъ,
Дворъ свой подметаеть,
Да прохожихъ, да проѣзжихъ
На дворъ закликаеть,
Угощаетъ варенухой
И на свадьбу просить;
Такъ и мечется, хоть ноги
Еле-еле носятъ.
Смѣхъ и гамъ въ избѣ у дѣда;
Дворъ кипить народомъ,
Изъ каморки новой бочки
Выкатили съ мѣдомъ.
Всюду моется, метется,
Жарится, варится —
Все чужими. Гдѣ-жь батрачка?
Въ Кіевъ помолиться
Отпросилась Ганна. Старый
Мало ль съ ней калякалъ.

Ублажалъ ее, а Марко —

Тотъ такъ даже плакалъ

И въ упрѣсъ—просилъ батрачку

Въ матеряно мѣсто.

«Нѣту, Марко, не годится,

« Не по мнѣ невѣста:

« Изъ семьи она богатой,

« А вѣдь я-то что же?...

« Надъ тобой же посмѣются...

Помогай вамъ Боже!

« Я пойду молиться въ Кіевъ,

« А потомъ вернуся,

« Если примете, къ вамъ въ хату,

« Да и потружуся,

« Сколько хватить силъ... »

Всѣмъ сердцемъ

Поручила Богу

Ганна Марка... Зарыдала —

И пошла въ дорогу...

Привялись играть и свадьбу.

Музыкѣ работа

И подковамъ. Варенухи

Рѣзито безъ счѣта —

Ею столъ и лавки моютъ.

А бѣдняжка Ганна

Все идетъ себѣ на Кіевъ

Спѣшно, неустанно...

И дошла, да не на отдыхъ;

У мѣщанки стала;

Навялась носить ей воду:

Денегъ не достало

Для акаѣиста, а также
 Дѣтямъ для подарку...
А скопила гривепъ восемь —
 И купила Марку
Камиллавочку въ пещерѣ
 Старца Іоанна,
Чтобъ головка не болѣла;
 Вымѣняла Ганна
И кольцо святой Варвары
 Для невѣстки; Богу,
Преподобнымъ поклонилась —
 И опять въ дорогу.

Воротилась. Катерина
 Съ Маркомъ повстрѣчали
За воротами — и въ хату,
 И за столъ сажали;
Напоили, накормили,
 Что про Кіевъ знала —
Разспросили. Катерина
 Ей постель постлала.

«Да за что жь меня такъ любить,
 «Столько уважають?
«Охъ, мой Боже милосердый!
 «Можетъ, вѣдь, и знаютъ...
«Можетъ, вѣдь, и догадались:..
 «Нѣтъ!.. Я угадала:
«Просто дѣбры!...»

И батрачка
Тяжко зарыдала.

Трижды мёрзало въ чистомъ полѣ,
Трижды отпускало,
Трижды къ Кіеву батрачку
Катря провожала,
Словно мать свою; въ четвертый
Провела въ дорогу
Вплоть до поля, до кургана,
И молилась Богу,
Чтобъ скорѣй она вернулась:
Безъ нея, любимой,
Сиротливо, темно въ хатѣ,
Точно безъ родимой.

Введенье разломало ужъ леденье;
Прошла и первая недѣля; въ воскресенье
Погрѣться на завалинкѣ Трофимъ
Засѣлъ, въ сорочкѣ бѣлой, какъ и всякой
Честной христіанинъ; а передъ нимъ
Малютка—внукъ игралъ съ собакой;
А внучка въ юбку Катри облеклась,
И будто бы приходитъ въ гости къ дѣду;
И онъ заводитъ съ ней бесѣду,
И говоритъ онъ съ ней, смѣясь,
Какъ и взаправду съ молодежию.
«А что же ты не съ паляницей?
«Ужь не въ лѣсу—ль кому отнять
«Пришла охота? аль забыла?
«Аль просто въ печку не садила?
«Эхъ, стыдно, право стыдно, мать!»
Анъ — глядь — нежданно, нежданно —

Калитка скрипъ — и входитъ Ганна.

Старикъ пошолъ ее встрѣчать;

А та: «что, Марко все въ дорогъ?»

— Да, въ дорогъ по сей часъ. —

«Вотъ и я чуть доплелась

«Къ вашей хатѣ: стары ноги.

«Не хотѣлось одиноко

«Гибнуть на чужбинѣ.

«Только-бъ Марка мнѣ дожждаться...

«Вся душа въ кручинѣ!»

И гостинцы вынимала,

Развязавъ мѣшочекъ,

Внучкамъ: крестики и бусы

И шерстей моточекъ,

И въ окладъ изъ червонной

Фольги образочекъ.

А для Карпа — соловейка,

И лошадокъ пару,

И четвертое колечко

Отъ святой Варвары

Для своей для Катри; дѣду,

На замѣнъ подарку,

Принесла она три свѣчки;

А себѣ и Марку —

Ничего: не стало денегъ...

А самой хворалось,

Работать была не въ силахъ.

«Вотъ еще осталось

«Полбаранка!»

И внучатамъ
По куску досталось.

7.

Входитъ въ хату, Катерина
Ей обмыла ноги,
И за ужинъ посадила —
Закусить съ дороги;
Да не ѣсть, не пьеть бѣдняга.
«Катря!» молвить Ганна:
«Скоро ль будетъ воскресенье?»
— Послѣ завтра, Ганна. —
«Отслужить акаѳистъ надо
«Вешнему Николѣ
«И частицу тоже вынуть:
«Никогда, вѣдь, долѣй
«Марко нашъ въ дорогѣ не былъ?..
«Что, коль онъ недужень?»
И слезами залилася.
Ну, какой тутъ ужинъ!
«Еле-еле встала съ лавки,
Молвить: «Катерина!
«Охъ, не тѣ теперь я стала:
«Извела кручина;
«Еле-еле носить ноги
«Тяжко, Катря, тяжело
«Умирать въ чужой, знать, хатѣ!»
И слегла бѣдняжка.
Ужъ ее и приобцили,
Переждавши мало,
И соборовали также:
Все не помогало.

Старый дѣдъ — тотъ по подворью,
 Что убитый, бродить;
Катерина — та съ болящей
 И очей не сводить;
Катерина у болящей
 Днюетъ и ночуетъ.
А сычѣ въ ночи на крышѣ —
 Словно сердце чуетъ —
Не къ добру кричать. Больная
 Каждый часъ, что льдина,
Таетъ, только все лепечеть
 Тихо: «Катерина,
«Что нашъ Марко, не вернулся?
 «Охъ, когда-бъ я знала,
«Что дождуся и увижу,
 «Я-бы подождала!»

8.

Бдетъ Марко съ чумаками,
 Пѣсни распѣваетъ,
Не спѣшитъ — воловъ доро́гой
 На траву пускаетъ.
И везетъ онъ Катеринѣ
 Сукнеца цвѣтного,
Батькѣ --- пышно шитый поясъ
 Шолку дорогого,
Абатрачкѣ на очѣпокъ,
 Съ золотой парчею,
Онъ везетъ платочекъ алыѣ
 Съ бѣлою коймою;
А ребятамъ — черевички,
 Фягъ да винограду;

А всѣмъ вмѣстѣ — не простого,
А изъ Цареграду —
Онъ везетъ вина въ боченкѣ
Съ три ведра, да съ Дону
Онъ везетъ икры... Не знаетъ,
Подъѣзжая къ дому,
Что творится тамъ. Приѣхалъ —
Ну, и слава Богу!
Отворяетъ онъ ворота,
Помоллся Богу..
«Аль не слышишь, Катерина?
«Встрѣтила пошла-бы!
«Онъ пришолъ! скорѣе въ хату
«Марка привела бы!...
«Слава Богу, что дождалась! —
«Долго поджидала!»
И, сквозь сонъ какъ-будто, тихо
Отче нашъ читала.

Старый сивыхъ выпрягаетъ,
Упряжь прибираетъ
Вырѣзную. А Катруся
Марка озираетъ.
«Гдѣ же Ганна, Катерина?
«Мнѣ по ней взгрустнулось!..
«Ужь жива-ли?»

— Да жива-то,
Только прихворнулось
Крѣпко ей. Покамѣсть батька
Сивыхъ выпрягаетъ,
Сходимъ въ хату поскорѣе:
Ганна поджидаетъ. —

Входитъ Марко съ Катрей въ хату,

Сталь онъ у порогу:

Испугался. Ганна шепчетъ:

«Слава... слава Богу!

«Подойди сюда, не бойся...

«Выйди, Катерина:

«Разспросить его миѣ надо,

«Разсказать кручину.»

Вышла Катря, а нашъ Марко

Подошелъ по-ближе,

Наклонился къ изголовью.

«Марко! погляди же,

«Погляди ты на старуху:

«Видишь — похудѣла?

«Я — не Ганна, не батрачка,

«Я...» И онѣмѣла.

Марко плакалъ и дивился...

Вновь глаза открылись:

Долго, пристально глядѣла —

Слезы покатались.

«Ты прости меня! Томилась

«Вѣкъ въ чужой я хатѣ

«Для тебя, сыночекъ милый,

«Для тебя, дитяти!

«Я... я мать твоя!» И смолкла.

Вся земля вздрогнула

Подъ подкидышемъ... Онъ къ Ганнѣ —

А ужъ та заснула...

IV.

Г А Й Д А М А К И.

—
Прологъ.

Была шляхѣтчина когда-то
Вельможной панею: вела
Борьбу съ Москвой, съ ордой, съ султаномъ,
Съ Нѣмецкимъ Орденомъ... Была!..
Да что на свѣтѣ не минуетъ?
Бывало, шляхта знай-кпчится,
И день и ночь себѣ гуляетъ,
Да королями помыкаетъ.
Не говорю я про Стефана,
Про Собіескаго про Яна —
Тѣ двое изъ ряду ужъ вонь —
А про другихъ. Ну, приходилось
Бѣднягамъ молча пановатъ...

А сеймы, сеймки ревѣли;
Сосѣди молча дивовались,
Какъ короли бѣгутъ изъ Польши,
И какъ реветъ безумно шляхта.

«*Nierozwalam! nierozwalam!*» *)

Крикнетъ, кто захочетъ, —
И магнаты палятъ хаты,
Карабѣли **) точать.
Долго такъ велось въ Польшѣ,
Быль урядъ таковскій —
Наконецъ засѣлъ въ Варшавѣ
Смѣлый Попятовскій.

Запановаль и думаль шляхту
Прибрать къ рукамъ... и не съумѣли!
Хотѣль онъ всемъ добра, какъ дѣтямъ;
Чего-нибудь еще хотѣль:
Одно словечко — *nierozwalam*
Хотѣль у шляхты отобрать.
Затѣмъ... вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
«*Slowo hondru! dârma praca!* ***)
Наемникъ гнусный москаля!»
На крикъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ шляхѣтская земля,
И — разомъ сто конфедераций!

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волини,

*) Не позволяю, не позволяю!

**) Польская сабля съ особенной рукояткой.

***) Честное слово! Плохо дѣло!

По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украинѣ.
Разбрелись, да и забыли,
Что за волю стали —
Повязались съ жидами
И зашпировали:
Разоряли, убивали,
Церкви жгли-палили,
А тѣмъ часомъ гайдамаки
Ножи освятили.

1.

Г а л а й д а .

На свѣтѣ жить тяжело, а хочется жить:
И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слышать, какъ море играетъ,
Какъ пташка щебечетъ, дуброва шумитъ
И какъ черниобровка въ лѣсѣ распѣваетъ...
О, Господи Боже, какъ весело жить!

Сирота Ярема; жизнь его убога:
Ни сестры, ни брата — никого-то нѣтъ;
Прихвостень жидовскій, выросъ у порога, —
А не проклялъ доли, и не проклялъ свѣтъ
И людей. Да, впрочемъ, вѣдь они не знаютъ,
Нужно ли ласкать имъ, нужно ли казнить?
Водитъ ими доля... Пусть же ихъ гуляютъ...
Пусть... Да сиротю тяжело въ свѣтѣ жить.

Часомъ такъ случится: просебя рыдаешь,
И не оттого, что сердце наболитъ, —
Просто, что увидишь, или что узнаешь...
И опять за дѣло. Вотъ — какъ надо жить!
Что-тутъ батька, мѣтерь, высокїи палаты,
Если не-съ-къмъ сердце къ сердцу отогрѣть?...
Сирота-Ярема — сирота богатый,
Есть съ къмъ и поплакать, есть съ къмъ и попѣть:
Карїя есть очи — что звѣзда сіяють,
Бѣлыя есть руки — млѣють-обнимають,
Есть дѣвичье сердце — плачетъ и смѣется,
Какъ Ярема знаетъ, какъ ему сдается.

Вотъ такой-то мой Ярема,

Сирота богатый.

Былъ и я такимъ, дѣвицы,

Былъ... да вѣдь когда-то!..

Было-было, да и сплыло,

Было — миновалось.

Сердце ностъ, какъ припомню...

Что же не осталось?

Что же не осталось? Что не погодило?

Легче бы слезами обливаться было.

Отобрали люди: видно, всё имъ мало.

«Что ему за доля?... Закопаемъ, стало:

Онъ и такъ богатый...

Развѣ на заплаты

Да на слѣзы... Дай Богъ ихъ не отирать!

Доля, горе-доля! гдѣ тебя пскать?

Воротися, доля, до моей до хаты,

Али хоть приснися... да нельзя и спать!

ТРЕТЬИ ПЪТУХИ.

Ещё день бѣдную Украину
Терзали ляхи, и одинъ,
Ещё одинъ хранили тайну
Украина вся и Чигиринъ.
Прошелъ и онъ — день Маккавея,
Великій праздникъ. Онъ прошелъ —
И ляхъ съ жидами, не жалѣя,
Горѣлку кровію развелъ.
Клялі Украину, распинали,
Затѣмъ-что нечего ужъ взять.
А гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Они легли — и не гадали,
Что завтра имъ ужъ не вставать.
Заснули ляхи, а іуду
Вѣдь не уложишь: онъ гроші
Въ потьмахъ считаетъ — барыши
Не были бь видны дѣбру люду.
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали.

Дремлютъ... даі-Богъ, еслібъ на-вѣкъ задремали!
А тѣмъ часомъ мѣсяцъ выплылъ посіять,
Поглядѣтъ на небо, на землю, на море,
Выслушать, что́ будутъ люди лепетать
И потомъ поутру Богу рассказать.
Свѣтитъ бѣлолицый — всю онъ Украину
Видитъ... а глядитъ ли онъ на сиротину,

На Оксану пашу? Гдѣ она горюетъ?
Гдѣ голубка паша и о чѣмъ воркуетъ?

Знаетъ ли Ярема, знаетъ ли и чуетъ?
Мы увидимъ послѣ, а теперь играть
Мнѣ пришлось пѣсню словно бы паую:
Будутъ не дѣвицы подѣ неѣ плясать,
А попляшетъ горе. Пѣсню распѣвать
Пусть придется внукамъ, только нашимъ внукамъ —
Надо тоже внукамъ пѣсню завѣщать,
акъ Украина встала, на смѣхъ лютымъ мукамъ,
Какъ умѣли ляховъ прадѣды карать.

Долго, долго по Украинѣ
Та гроза гремѣла;
Долго, долго кровь степями
Лѣлась и алѣла.
Лѣлась, лѣлась — и подсохла.
Степи зеленѣютъ;
Дѣды спать легли, — курганы
Въ головахъ спяютъ.
Ну, да что же, что высоки?
Ихъ никто не знаетъ,
И надъ ними не заплачетъ,
И не разгадаетъ.
Только вѣтеръ тихо, тихо
Пролетитъ надъ ними,
Да роса поутру рано
Слѣзками частыми
Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце —
Высушитъ, пригрѣетъ...

А внучата? Нѣтъ имъ дѣла —
Въ полѣ жито сѣютъ!
Много ихъ, а кто укажетъ,
Гдѣ лежитъ въ могилѣ
Гонта, мученикъ за правду?
Гдѣ похоронили?
Желѣзникъ, душа прямая,
Гдѣ опочиваетъ?
Тяжко! больно! Все погибло —
Ихъ не вспоминаютъ.

Долго, долго по Украинѣ
Та гроза гремѣла;
Долго, долго кровь степеняи
Лилась и алѣла.
День и ночь подъ тѣмъ погромомъ
Стонеть степь и гнѣтся;
Грустно, страшно! а вспомнешь —
Сердце усмѣхнѣтся.

Мѣсяць ты мой ясный! съ неба на почъ эту
Ты спустился за гору: намъ не надо свѣту!
Страшно будетъ, мѣсяць! хотъ ты видѣлъ Рось,
Видѣлъ Альту, Сѣну, какъ тамъ разлилось
Алой крови море въ проклятую пору.
А теперъ что будетъ?... Спрячься же за гору,
Спрячься, мой дружочекъ, чтобъ не довелось
Намъ подъ старость плакать...

Тускло, тускло въ поднебесьѣ
Свѣтитъ бѣлолицый.
Вдоль Днѣпра казакъ плетется,
Можетъ, съ вечерницы.

Онъ плетется смутный, грустный,
Чуть волочить ноги.
Можетъ, дѣвица не любить,
Потому — убогій?
Нѣтъ, его дѣвица любить:
Пусть онъ весь въ заплаткахъ,
Да за-то онъ чернобровый —
Будетъ изъ богатыхъ.
Отчего жь ему взгрустнулось,
Отчего тоскуетъ
И едва не плачетъ? Вѣрно,
Сердце горе чуетъ.
Чуетъ сердце: злое горе
Завернуло въ гости,
Да узнай его!... Всѣ люди
Словно на погостъ.
Дремлетъ пѣвень на заборѣ,
Дремлетъ пѣсь — не лаеъ,
Только гдѣ-то издалёка
Волки завываютъ.
Пусть ихъ спятъ... Идѣтъ Ярема,
Только не къ Оксанѣ,
Не къ Оксанѣ чернобровой,
Чтò жила въ Вильшанѣ, —
А въ Черкасы къ ляхамъ. Третій
Пѣвень запѣваетъ...
Ну, а тамъ... Идѣтъ Ярема,
Рѣку озираетъ.

« Ой Днѣпръ, ты мой Днѣпръ, мой широкой, глубокой!
Довольно ты крови казачьей носилъ
Въ далёкое море, дорогою далёкой,
Да синее море ты всё не спойлъ...

Сегодня унёшься. Сегодня отъ Бога
Украину ждѣтъ праздникъ, съ полуночи ждѣтъ,
Да праздникъ-то страшный... И много и много
Пролѣтъ она кровп. Казакъ оживѣтъ
И встанутъ гетьманы, въ парчѣвомъ жупанѣ,
И будетъ, какъ прежде, Украина жива,
И снова казакъ запоётъ не-по-тайну:
«Нѣтъ ляховъ съ жидами!» и снова Украину
Освѣтитъ, какъ въ старые дни, булава...»

Такъ думалъ, плетая въ дырявой рубахѣ,
Сердечный Ярема съ *священнымъ* въ рукахъ.
А Дибиръ словно слышалъ: на всѣмъ на размахѣ
Горой пѣнить волны; въ густыхъ тростникахъ

Рѣвма стонеть, завываетъ,

Лѣзы нагибаеть;

Громъ гремитъ и молоньёю

Тучу раздвѣраеть...

.....
.....

3.

Пиръ въ Лисянкѣ.

Вечеръло. Надъ Лисянкой

Искры закружили:

Это Гонта съ побратимомъ

Трубки закурили.

Страшно, страшно закурили!

Въ адѣ не умѣютъ

Такъ курить! Болотный Тѣкльчъ

Кровію алѣеть

И шляхетской, и жидовской;
А надъ имъ пылають
И избушка и палаты:
Видно, Богъ караетъ
И большого и меньшого.
Середі базара
Желѣзнякъ и Гонта только
Крикнуть: «ляхамъ кара!
Кара ляхамъ!» — даже дѣти
На ножі лѣзть рады.
Плачуть, стонуть ляхи, просятъ —
Нѣту имъ пощады!...
Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
Кто надъ трупомъ брата —
Исповѣдуются ляхи:
Времени потра́та.
Нѣтъ, не милуютъ *михіе*
Ни годо́въ, ни роду,
Ни полячки, ни жидовки...
Кровь сочится въ воду.
Старца-старого, калѣки,
Малаго ребѣнка
Не осталось: всёхъ повѣла
Красная пелѣнка.
Всё легло на землю лоскомъ,
Всё, что живо было
Между шляхтой и жидами...
А межъ тѣмъ все пы́ло
Выше къ тучамъ и пылало
Зарево пожара...
Галайда — тотъ знай рыкаетъ:
«Кара ляхамъ, кара!»

Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
Жжётъ, что ни попало.

«Дайте ляха, аль іуду!

Всё мнѣ мало, мало!

Дайте ляха, дайте крови

Наточить съ поганыхъ!

Море-крови... мало моря...

Охъ, моя Оксана!

Гдѣ ты?» Крикнетъ и потонетъ

Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки

Ставятъ вдоль базара

Столъ да столъ; несутъ припасы,

Что добыть успѣли,

Чтобъ отъужинать засвѣтло.

«Тѣшья!» заревѣли...

Съли ужинать; кругомъ ихъ

Адъ горить и рдѣть.

На рожнахъ то тамъ, то индѣ

Панскій трупъ чернѣть.

Вотъ рожны и загорѣлись —

Трупы вмѣстѣ съ ними

На земь рухнулися. «Пейте,

Дѣти, съ проклятыми!

Можетъ быть, еще прійдется

Повстрѣчаться съ ними.

Пью за трупы, пью за души

Ваши?» восклицаетъ

Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки

Разомъ осушаетъ.

«Пейте дѣти! пейте, лейте!

Выпьемъ, Гонта, что-ли?

Выпьемъ, братъ ты мой пазвѣнный!

Погуляемъ въ волю!

Гдѣ же вѣлохъ? пусть сыграетъ —

Мы его уважимъ:

Что не скажетъ онъ про ляховъ,

Мы ему доскажемъ.

Не про горе, потому—что

Горя не уважимъ —

Веселую дѣрни, старче,

Чтобъ земля ломилась,

Какъ вдовица-молодница

Попусту томилась!

КОВЗАРЬ (*играетъ припѣвал*):

«Отъ села и до села

Музыка и пляска:

За насѣдку черевички —

Будетъ же имъ тѣска!

Отъ села и до села

Я бы расплясалась:

Ни коровы, ни вола —

Хата мнѣ осталась!

Да и ту продамъ кумъ

Я со всѣмъ приборомъ

И куплю себѣ шалашъ

Прямо подъ заборомъ;

Торговать и шинковать

Буду я крючками,

И тогда-то ужъ гулять

Буду съ молодцами.

Охъ, вы дѣточки мои,

Охъ, вы голубятка!

Не стыдитесь, подивитесь,
 Какъ танцуетъ матка!
Я въ наёмъ пойду; дѣтей
 Въ школу... да и въ пляску —
И червонымъ черевичкамъ
 Я задамъ же таску!»

.....
.....

Всё танцуетъ, всё шруеть...
 Галайдá-бѣдняжка
На концѣ стола горюеть,
 Плачетъ горько, тяжко,
Какъ ребѣнокъ. Отчего же?
 Въ аломъ онъ жупанѣ;
Есть и золото, и слава —
 Не замѣнъ Оксанѣ!
Нé съ кѣмъ долей подѣлиться...
 Грустно... Не поётся...
Одинокимъ сиротою
 Пропадать прійдется
За Оксану.

.....
.....

..... Галайдá
 Съ Гонтою танцуетъ.
Жельзнякъ хватаетъ кобзу,
 Съ кобзаремъ толкуеть:
«Попляши, а я сыграю,
 Старина, какъ знаю.»

И пошёлъ слѣпой въ присядку
По всему базару —
Отдираетъ постолѣми,
Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ;
Аль тебѣ я не казакъ, не казакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я черевичковъ не куплю?
Я куплю тебѣ обновку,
Распотѣшу чернобровку!
Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить!

«Ой гопъ-гопакà!
Полюбила казакà,
Только старый, да недюжий,
Только рыжий, неуклюжий —
Вотъ и доля вся пока!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты, старый, за водою,
А сама-то я въ шинокъ,
Да хвачу себѣ крючокъ,
А потомъ—все чокъ да чокъ:
Чарка первая колѣмъ,
А вторая соколѣмъ...
Баба въ плясъ пошла — конецъ,
А за нею молодець...
Старый-рыжий бабу клпчетъ,
Только баба кукншъ тычетъ:
«Коль женился, сатана,
«Добывай же мнѣ пшена:

«Надо дѣтокъ пожалѣть —
«Накормить и пріодѣть.
«Добывай, не то — быть худу,
«А ужь я сама добуду...
«А ты, старый, не грѣши —
«Колыбельки колыши,
«Да молчи и не грѣши.

«Какъ была я молодою, да угодницею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
Кто бъ пи шёлъ — не минѣтъ,
И кивнѣтъ, и моргнѣтъ.

Я въ окошечко киваю,
Шолкомъ въ пальцахъ вышиваю...
Охъ, Семены — вы — Иваны,
Надѣвайте—ка жупаны,
Да со мной гулять пойдѣте,
Да присядѣмъ — запоемъ...»

4.

Г о н т а в ъ У м а н и.

Проходятъ дни, минуло лѣто,
А степь горить, да и горить;
По сѣламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Бѣгъ вѣсть! Шелеститъ
Поблеклой листвою дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ —
И не слышать людскаго слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупъ: не хоронили,
Волкѣвъ поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ запесло.

Да бѣль-снѣги и вьюга —
Только въ помочь карѣ:
Ляхи мерзли, а казѣки
Грѣлись на пожарѣ.
И весна пришла и ряской
Воду принакрыла,
Поднесла землѣ барвінокъ,
Да и разбудила —
Пусть сыра-земля проснется.
Жаворонокъ въ полѣ,
Соловей въ кустахъ — и льется
Пѣсня ихъ о волѣ...
Сущій рай! А для кого же?
Для людей? Не будетъ
Человѣкъ глядѣть... а взглянетъ —
Божій рай осудитъ.
Надо кровію подкрасить,
Освятить пожаромъ;
Солнца мало; рясокъ мало;
Тучи ходятъ даромъ;
Аду мало!... Люди, люди!
Да когда жъ довольно
Будетъ вамъ добра Господня?
И чудно, и больно!

И весна не смыла крови:
Злоба братьевъ вдвое —
Не глядѣль бы; а припомнишь —
Было такъ и въ Троѣ;
Будетъ вѣчно.

Гайдамаки

Рѣжутъ да гуляютъ;

Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
Кровью намокáетъ.

Подобралъ Максимъ сыночка —
Вспомнить Украина!

Хоть не сынъ родной Ярема,
А не хуже сына.

Батька рѣжетъ, а Ярема
Рѣжетъ — и лютуетъ —

Со священнымъ на пожарахъ
Днюетъ и ночуетъ.

Не помируетъ, не мннетъ
Ляха проклятого:

Онъ за ктѣтора пмъ платить,
За отца святого,

За Оксану... И шатнется,
Вспомнивъ про Оксану.

А Максимъ: «Гуляй, сыночекъ!
Если не устану,

Погуляемъ!»

Погуляя:

Кўпа подлѣ кўпы,

Вплоть отъ Кіева на Умань

Протянулись труны.

Словно туча, гайдамаки

Умань обложили

О полуночи; съ зарёю

Умань запалили, —

Запалили, закричали:

«Кара ляхамъ! Крови!»

Покатились по базару

Конны *paradow*,

Папны, малые ребята,
Хворые калѣки.
Снова громъ — я на базарѣ
Рѣки крови, рѣки!
Въ бродъ ихъ Гонта переходить
Съ удалымъ Максимомъ
И кричать вдвоемъ: «Вотъ такъ-то,
Такъ имъ, несчастнымъ!»

Вотъ — волочать гайдамаки
Ксендза-іезунта
И двухъ мальчиковъ. «Эй, Гонта!
Вотъ твои сынки-то!...
Вѣдь католики: самъ знаешь —
Дѣти католички.
Ты насъ рѣжешь — ихъ бы кстати,
Благо невелички!
Отчего жь ты ихъ не рѣжешь?
Подрастутъ, такъ сами
На тебя поднимутъ руки
Съ нашими ножами».
— Пса убейте, а щенятъ-то
Я — своей рукою...
Клячь громаду! Признавайтесь,
Дѣти, предо мною:
Вы — католики? — «Да, тятя!
Мать насъ окрестила...»
— Замолчите!.. Знаю! знаю!
Боже Ты мой милый!
(Собралися гайдамаки.)
— Нѣту имъ пощады!..
Чтобы не было измѣны,

Господа громада,

Присягалъ я, взявъ *священный*...

Дѣти католички...

Охъ, вы, дѣти, вы, сыночки,

Чтѣ вы невелички?

Чтѣ не рѣжете вы лѣховъ? —

«Будемъ рѣзать, тятя!»

— Нѣтъ, не будете вы рѣзать!...

Пусть мой проклятья

Поразятъ ту католичку,

Чтѣ васъ породила!

Отчего она съ зарею

Васъ не утопила?

Вы бы умерли безгрѣшно,

Не еретиками;

А сегодня... не на радость

Встрѣтился я съ вами!

Васъ присяга убиваетъ,

А не батька, дѣти. —

Ножъ поднялся — и малютокъ

Не было на свѣтъ.

И невинные малютки,

Падая, шептали:

«Тятя, тятя, мы не лѣхи,

«Мы...» — и замолчали.

«Хоронить ихъ?» — Нѣтъ, не надо:

Дѣти католички...

Сыновья мои! чего вы

Были невелички? —

.
.

Всѣ гуляютъ. Гдѣ же Гонта?

Что онъ не гуляетъ?

Что не пьетъ онъ съ казакѣми?

Что не расцѣваетъ?

Нѣтъ его; теперь бѣднягъ

Гонтъ не до пѣсень...

Кто тамъ бродитъ въ черной свиткѣ

Посреди базара?

Кто тамъ сталь надъ грудой труповъ,

Въ заревъ пожара?

Долго ищетъ онъ кого-то,

Проклятую кѣпу

Мертвыхъ ляховъ разгребаетъ...

Отыскалъ... Два трупа —

Двухъ подростковъ взялъ на плѣчи,

И позадь базара

Черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ,

Середѣ пожара,

За костѣломъ. Кто же это?

Гонта, горемъ битый:

Хоронить дѣтей несетъ онъ,

Чтобъ землю крыты

Были, чтобъ казачья тѣла

Стая цсовъ не бѣла.

И по улицамъ, по темнымъ,

Гдѣ не такъ горѣло,

Гонта нѣсъ дѣтей на плѣчахъ,

И отъ люду крылся, —

Не видали бы, какъ старый

Гонта прослезился,

Хороня дѣтей. Онъ вынесъ

Дѣтокъ въ поле прямо,
Прочь съ дороги, и *священный* —
Въ землю: будетъ яма...
Онъ копаетъ и копаетъ...
Умань всё пылаетъ,
Свѣтитъ Гонтъ на работу...
Отчего же въ свѣтъ,
Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
Гонтъ страшны дѣти?
Отчего жъ онъ, словно крадетъ,
Или кладъ хоронитъ,
Даже струситъ, если вѣтеръ
До него догонитъ.
Крикъ и пѣсни гайдамаковъ?..
Онъ дѣтей хоронитъ, —
Онъ глубокую имъ хату
Роетъ; въ тёмной хатъ,
Не глядя, кладетъ — знать слышитъ:
«Мы не лѣхи, тятя!»
Уложилъ; досталъ китайку
Изъ кисы; лобзааетъ
Мёртвыхъ въ очи, и китайкой
Алой накрываетъ,
Крестить...
— Дѣти! поглядите
Вы на Украйну:
За неё вы сгибли, дѣти,
За неё я сгину!
Да меня—то кто схоронитъ
На чужомъ па полъ,
Какъ я васъ, и кто заплачетъ
По моей по долъ?

Спите, дѣти, почивайте!
Вамъ постель — могла!
Сука-мать другой постели
Вамъ не обрядила.
Безъ вѣпочковъ — васплѣчковъ,
Безъ калшны, дѣти,
Спите здѣсь, моля у Бога,
Чтобъ на этомъ свѣтѣ
Покараль меня жестоко
За грѣхи за эти...
Что католички вы были —
Вамъ прощаю, дѣти! —
И заравниваетъ землю,
Чтобъ враги не знали,
Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
Гдѣ ихъ погребали.
— Спите, дѣти! батьку ждите:
Скоро будетъ!... что же?
Скороталь вашъ вѣкъ я, только
И меня ждѣтъ то же,
И меня убьютъ... Схоронять...
Кто?.. и самъ не знаю...
Гайдамаки!.. Охъ, ещё разъ
Съ ними погуляю! —
И пошѣлъ убитый Гонта.
Шагъ — и спотыкнется.
Свѣтитъ зарево — онъ глянетъ,
Глянетъ — усмѣхнѣтся.
Страшно, страшно усмѣхался...
На степь оглянулся,
Слѣзы вытеръ, и въ пожарномъ
Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

.....
.....

Погуляли гайдамаки,
 Лихо погуляли:
Чуть не годъ шляхетской кровью
 Вдоволь наводняли
Україну, и замолкли —
 Ножъ свой иззубрили.
Нѣту Гонты; крестъ не блещеть
 На его могилѣ.
Буйны вѣтры разметали
 Пепель гайдамака.
Больше нѣкому молиться
 Слѣзно: нѣтъ и знака,
Гдѣ тотъ пепель?... Въ цѣломъ свѣтѣ
 Только братъ названнй,
Только онъ одинъ заплакалъ:
 Зналъ, какъ окаянный
Ляхъ замучилъ Гонту-брата
 Муками такими,
Что и онъ заплакалъ, съ рѣду
 Въ первый разъ... Богъ съ ними,
Со слезами! Ихъ не вытеръ
 Желѣзнякъ... а вскорѣ
Самъ зарылъ онъ въ чуждомъ полѣ
 И тоску, и горе.

И простились гайдамаки
Съ той *жельзной* силой,
Чтó они прикрыли слёзно
Насыпной могилой...
А простились — и пропали,
Словно не бывали...

И однимъ-одинъ Ярема;
Онъ одинъ, мой жалкой,
Отъ могилы не отходить:
Подперши́ся палкой,
Долго онъ стоитъ. «Спи, батька,
На чужомъ на полѣ —
На своемъ ужь нѣту мѣста,
Нѣту мѣста волѣ.
Спи, казакъ, коль спать охота!
Припомянетъ кто-то?..»

И пошѣлъ онъ стѣпью; слёзы
Сердце отирало.
Онъ оглядывался долго —
И его не стало...
И въ степи́ одна могила
Съ вѣтромъ говорила.

Такъ въ Украинѣ гайдамаки
Засѣвали жито,
Только жать-то не пришлось:
Градомъ, зная, побито...
Правда сгинула въ подросткахъ;
Кривда новивала...

Разошлись гайдамаки,
Кто куда подало;
Разошлись гайдамаки
По своимъ жилищамъ,
Кто домой, а кто въ дубрѳву —
Ножъ за голенищемъ —
Доконать жидовъ проклятыхъ,
Доконать безбожье...
А тѳмъ временемъ сломили
Наше Запорожье:
Кто къ Кубани, кто къ Дунаю...
Только я остался
Что пороги середь степи.
Рѳвма-разрыдалсь:
« Схоронили нашихъ дѳтокъ,
И до насъ добралсь! »
Рѳвма-воюють — пусть ихъ воюють:
Ихъ пора мшцѳла...
А Украина ихъ на вѳки
Вѳчныя заснула.
Съ той поры по всей Украинѳ
Жито зеленѳеть;
Нѳтъ ни слѳзъ, ни грозъ, ни грома,
Только вѳтеръ вѳеть,
Гнетъ деревья по дубровѳ,
Травку середь поля.
Всѳ замолкло... Пусть и смолкнетъ:
Видно, Божья воля!

ЩЕГОЛЕВЪ.

П Ъ С Н Я.

Охъ, былъ конь и у меня —
Весь изъ по́лымя-огня,
Были сабля и винтовка
И колдунья-чернобровка.

Турокъ борзаго словилъ,
Ляхъ мнѣ саблю иззубрилъ,
А винтовка изломалась,
А колдунья отчуралась.

По Буджацкимъ по степямъ
Путь казацкимъ бунчукамъ,
А мнѣ путь одинъ — съ сохою,
По-надъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, вошь чорный мой!
Долго намъ пахать съ тобой...
Вѣтеръ вѣеть-повѣваетъ...
Котелочекъ закипаетъ...

Кто бь меня повеселилъ —
Хлѣбъ—соль вмѣстѣ раздѣлилъ?
Ой, кто въ полѣ — покажися!
Кто въ дубровѣ — отзовися!

Никого... Въ дубровѣ гуль;
Мѣсяцъ въ облачко нырнулъ;
Вѣтеръ вѣтъ—повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ...

1859.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

РУСНАЦКІЯ ПЬСНИ.

—

I.

У сосѣдки сынъ молодчикъ —
Хата съ хатой рядомъ;
У сосѣда дочь красотка —
Садъ сошелся съ садомъ.

Вѣтъ вѣтеръ съ полуночи —
Старики за сказки;
Вѣтъ вѣтеръ со полудня —
Молодежь за ласки.

— Милый по саду гуляетъ,
Смотритъ къ намъ въ окошки:
Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
Стала на порожекѣ.

— Съ милымъ другомъ перемолвить
Слово я хотѣла,
Да отецъ въ саду работалъ:
Я и не посмѣла.

Сизый голубь по застрѣхъ
Ходить, да воркуеть;
Сизу-голубю Анюта,
Смѣючись, толкуеть:

«Охъ, голубчикъ сизокрылый,
Ворковать умѣешь,
А небось къ намъ подъ окошко
Прилетѣть не смѣешь?»

«Для тебя-ли, голубочка,
Для воркуны-птички,
На окошкѣ я разсыплю
Проса и пшенички:

«Ты не бойся, мой голубчикъ,
А — какъ сядетъ солнце —
Прилетай ко мнѣ, дѣвицъ,
Прямо подъ оконцъ!»

Голубочку на застрѣхъ
И отцу сѣдому
Не въ домѣкъ дѣвичьи рѣчи,
Да въ домѣкъ милѣму:
Не слетѣлъ клевать пшеничку
Голубь сизокрылый,
А пришелъ со мной, дѣвицей,
Цѣловаться милый.

II.

— Чтò-это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

« Во саду-садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣетъ,
Дождичекъ лелѣетъ.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Нанинка:
Тятя ее любить,
Маменька голубить. »

— У малютки Наны пѣсенки — малютки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

1855.

МОРАВСКІЯ ПѢСНИ.

I.

У молодки Наны
Мужъ, какъ лунь, съдой...
Старый мужъ не вѣритъ
Жѣнкъ молодой:

Разомъ домекнулся,
Что не будетъ прокъ —
Глазъ съ нея не спустить;
Двери на замѣкъ.

«Отвори каморку —
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова —

«Сильно разболѣлась,
Словно жаръ, горить...

На дворѣ погодно:
Можетъ, освѣжить?»

— Что-жь? открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!
Хороша прохлада,
Коли друга пѣтъ!

Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Старого ключи.

« Спи, голубчикъ, съ Богомъ,
Спи, да почивай! »
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.

— Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы — хоть выжми;
Шубка вся мокра...

« А телята наши
Со двора ушли,
Да куда жь? — къ сосѣдкѣ
Въ просо забрели.

« Загнала на силу:
Разбѣжались всѣ. .
Я и перемокла,
Ходя по росѣ! »

Видно — лучше съ милымъ
Хоть дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.

Видно — лучше съ милымъ
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика...

1856.

II.

Лучше куколя пшеница —
Лучше вдовушки дѣвица;
Лучше золото свинца —
Лучше мѡлодецъ вдовца.

1856.

III.

«Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?»

— Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!

Дочка побѣжала прямо на могилу,

Рухнулась на-земь, молвить черезъ силу:

«Матушка родная, вымолви словечко!»

— Не могу: землею давить мнѣ сердечко...

«Я разрою землю, отвалаю каменье...»

«Вымолви словечко, дай благословенье!»

— У тебя есть дома матушка другая.

«Охъ, она не мать мнѣ — мачиха лихая!»

«Только зубы точить на чужую дочку:

«Щаплетъ, коли станеть надѣвать сорочку;

«Чешеть — такъ подь гребнемъ кровь ручьемъ сочится;

«Рѣжетъ ломоть хлѣба — ножикомъ грозится!»

1856.

ВОЛЫНСКІЯ ДУМЫ.

I.

Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копыть
Взрыто зеленое жито...
Тамъ, подь плакучей березой, лежитъ
Молодецъ, тайно убитый.

Молодецъ, тайно убитый, лежитъ,
Тайно въ траву схоронѣнный:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой накрытъ,
Тонкой китайкой червонной.

Вотъ подь березу дѣвица пришла —
Розой она расцвѣтала —
Съ молодца тихо китайку сняла,
Страстно его цѣловала.

Вотъ и другая дѣвица пришла —
Глазки сіяли звѣздами —

Съ мѳлодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.

Третья пришла — и горѣлъ ея взорѣ...
Молвила: «спить — не разбудишь...
Спи, мой молѳдчикъ: теперь трехъ сестерѣ
Больше любить ты не будешь!»

1856.

II.

Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ...
Одному мнѣ, сиротинѣ,
На бѣломѣ пѣтъ доли.

Осѣдлаю я, дѣтина,
Съ ночи воропого...
«Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного.»

Сына мать благословляла
Въ дальній путь-дорогу,
Цѣловала-милвала,
Поручала Богу.

Мчатся пѳдъ небомѣ туманнымѣ
Соколѣ: «Соколина!
Ты летѣлъ надѣ чолемѣ браннымѣ:
Не видалѣ ли сына?»

— Видѣлъ: спить онѣ съ полуночи —
Въ головахѣ ракита;

Удалому вырвалъ очи
Воронъ-ненасыта.

Какъ всплеснетъ она руками:
« Охъ, вы, дѣти, дѣти!
Пропадать теперь мнѣ съ вами
Сиротой на свѣтѣ! »

1858.

III.

Пьеть и пляшетъ казакъ
И волынщикамъ такъ
Говорить: « удружите —
« Чернобровкѣ шепните,

« Что изъ плохенькихъ я —
« Не гожуся въ мужья —
« Казачина убогой,
« И добра-то немного:

« На дворѣ сто воловъ,
« Да безъ счету коровъ;
« Кони въ холѣ — въ приборѣ;
« Скринка золотыхъ въ каморѣ. »

Вѣсть — что чайка — летитъ...
Чернобровка бѣжить,
Въ поныхахъ и въ весельѣ,
Приготовливать зелье.

Изъ подъ бѣлыхъ камней
Накопала корней,
У рѣки ихъ расклала —
Въ молоко чаровала.

— Мой милѡй далеко...
Закпнай, молоко,
Передъ свадьбой моею...
(А казакъ ужь за нею.)

— Что тебя принесло —
Слвый конь, аль весло?
«Принесла меня доля,
«Да Господняя воля:

«Вѣкъ съ тобой вѣковать,
«Вѣкъ тебя мловать,
«Холить, нѣжить, покоить,
«Хату новую строить.»

ЭНИИ ЛЕХРОЭНЪ.

ШОТЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

« Кто мнѣ стройную ногу обуесть теперь?
Кто перчатку по бѣлой рукѣ прибереть
И надѣнетъ? Кто стань мой кругомъ
Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовѣеть? »

« Кто серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройдетъ
Бѣлокурой моею косою?
Кто замѣнитъ отца для малютки, пока
Грегори не вернется домой? »

— Энии! стройную ногу обуесть отецъ;
Мать перчатку по бѣлой рукѣ прибереть
И надѣнетъ; а стань твой сестра
Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовѣеть.

— Я серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройду
Бѣлокурой твоею косою;
Богъ замѣнитъ отца для малютки, пока
Грегори не вернется домой.

«Охъ! когда бы корабль — да корабль снарядить,
Да охочихъ людей подобрать, —
Полетѣла бъ къ милѣму на всѣхъ парусахъ,
Коль не въ мочь самому у меня побывать».

И отецъ снарядилъ ей летучій корабль:
И несеть его къ берегу тихо волна...
Энни па руки сына—малютку взяла,
И простилася съ отческимъ кровомъ она.

Вотъ и паруситъ по морю съ мѣсяць она,
Али мало—чѣмъ больше, — и вотъ
У жлыя Грегори, противъ самыхъ воротъ,
Снаряженный корабль пристаеть.

Ночь потемна была; вѣтеръ холодець былъ;
Милый Энни давно уже спалъ;
Да проснулся малютка у ней на рукахъ,
Началъ биться и крикомъ—кричалъ.

У воротъ, на замокъ запертыхъ,
Энни долго, какъ будто па спицахъ стоитъ...
Наконецъ вышла мачиха друга ея
И окликнула! — Кто—тамъ стучить?

«О! я, Энни Лехроэнь, милая твоя...
Прилетѣла къ тебѣ по волнамъ,
И малютку съ собой на рукахъ привезла:
Отвори поскорѣ же намъ».

— Отойди, отойди ты, и сгинь—пропади!
Не къ добру ты стучишься у нашихъ воротъ

Ты колдунья, ты — вѣдьма проклятая, ты...

Ты — псадые нечистое водь. —

« Не колдунья, не вѣдьма проклятая я,

Не псадые нечистое водь, —

И, я — Эни Лехроэнь твоя:

Не держи же меня у воротъ ».

— Если Эни Лехроэнь доподлинно ты,

Хоть тебѣ и не вѣрю ни въ чемъ, —

Расскажи мнѣ: какія мы рѣчи вели,

Какъ сидѣли съ тобою вдвоемъ?

« О! да развѣ не помнишь ты, мой Грегори,

Какъ мы вмѣстѣ сидѣли съ тобой за столомъ,

Какъ тогда обмѣнялись салфетками мы?..

Вѣдь и дней—то немного промчалось потомъ... »

— И салфетка была у тебя хороша,

И на шеѣ пригодна была для стола;

Только лучше вѣдь кембрика крученый шелкъ

И моя—то шелкъовая лучше была.

« И ужь будто не помнишь ты, мой Грегори?..

А не помнишь, такъ я расскажу,

Какъ съ тобой перстеньками мѣнялся мы,

Да ужь кстатѣ и твой перстенецъ покажу... »

— Твой хороше перстенецъ и казистъ —

Весь изъ краснаго золота, весь онъ литой,

Да вѣдь мой—то получше: въ моемъ перстенькѣ

Въ то же золото вправленъ алмазь дорогой.

«Отодвинь же скорѣй, милой мой Грегори,
Отодвинь ты запоръ у воротъ:
Не отдвинешь — на холодѣ наше дитя
Скочепъветъ совсѣмъ и умереть».

— Отойди, отойди ты, и сгинь—пропади:
Ко стыду ты у нашихъ воротъ!
Приглядѣлъ я другую милую себѣ,
А тебѣ — отъ воротъ поворотъ.

«Приглядѣлъ ты другую милую себѣ,
Насмѣялся надъ клятвой святой, —
Такъ прощай же, обманщикъ лихой, Грегори!
Не видаться намъ больше съ тобой...»

О, какъ скоро, какъ скоро она
Къ кораблю добѣжала, а тамъ,
Добѣжавши, всю волю дала
Неустаннымъ, горячимъ слезамъ...

«Золоченную мачту снимите скорѣй —
Деревянной простой мнѣ довольно: не стать
Съ золоченною мачтой по морю везти
Опостыльную мужу супругу и мать».

Грегори пробудился отъ крѣпкого сна
И сказалъ своей мачихѣ онъ:
«Этой ночью все сердце въ конецъ сокрушилъ
Мнѣ недобрый пророческій сонъ.

«Мнѣ приснилось, что Энни Лехроэнъ моя,
Изъ цвѣтовъ ненаглядный цвѣтокъ,

На порогъ стоитъ у моихъ у воротъ
И никто не выпускаетъ ее за порогъ».

— Это вѣдьма — не Энни Лехроэнь твоя —
Замышляла глаза тебѣ сномъ отвести:
Постояла она у твоихъ у воротъ —
Ну, а въ домъ не хотѣла войти».

«Перестань же ты, злостная женщина, лгать,
И умри лютой смертью за то, что ты зла:
Не хотѣла красавицы Энни впустить
И меня разбудить не могла».

Быстро, быстро съ постели онъ всталъ,
И стерпѣть ему было не въ мочь:
Побѣжалъ онъ на берегъ, а Энни его
Отплываетъ отъ берега прочь.

«Энни! Энни! Куда ты, куда?»
Крикнулъ онъ изо всѣхъ своихъ силъ;
Только — ай! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
Тѣмъ быстрее корабль уходилъ.

«Энни! Энни! Куда ты, куда?»
Перемолвись хоть словомъ со мной!»
Только — ай! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
Тѣмъ все выше вздымался прибой.

Вѣтеръ крѣпнетъ и море реветъ,
И корабль закружило собой —
Какъ взглянулъ Грегори, анъ ужъ Энни его
Унесло бѣлопѣнной волной.

Смотрить онъ: и малютка у ней на рукахъ;
Вмѣстѣ ихъ съ корабля унесло...
Поднялъ руки онъ къ верху и бросился вмигъ
Въ клочковатшее моря жерло.

Энни за косу русую крѣпко схватилъ
И примчалъ ее къ берегу онъ,
Да еще не доплылъ, а у ней каждый членъ
Смертнымъ холодомъ былъ следенень.

Цѣловалъ, цѣловалъ онъ ей щеки сперва,
А потомъ пряди косъ золотыхъ,
И тоскливо онъ въ губы ее цѣловалъ,
Да дыханья-то не было въ нихъ.

Цѣлый день проспидѣлъ онъ надъ Энни своей,
Такъ что солнце ужъ сѣло и пала роса...
Тутъ послѣдній вздохъ сердце ему разорвалъ —
И умчалась душа въ небеса...

19 сентября 1861.

ИТАЛЬЯНСКІЙ НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Къ оружью! къ оружью! Разверзлись могилы.
Проснулись былыя, загробныя силы;
Воскресли всѣ тѣни страдальцевъ отчизны —
И нѣтъ укоризны ихъ празднымъ мечамъ.
Вѣнки на ихъ чѣлахъ, а въ сердца ихъ — пламя
Любви къ согражданамъ... Поднимемъ же знамя
Италіи прежней, во имя народа,
И здравствуй свобода — на гибель врагамъ!

Врагъ, Италію оставь ты
Вновь она свободы дочь!
И пока еще есть время,
Убѣгай скорѣе прочь!

Царица цвѣтовъ, вдохновенья и звуковъ,
Побѣдный щитъ предковъ возьми ты для внуковъ

Въка́ сотней узъ на тебѣ тяготѣли;
Но вдругъ загремѣли Леньяно мечи...
Напрасно забылъ ты, коварствуя, нѣмецъ,
Что въ нашей Италіи ты — чужеземецъ,
Что стануть позорны ей, поздно иль рано,
Оковы тирана и всѣ палачи!

Врагъ, Италію оставь ты:
Вновь она свободы дочь!
И, пока еще есть время,
Убѣгай скорѣ прочь!

Зачѣмъ же въ чужомъ поселился ты краѣ?
Домà эти наши; твои — на Дунаѣ;
На немъ твои нивы и сѣмьи, а наши —
Быть можетъ — и краше, да нужны самимъ...
Два моря и Альпы — Италіи грàни:
Скорѣй же огнемъ и желѣзомъ, граждане,
Пробьемъ Аппениновъ упорную грудь,
И знамя повсюду свое водрузимъ!

Врагъ, Италію оставь ты,
Вновь она свободы дочь!
И, пока еще есть время,
Убѣгай скорѣ прочь!

Будь нѣмы уста и будь быстры десницы —
И врагъ намъ очиститъ всѣ наши границы,
И кончится власти намъ чуждой безчинство:
Гдѣ мысли единство, тамъ нѣтъ пришлецовъ!
О рабствѣ позорномъ не будетъ помина;
Народъ итальянскій сольется въ едино,

И вольно задышать одною душою
И жизнью одною всё сто городов!

Врагъ, Италию оставь ты:
Вновь она свободы дочь!
И, пока еще есть время,
Убѣгай скорѣе прочь!

1862.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Съ греческаго.

АНАКРЕОНЪ.

	Стр.
Вступленіе	7
—	
Къ лиръ	17
Женщинамъ	18
Эротъ	19
Самому себѣ	21
Къ розѣ	22
Пирь	23
Къ Эроту	24
Сонъ	25
Къ голубкѣ	26
Къ восковому Эроту	28
Самому себѣ	29
Косаткѣ	30
Самому себѣ	31
Къ Эроту	32
Самому себѣ	33
Самому себѣ	34
Къ серебряной чашѣ	35
На тотъ же предметъ	36
Должно пить	38

	Стр.
Дѣвущкѣ	39
Самому себѣ.	41
Вавиллу	42
Къ золоту	43
Самому себѣ.	44
Самому себѣ.	45
Самому себѣ.	46
Вакху.	47
Къ гетарѣ	48
Вавиллу	50
Эротъ.	52
Любовницамъ.	53
Косаткѣ	55
Дѣвущкѣ	56
Европа	57
Беззаботность	59
Самому себѣ	60
Самому себѣ.	61
Эротъ.	63
Пиръ	64
Самому себѣ.	66
Кузнечикъ	67
Сонъ	68
Стрѣлы Эрота	69
Любовь	70
Старцу	71
Пиръ	72
Къ картинѣ	73
Діонису	74
На дискъ съ изображеніемъ Афродиты	75
Сборъ винограда.	77
Розѣ	79
Самому себѣ	82
Влюбленнымъ.	83
Старость	84
Умѣренность	85
Эротъ	86

	Стр.
Артемидъ	87
Фракійской кобылицъ	88
Надписи, эпитафiи, эпиталамы и отрывки	89
—	
Замѣтки объ Анакреонѣ	99

ФЕОКРИТЬ.

Рыбаки	115
Обѣтъ	119
Амариллина	121
Дѣтство Алкида	125
Алкидъ — побѣдитель льва	128
Волшебница	139
Сиракузянки	148
Нохтитель меда	158
Къ статуѣ Анакреона	159

Съ англійскаго.

МИЛЬТОНЪ.

Потерянный рай:

Изъ первой пѣсни	163
Изъ четвертой пѣсни	167

БАЙРОНЪ.

Изъ «Чайльдъ Гарольда»	177
Лондонской дѣвушкѣ	180

Съ нѣмецкаго.

ШИЛЛЕРЪ.

Прощаніе Гектора	185
Ожиданіе	187
Амалия	190
Альпійскій стрѣлокъ	191
Руссо	194

	Стр.
Вечеръ	195
Графъ Эбергардъ Грейнеръ	196
Пуншевая пѣсня	200
Пуншевая пѣсня — для Сѣвера	202
Замѣтки	205

ГЕТЕ.

Пѣсня Миньоны	208
<i>Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ.</i>	210

ГЕЙНЕ.

Пѣсни	211
Intermezzo	218
Дѣла	223
Лорелея	226
На море	228
Несовершенство	231
Оглядка	233
Лѣсная тишь	235
Ангеламъ-хранителямъ	241
Морской призракъ	243
Аполлонъ	246
Царь Рамсенить	252
Фирдуси	256
Фитцлицуцли	263
Мавританскій халифъ	287
Испанскіе Атриды	290
Пфальцграфиня Ютта	301
Два гренадера	303
Помаре	305
Шельмъ фонъ-Бергенъ	309
Іегуда-бенъ-Халеви	312

Съ французскаго.

ШЕНЬЕ.

Аммимона	343
--------------------	-----

БЕРАНЖЕ.

Грушенька	345
Двѣ сестры милосердія.	347
Жакъ	349
Въ день именинъ моего доктора.	352
Мой челнокъ	354
Домовые Монлери	357
Пять этажей	359
Аннеточка-Аннетка	361
Сглазили	364
Фортуна	366
Народъ помнить	369
Похвальное слово каплунамъ.	372
Мой кафтанъ	376
Маркигантка	378
Старого платья продать.	381
Рыжая Жанна.	386
Мой уголокъ	388
Школьный учитель.	390
Кошка.	392
Свободный	394
Метла	396
Сосѣди.	400
И быть тому	401
Метампсихоза	403
Звонарь	406
Новый Діогенъ.	409
Скоморохъ	412
Родительская суббота	415
Зима.	417
Мимо красавицы, мимо	420
Снова-снова	422
Простолюдинъ	424
Мое призваніе	426
Дивъ-покровитель	428
Комаръ.	431

	Стр.
Завоеватель и старецъ	433
Цвѣточница и могильщикъ	436
Голубь-вѣстникъ	438
Господамъ ценсорамъ	441
Посѣщеніе гартара	444
Счастливая чета	449

Викторъ Гюго.

<i>Самка?—попалася въ клетку</i>	452
Турниръ короля Іоанна	453
<i>Спросили они: какъ въ летучихъ челнахъ</i>	458

Дюпонъ.

Солнечный лучъ	459
--------------------------	-----

Густавъ Надо.

Адель	462
Несчастный мужъ	465
Городокъ	468
Двое	471
Признаніе	473
Вотъ—почему я холостой	475
Урсула	478

Съ польскаго.

Мицкевичъ.

Pieszczotka moja	483
Свитезянка	484
Вилія	490
Разговоръ	492
Пани Твардовская	493
Ренегать	498
Пѣсня	500
Облава. (Изъ «Пана Тадеуша»).	502

	Стр.
СЫРОКОМЛЯ.	
Горсть пшена	515
Панъ Марекъ въ аду	523
Иллюминація	533
Грузинкѣ	541
Невинной душкѣ	542
Корольки	543
Краковецъ въ Литвѣ	545
Украинкѣ	547
Прежде было лучше	549

—

БОГДАНЪ ЗАЛЕСКІЙ.

Ледяная	551
Двѣ смерти	553

—

ОДЫНЕЦЪ.

Дѣвушка и голубь	554
----------------------------	-----

—

РЕУТЬ.

Жена. Бѣлорусская сказка	556
------------------------------------	-----

—

ХОДЗЬКА.

Молодецъ	567
--------------------	-----

—

СЪ УКРАИНСКАГО.

ШЕВЧЕНКО.

Вечеръ	571
Платокъ	572
Батрачка. Повѣсть	575
Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки»	594

—

ЩЕГОЛЕВЪ.

Пѣсня	619
-----------------	-----

—

Народныя пѣсни.**Русныя.**

<i>У сосѣдки сынъ молодчикъ</i>	623
<i>Что это не слышно Наны голосочка?</i>	625

Моравскія.

<i>У молодки Наны</i>	626
<i>Лучше куколя пшевица.</i>	628
<i>Тянька-голубчикъ, идѣ моя родная</i>	629

Волынскія.

<i>Въ полѣ широкомъ жельзомъ копытѣ.</i>	630
<i>Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ.</i>	631
<i>Пѣтъ и пляшетъ казакъ.</i>	632

Шотландская.

<i>Энни Лехрсэнъ</i>	634
--------------------------------	-----

Итальянская.

<i>Итальянскій народный гимнъ.</i>	640
--	-----

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3337

.M4

1862

t.3

